中国当代中短篇小说选集

СОВРЕМЕННАЯ КИТАЙСКАЯ ПРОЗА

ЖИЗНЬ КАК НАТЯНУТАЯ СТРУНА

Антология составлена Союзом китайских писателей

Москва
«АСТ»
Санкт-Петербург
Arabesque-Books — Астрель-СПб

УДК 821.58
ББК 84 (5Кит)
С56

Дизайн обложки *Ю.С. Межовой*

Современная китайская проза. Жизнь как натянутая
С56 струна: антология составлена Союзом китайских писателей — М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2007. — 543, [1] с.

ISBN 978-5-17-047193-5 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-9725-0975-1 (ООО «Астрель-СПб»)

Политика реформ, проводимая китайским правительством в последние тридцать лет, не только вывела эту страну на уровень одной из лидирующих мировых держав, но и серьезно повлияла на образ жизни, психологию и мировоззрение китайцев. Это относится и к китайской литературе, влившейся в эти годы в мировой литературный поток, воспринявшей и оригинально переработавшей жанры и идеи, популярные на Западе. И тем не менее, китайские авторы сумели в полной мере сохранить всю прелесть национального своеобразия.

УДК 821.58
ББК 84 (5Кит)

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 01.07.2007.
Формат 84×108¹/32. Бумага газетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 28,56. Тираж 3000 экз. Заказ 2475.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.2007 г.

ISBN 978-985-16-2988-2
(ООО «Харвест»)

Приветствие по случаю выхода в России Антологии современной китайской прозы

Китай и Россия — соседи по воде и суше, наши народы связывает давняя дружба, литературные связи двух наших стран можно проследить до глубокого прошлого. От Пушкина до Есенина, Мандельштама и Ахматовой, от Достоевского, Толстого и Чехова до Горького и Солженицына — все эти имена прекрасно известны китайскому народу.

Знакомство с русской литературой в Китае началось достаточно давно и никогда не прерывалось. С начала XX века в Китае было переведено множество произведений русской литературы, включая практически все крупнейшие работы. В последние годы вслед за дальнейшим развитием культурного обмена между нашими странами постепенно увеличивается количество российских произведений, переведенных на китайский язык. Сегодня почти во всех книжных магазинах Китая можно найти книги российских писателей. В китайских театрах сегодня по-прежнему ставят пьесы Чехова. Русская литература серьезно повлияла на целое поколение китайских писателей и читателей и до сих пор пользуется популярностью у широкой аудитории.

В результате совместных усилий литераторов и китаеведов двух стран китайская литература также получила определенное распространение в России. Особенно много прекрасных произведений было переведено и издано на русском языке после создания нового Китая в 1949 году. Таким образом, россияне смогли глубже и полнее понять духовный облик и такие характерные черты китайского народа, как любовь к труду и миру.

Один уважаемый мною поэт говорил, что близость нации к литературе определяет степень ее цивилизованности. А Китай и Россия испытывают к литературе давние и глубокие чувства.

В 2006 году в Китае вышло несколько сборников новейшей российской прозы, что стало драгоценным даром российских писателей и китайских переводчиков Году России, проводившемуся в Китае. Тем самым мы ощутили живую жизненную силу и высокие художественные достоинства современной русской литературы. Теперь, в Год Китая в России, мы дарим российским читателям несколько сборников современных китайских повестей и рассказов. В эти антологии вошли более тридцати репрезентативных произведений самых выдающихся писателей Китая, которые сравнительно полно отражают путь развития современной китайской литературы, особенно после начала проведения в стране политики реформ и открытости. Эти китайские писатели отличаются и по возрасту, и по своим художественным устремлениям. Их острое и смелое понимание действительности, погружение в глубину человеческой души, твердая вера в светлое будущее, а также мастерское владение языком и прекрасный литературный стиль составляют неотъемлемую часть современной китайской литературы. Я надеюсь, что появление этих сборников поможет российским читателям лучше понять перемены в обществе и экономике Ки-

тая, почувствовать сложную, многоликую жизнь и настроения современных китайцев, ощутить содержательное богатство новейшей китайской литературы. Я верю, что представляемые нами сборники современных китайских повестей и рассказов станут прочными мостиками дружбы между китайским и российским народами. Я также надеюсь, что они будут способствовать достижению новых высот в литературном обмене между нашими странами. Пользуясь случаем, выражаю свою искреннюю благодарность российским переводчикам и издателям за профессиональное мастерство и душевные усилия, вложенные в подготовку этих книг!

Те Нин,
Председатель Союза китайских писателей
29 июня 2007 года

歌声好像明媚的春光

ВАН МЭН

ПЕСНЯ ЛАСКОВА, КАК СОЛНЕЧНЫЙ СВЕТ ВЕСНОЙ

1

В последние годы прошлого тысячелетия в нашем городе, неподалеку от генконсульства России открылся ресторан русской кухни западного образца. Я не собираюсь разглагольствовать о тамошней стряпне, но, как бы там ни было, вы уже не покушаете в Пекине так, как в пятидесятых годах.

Тогда все это было для нас в новинку, и мы специально ходили в только что открывшийся на советской выставке ресторан «Москва», чтобы съесть невероятно вкусный и доступный по цене обед за два пятьдесят (теперь он называется «комплексный»). В те времена самый дешевый «советский обед» стоил полтора юаня, а самый дорогой — пять. За пять юаней давали салат с красной икрой или с крабами, был московский борщ или украинский борщ, были куриные котлеты по-киевски со сливочным маслом или жареный карп, были блинчики с вареньем или пирожные трубочки со сливочным кремом, напоследок подавали кофе с мороженым или кофе глясе. При этом мороженое подавалось в серебряных металлических

розеточках. Серебро иногда было тусклым, а иногда ярко блестело, и блеск этот создавал атмосферу роскоши и великолепия.

Официантками там работали русские девушки в народных косынках и блузках с юбками, все были полные и крепкого телосложения, ладные и стройные, «кровь с молоком» — жизнь прямо-таки бурлила в них!

В те времена молодых официанток называли «девушками», а теперь их все зовут «барышнями», а на северо-западе Китая их по сей день называют «ятоу» — служанками.

Колонны в ресторане «Москва» были украшены узором из шестигранных снежинок и длинных беличьих хвостов. Не знаю почему, но, войдя впервые в этот зал, я так разволновался, что чуть было не расплакался. На самом деле войти в этот зал было не так-то просто. Почти любое блюдо было дефицитом, и сначала нужно было получить номер, а потом ждать, сидя в фойе ресторана, устланном роскошным ковром, на великолепной софе, набитой пышным лебяжьим пухом, но с твердой спинкой. Ждать, когда твой номер громко назовут.

Но и в самом этом ожидании уже было такое неизъяснимое наслаждение, что казалось, словно попал на небеса. Ведь ресторан носил гордое название «Москва», и только здесь можно было отведать напитки и кушанья из великого СССР, и кроме всего прочего, это было удивительно красивое место! А пока сидел и ждал, русская барышня подносила стакан — и тут непременно надо сказать, что когда русские девушки обслуживали, то я чувствовал себя самым счастливым человеком на свете, я чувствовал, что алая кровь героев революции была пролита не зря, что рай на земле уже принадлежит моему поколению людей.

Но когда в конце двадцатого века в этом городе на берегу Янцзы открылся так называемый западный ресторан русской кухни, меня сразу же начали одолевать сомнения. Ничего не

поделаешь — как говорится, цветы все равно опадают, а некогда знакомые птички-ласточки прилетают обратно. Ресторан расположился в небольшом доме, в котором раньше был магазин товаров для горных деревень, или лавка товаров повседневного спроса — короче, «товары для быта». Однако многие читатели, которым полюбились сочинения писателей из Шэньси, посчитали слово «быт» низкопробным. На крыше дома было вывешено несколько полотен грубого холста, которые реяли над головой, как корабельные паруса. За дверью скрывалось несколько помещений. Внутри на возвышении находились три ложи, наподобие театральных; банкетные столы были прямоугольные, за каждым помещалось шесть человек. В самом зале были расставлены разнокалиберные столики и непонятного назначения деревянные чурбаны, сверху чисто отполированные. Импровизированный помост из чурбанов окружал сцену, а освещали ее гирлянды красных и зеленых огней и две большие яркие лампы. Перед сценой была крошечная площадка для танцев — помещалось на ней не больше двух пар одновременно.

Если свернуть направо, то можно снова подняться наверх, но там уже были не ложи, а несколько квадратных столиков. Вход размещался в самом низу, который я назвал бы «дверной ямой», по аналогии с оркестровой. В слабом и тусклом свете ламп, если бы на стенах не были развешены написанные маслом картины с изображением березок и волжских пейзажей, то я никогда бы не подумал, что это ресторан русской кухни.

В этом ресторане борщ был жидковат и пресен, а среднеазиатский шашлык из баранины горек на вкус и пахнул дымом — гораздо хуже синьцзянского шашлыка. Сливочное масло было мягким и вязким, а водка — чересчур сладковатой и недостаточно крепкой.

Однако барышня из ресторана сказала мне, что у них на кухне работают настоящие русские с иностранным гражданством.

Их квас еще мог всколыхнуть память о китайско-советской дружбе пятидесятых годов своим медовым ароматом и хлебным вкусом, и мог навеять воспоминания о песенке «хэй-ла-ла». Когда-то ее распевали так:

Хэй-ла-ла-ла, хэй-ла-ла-ла
Хэй-ла-ла-ла, хэй-ла-ла-ла.
На небе взошла красная заря,
На земле расцвели красные цветы.
Могучая сила китайского и советского народов
Разгромила американские войска...
Китайский и советский народы единством крепки.
Выполют с корнем империализм,
Его выполют с корнем!

Здесь у меня появились сомнения: может быть, в песне были слова «Могучая сила китайского и корейского народов», ведь тогда на корейском полуострове лилась кровь и кипели бои. Однако эта песня воспевала китайско-советскую дружбу в то время, как же иначе?

Одно несомненно: здесь была небольшая группа музыкантов из России, трое мужчин и одна женщина, они играли на электронных и ударных инструментах, но самым примечательным в этой группе был голос певицы, когда она выступала соло. Ее пение делилось на две части: до девяти часов вечера она в основном пела известные китайским посетителям русские песни, популярные в Китае в пятидесятых годах, ежевечерне обязательно были «Катюша», «Хороши весной в саду цветочки», «Калина», иногда еще «Ночь в порту» и «Огонек». «Огонек» был тогда популярен в исполнении Глазунова, в нем рассказывалось, как во время советской отечественной войны краснофлотец, уходя на фронт, увидел, что в окне любимой девушки горит огонек. Это была звонкая песня, скажу я вам, с глубоким чувством. Он пел ее так же звонко и пронзительно, как Паваротти. Конечно, голос у него

был послабее, но, по сравнению с Паваротти, трогательнее, эмоциональнее, печальнее и даже трагичнее. По моим впечатлениям, русские тенора звучат помягче итальянских. Я верю, что хотя на историческом пути России выпало много жестокостей и страданий, по сути своей русские мягкосердечны и романтичны, и я, только из опасения совершить дипломатическую ошибку, не стану утверждать, что русский характер мягкий.

В ресторане пели до половины одиннадцатого, потом устраивали перерыв. Раньше я бы просто сказал «отдых», а теперь мне особенно хочется употребить английское словечко «брейк», которое и означает перерыв, а вот на сучьем лае пиджин-инглиш может значить и «поранить», и «поломать», и «покалечить», и «повредить». Почему понятие отдыха связано с такими негативными смыслами, я не понимаю.

После перерыва на десять с лишним минут певица переодевалась в вечернее торжественное платье с открытыми плечами и спиной и начинала протяжно петь популярные советские песенки, которые несколько лет до этого исполняла Пугачева. Я знаю: раньше Пугачев был вождем крестьянского восстания, его описывал Пушкин в «Капитанской дочке».

В кинофильме «Свердлов» тоже была песня о нем. А потом женщина с той же фамилией стала звездой-певицей последних советских десятилетий. Она пела о прекрасном, о счастье и о тоске, ее голос был такой родной и близкий, и бесконечно далекий, волнующий и загадочный.

Будь я самым-самым модным из современных писателей, то они смогли бы поспешно объявить, что популярные песни новейшей формы — это голос чувств, это призыв к любви, это томление, желание, страсть, это вездесущее воззвание пола, которому нет цены; оно, наконец, открывает как новейший символ новой эры китайскую современную литературу и искусство. И даже если я готов видеть весь мир через призму секса, готов передавать описанием всего сущего могущество

полового влечения, я не воспринимаю все сущее исключительно как секс и не заключаю все сущее вовнутрь мужских и женских исподних штанишек. Я готов преображать секс в поэзию, но не готов поэзию преображать исключительно в секс; я согласен понимать эти песни как солнечный свет весной, одухотворяющий все сущее в мире магической жизненной силой, половой силой и благодатным тонким дождиком, теплым и ласковым светом, озаряющим и расплавляющим человеческие сердца, а не ограничиваться только тем, что находится промеж ног: ведь со времен Симэнь Цина и Пань Цзиньлянь здесь ничего нового не появилось, и даже поспешу сказать, что органы у важного чиновника Симэня и матушки Пань были куда круче.

Но не стану отвлекаться на пустяки, а лучше продолжу. Итак, этот ресторан назвали «Катюша».

Замечательное название: с таким названием дела у заведения явно пойдут в гору и успех ему обеспечен. Вот я, например, каждый раз захожу сюда прежде всего ради имени Катюши, ради этой песни и ради тех воспоминаний о тех далеких годах, с которыми эта песня связана.

2

Пришла пора заговорить о нашей главной песне: не о главной теме и не о главной мелодии, а о главной песне «Пряха». Здесь есть некая сложность, писательская оплошность: говорил-говорил о «Катюше» и вдруг обратился к «Пряхе». Но что же поделаешь, я в этом своем рассказе не могу наводить порядок в бескрайнем океане советской песни и не в силах ее упорядочить. Перед сложностями жизни и истории связанная структурной композицией литература для занимательного чтения частенько не знает, как и поступить.

Здесь я говорил о «Катюше» вовсе не потому, что несколько лет тому назад я как безумный заучивал ее как наипервейшую советскую песню. Тогда в давние годы заучивали «Катюшу», «Слава Сталину», патриотические марши, «Каким ты был, таким ты и остался»...

Песня «Пряха» на землю Китайской Народной Республики добралась зимой 1956 года, тогда Сталин уже давно умер, только-только произошли венгерские и польские события, китайско-советская дружба достигла своего пика и рухнула, СССР в глазах китайской молодежи уже начал девальвироваться и слой за слоем стал утрачивать свой ослепительный облик. Вот тогда в одном из номеров журнала «Гэцюй» опубликовали русскую народную песню «Пряха», которую было легко петь и легко запомнить. Слова ее в китайском переводе были такие:

В низенькой свете-елке
Огоне-ек горит,
Молодая пря-яха
У окна си-идит.
Прядет моло-одая
Сидя у окна-а...

Здесь дефисом показано протяжное ведение голоса в ударном слоге. Первый куплет «Пряхи» поется так ласково, так просто и с таким глубоким чувством, так ровно, задумчиво и трогательно... Мне казалось, что пряха живет в степи, что рядом с ней растут высокие деревья на берегу самого глубокого озера в мире, Байкала, что пение доносится издалека, и поющий голос пролетает над озерными волнами, над березовой рощей и над степью, преодолевает ветра Сибири и долетает до Китая; следующая строка — молодая пряха откликается, отзывается, волнует, и я как будто увидел девушку-пряху, которая на минутку отвлекается от своей работы и поднимает голову, и кажется, словно она вот-вот зарыдает

горючими слезами, что душа ее плачет... Мне хочется сказать, что она страдает и не скрывает от мира своих слез. Ей даже хочется объявить о себе всему миру. Но что же именно? Объявить, что девушка-пряха у окна сидит? Можно ли это объявление сравнить с провозглашением октябрьской революции, или вторжением фашистской Германии, или с разоблачением фактов на двадцатом съезде советской компартии, как нечто более важное и торжественное? Кто ранил ее сердце, что заставляет ее плакать? Какую рану она получила? Почему песня так щемяще пронзительна, взлетает к небесам и пронзает землю? Страдающая Россия! Ах, Русь...

Когда я сам, читая ноты, запел эту песню, меня сразу же тронула и взволновала эта предельно простенькая песня, меня растрогала любовь к России, чистота России, наивность России — почему я прочувствовал, что русские наивны и доверчивы,— я не смогу ответить,— Россия изранена, дэ-ласы-ци вам, здравствуйте... ранена...

Когда я пел эту песню, то вспомнил, что прежде как будто уже слышал эти слова и этот мотив. Эту историю я еще расскажу вам.

Я думаю, что я всегда любил эту страну, эту нацию и этот народ, пусть даже Сталин по ошибке уничтожил множество людей, пусть даже Хрущев клеветал и врал, пусть даже автор «Молодой гвардии» застрелился, пусть даже западные державы бранят ее, исходя кровавой собачьей слюной, пусть даже китайская компартия не уважает ее, не слушает и игнорирует ее, а ее так называемая передовая техника — всего лишь грубо склепанные игрушки, но зато ее песни так приятно слушать. Нация, которая поет такие чистые и такие волнующие песни, всегда будет любима, я полюбил ее навек. Мне нравилось в ней все, даже ее недостатки. И пусть ее товары некрасивы и неказисты,— от этого тоже щемит мое сердце, как и от этой песни о девушке-пряхе. Но если бы эта девушка была свободной и счастливой, сверхсовременным человеком,

известной моделью, или же сексапильной звездой с обложки глянцевого журнала «Хуахуа гунцзы»; если бы ее избрали мисс округа, мисс города, мисс страны, вплоть до мисс шара земного, если бы она захотела употреблять наркоту и употребляла, если б захотела тусоваться и тусовалась, если б захотела бунтовать и взбунтовалась, если б захотела однополой любви и залесбиянстовала, захотела б путешествовать и поехала в кругосветку, в особенности если бы она захотела разбогатеть и крупно разбогатела, сняла бы в Голливуде классический фильм и выручила бы несколько десятков миллионов для тугой мошны в американских долларах, а не в обесцененных, презираемых, падающих рублях... Скажите, стал бы я тогда любить ее?

3

Основная тема — песня «Пряха», прелюдия — «Катюша».

«Катюшу» меня учил петь Люй Мин. Это было осенью 1946 года, мне было двенадцать лет, я учился во втором классе первой ступени средней школы, а Люй Мин был во втором классе высшей ступени. Хотя я тогда был еще очень юным, но только что отличился в городских соревнованиях учащихся средних школ по риторике и стал немного известен в школе. Люй Мин был в этой школе известен как выдающийся игрок в бейсбол — на самом деле вовсе не потому, что он играл замечательно, хотя, конечно, мячом он владел прилично,— но главное, он был толстяк, маленький коротышка, смешливый, живой и веселый, даже когда проигрывал. Легким характером и радостной улыбкой он покорял сердца, и все его любили. Он походил на крохотного смеющегося Будду Омитофо. В целом мы двое, большой и малый, в школе так и считались третьим и четвертым номерами в

команде, а до пятого и шестого номеров не доросли. Тогда после обеда я стоял на стадионе, и вокруг не было ни души. Почему я был на стадионе? Почему вокруг никого не было? Теперь я уже не помнил об этом, но он спросил меня:

— Ты что сейчас читаешь?

Я ответил ему словами, которые до сих пор отчетливо помню:

— Я думаю о левом уклоне.

Люй Мин как раз и был подпольщиком-коммунистом.

Однажды я вместе с одним писателем, который был моложе меня на год и точно так же подвергся гонению в 1957 году, беседовал с иностранным специалистом. Я сказал, что в ходе народной революции многие китайские писатели подверглись влиянию левого уклона, стали леваками, и трагедия в том, что после победы революции писатели, носители левого уклона в революции, подверглись множеству невероятных испытаний, которые осуществлялись от имени революции. Мой коллега тотчас заявил, что он никогда не был в левом уклоне. Разница у нас в один год только, а он вообще не понимает изначальный смысл левого уклона, так как же я перед лицом иностранца расскажу ему об истории китайской революции? Не съешь, не проглотишь, как говорится.

— А другие как же?

Люй Мин начал с горячностью просвещать меня насчет коммунизма.

Одновременно он дал мне листок с песней «Катюша».

«Ля-си-до-си-до-до-си-ля-си-ми»... Я никогда раньше не слышал подобной мелодии, она растрогала меня. В то время я умел петь «Вся река красна», песню Хуан Цзы и Хэ Лутина, пел «Печальный осенний аромат» и «Я молодой». Я напевал постоянно, как благопожелание на счастье. В то время приходили популярные мелодии, трогательные и душещипательные, в них звучали весенние чарующие ритмы, которых

я раньше никогда не слышал, это был для меня иной мир, совсем другая музыка...

Другой, другой, другой — нет никого, кто так бы мечтал о чем-то другом, как молодые люди. А в словах этой песни было что-то для меня неслыханное и невообразимое; все вокруг наполнено яблонево-грушевым цветом, а река покрылась нежной и мягкой пеной — вот что именуется нежностью, и кажется, что только это и можно назвать нежностью. На береговом боевом посту такая песня, как солнечный свет весной, о мое небо! Весенний свет и есть поющий голос, прорастание всего сущего, поющий голос и есть таяние снегов и льдов, возвращение зеленых трав, распускание цветов, возвращение ласточек под кровлю на балки. Мы привыкли слышать женские имена: Мэйчжу — прелестная жемчужина, Шулань — беспорочная орхидея, Юйфэн — яшмовая красавица, Сююнь — прелестное облако, а также такие слова, как «персик», «аромат», «абрикос», «красота», «цветок», «Луна». Много раз слыхали, как искали нефритовый браслет, ожидали Луну под крышей западного флигеля, раскрывались алые персиковые цветы румянцем на женских лицах, служанка Ду Шинян в гневе топила шкатулку с драгоценностями, а Цзинь Юйну била неверного жениха — наслушались этаких рассказов, и вдруг услышали пение про прекрасную, как весенний свет, девушку по имени Катюша, которая была опорой левого красного бойца первого социалистического государства в мире. Ну как же тут не прослезиться, не расплакаться чистыми слезами, как под свежим дуновением весеннего ветра, как от вкушения чудесной сладкой утренней росы, словно ты обретешь с нею новую жизнь! Мне уже двенадцать лет, я уже упоен весенним солнечным светом, пением, яблоневым цветом, речными берегами, бойцами, СССР и коммунизмом, и вот теперь все это вместе какой-нибудь легкомысленный несознательный юнец запоминает, как зазубренную дребедень, которую вдолбили ему в голову. Что же

это за сознание такое? Это волнение и грезы, вызванные весенним солнечным светом, людской толпой и движением, независимостью и свободой, и все это сконцентрировалось и воплотилось в одном имени Катюша, в ее музыкальной образности. Я будто воочию тогда увидел здоровье и свет Катюши, верность и искренность, радость и веселье, влюбленность, простоту, грацию; на склоне сопки, на речном берегу она ходит, и танцует, и поет... Ее тело белоснежно, как яблоневый цвет и чистейшая пена, и я увидел живую, отважную, беспорочную, как белая яшма, русскую девушку, и вот она была Катюшей!

Я верил, что именно она — мой сон, моя любовь, мое счастье. Она нужна мне, ах это мое великое потерянное бессознательное состояние! Я чувствовал, как в жилах кипит кровь, я ощущал, как громко в груди бьется сердце, я был одержим хмелем чувства, прекрасным, как сама поэзия.

И с тех пор моей любовью стал СССР, то есть Россия, то есть Катюша, то есть озеро Байкал, то есть река Дон, то есть белые березы и степь... тургеневские Лиза и Елена, а еще Тоня из «Как закалялась сталь» и Нина из книги «Первая должность» Антонова. Потом я подумал, что Катюша должна была быть младшей сестрой Наташи из советского кинофильма «Падение Берлина», потому что в моем детском воображении моя Катюша была моложе, а также здоровее, красивее и непорочнее. Я не Платон, не христианский аскет и не буддийский монах, однако для меня моя юность и весенний свет воплощаются отнюдь не в телесных усладах и сексуальных приключениях, а приходят из революции, из Союза Советских Социалистических Республик, от литературы, поэзии, звездного неба, грушевого цвета, речных берегов, от туманов и песен — я узнаю о том, и я радуюсь этому, конечно, без печали и покаяния. Веселье и беззаботность — это лозунг жизни и лозунг вечной молодости — не имеет отношения к исторической обличительной критике и не имеет отношения к практике как единственному

критерию истины, к самопокаянию и ко гневным требованиям раскаяния от других людей — тем более не имеет причастности. Если же выбирать между Платоном и старым хряком, между революционером и старой гнилушкой, то я, конечно же, предпочту выбрать первых.

4

Здесь есть и давление культуры, и половая застенчивость юнца. Полная открытость, такая же, как и полная нагота, перестает быть привлекательной. Посмотрите и подумайте: если вы весь день все двадцать четыре часа будете на все лады разглядывать и обнюхивать мужские и женские половые органы, то это всего лишь на 360 градусов гинекология или урология. Неужели же это действительно так интересно?

В 1949 году накануне основания государства мне посчастливилось посмотреть на сцене выступление Московского балета Большого театра. Тогда СССР впервые прислал в новый Китай делегацию дружбы; главой делегации был почитаемый мною писатель Фадеев, а его заместителем — Симонов. Тогда я впервые увидел балет, и я никогда не забуду прелестные ножки балерины, порхающей по сцене, словно фея. Исполняли отрывки из балетов «Лебединое озеро» и «Жизель». Зрители сидели словно завороженные. Тогда я уже нагляделся на свои собственные уродливые кривые ноги и на ноги в форме буквы X, на узловатые, как корневища лотоса, ноги (то толстые, то потом вдруг сужающиеся), на толстые и жирные ноги, на высохшие ноги, на вывернутые в разные стороны ноги; я также не могу не коснуться сутулых спин моих любимых соотечественников, кривых поясниц, генеральских пуз... Почему здесь у нас только люди узкоплечие, с поникшими головами считаются красивыми? Даже в самых прекрасных спектаклях

китайского театра, когда на сцену выходят и шэн, главный герой, и дань, положительная героиня, и цзин, маска, и мо, второй герой, и чоу, комик, клоун — нет среди них ни одного, кто бы ступал, гордо выпрямив грудь. О наши жалкие тела, несчастные из поколения в поколение! Наконец-то я увидел здоровых, выпрямленных людей, с телами, которые можно назвать прекрасными, в особенности ноги. У таких ног есть свой скрытый смысл, это уважение к человеку и его самолюбие, ум и сила человека, жизненная сила, веселье и красота жизни. Какое невероятное счастье, наверное, гладить и целовать такие ножки, а уж тем более жить с женщиной, обладательницей таких прекрасных ног!

В день, когда я посмотрел балет, я окунулся в мечтания и грезы и думал, что, будь я по возрасту хоть чуточку постарше, я бы непременно женился на русской девушке, на Катюше, или на Наташе, или на Любови, или на Светлане. Я непременно хотел жениться на советской, я хотел наслаждаться просторами СССР, его здоровьем, его полнотой, свежестью и пылом.

Много позже, когда я стал старше, и когда китайско-советские отношения уже не были столь безоблачными, эти ребяческие наивные мечтания обратились в мыльные пузыри. От Катюши и до Наташи, до балерины и до пряхи — это был совсем не беспечальный путь, и он доставил немало душевных терзаний. Разве это не имеет отношения к истории и к злополучной судьбе мирового коммунистического движения? Крах СССР — это и мой крах, сталинские злодеяния и хрущевское легкомыслие, а также ревизионизм в СССР или, наоборот, застой затмили мой здоровый и беспорочный женский облик Катюши, Наташи, Дуни, Лизы, Елены и Нины. Путь неба непостоянен, история несправедлива, людские сердца неверны, и когда обернешься, чтобы взглянуть на прошедшее, кто сможет понять и кто сможет простить?

5

В 1955 году я приехал на самую крупную ткацкую фабрику в должности секретаря комитета комсомола. На фабрике было много работниц, и обычно должность комсомольского секретаря занимала женщина. Но, по слухам, прежний секретарь и заместитель секретаря (обе они были передовиками труда во всекитайском масштабе) не на шутку разругались друг с другом. Руководство парткома посчитало, что двум «товарищам женщинам» будет нелегко сотрудничать, и выбрало меня, красавца с безупречной репутацией. Наша фабрика была одним из важных объектов первого пятилетнего плана, объектом помощи ленинградской ткацкой фабрики «Красный октябрь» из СССР. Фабрика «Красный октябрь» прислала, чтобы обучить нас, полный набор технического и управленческого персонала, от уровня предприятия и до цехового уровня, от уровня главного инженера и технолога до уровня главного бухгалтера и лаборатории. Весь этот персонал, помогающий Китаю, мы все с большим уважением именовали советскими специалистами, но в нашем городе не было специального рабочего кабинета для специалистов и специального жилого корпуса для специалистов.

Здесь я хочу сказать о Екатерине Смирновой. Она была советским специалистом и занимала на нашей фабрике должность заместителя главного технолога. В первый же день после моего приезда на фабрику я встретил ее в комитете комсомола. Пост молодых контролеров нашего комитета готовился организовать на фабрике выставку бракованных изделий — это тоже было частью передового опыта работы комсомольской организации советской фабрики. Товарищ Катя — так ее все называли — только через три недели узнала эту новость. Она была в замешательстве: фабрика, которую

она представляет как специалист-технолог, выпускает бракованную продукцию! Что же ей делать, как же ей исправить эту ситуацию? Она захотела найти меня для переговоров, чтобы закрыть эту «выставку брака». Хотя в те времена мы и СССР, «старший брат», совместно строили фабрику и относились к одному ведомству, взаимно все же соблюдали дипломатию, надлежащую вежливость и надлежащую бдительность. Всякие внешние дела и вопросы дисциплины пугали людей. Сначала переводчик из кабинета специалистов нашей фабрики известил меня, что заместитель главного технолога Катя хочет встретиться, и рассказал о ее возможных планах. Я был возмущен: большая часть наших молодых работниц пришла из деревни, никогда не видели современной промышленности и оборудования, из них не более тридцати процентов съездили в Ленинград на «Красный октябрь» поучиться, но квалификации им все равно не хватало; по сравнению с русскими нашим китаянкам недоставало собранности и энергии, поэтому на многих заводах комсомольские организации проводили выставки бракованной продукции. Так чего же ты, иностранный специалист, приехав сюда, сердишься! Я размышлял о том, как уважительно, но твердо дать отпор главному технологу Кате.

Тогда мне позвонил директор фабрики, а потом секретарь парткома. Тогда как раз и выяснилось, что на китайских предприятиях будет разрабатываться система ответственности директора под руководством парткома, а не «директорское единовластие по советскому образцу». Оба руководителя дали мне указание обязательно уважать мнение советского специалиста, что это не только технический, но и политический вопрос, это принципиально. Я, естественно, поддакивал, но не слишком-то обрадовался.

Не успел я положить трубку после звонка секретаря парткома, как постучали в дверь и вошла Катя. Это была стройная, изящная интеллигентная женщина. Она была одета в черное шерстяное вязаное платье из кашмира. Тогда я еще не

видывал никого, ни из какой страны, в шерстяном платье. Она часто носила кофейного цвета длинную юбку западного покроя и туфли на не очень высоком каблуке. Совершенство ее фигуры изумило меня. Особенно меня восхитили ее каштановые волосы: по сравнению с золотистым, этот цвет гораздо глубже и спокойнее, наконец, блондинки уж слишком похожи на кинозвезд или на кукол. Она носила высокую прическу, несколько похожую на то, что позднее стали называть конским хвостом. На волосах была повязана бабочка из голубого шелка с желтыми цветами. Ее прическа выглядела неприступной высотой, на которую не взберешься. Ее челка распадалась на отдельные прядки, которые вызывали желание погладить эти волосы. Ее тонкие и мягкие ресницы широко распахивались, глаза были широко посаженными, и она совсем не была похожа на переводчицу по прозвищу «кожаный мячик», которая перед ней приехала в кабинет специалистов и у которой было сморщенное некрасивое лицо. Ее глаза были не слишком велики по европейским меркам, уголки их были слегка опущены вниз, и в этих глазах чудились печаль и страдание, мягкость и доброта. По фигуре и одежде ее можно было принять за артистку балета, подобную волшебной фее, и только в приопущенном левом уголке глаза она как бы возвращалась на землю, где ты сам находился. Самым трогательным был ее рот; когда она говорила, ее рот был как полумесяц, а зубы — как лодочки, и этот ротик казался таким наивным и прелестным, что ее хотелось оберегать и еще нежнее любить.

Она заговорила о выставке бракованной продукции, и ее нахмуренные брови были необыкновенно прелестны, в них можно было влюбиться; от таких бровей колотилось сердце и рождалась симпатия. Я тотчас заговорил о китайско-советской дружбе, о знаменитом изречении Мао Цзэдуна «смотреть на Россию как на учителя», громко заявил, что наша фабрика, наша страна, наша партия к советским специалистам относятся с

особым уважением. Я упомянул приезжавшего в Китай с визитом секретаря комсомола СССР Семичастного. И подчеркнул, что о создании молодежных постов контроля и выставке бракованной продукции я впервые услышал именно от товарища Семичастного.

Услышав имя тогда очень уважаемого руководителя комсомола СССР, у которого потом открылись большие перспективы, Катя внезапно покраснела. Она, вероятно, полагала, что я хочу именем советского большого начальника «придавить» ее. Я никогда раньше не видел, чтобы прекрасное лицо женщины покраснело и стало еще красивее. Казалось, что в разговоре я уже захватил инициативу, и я самодовольно, без колебаний заявил: «Исходя из нашего безусловного уважения к советским специалистам и из конкретной обстановки на нашей фабрике, я решил: уже подготовленную за три недели работы выставку бракованной продукции, которая должна была открыться на следующий день, отложить бессрочно».

Она, возможно, не знала, как ответить мне, преемнику китайской долгой культурной традиции, в диалектическом споре, и у нее на лице отразилось сомнение. Слово «отложить» вместо слова «ликвидировать» не давало ей успокоиться. После новых и новых пререканий, поверив наконец, что я не буду проводить выставку бракованной продукции, она постепенно оттаяла, ее лицо осветилось лучезарной улыбкой. Она сказала, что семь лет назад была секретарем комсомольской организации на фабрике «Красный октябрь», у них на предприятии не было освобожденных партийных и комсомольских ответственных работников, работу партии и комсомола выполнял персонал по совмещению.

Когда я услышал это, то очень обрадовался. Я немедленно предложил ей выступить с докладом перед комсомольцами и нашей активной молодежью, рассказать об опыте работы передового ордена Ленина советского комсомола. Такой мой поступок не совсем соответствовал порядку работы,

вроде бы я не должен был вот так сразу попросить советского специалиста сделать доклад. Я должен был сначала согласовать свою идею с китайским руководством, а потом уже и с советским — у них был начальник над специалистами. Но я тогда был так молод, и она также согласилась.

После того как она ушла, я вспоминал ее внешность, ее лицо и, словно мысленно прокручивая назад пленку, отметил вдруг важный момент: когда Катя уже уходила, ее ослепительная безупречная улыбка сменилась горькой усмешкой, и в этой усмешке таилась боль, невыразимое страдание, связанное с возрастом,— так понятное каждой женщине. И меня это тоже огорчало — сам не пойму почему.

Партком не разрешил ей выступать с докладом перед всеми комсомольцами и всем активом, он только разрешил, чтобы присутствовало не более 30 человек комсомольских работников. Я снова и снова созванивался с кабинетом специалистов, и, конечно, переводчик со сморщенным, как кожаный мячик, лицом сказала мне, что наш специалист Катя все еще де-вуш-ка.

Это очень интересно: по-русски — девушка, по-английски — герл, по-уйгурски — кэзы — смысл всегда один. Однако по крайней мере в середине прошлого столетия слово девушка можно было только перевести как «гунян», а герл можно было только перевести словом «нюйхар», кэзы можно было перевести словом «ятоу», и ни в коем случае нельзя было перепутать.

Кате уже было за тридцать, но она еще не вышла замуж. «Маленький кожаный мячик» сказала мне, что в СССР во время войны погибло множество мужчин, и за послевоенные годы пропорции между мужчинами и женщинами не восстановились. Очень многие женщины не могут выйти замуж. Есть рассказ «Девушка Луша», в котором описывается грустная история такой женщины. Как только я это услышал, немедля побежал в книжный магазин и купил сборник рассказов, в

котором была и «Девушка Луша». К сожалению, теперь я уже забыл, кто автор — Антонов или Нагибин, но точно кто-то из этих двух знаменитых мастеров советского короткого рассказа (еще был перевод крупного мастера, но перевод крупного мастера на китайский язык мог бы спровоцировать перебранку, так что пусть лучше переводят просто мастера, и тогда, если мы пренебрежем переводом, ситуация в литературе будет намного спокойнее). В рассказе описывается женщина по имени Луша, у которой война отняла любовь. В одной сцене молодой парень-тракторист воспылал к ней любовью, однако она сознательно сдерживала себя. Страсть пылала, а приличие сдерживало, что было очень нравственно и цивилизованно, и прекрасно, и безопасно, но, когда я это читал, я сильно расстраивался. Я переживал за тех женщин, у которых так сложилась судьба, страдал и горевал за них, и сердце мое не могло успокоиться из-за такой несправедливости Я даже хотел бы, чтобы девушка Луша не была бы такой нравственной. Впоследствии я познакомился не с одной, а со многими прекрасными, умными, достойными уважения, выдающимися и несчастливыми в личной жизни женщинами. Ведь они же — цвет человечества, одухотворение жизни, краса земли, они ведь должны жить лучше всех. Мы должны любить их, уважать их, ласкать их, утешать их и поддерживать их. Мы должны восхищаться ими и обожать их. Я верю, что женщины по своей сути чисты и возвышенны. Как говорится, «вода чиста — в ней рыбы нет». Они одиноки, они беспомощны, они эмоциональны, они романтичны, они деловиты... одним словом, в духовном смысле они смотрят сверху вниз, и поэтому им трудно найти себе надлежащее место в обществе, в центре которого стоят права мужчины. И совершенно никчемные мужчины своими действиями и словами, высокомерно, надменно, снисходительно унижают их и клевещут на них. Некоторые мужчины в больших чинах, едва заговорив о женщинах, сразу же показывают свою песью морду или свиное

рыло. Что же могу сказать я? После культурной революции я женился и часто беседовал с женой на эту тему. Иногда жена выказывала мне молчаливое сочувствие, иногда подшучивала, что, мол, за других стараюсь, а иногда, то ли в шутку, то ли всерьез смеялась надо мной: «Ты выше всех!» Нет, не об этом я думал, я только думал, что жизнь человеческая слишком тяжела, а у женщины особенно, и чем одареннее женщина, тем ей труднее. Мужчина не должен обращаться с ними ни в поступках, ни на словах как двуногая скотина: преступник-насильник, клиент проститутки, владелец наложницы...

Теперь, когда я оглядываюсь назад и рассказываю о Катерине Смирновой, ее ситуация меня печалит и я гораздо лучше понимаю ее взгляд и ее улыбку. Мне тогда был только двадцать один год, она была старше меня, по-моему, лет на пятнадцать, мой русский язык был таким же плохим, как и ее китайский, самые разнообразные документы уже создавали у меня предчувствие, что период «дружбы и любви» в китайско-советских отношениях сошел на нет, как короткий весенний сон, китайские и советские руководители взаимно уже друг у друга «носы не считали носами, а глаза не считали глазами». Надвигается ливень в горах, и дом наполняется ветром, чуткие люди способны его предчувствовать, Китай и СССР уже разошлись по разным дорогам, и это просто дело времени. Мелодии китайско-советской дружбы звучали все тише и тише. Опять же, я сызмальства был необычайно политизированным человеком, и никаких других интересов у меня не было.

Началось собрание комсомольского актива, и Катерина выступила с речью. Через перевод я понял, что она произнесла пустой и несущественный набор стандартных слов, в основном советское бахвальство и пустозвонство. После ее слов у меня сложилось впечатление, что на их фабрике комсомольская организация давно бездействует, а она сама только «по ярлыку» называется комсомольским секретарем.

Однако она рассказала несколько случаев патриотических жертв советской молодежи в период войны, рассказала о трудностях и упорной борьбе ленинградцев в период войны, заставляя меня согласно кивать головой, а всех слушателей — аплодировать без устали.

Содержание речи постепенно выветрилось из памяти. Но я никогда не забуду, как она вошла в комнату собрания в сером суконном пальто. Это пальто не скрывало, а лишь подчеркивало фигуру этой «взрослой советской девушки». В этой одежде была какая-то классическая изысканность. На голове у Кати был повязан пушистый шерстяной головной платок с черными цветами по желтому фону. Головной платок, конечно, уже тогда был старомоден, и я хочу сказать именно о старомодной красоте, ведь ее молодости, ее государству, ее судьбе было предрешено в скором времени уйти в прошлое. Она как раз и была хорошим человеком, уходящим в прошлое, быстрый и поспешный уход манит людей, цветы расцветают, чтобы их сорвали, и надо их срывать, а не ждать, чтобы ломать голые ветви, когда цветов уже не останется. Всякая красота и прелесть существуют очень недолгое время, и за всякой красотой таится приближающееся увядание, а от момента перелома останутся любимое воспоминание и печаль. Красота причиняет не только радость, но и мучения.

Я с самого начала не понимал, почему такая красивая женщина произносит такие пустые, догматические слова. Я должен быть благодарен, что мой русский не слишком-то хорош, и я мог наслаждаться ее одеждой, ее манерой, ее внешностью, ее улыбкой, ее удивительным смехом, таким радостным вначале и таким печальным в конце, и ее голосом... но не стоило прилагать старания, чтобы понять содержание ее речи.

Ее голос уж никак нельзя было назвать сладкозвучным, он не был ни плавным, ни мелодичным, в нем то и дело

проскальзывали какие-то резкие, надтреснутые нотки, и даже хрипы. Иногда он звучал слишком низко, порождая беспокойство и тревогу. Удивительно было, что в такой манере и таким голосом произносились слова, целиком и полностью позаимствованные из газеты «Правда» и журнала «Коммунист». Я слышал бормотание переводчика и часто просто забывал, что это говорит она сама. Я чувствовал, что это «переводчица», «кожаный мячик» и газета «Правда» вместе достают нас.

Один озорник, комсомольский секретарь из цеха наладки оборудования, после речи товарища Кати попросил ее спеть для нас песню. И она тут же спела. Переводчица «кожаный мячик» так напугалась, что даже побледнела. С побелевшим лицом «кожаный мячик» сказала, что товарищ Катя хочет спеть русскую народную песню «Ткачиха». Только много позже я вспомнил: не эту ли песню «Пряха» я впервые слышал? Но мне уже не вспомнить. Она пела плохо, и от этого у меня душа за нее болела. Мне было нечего сказать: она не нашла в этой песне ни мелодии, ни изящества, так что ее исполнение не произвело на меня впечатления. Есть много прекрасных песен, и люди их поют. Что значит одна песня, спетая без души, без вдохновения?

6

Первая половина пятидесятых годов была сезоном танцев. Моя прежняя рабочая организация, райком комсомола, каждую неделю по субботам, вместе с районным профсоюзом организовывала вечер танцев.

Музыка на этих вечерах звучала громко, почти оглушительно. В кинофильме «Да здравствует молодость» была сцена танцев под музыку Штрауса «Голубой Дунай». Однако,

по-моему, это было неправильно. В то время я знал только две танцевальные мелодии: одна была гуандунская «Шагай выше» (были две совершенно разные пластинки) и «Радость и веселье», а потом еще появился аккомпанемент для танго — «Бегущие за луной цветные облака». Но в основном звучали русские народные и советские мелодии.

Танцы райкома комсомола и районного профсоюза проводились под открытым небом на зацементированной площадке, а мой танец с Катюшей был в торжественном холле отеля под красивыми люстрами на полу из цветного камня при золотистых занавесях и облицованных ароматным сандаловым деревом стенах. Мы в пятидесятые годы не могли танцевать в полумраке, при приглушенном свете люстр. Тогда мы ежегодно с наступлением нового года или годовщины подписания китайско-советского договора о дружбе, союзе и взаимопомощи совместно со специалистами нашей фабрики устраивали банкет, а после ужина танцевали. Хотя я был маленьким человечком на ничтожной должности, но тоже считался представителем одной из сторон (тогда было привычно говорить о четырех больших китах: партии, правительстве, профсоюзах и комсомоле), а потому непременно появлялся на каждом банкете и танцах, что было по тем временам не только невообразимой роскошью, но и предельно важным историческим событием для мировой революции и международного коммунистического движения.

К тому же, я сидел за главным столом, рядом с Катериной Смирновой. Мы разговаривали на полупонятной смеси китайского и русского языков. Говорили, конечно, только о вечнозеленой дружбе: «здравствуй и здравствуйте, желаю вам доброго здоровья, Ленинград и здешняя погода, ха-ха-ха!» Беседа была важнее любого содержания, и я в таких случаях расцветал и воодушевлялся, был красноречивым и остроумным. И только после неоднократных тостов за великую дружбу китайского и советского народов я начинал чувствовать

головокружение и ощущал злое действие водки. Катюша продолжала мне подливать, а я торопливо говорил: «Маленько, маленько». Смысл был такой: поменьше добавляй, еще поменьше... У меня было впечатление, что по-русски «большой» значит больше, а «маленько» значит мало, но, после того как я просил добавлять поменьше, она продолжала подливать водку, пока водка не начинала переполнять рюмку и не переливалась через край. Очевидно, она понимала смысл сказанного мною «маленько» как жалобу, что налито слишком мало и надо добавить. Но это недоразумение только усилило веселье и праздничную атмосферу нашего общения.

Когда зазвучала танцевальная музыка, она сняла свое пальто и осталась в черном шелковом платье с длинной юбкой и полуоткрытой спиной и взяла небольшой розоватый веер из гусиных перьев. На мой взгляд она была слишком легко одета, я даже чуть было не попросил ее надеть еще что-нибудь и, только опасаясь нарушить дипломатический этикет и дисциплину, удержался и промолчал. Первый танец она танцевала с директором нашей фабрики. Он был мелким интеллигентом из деревни, потом стал в войсках руководителем и в Ленинграде на «Красном октябре» стажировался год, так что мало-помалу перестал быть человеком «от сохи». Танцевал он неплохо, и некоторые его «па» даже приводили меня в восторг и смущение — я знал, что не умею так... Второй танец она танцевала с начальником специалистов советской стороны. Это был рыжий коротышка с хищной мордочкой, у него один глаз косил. Видя, что он так крепко обнимается с Катей, я негодовал, что он к ней прижимается. Я помолился небу, чтобы он споткнулся во время танца, упал бы на пол и больше не поднимался.

Когда зазвучал третий танец, наш главный инженер старина Юй направился к Кате. Он был студентом, изучал химию, не слишком-то разбирался в текстиле, но тоже сразу

же после основания государства был отправлен в СССР учиться текстильному делу. Он пробыл там три года и довольно хорошо говорил по-руссски — даже лучше, чем наш директор, и я думаю, что именно поэтому он смог стать нашим главным инженером и не смог сделаться директором, а обучавшийся в СССР директор, который ни в чем не мог обойтись без перевода, напротив, из-за своего корявого русского больше пользовался доверием руководства.

И в тот самый момент, когда главный инженер подходил, намереваясь пригласить Катю на танец, она внезапно обернулась и, не дожидаясь моего ответа, повела меня танцевать. У нее была сильная и энергичная рука, и я почувствовал, что полностью подчиняюсь ее движениям. Я увидел мгновенное смущение и растерянность главного инженера и насторожился. Мы с Катей встали друг против друга, и я почувствовал аромат ее духов. На этот раз ее духи были сильнее, и аромат был более дурманящим, чем в тот раз, в канцелярии комсомольской организации. Ощутив этот аромат, я воспрял духом и засмеялся. И может быть тогда впервые в жизни я рассмеялся настоящим «мужским смехом». Танцы с Катюшей были похожи на скольжение по льду, и неважно, прыгал ли я или просто переминался, были ли мои шажки маленькие, или вдруг я делал большие, попадал ли я в ритм музыки или ошибался, но она была такая отзывчивая, что без всякого затруднения скользила вместе со мной, как будто сама была частью моего тела, или словно я был частью ее самой.

В вихре танца я видел танцующий зал, и рядом с Катюшей я чувствовал, как сладко сжимается мое сердце, в упоении танца я ощущал биение жизни в огромном зале отеля, а ответное пожатие Катюшиной руки укрепляло мою уверенность в себе. И мне кажется, что после этого банкета и танцев я по-настоящему повзрослел.

7

Потом, много месяцев спустя, я вспоминал этот миг моего первого танца. У меня никогда, ни до, ни после, не было такой радости и подъема во время танца с женщиной, включая и мою жену, которая была моложе меня на десять с лишним лет, и на которой я женился уже после «культурной революции». Возможно, из консерватизма и сдержанности, возможно, из-за чувства неловкости по поводу своих ног, или же от пренебрежения к общепринятому, если не от проявления своего внутреннего характера, но я не любил танцевать в большом зале среди толпы, мне не нравилось, когда на меня смотрят десятки глаз, хотя в то время ни о какой «постколониальной теории» я и не слыхивал.

В 1956 году отмечалась шестая годовщина подписания китайско-советского договора о дружбе, союзе и взаимопомощи, и тогда я воображал, что танцую очень хорошо, и чувствовал себя отлично. Я никогда не встречал такую легкую, как перышко, партнершу, что ее можно было обернуть вокруг пальца. Я отчетливо понимал, что сам танцую угловато и неуклюже, что уверенности не хватает, что ошибки громоздятся на ошибки: толкаюсь слева и справа, налетаю впереди и сзади, поворачиваюсь неловко, теряю ритм, и тем не менее у меня самого было ощущение, что, пока она в моих объятиях, я все делаю правильно. Я всего несколько раз танцевал в паре, и очень ограниченный танцевальный опыт был для меня труден настолько, что словами не передать. То наткнешься на грудь, то налетишь на локоть, то наступишь на ногу, то толкнешь, то оступишься, то перекрутишь партнершу... танцуешь и молишься, чтобы музыка поскорее умолкла и мои глупые оплошности закончились. А когда танец заканчивался,

мое тело всегда покрывалось холодным потом. Но танцуя с Катюшей, я чувствовал себя свободно, потому что она была легка как ветер, она была как картина, она была как луч света, как волна, как мелодия, как мечта; она была обворожительна, внушала ощущение нежности и мягкости, обладала волнующей упругостью, ослепляла своим светом, красовалась прелестным обликом, пленяла плавными движениями, кружилась лепестком на ветру, то пропадала, то возникала; но она была бестелесна, невесома, моим самым нелепым и глупым шагам не препятствовала и не отстранялась, и ничто не стояло между мной и пустотой. Начинался танец, и она была мной, а я становился ею. Я подавался налево, и она вслед за мной подавалась налево, я ступал назад, и она тоже назад; я делал правильно, и она правильно, я врал — и она врала, я быстрее, и она быстрее, я медленнее, и она медленнее. Я глупил, и она покорялась, я напрягался, она расслаблялась, я танцевал скверно, она естественно, я был скован, она подвижна, я покрывался потом, она спокойно улыбалась. Поэтому я тоже был естествен, подвижен, уверен в себе и чувствовал себя все лучше и лучше. Она и я были целиком и полностью одним существом, словно танцевали вместе уже много лет. Я всегда танцевал только с Катюшей в паре, мы объединялись словно по молчаливому сговору и соблюдали его. Таких партнеров по танцам не каждый человек может встретить, испытать такие ощущения даже двое мастеров-танцоров смогут отнюдь не всегда. Такая партнерша в танцах — это дар неба, встреча с ней — небесная благодать. Боюсь только, что так бывает только раз в жизни.

Музыка, люстры, настроение, движения — все слилось воедино. И вот сейчас, пытаясь рассказать о прошлом, я усиленно вспоминаю музыку, сопровождавшую танцы. В те годы моя самая любимая советская танцевальная музыка была «Студенческая песня»: в романе «Да здравствует молодость» я говорил об этой песне и даже надеялся, что ее используют

в кинофильме. Но роман сильно уступал этой песне в лирическом настроении и эмоциях. В этой песне были энергия, уверенность молодости, упоение собой, пьянящее самозабвение, выплескивающаяся искренность, в особенности озарение светом новой жизни... Ничто не сравнится с ней. В такой сфере, как воодушевление всей нации, СССР достиг первого места в мире. Например, о «Голубом Дунае» могут думать, что, по сравнению со «Студенческой песней», он намного свободнее и богаче; однако «голубой» слишком красив, слишком роскошен, слишком — извините, я сам поклонник Иоганна Штрауса — сливочный. Слишком популярен, исполняется слишком часто, слишком на слуху, и, образно говоря, «даже не сливочное масло может стать сливочным». Избыточная красота создает у людей ощущение дворцовости, аристократичности, высшего света, и не остается ничего пролетарского. Он принадлежит старому миру, а не новой жизни. Донельзя смешно, но и по сей день некоторые китайские писатели пыжатся провозгласить себя выходцами из аристократических семей, но всякая надутая бычья шкура может доказать только одно: что он или она никакая не аристократия, а всего лишь потомки остроносых и узкоглазых богатеев. Когда мы были молодыми, мы ненавидели и презирали аристократию. Что же касается незабываемой для меня «Студенческой песни», то хотя она и не шедевр, ее мелодия — простое и оптимистическое отображение первого в мире государства рабочих и крестьян — чистота, прозрачность, довольство и веселье. Она меня так волновала, что хотелось обратиться в бабочку и взлететь. В конце концов, я ощущал, что передо мною лестница духа, ведущая вверх, но нет, нельзя сказать, что лестница, надо бы сказать — «летательный аппарат духа», хотя о таких кораблях тогда и не говорили. На танцах в конце недели, которые устраивали совместно райком комсомола и профсоюз, чаще всего ставили именно эту пластинку. Слушая эту мелодию, я все вспоминал о Катюше, и меня поднимало ввысь, словно

ветром, я парил в небесах, касался звезд и Луны. Эта песня исцеляла мою душу, и я знал, что когда-нибудь в тот день тоже поставят эту музыку.

В тот день определенно поставят музыку Чайковского «Хоровод цветов», прекрасную и изящную, с которой люди не в силах расстаться, от которой не в силах уйти.

В тот день поставят также народный танец, пылкий и веселый аккордеон пробудит дружбу в жарких как пламень молодых сердцах, и десятки тысяч сердец воспламенятся одним огнем, десятки тысяч людей запляшут с непобедимой силой. У меня на самом деле есть такая пластинка, она стоит только восемь мао, на ней написано название «Комбайн» (машина, которая косит и молотит). Превосходно!

Я слышал мелодию, о которой говорилось выше, но под нее не танцевал.

Когда Катюша повела меня танцевать, звучала совсем другая музыка — совсем не такая, о которой я говорил. Она была более глубокая, более мечтательная, более сердечная, и — опять-таки, почему я так чувствую? — в ней была вечно непостижимая печаль. Она одним махом уводит тебя в другой мир, в неизвестность; в мир, подобный вечной желтоватой полутени березовой рощи. Она вобрала в себя столько эмоций, мечтаний, разочарований, воспоминаний, улыбок и насмешек! Как будто натюрморт с красно-фиолетовыми полосами, как пробивающийся из-под воды бутон. Словно ожидающий в чистейшей пустоте воды явления лебедя и ветра. Как будто говорит без слов и молча проливает слезы. Словно пустое старое жилище, в котором ничего не изменилось, но в котором давно уже не было людей... В этом жилище древние часы остановились и погрузились в вечный покой. Подобно государству, или нации, широкой полосе земли, толпе молоденьких девушек и древних старух, одержимых своими бедами и тяготами, волнуемых добром и трудом, они молча вздымают вверх молитвенно протянутые

руки и говорят: спаси и сохрани наше несчастное государство и нацию.

Эту мелодию так приятно слушать... Когда я слышал ее в первый раз, меня поцеловала русская девушка, и это был соленый от слез поцелуй, грустный, прощальный. Казалось, будто она поцеловала мою душу. Я тогда не знал эту песню, хотя она поразила меня до глубины души. Только через несколько месяцев, получив новый номер «Гэцюй», я определил, что это должно быть «Пряха». Пряха — это душа всякой русской женщины. Как говорил Толстой, у Чайковского второй раздел четвертой части первого скрипичного концерта — «образец песни», душа России.

8

Многолетнее молчание, как и многолетнее пение песен могло считаться преступлением. Однако в последние двадцать лет все песни хлынули, как потоп, взревели, как морской шторм, забушевали, как тайфун, вздыбились, как горы. «В поле надежд» Ши Гуанняня, «Неимущий» Цуй Цзяня. Паваротти и Доминго... Американская песня кантри и песенки из кинофильмов. Шотландская «Прощальная». Ирландская «Последняя роза весны». Мелодии Шуберта, Брамса, Гайдна. Японские арии. Тайваньские парковые песни. Ежегодно, ежемесячно популярные песни располагаются по рейтингу, например, «Степь Цинхая и Тибета». Есть еще певцы-звезды Сянгана, Тайваня, Сингапура и Малайзии. Небесный владыка и владычица, стражи света небесные. Слух не отдыхает праздно. Красота спорит с красотой. Тысячи видов, сотни форм. Ежедневно новое, ежемесячно разное. Давно уже не существует СССР, давно минули пятидесятые годы прошлого века, но «прежний» СССР — вотчина песен. И я уже очень давно

не слыхал и не вспоминал «Пряху» — с восьмидесятых годов надо было запоминать очень-очень многое.

Осенью 1998 года, когда впервые потянуло холодным ветром и земля покрылась пожелтевшим слетевшим листом, светлый день сразу же сделался намного короче, и от этого было грустно. В этот день вечером я с женой пошел в ресторан Катюша, надеясь послушать записи каких-нибудь русских песен. После половины восьмого начиналось выступление небольшого оркестрика. Зажглись разноцветные огни, включился прожектор, и тут я обомлел. Я увидел Катерину Смирнову пятидесятых годов!

Каштановые волосы, аккуратный пробор, наивное доверчивое выражение в начале, а в конце горькая, беспомощная печальная улыбка, бледное вытянутое лицо, широко посаженные глаза, уголок левого глаза слегка приопущен вниз, тонкие, слегка изломанные брови, немного по-пролетарски выступающий подбородок. И лишь прическа была другой: ее длинные волосы ниспадали на плечи. Я могу поспорить, что она с первого взгляда узнала меня в переполненном зале и первая помахала мне рукой, и улыбнулась мне. Обычно первой песней была Катюша. Все китайцы знают, что советская литература и искусство, очевидно, начинаются с «Катюши».

— Сначала «Катюша», потом «Расцветает красная слива». Всегда так,— сказала жена.

Почти что так. Потом была «Калина» и «Подмосковные вечера». А потом «Тачанка» и «Ночь в порту». Двадцать с лишним минут, в течение которых мы не успели выпить по стакану кваса и скушать тарелочку паюсной черной икры, девушка уже спела все песни молодости нашего поколения. Сердце у меня защемило от тоски.

Выпьем, добрая подружка бедной юности моей,
Выпьем с горя. Где же кружка?
Сердцу будет веселей...

Это «Стихи няне», написанные Пушкиным и переведенные Гэ Баоцюанем из переводного советского издания «Сочинений Пушкина».

Ее сменила следующая песня:

> Где найдешь страну на свете
> Краше родины моей...

Эта песня в те годы была не слишком популярна, но она мне очень нравилась. Я часто думал: существуют ли на свете такие прекрасные слова, которые не звучали бы в советских стихах и песнях. Люди действительно употребили все известные человечеству понятия верности, идеалов, любви, радости, страсти, решимости и отваги, чтобы воспеть это первое в мире, рассматриваемое капитализмом, как потоп и зверство, рабоче-крестьянское социалистическое государство.

И вот как раз в тот миг, когда я вспомнил Кремль и Красную площадь, когда подумал о Калинине и Свердлове, девушка запела по-китайски:

> Заводские трубы поднялись высоко в облака,
> Над Кремлем утренняя заря.
> Когда мы вспоминаем время молодости,
> Тогдашние песни снова звучат...

Не пой больше, едва не выкрикнул я, ты поешь так жестоко, слишком жестоко! Бог к тебе слишком жесток. Позволь нам позабыть эти светлые и благородные песни, позволь нам петь: «Выпьем и закусим» или «Вино и кофе». «Кто твоя прелестная сестренка», «I like make love to you», чтобы отметить нашу не прежнюю счастливую жизнь, а ставшую счастливой потом, чтобы спокойно дожить наши поздние годы.

Возможно, выражение моего лица привлекло внимание официанта, и одна очень похожая на китайско-русскую полу-

кровку блондинка (видимо, крашеная блондинка) подошла и тихонько спросила меня:

— Господин, не желаете ли вы заказать песню? Каждая сто юаней... Сейчас поют эту, «Ленинские горы», ее заказал вот тот седовласый господин.

Седовласый господин? Среди тех, кто часто приходит сюда кушать и слушать песни, этот седой человек давно уже обратил на себя мое внимание. Каждый раз, входя в ресторан, он сначала встряхивал головой и озирался по сторонам. Он был в солидном возрасте, но вся одежда на нем была фирменная, и это казалось легкомысленным. Он часто приходил вместе с довольно красивой женщиной, намного моложе его, лет на двадцать. Они обычно заказывали самые дорогие блюда и ими уставляли целый стол: казалось, что заказано было по меньшей мере на четырех, а то и на шесть персон. Его высокая стройная и воинственная фигура и моложавое телосложение вызывали во мне зависть. Честно говоря, они оба меня раздражали. И все-таки именно они заказали священные для меня в молодые годы «Ленинские горы»!

Не знаю почему, но я разволновался, извлек из кармана пять стоюаневых купюр и громко сказал:

— Я заказываю «Пряху». Спойте пять раз подряд!

Блондинка-полукровка изумилась. Ей, наверное, не приходилось встречаться с таким манером заказывать песни, жена тоже забеспокоилась и выхватила из рук официанта денежные купюры, но я протянул руку и остановил ее. Я заявил жене и девочке-блондинке небрежно, на манер богатого господина:

— Ничего, я люблю слушать эту песню!

От волнения я не дослушал, как русская девушка допела «Ленинские горы». Не услышал ее громкого восклицания:

— Мама... Москва (Моя Москва)!

Я только услышал, как красивая девушка говорила порусски громко, переводя мою просьбу:

— Один господин дал нам пятьсот юаней и заказал, чтобы мы спели «Пряху». Наша певица говорит, что «Пряха» как раз ее самая любимая песня, она не хочет принимать пятьсот юаней, она возьмет только сто юаней...

Весь зал криками приветствовал ее слова, и очень многие кричали по-русски:

— Молодцы! Здорово!..

Четыреста юаней вернулись ко мне на стол, жена свирепо поглядела на меня и ушла раньше времени в знак протеста. Зазвучала музыка, и, хотя это были по-прежнему электронные инструменты и барабаны, мелодия ничуть не была модернизирована или вокализована, все было по-прежнему спокойно и размеренно:

В низенькой светелке
Огонек горит,
Молодая пряха
У окна сидит.
Молода, красива
Сидит у окна...

Я примерил свои собственные слова к русскому тексту ее песни. Прощай, ни в чем неповинная пряха, твой голос пролетел над горами и водами, над бурями и волнами, над опасностями и бедами. Твоя мягкость, твоя чистота, твоя задумчивость, твоя детскость и хрипловатый горловой звук по сравнению с USSR (Советский Союз в английском сокращении) или СССР (в русском сокращении) по сравнению с «Российской Федеративной республикой, создавшей вечно нерушимый союз», этот величественный по духу советский государственный гимн по сравнению со «Сталину ура!» вперед в атаку, по сравнению с несокрушимой китайско-советской дружбой и твердым, как гранит, единством «На волжских берегах слышен рев бурных вод Янцзы» (слова из песни «Москва—Пекин») гораздо долговечнее, гораздо мощнее.

Мне действительно неловко, но, выслушав «Пряху» в ее исполнении, я от слез потерял голос. Я смог только низко опустить голову и молчать.

И тут поющая девушка подошла ко мне, знакомый мне по годам молодости аромат одеколона, правильнее сказать, лосьона, а еще вернее — прекрасного туалетного мыла, приблизился ко мне, на меня пахнуло свежестью, повеяло теплом, а потом прохладой, я поднял голову. Я уже успешно совладал со своими слезами — в конце концов, я уже старый мужчина. Немцы говорили мне, что их мужчины, выйдя из детского возраста, больше не могут плакать.

Певица подошла к моему столу и запела для меня одного, заулыбалась мне, и, когда она пела и улыбалась, я чувствовал, что она как бы парит по ветру, что порыв ветра ее поднимает, и я тоже как бы взлетаю, что мы оба оторвались от земли... Она так была похожа на Катю сорок лет тому назад! Только волосы были подлиннее, чем у Катюши, и лицо было более вытянутое, чем у Катюши тогда. И даже голос ее был, как у Катерины Смирновой,— такой же хрипловатый и знакомый. Конечно, ее голос был правильно поставлен, все ноты были верными, а не как у Кати — со сплошными ошибками. Я вспомнил, как тогда, на встрече с комсомольцами, страдал и мучился от того, что она не умела петь.

У меня дрогнул и дернулся рот, словно я хотел произнести слова: «Катя, Катюша, Катерина Смирнова...»

В моем воображении она представлялась Катиной дочерью, хотя и в возрасте сорока лет, когда она уехала из Китая, она еще не вышла замуж. «Неужели же та самая? — вспомнил я болтовню „кожаного мяча".— В таком случае, понимала ли девушка, которая мне пела, что я имел в виду? Почему она мне кивала головой? Почему она улыбалась, улыбалась так горько? Она отступила на шаг: может, хотела

уйти?» Но вдруг она обернулась, и, как раз когда мелодия оканчивалась, ясно произнесла:

— Товарищ Вань?

Иными словами, она хотела спросить меня, не я ли товарищ Вань или Ван. В русском языке нет звука «нг», в нем звук «н», похож на восходящий тон. Может быть, ее «Вань» и есть «Ван»?

В тот день вечером я просидел в ресторане «Катюша» до 11.45, когда погасили свет. Молодая певица не пела больше «Пряху», она продемонстрировала сдержанность и возвратила четыреста юаней. В конце концов это была советская, русская девушка из прежнего СССР, или бывшего СССР. Прежний, бывший... Почему мы так много произносим лживых слов! Я этих девушек уважаю, а за себя самого только стыжусь за неприличие.

Через три дня мы с женой снова пришли в этот ресторан. Мы пришли рано и начали болтать с официантками. Они рассказали, что певица и музыканты выступают здесь ежедневно четыре часа, вознаграждение ежемесячно четыре тысячи юаней народных денег, каждые четыре месяца они один раз сменяются. Я слушал и вздыхал, опустив голову, потому что они трудились, а зарабатывали немного. Вот китайцы: сами получают в месяц одну тысячу юаней и довольно. А иностранцы, они и должны больше зарабатывать. Официантки рассказали, что последнее время приезжает много одиночных клиентов из разных стран бывшего Союза. Они их кратко называли «бывшие советские господа» или «бывшие восточноевропейские леди». Официантки сказали, что фактически странами бывшего Союза не ограничивается, для мелкого бизнеса сюда приезжают югославы, словаки и румыны. Я вспомнил Тито, Юлиуса Фучика, Джордже Эминеску («Дунайские волны») и даже расстрелянных Чаушеску и его семью. В 1980 году в США я ужинал вместе с заместителем

председателя Союза писателей Румынии и преподавательницей английского языка — американкой греческого происхождения. Я предложил выпить за здоровье Чаушеску и Елены Чаушеску. Преподавательница сказала:

— За Чаушеску выпить еще можно, а за Елену я пить не буду.

Румынский товарищ поднял бокал и сказал:

— Прошу вас, прошу!

Если бы это было в нашей телепьесе, то можно было бы повторить слово please и перевести «прошу, прошу вас». Чтобы спасти стол от скандала, я сказал:

— Посмотрите на меня, спасите лицо китайца!

Потом мы, морщась, выпили кислющее сухое белое вино из штата Калифорния.

Мы спросили у светловолосой официантки из ресторана «Катюша», нельзя ли подавать на стол помедленнее. Ведь наша цель — послушать песни. Сейчас мы не будем заказывать, но это выглядит неприлично: мы же сидим за столиком ресторана, а здесь принято пить и есть. А если закажем, то через десять минут все будет подано: и холодное, и горячее, и сладкое... Словно вы торопите нас побыстрее поесть и уйти. Как нам быть?

Официантка растерялась. Она объяснила, что обычно китайские клиенты спешат, и персонал ресторана взял за правило: раз пришел китайский клиент, то за пятнадцать минут все заказанное должно быть подано. Это порядок, с этим ничего не поделаешь.

Но в конце концов я тоже китаец: приходят солдаты — я сопротивляюсь, приходит наводнение — строю насыпь. Я поговорил с женой и принял нестандартное решение. Сначала по первому разу я заказал только один салат и два стакана кваса, а ничего другого не заказывал и ждал, пока не исполнят

не меньше трех песен, а потом заказал красный борщ и после восьми часов еще заказал главное блюдо, а после девяти часов — сладкое и кофе. Ну а как бы вы поступили на моем месте?

Пришла уже знакомая певица. Она сначала приветствовала метрдотеля, обнялась с ним и поговорила по-русски. Потом прошла за кулисы, вероятно, чтобы снять грим. Она легонько кивнула мне, увидев меня, но ничего не сказала. Обернувшись, махнула рукой тому седому седовласому мужчине могучего телосложения. Этот человек, так же как и я, любил приходить сюда. Когда она вышла, жена сказала мне:

— Ты действительно сильно волнуешься.

9

На отмечании шестой годовщины подписания китайско-советского договора о дружбе, союзе и взаимопомощи я и Катюша танцевали так, что я потом три ночи провел без сна и несколько дней подряд находился под впечатлением от танца с нею, в особенности от того, что я потом называл для себя вальсом «Пряха», еще много дней звучавшим у меня в ушах. После этого уже больше не было совместных праздников с советскими специалистами, бывали только банкеты, официально организованные администрацией в надлежащем порядке.

Может быть, дружбы было слишком много, и она просто всем надоела? Может, от тесной сплоченности началась потница? К тому же после «борьбы с правыми» в 1957 году дружеские вечеринки были все равно запрещены и могли проводиться только в ограниченных местах, например, в клубе Народного политического консультативного совета Китая. В одном восточно-германском романе описывается, что люди

брали такие книги, как «Цветы сливы в золотой вазе», чтобы выменять на них билеты на «танцы дружбы». Хотя сама дружба не разрешалась, но танцы дружбы в современном Китае существовали. Точнее и правдивее будет сказать, что танец с Катюшей под музыку «Пряхи» символизировал досрочное завершение моей молодости. Хотя мы и общались иногда с персоналом советской стороны, меня уже никуда не приглашали. Сложилось впечатление, что после «борьбы с правыми» в 57-м году авторитет комсомола понизился, но, если говорить о начальстве, то наоборот, позднее комсомольские кадры уже не могли быть такими молодыми. Не знаю, верное это было впечатление или нет. Кстати будет упомянуть, поскольку это литературное произведение, что в нем «я» отнюдь не следует ошибочно принимать за правого элемента, благополучно избежавшего испытания. Много лет подряд у меня не было никакой возможности встретиться с Катюшей. На фабрике и в других местах, когда мы случайно сталкивались, она мне приветливо, но горько улыбалась. Тогда я несколько раз встречался с друзьями женского пола, секретарь парткома и директор фабрики даже официально беседовали со мной, советовали пораньше решить «личный вопрос», но санкционированная любовь меня не интересовала. На фабрике число советских специалистов резко сократилось. Кроме Катерины Смирновой, приехавшие в Китай за пять лет до этого советские специалисты уже все вернулись домой. Зато приехал новый начальник зловещего вида, только что не рыжий, а черноволосый, как мои ровесники.

Китайско-советские отношения оставались напряженными, до меня доходили новости о китайско-советских разногласиях. Не только из Москвы, но и из Рима, Парижа, Мадрида доносились по указке советской компартии нападки на Китайскую коммунистическую партию. В 1950 году на демонстрацию первого мая мы несли громадные портреты Тольятти, товарища Долорес Ибаррури... Если говорить «ре-

визионисты», то этих «ревизионистов» — без конца и без края. Ревизионизм по сравнению с империализмом и колониализмом труднее ощутим, и за него труднее ухватиться, а потому опаснее и таинственнее. Потому что деятели-ревизионисты все коммунисты и у всех них — полный рот марксизма. И из самых-самых близких друзей они на следующий день могут стать смертельными врагами. В танцах — все ближе и ближе, а после танцев вышел на работу, и лицо еще больше вытянулось. Прежде, когда плясали — сплошные улыбки, а теперь на работе все лица вокруг напряженные и натянутые. В пятьдесят девятом и шестидесятом годах советские специалисты на фабрике фактически отлынивали от работы, проводя целые дни на тайных заседаниях и собраниях. А нашим специалистам в рабочих кабинетах оставалось только рапортовать о поведении советских специалистов и осуждать их слова и поступки. Переводчица «кожаный мячик» получила возможность наговорить гадостей о советских специалистах, на которых тогда смотрела как на богов. Например, она сказала, что Катя и начальник советских специалистов под столом канцелярии совокуплялись, а еще она утверждала, что у Кати на родине осталась внебрачная дочь. Выслушав такие речи, мне захотелось поддать ногой этому «кожаному мячику» и сбросить ее в грязную лужу.

Вот так и настала весна шестидесятого года. Несколько дней был сильный ветер, застилало небо, засыпало землю, всюду струился черный песок, но вдруг небо прояснилось, воздух очистился, пригрело солнышко, над головой открылось голубое небо, а из земли пробилась свежая травка. В одно из воскресений в середине апреля я пошел погулять в известный здесь парк Чжичуньху. Это было очень большое по площади водохранилище. Поскольку в прежние времена на озере отдыхали дикие утки и лебеди, оно получило название от поэтической строки поэта времен династии Сун: «Утки первыми узнают теплоту весенних вод». Погода была теплая

и ясная, да к тому же воскресный день, гуляющих было несметное количество, и там, где сдавали внаем лодки, выстроилась длинная очередь. Вначале я собирался пройтись пешком, но, увидев очередь за лодками, решил покататься, и я стал шаг за шагом постепенно продвигаться к пристани.

Подойдя к пристани, я заметил, что все наши пять специалистов, собравшиеся там с семьями, о чем-то громко спорят с персоналом лодочного причала. Черноволосый начальник специалистов, увидев меня, обрадовался и замахал мне рукой. Персонал причала тоже был доволен появлению китайца, который знал «этих советских». Они наперебой заговорили со мной. Я сразу выяснил, что на прогулочную лодку полагается сажать не более четырех человек, а товарищи специалисты не хотели брать еще одну лодку, вносить еще один залог и еще одну аренду, плюс к этому прибавлялись еще трудности с языком, и потому стороны не могли договориться.

На корявом русском языке я разъяснил начальнику специалистов, в чем загвоздка, и тут же выдвинул рациональное предложение (рациональное предложение связано со стахановским движением; этот термин — тоже импортированный русский продукт). Я сказал, что тоже хочу арендовать лодку и могу посадить к себе нескольких человек. Согласно психоанализу, это мое рациональное предложение не было случайностью. Однако несколько десятилетий спустя я уже не могу вспомнить так ясно: скорее, чем яснее вспоминаю, тем больше вероятность обмануть и себя, и других. Когда я предлагал специалистам сесть в мою лодку, я уже почувствовал, что Катерина здесь, и втайне надеялся, что она покатается со мной. Из-за того, что я улаживал мероприятие народов двух стран по найму прогулочной лодки, которое само по себе не стоило ни перышка, ни шелушинки, я так и не разглядел ее. Но уже издалека я чувствовал ее присутствие, ощущал ее аромат — она была среди этих пяти людей. Кроме нее, у при-

чала были две супружеские пары. В те годы китайцы, выезжая за границу, не брали супругу с собой, а советские люди — брали.

Дальнейшее я уже не помню. Мы с Катюшей были в одной лодке. Лодка была освещена теплым солнцем, вода и свет сливались, отражались, сверкали. Советские люди, возможно потому, что привыкли жить в комфортных условиях, с наступлением весны с неистовой жаждой стремились к солнечному свету. Сначала на другой лодке советский друг начал снимать верхнюю одежду: вначале он снял плащ, потом пиджак... другие последовали его примеру: женщины сняли вязаные вещи, сняли юбки, мужчины сняли брюки, рубашки и майки... Этот ритуал раздевания взволновал и удивил меня. Но увидев, что они разделись до купальных костюмов, я успокоился, понимая, что они приготовились заранее и пришли сюда специально, чтобы принять солнечные ванны. Одновременно мне стало ясно, что они больше ничего с себя снимать не будут, и я вздохнул с облегчением.

Советские люди на другой лодке тоже снимали одежду и все время кричали нам: «Ван! Вань! Катя! Катюша! Товарищи!» Я не понимал смысла, а сидящая напротив меня Катюша очень медленно сняла светло-зеленую кофточку и длинную темно-зеленую юбку, Она осталась в тонком вязаном купальнике, с черными и коричневыми полосами на желтом фоне. Шортики купальника плотно обтягивали округлости ягодиц. Верхняя часть купальника оставляла полуоткрытыми выпуклости грудей и глубокую ложбинку между ними. Боюсь, только это я и запомнил, потому что сердце у меня запрыгало, как молодой олененок. Я поспешил отвести глаза и не смел смотреть прямо на Катю.

О самом себе мне говорить не стоит: я только снял верхнюю суньятсеновку [1] и вязаный свитер и остался в рубашке с

[1] Суньятсеновка — одежда, подобная той, что носил Сунь Ятсен.

длинными рукавами и шерстяной майке. Китайцы, особенно хэбэйцы, верят, что весеннее тепло спасает от осеннего холода и полезно для жизненных сил.

Я был необыкновенно благодарен Кате, что ее купальный костюм был закрытым и фактически прикрывал все. Две женщины на лодке начальника специалистов были прикрыты не более чем на треть. Во всяком случае, в те времена мне нужно было по возможности сохранять уважение и держаться поодаль. Мы в конце концов были разделены двумя странами, двумя партиями, двумя комсомолами, двумя полами и даже двумя разными возрастами Я не стремился увидеть слишком много ее тела, нечего и говорить о руках и ногах. Я уже видел ее улыбку, ее здоровье и ее одиночество. В этот раз я особенно подробно рассмотрел ее уши, потому что она зачесала волосы на затылок и уложила в тугой узел, на котором на этот раз не была повязана шелковая бабочка. Я и не представлял, что у женщины могут быть такие густые волосы.

По-моему, волос стало вдвое больше, чем прежде, когда она делала себе прическу «конский хвост». Ее уши, затылок и шея, прежде скрытые шелковой лентой, полностью открылись. У нее оказались белые тонкие уши, чуть ли не прозрачные, и на этих больших полупрозрачных ушах я мог разглядеть тоненькие синеватые прожилки сосудиков. Почему у иностранцев такие большие уши? У нее на шее рос тонкий мягкий пушок и было два коричневых родимых пятнышка, которые тоже были необычно бледненькие, но не такие, как у нас, желтокожих. Я никогда не думал и не видел, что у людей может быть такая белая ровная кожа. Благодаря двум родимым пятнышкам шея ее казалась такой белой... Такие уши и такая шея рождали во мне ощущение открытости, а пучок волос на голове — ощущение полноты и весомости. Большой пучок волос и большие уши говорили о ее зрелости. Ее шея внушала чувство беспорочности и большой жизненной силы. Ах, она была совершенно взрослой, молодость

уже оставила ее. Ей было уже почти сорок лет, а сорок лет — это вершина женской красоты и начало увядания.

Я решился грести, чтобы лодка пошла быстрее. Лодка вышла из тени плакучих ив на открытое пространство под солнцем. Она меняла направление носом и двигалась вперед извилисто, обогнув остров посреди озера и обогнав расписной катамаран. Прошла сквозь выросшую в воде рощу мангровых деревьев, поднырнула под мостом, потом под другим. Мы спугнули водоплавающих птиц и привлекли внимание стрекоз. Рыбы играли и резвились под лодкой. Одна маленькая рыбка, спугнутая нашей лодкой, высоко выпрыгнула из воды. А у меня даже не было пышки-маньтоу, чтобы покормить рыб. Но так свободно веял ветерок, беспрерывно сияло солнце, летели брызги, деревья стояли так спокойно и уверенно.

Я ощущал, что моя жизнь по-прежнему свободна, как ветер, тепла, как весеннее солнышко, плещется, как озерная вода, и, как могучее дерево, прочна и долговечна. Я запел песню о пряхе. Катюша подхватила. В этот раз, уж не знаю почему, она пела необычайно прекрасно. Она глядела на меня так пристально, что мне стало неловко. Сердце выпрыгивало из груди, я то и дело поглядывал на чистое небо и блестящие волны вокруг.

Я слишком искренен, слишком послушен, слишком феодален? Однако я всегда был доволен своей изысканной вежливостью, может быть, я не должен был и не мог скрывать свои плотские желания, я не мог усмирить свою плоть. Но ведь это же в конце концов дело вполне человеческое, и мне больше нравятся цивилизация и самовоздержание, я люблю приличие и осторожность, мне нравятся любовь и уважение. Если подумать, что напротив сидит такой же человек, как и ты сам, человек одухотворенный и достойный уважения, если подумать о ее судьбе, ее горестях, о защите и заботе, в которых она так нуждается. Я скорее готов в своей памяти или

своем воображении заново увидеть все прелести и красоты ее лица, но я не готов взглядом, словами или эмоциями пренебрежительно отозваться о хорошем человеке, который достоин доброго слова, приятного воспоминания, любви и восхищения.

Я работал на фабрике в основном с женщинами. И с самого первого дня моего появления на фабрике я ловил на себе множество женских оценивающих взглядов. Я хотя и был не очень крепким и небольшого роста, с первого же дня для меня начали подыскивать «пару». Но мне никто не нравился: похоже, что мое сердце всегда было занято лишь одним человеком. Проходили месяцы и годы, но я женился только после окончания «культурной революции». Моя жена была стройная и красивая, и мы относились друг к другу с любовью и уважением. Но пусть моя жена простит меня: после той прогулки на лодке у меня никогда не было такого чудесного переживания. Не было ни чистейшего озера, ни чистейшего чувства, жаркого, как пламень, освежающего, как ветер, радостного, как весенний дождь в степи, взволнованного, как гон одного молодого оленя за другим. Такие переживания не повторяются, они даются лишь один раз... Подобный опыт только на «тренировках» недостижим. Да, именно в этом скрытый смысл познания весны. Вышнее небо уже дозволило мне познать весну, вышнее небо даровало мне больше чем дозволено, и я благодарен, я радуюсь, я не должен безумствовать и алкать, ухватившись за вершок, пытаться урвать себе целый фут, я не должен прелесть и красоту затаптывать ногами в непотребную грязь.

Что зовется жизнью человеческой? Жизнь человека разве не кратка и непостоянна, как прыжок белого скакуна над пропастью? На лодке я действительно как в бреду грезил и молился: прими душу мою, обрати меня в ветер, реющий над озером Чжичуньху, пусть я превращусь в волны и рыбок под Катюшиной лодкой, и спасибо тебе, мой Бог!

10

В апреле 1960 года в прессе моей страны напечатали три статьи, посвященные 90-летию памяти Ленина: «Да здравствует Ленин» в «Жэньминь жибао», «Сплотимся под революционным знаменем Ленина» в журнале «Хунци» и речь заведующего отделом пропаганды ЦК КПК товарища Лу Динъи на собрании общественности столицы по случаю 90-летия со дня рождения Ленина «Идти вперед по пути великого Ленина». Советская сторона под этим предлогом порвала множество соглашений, приказала отозвать всех советских специалистов. В нашей стране многие члены партии, ответственные работники, почувствовав враждебность, были готовы ограничить себя в одежде и питании, «затянуть пояса» и единодушно решили вести до конца борьбу с советским ревизионизмом.

В те годы было широко распространено убеждение: чего боишься, то и получишь, чему радуешься, то и погубишь; если любишь каких-то писателей, то их смешают с грязью. Если ты опасаешься дефицита в снабжении, то тебя призовут вернуть уже выданные талоны на ткань. Разве ты не искренне восхищаешься и любишь СССР? Так скажу тебе правду: СССР — проклятая черепаха! Похоже, что я осознал эту истину и признал ее как очевидность — а кто бы мог не признать? Китай и СССР, две страны и две партии из близких соратников в одночасье превратились в смертельных врагов, которые не могут жить под единым небом.

Что же касается Катюши, то хорошо, что у председателя Мао нашлись такие слова. Он сказал, что советует товарищам верить (видно, многие товарищи не верили, потому и понадобилось председателю «советовать»!), что советский народ, советские коммунисты в большинстве своем хорошие, революционные.

Я не знал, верю ли я, нуждаюсь ли в такой вере, что Катюша «революционна». Китайско-советская дружба уже стала весенним сном, студенческие песни тоже обратились в весенний сон, от Катюши и до пряхи все обратилось в грезу. Ты очнулся со сна, и не надо снова погружаться в него. Проснувшись, зачем так доверчиво относиться к виденному во сне? Кто мог знать, что через два с половиной месяца после полного вывода советских специалистов, в самую жару, руководство вызовет меня на беседу и скажет, что из СССР мне прислали почтовую посылку. Ее прислала Катерина Смирнова из Ленинграда.

При этом присутствовала переводчик «кожаный мячик», и вид у нее был очень взволнованным. Она сказала, что, согласно ее выводам, Катерина является особым кадром советских ревизионистов. Она тогда сообщила, что от одного из прежних специалистов видела фото, где я был сфотографирован в лодке с Катериной без платья, и Катя тут (она показала на свою грудь) и тут (тут она показала на свой зад) везде оголяла тело (а как можно, сняв платье, не оголить тело?). Она была в ярости, и руководство серьезно и строго заявило:

— Это вопрос большой правды и большой лжи, ты, товарищ, отговорками не отделаешься!

Руководство предупредило меня, что мой вопрос не случайный, и напомнило, что еще в 1955 году я самостоятельно пригласил этого советского человека сделать доклад для комсомольцев и «не взял никаких денег, как такое возможно?»

Все материалы хранились у них, теперь все они будут предъявлены.

Я сильно покраснел. Я сам понял: теперь мне конец! Мое чувство предъявлено людьми как бесспорное доказательство моей связи с иностранной шпионкой. Я не смел открыть рот и рассказать, что случилось в тот день, и почему, согласно показаниям «кожаного мячика», Катя была без платья. Я очень боялся, что люди услышат об этом. У меня был такой

опыт, что в подобных обстоятельствах я непременно потерплю крах. Если использовать тайваньские выражения китайского языка, то уже предрешен «смертельный исход». Если я буду настаивать, что она не была голой, что на ней был купальный костюм,— принесет ли это мне какую-нибудь пользу, или только докажет, что я хитрю и изворачиваюсь?

С другой лодки начальник специалистов сфотографировал нас с Катей. Это фото принесло мне много неприятностей. С тех пор моя жизнь пошла наперекосяк. В таких делах нет ничего нового, так что лучше о них умолчать.

Невозможно забыть эту посылку. Я вскрыл ее в присутствии руководства и «кожаного мячика». Внутри были только — извините, Катюша и Россия,— весьма скверного качества грубые серые макароны и банка квашеной капусты.

Это советская закуска? Это подарок из СССР? Это Катюшин прощальный подарок? Мы в ресторане Москва ели очень хорошие блюда русской кухни...

Здесь таится самая непостижимая загадка: хотя я и не овладел русским языком, но знал буквы, мог их читать и мог складывать. Я вертел и перекладывал эту злосчастную посылку: не было знака Ван или Вань, не было знаков У или Вэн, я не смог из колонки адресата на посылке найти свое имя или хоть что-то, похожее на мое имя, и не смог в колонке отправителя найти имя Катерина, или Смирнова, или оба вместе, или Катя или Катюша. Имена у русских очень сложные, а мой русский очень плох, но я верил, что смогу различить имена и фамилии нас обоих на этой помятой посылке. Как раз наоборот, на посылке в адресе отправителя я прочитал стертые и неясные буквы, которые были больше похожи на имя «кожаного мячика». Когда я взял посылку и принялся ее тщательно осматривать, она громко закричала:

— Чего глядеть? Вспоминаешь ту советскую шпионку?

В споре «кожаный мячик» могла превзойти любую ученую степень, а у меня тогда было мало опыта. Да как она

посмела на меня кричать и браниться? Вопрос был в этом очевидном факте: я был с одетой в купальный костюм Смирновой (принимавшей солнечную ванну), а проклятый руководитель группы специалистов в тот день действительно заснял нашу лодку. Во мне поселилось дьявольское чувство вины (председатель Мао говорил, что чем больше страха, тем сильнее чувство вины), и я вообще не посмел возражать. У меня голова кружилась и мозги вскипали. Мысли о случившемся были бессвязны и хаотичны. Я думал, что, если руководство отдаст мне эти грубые макароны и квашеную капусту как «шифрованное послание», что хорошего мне это принесет? В напряженный момент жизни и смерти кто кого одолеет в классовой борьбе, национальной борьбе и государственной борьбе? Человек с таким вопросом может быть сначала расстрелян без суда, а потом приговорен, в чем нет ничего невозможного.

Я думал, что моим единственным шансом выжить могла бы стать разразившаяся через пару лет война против советского ревизионизма, мне бы дали посылку с бомбой, и я приготовился взрывать один за другим двадцать советских танков. Может, подойдет?

Большая и широкая дорога ведет к краху и гибели. Эта дорога для тебя означает одно: пропасть. В кампании по борьбе против Ху Фэна и в борьбе против контрреволюции я почти не пострадал, в кампании по борьбе с правыми я уцелел, в борьбе с правым уклоном я только напрягался сам, и не более того, но на этот раз я не отмоюсь, даже если сигану в воды Хуанхэ.

После этого мои переживания были слишком прекрасны, чтобы их излагать подробно. Но случилась большая перемена: с тех пор я полюбил кушать лапшу, в этом не было «идейного мотива», я просто люблю ее вкус. И с тех пор меня одолевало желание узнать: какого же вкуса русские макароны?

11

В пору моей молодости поэтическая строка Пушкина, что «все только миг и все пройдет», волновала и трогала меня до слез. На самом деле в те времена у меня не было никакого прошлого и никаких «нежных дум», я также не осознавал, что все воистину только мгновение, потому что тогда я должен был думать, что мгновение — это вечность, и молодость может длиться десять тысяч лет. Почему я слишком рано ощутил мгновенность жизни и пролил над ней слезы? У каждого из нас есть детский возраст, подростковый возраст и молодость, у всех есть ранняя влюбленность, первая любовь, любовь и брак, у всех были грезы, страсти, кипение крови, сны, у всех бывали счастливые встречи и неудачные встречи, взлеты и падения, все мы встречались с хорошими и дурными людьми, глупыми и умными, с любимыми людьми и с врагами, а потом все они превратились в исторические мгновения, все ушли. Когда они приходили, ты еще не был готов для встречи с ними, но они уже захватывали тебя, они уже прочно обосновывались в твоей жизни и в твоем сердце, а ты еще не понимал, что же это такое происходит. Много хорошего и доброго безвозвратно уходило из твоей жизни, а худое обвивалось вокруг тебя и не желало отпускать. Ты уповал на их прошлое, когда их здесь еще не было, но они стояли насмерть и не желали отступать. Потом, дождавшись их ухода, ты не понимал и не верил, ты даже не радовался: словно тень не расставалась с формой; сопровождавшие тебя неотступно половину жизни досада и горе вдруг непонятно как, тихо и незаметно ушли в прошлое — исчезли? А вместе с досадой и горем, наивностью и глупостью одновременно ушла твоя жизнь и самое дорогое, что в ней было,— чувство любви. В то время ты этого тоже не понял: твои надежды, похоже,

опоздали на двадцать лет. И не знаешь, радоваться ли, пожалеть ли об этом...

В 1983 году я возглавил дружественную делегацию в СССР, отношения с которым начали оттаивать. Самым горьким и смешным моментом были приветствия руководителей перед отъездом. Они говорили, что на первом этапе приезжала с визитом народная делегация советской стороны. Наши товарищи называли их «господа, барышни, дамы». Советская сторона на это реагировала болезненно. И когда мы выехали, то увидели, что они зовут своих товарищами.

«Наше слово гордое „товарищ" нам дороже всех красивых слов»,— поется в песне композитора Дунаевского. На этом я остановлюсь. Однако один не очень высокопоставленный руководитель из другого ведомства напугал нашу делегацию. Он начал много рассказывать о КГБ СССР, и если его послушать, то КГБ уже ждет не дождется нашего визита и готово вводить нас в заблуждение и противодействовать нам, совершать покушения, давать фальшивки, обманывать и подсылать красивых женщин, а когда этот визит закончится, неизвестно, все ли благополучно вернутся домой. Он особо подчеркнул, что у КГБ есть женщина-агент по кличке Белый Лебедь, которая уже завлекла нескольких китайских чиновников. Его рассказ, похожий на страшную сказку, которой родители запугивают малых детей, вызвал у меня отвращение. По крайней мере, я тоже был «старым революционером», членом партии и не последним человеком в нашей делегации. И кто ты такой, чтобы так со мной разговаривать!? Я произнес ледяным тоном:

— Я предлагаю отменить этот визит в знак уважения к Белой Лебеди. Чем создавать такое нервное напряжение, лучше будет не контактировать.— Обернувшись к нашим делегатам, я добавил: — По-моему, у вас не хватает опыта борьбы с КГБ.

Что же сказать? Уже больше тридцати лет я надеялся на визит в СССР, ждал больше тридцати лет, дождался, что

СССР из рая сделался адом, а из друга обратился во врага, из непобедимого марксизма-ленинизма обратился в ревизионизм и сделался социал-империализмом — вот какое безобразие! Не знаю, каким он там еще назвался «измом», но надо было именовать их «товарищами». Дождались того, что под красными звездами Кремля стоят не герои октябрьской революции, а сексуальный агент Белая Лебедь. Возможно, многие китайские мужчины желают повстречаться с Белой Лебедью. Белая Лебедь — имечко сексапильное, пробуждает фантазии. Позиция советской стороны сначала состояла в критике догматизма и троцкизма Мао, а потом превратилась в критику китайского «правого оппортунизма», реформ и открытости. СССР вплоть до последнего времени проводил в отношении Китая открытую подрывную пропаганду.

Возможно, не только дела с СССР обстоят так: на моей памяти множество дел решалось именно таким образом: пылкое и бодрое утро, а когда дело клонится к вечеру, твои надежды оказываются неосуществимыми. Когда сердце твое покроется золой и остынет, а все желания увянут, вот тогда все и случится, все ожидаемое настанет, но прежних чувств уже не будет. Если воспользоваться выражением из народных сказителей сяншэнов, то, пока есть зубы, нет орешков арахиса, а когда появится у тебя арахис, то уже нет зубов...

Поэтому в восьмидесятые годы мы с напряженными и натянутыми нервами готовились бросить вызов Белой Лебеди и в то же время думали, что повстречаться с Белой Лебедью было бы замечательно, это была бы редкостная встреча — с одной стороны, встреча с советским товарищем и надежда на дружбу великих народов, китайского и советского. В телевизионных новостях я уже видел сцену горячих объятий со слезами товарища Чэнь Юня и прежнего руководителя советских специалистов в Китае. Я на сто процентов верю, что, когда два старца обнимались, они были абсолютно искренними.

Вступить в 1983 году на землю Союза Советских Социалистических Республик было для меня радостью и утешением, волнением и страданием, удовольствием и разочарованием. Пограничник очень внимательно досматривал наши паспорта: он поднимал голову и вглядывался в меня раз тринадцать и только тогда признал, что товарищ на фотографии в паспорте — это я, тип, который пришел в мир сорок с лишним лет назад. Я никогда раньше не видал, чтобы мое лицо вызывало такой пылкий и глубокий интерес. Приехав в гостиницу, мы потратили целый час на оформление проживания, при этом наши паспорта сразу же заперли в бюро обслуживания. Грубые голоса и грубые манеры персонала меня, конечно, не должны были удивить. Но я не рассчитывал, что СССР будет таким, я скорее признаю, что скверный сервис — это удел Китая. Многие вещи сделаны грубо и глупо, многие телефонные аппараты в кабинках на улицах сделаны, как колокольчики для глухих. В общественных местах люди ругаются и толкаются. Но сильнее всего меня расстроило то, что песня «Ленинские горы» оказалась куда более трогательной, чем настоящие Ленинские горы и Московский университет. Здание Московского университета выглядело неказисто.

Когда мы вспомним годы молодые,
Песни тех лет снова зазвучат...

Песню «Ленинские горы», наверное, по-прежнему поют, но ленинские горы тех лет, увы, исчезли, их больше не существует. Пение, на самом деле, тоже не такое. Когда я услышал в исполнении духового оркестра Узбекистана «Катюшу» — с большими барабанами, электрическими гитарами, кастаньетами, я не знал, встретил ли я «Катюшу» вновь или же потерял. Может быть, действительно, потерянным был я сам...

В конце концов это была Москва! Осуществление моих долгих мечтаний. Красные звезды Кремля сияли днем и

ночью, как в хорошо известных мне кинофильмах. В праздники отставники, рабочие и служащие украшались орденами и медалями, полученными в Великой Отечественной войне. На берегах Москвы-реки много нуждающихся людей удили рыбу. Повсюду было много революционных лозунгов и не было никаких коммерческих объявлений. Подмосковные леса и луга были пусты и тихи. Повсюду были слышны как будто некогда знакомые (однако вовсе незнакомые) популярные советские песни. Московский Большой театр был так же великолепен и величествен, как и в многократно виденных кинофильмах. Там я послушал оперу Глинки. Повсюду были бронзовые изваяния Ленина в разных позах, но в едином духе великой мудрости и священной вечной нетленности. Мы также увидели на Красной площади мавзолей Ленина, посмотрели на торжественно стоящих перед мавзолеем часовых, увидели длинную строгую очередь к останкам Ленина. Ну, а Сталин? Бранить и проклинать Хрущева бесполезно, и время и облик нашего Сталина ушли и не вернутся вновь. Вот мы и будем медленно и мучительно взрослеть.

В СССР я провел десять с лишним дней и каждый день спрашивал себя: это СССР? Это та страна, в которую я безгранично стремился, а потом чрезвычайно боялся? Тот СССР, который меня радовал, а потом огорчил? Это я сам? Я приехал в СССР или навсегда потерял его?

Грезы и сны моей молодости, можно ли здесь обрести хоть малую толику их? «Катюша» и «Красные цветы», «Тачанка» и «Пряха», «Ленинские горы» и «Фонари», «Ночь в порту»... Неужели все это было здесь?

Разговор о дружбе тоже вызывает разногласия. Я не могу позволить себе поучать привычным к роли господина учителя тоном советского бюрократа, читающего наставления китайцам. Когда какой-то чин из МИДа советской стороны начал перед нашей делегацией распространяться, что нужен классовый анализ с марксистской точки зрения для анализа

международной ситуации, и что не надо полагаться на помощь капиталистических держав в строительстве социализма, я уважительно заметил:

— Наш курс — опора на собственные силы, потому что даже друзья способны на предательство и измену: мы, китайцы, увы, хорошо знаем об этом.

Один раз был случай, когда какой-то большой чин советской стороны сказал, что примет нас, но в назначенное время не явился, и нас оставили дожидаться его в комнате для встречи. Я немедля ушел в ближайшее кафе, хотя тогда я выпил самый скверный кофе в моей жизни. Почти такой же скверный, как и произведенный в Шанхае в пятидесятых годах брусок кофейного чая. Я также уведомил работника советской стороны, что через двадцать минут вынужден буду уехать, потому что через сколько-то минут я жду важного телефонного звонка из Пекина. Чтобы выразить чиновнику советской стороны свое недовольство тем, что он не соблюдал назначенное время нашей встречи, я запланированное время нашей встречи с тридцати минут сократил до десяти, и, пока он без умолку трещал о том, что СССР против империализма, колониализма, сил войны и промежуточных сил, я беспрестанно смотрел на часы, выказывая нетерпение. Потом, сказав несколько слов о великих успехах китайских реформ и открытости, указал, что если социализм не способен разрешить вопрос о развитии производственных сил, то он не устоит на ногах... и не стал ждать, когда он поймет смысл сказанного, поднялся, поблагодарил хозяина за горячий и щедрый прием, немедля попрощался и удалился.

После этого я собирался пойти к Катюше, я думал, что мы оба затерялись в своих великих странах среди великих народов, и теперь существуют только особые отношения двух великих социалистических государств, и нету ни Вана, ни Ваня, ни Кати, ни Катюши.

Перед поездкой жена сказала мне, что она верит, что в СССР я смогу увидеть Катюшу. У жены время от времени

появлялось сильное и непонятное предчувствие с убедительной и непосредственной самоуверенностью. Убедительность и непосредственность — как сестры-близнецы. Как-то она сказала, что наш сын сможет на крупных молодежных состязаниях по облавным шашкам вэйци занять третье место, в результате он действительно завоевал третье место. Она раньше говорила, что мы сможем в 1983 году переехать в новый дом, именно так и случилось. На самом деле, ею предсказанного и потом не осуществившегося тоже было немало, но она запоминала только то, что сбылось из ею предугаданного, и все больше и больше верила в себя. Что поделаешь? Женщинам свойственна одухотворенность и даже ведьмовство.

Утром в день моего отъезда жена вдруг сказала:

— Да, ты сможешь увидеть Катерину Смирнову...

Я с ней поспорил, но бесполезно. Жена уже для меня придумала подарок: мой дед оставил карманные часы со звоном, и она предложила подарить их Катюше. И не считаясь с возражениями, она просто втиснула эти часы мне в руки.

Я не знаю почему, но я всегда думал с кем-нибудь обсудить Катюшино дело, но вначале не мог найти приятеля для такого разговора. Только когда «культурная революция» завершилась, я познакомился с незамужней женщиной, которая потом стала моей женой. На первом же свидании я говорил с ней о Катюше. Потом она сказала, что ей понравился этот мой рассказ и тогда она решилась стать моей женой.

По прибытии в Москву я набрался храбрости и обратился к принимающей организации с просьбой разыскать и организовать встречу с Катериной. Но так и не решился заговорить. Через три дня мы поехали с визитом в Грузию и Узбекистан. Я для встречи с Катюшей никаких усилий не прилагал и никаких особых надежд не питал. Итак, я как раз возвратился в Москву с родины Сталина Тбилиси. Накануне отъезда из СССР, когда все дела уже были сделаны, мне внезапно позвонила Катюша. Услышав ее голос,— я сразу же узнал его,

хотя с годами он сделался хрипловатым,— я заплакал. От волнения она тоже плакала. Она по телефону непрерывно напевала мне «Пряху» и боялась, что я не понимаю, поэтому на полурусском-полукитайском языке восклицала:

— Москва—Пекин! Сталин — Мао Цзэдун!

По моим расчетам, тогда ей уже было шестьдесят четыре года. Русские стареют быстрее, чем восточные люди. Волосы у нее были седые, а лицо в морщинах, когда она пришла ко мне. Она обняла меня при моем переводчике; я попросил переводчика присутствовать при встрече с ней, с одной стороны, ради языка, но, скорее, чтобы не возникло каких-либо неясностей, хотя она и не могла быть «Белой Лебедью». Она расцеловала меня в обе щеки, я тоже поцеловал ее в руку и в лоб. Она немного пополнела, у нее появился двойной подбородок, а волосы поредели. У нее была очень короткая стрижка, но фигура по-прежнему оставалась красивой. Пусть ее волосы были седыми, но они сохранили яркий блеск, серебряный блеск, и двигалась она легко и изящно. Она носила чайного цвета темные очки в красной пластмассовой оправе, которые мешали мне разглядеть ее глаза и увеличивали для меня расстояние между нами. Даже когда она целовала меня в щеку, я ощущал, что нас разделяют скверного качества очки. Катерина сказала, что за эти два года наши государства возобновили обмен делегациями, и она постоянно наблюдает за приезжающими из Китая гостями, и вот она дождалась старого друга и коллегу. Она сказала, что во второй половине шестидесятых годов она из Ленинграда переехала в Москву и с тех пор всегда участвовала в деятельности общества советско-китайской дружбы. Она сказала:

— Как бы то ни было, самое прекрасное время моей жизни я провела в Китае. Там я прожила пять лет. Это было мое золотое время. Тогда китайская революция только-только одержала победу, новый Китай был только что основан, социалистический лагерь сразу стал таким могучим, китайско-советское

единство было нерушимым, наши идеалы были так прекрасны, вы так радовались, мы так радовались, мы так верили, китайские товарищи к нам относились так хорошо!

И она заплакала...

Вместе с ней пришел низенький толстый старичок с синими жилами на руках, по виду — транспортный рабочий. Вначале я подумал, что это ее муж, но она объяснила: это ее сосед. Он был автором слов песни «Москва—Пекин». Старичок взволнованно рассказал, что с тех пор, как советско-китайские отношения испортились, его песню никто не пел, и он очень страдал. А сейчас он надеется, что народы двух государств сплотятся, чтобы бороться против военных устремлений американского империализма. Он говорил и говорил, а потом запел «Москва—Пекин». Он громким и взволнованным голосом произносил все те же пустые и бессмысленные слова. Только тогда я осознал, но, конечно, не мог высказать, что о словах песни «Москва—Пекин» нельзя сказать, что они хорошо написаны. Эти слова написаны весьма догматично, они громкие, но неискренние, ненастоящие. А в то же время как же иначе? Мы все любим петь, громкие, но не подходящие слова тоже пришли из жизни, а пришедшие из жизни требования, даже догмы, сначала тоже могут быть правдой, наполненной жизненной силой. Видимо, у этого советского товарища мозги закаменели тридцать лет тому назад, так что я только кивал ему головой, выражая вежливость и благодарность.

Я расспрашивал Катерину о жизни, она сказала, что у нее есть дочь по имени Светлана, она работает на Дальнем Востоке, но каждый раз на «праздник елки» приезжает навестить ее. «Праздник елки» — это, на самом деле, праздник Рождества. Поскольку в СССР не поощрялась религия, то ежегодно 25 декабря объявлялось «праздником елки». Я тотчас спросил об отце ее дочери. Катерина в ответ улыбнулась мне хорошо знакомой улыбкой «от сладкого к горькому» и произнесла:

— Нет, у нее нет отца, я не выходила замуж.

Я смутился, поспешил извиниться и вытащил приготовленные ей в подарок карманные часы со звоном. Я специально сказал, что это моя жена дарит ей, потому что она заранее знала, что мы можем в Москве увидеться. Она снова рассмеялась, но на этот раз никакой горечи в ее смехе не было.

Она достала подарок для меня, и я чуть не вскрикнул. Это был пакет грязно-серых макарон и банка квашеной капусты. Она сказала, что помнит, что я люблю кушать лапшу, и хочет, чтобы я попробовал приготовленные из картофельной муки советские макароны. Хотя они черные и неприглядные, но очень вкусны и питательны. Что же касается квашеной капусты, то она ее сама приготовила.

Это действительно было величайшее недоразумение. Не припомню, чтобы я настолько сильно любил макароны! Откуда она могла знать, что я любил кушать? Может быть, когда мы в первый раз беседовали о деятельности комсомольских постов контроля за качеством, у меня на столе стояла чашка с макаронами? Если так, то эта чашка макарон тоже не была мною куплена в столовой. Но мне так и не представился случай, да и не было необходимости расспрашивать ее подробнее. Многое в этой жизни остается для нас непонятным.

Вытаращив глаза, я продолжал задавать ей вопросы. В 1961 году посылала ли она «кожаному мячику» или кому-нибудь на фабрике такую посылку? Она засмеялась и ответила:

— Тебе посылала.

Я удивленно воскликнул:

— Нет!

И добавил:

— Но ведь на посылке, кажется, не было ни моего, ни твоего имени!

Катерина засмеялась и сказала, что в то время советская пресса рьяно пропагандировала, что Китай стоит перед ли-

цом голода, и она решила позаботиться обо мне. Она сказала, что понимает Китай, и знала, что в то время, если бы она послала мне вещи, то могла бы доставить мне неприятность, потому что я не был специализировавшимся по иностранным делам кадровым работником и не должен был иметь с иностранцами каких-либо личных связей. А вот с «кожаным мячиком» было не так, она специализировалась на иностранных делах и перед расставанием поручилась ей, что вечно будет ее личным поверенным и самым верным другом. Поэтому она послала две посылки: одну — «кожаному мячику», а другую послала ей же для передачи мне.

— Ты получил? Ты попробовал? Тебе понравилось?

Что же касается ее имени на посылке, то она объяснила, что для надежности отправляла их не сама, а поручила это дело одному знакомому из МВД.

— Ты понимаешь, ты, конечно, понимаешь,— сказала она по-китайски.

Через столько лет ее китайский язык стал гораздо лучше. Видно, она действительно не забыла пятидесятые годы — время нашего сплочения и единения.

Когда мы заговорили о среднеазиатской лапше, она сразу же перестала называть меня «вы» и перешла на «ты». На русском языке это очень выразительно, это показывает значительную степень близости. У меня на сердце сразу же потеплело.

О чем тут говорить? Старые знакомые встретились, расстанемся без скорби. Я вспомнил поэтическую строку Ду Фу:

В жизни не встречаемся друг с другом,
Движемся раздельно, как созвездия Шэнь и Шан.

Это уже нежданная радость. Между тем, «кожаный мяч» сказала, что посылку переслала мне, что в общем верно, но я к «кожаному мячу» (с этого времени я почувствовал, что она уже давно не «маленькая») навсегда затаил неприязнь. Поскольку

Катюша к «кожаному мячу» сохранила прежнее отношение как к верному другу, то я позволил ей сохранить хороший образ китаянки: скажем так, «внутри и вовне — по-разному». Поэтому я на ее вопросы улыбался, смеялся и весело со всем соглашался. Потом я извлек фотографию всей моей семьи. И в этот момент Катерина вдруг показалась мне молодой, как и прежде, такой же, как в песне, как при весеннем солнечном свете, Катюшей.

Когда Катерина узнала, что на следующий день в пять часов дня мы улетаем обратно, она решила пригласить меня к себе домой покушать, что снова заставило меня напрячься. Я поглядел на переводчика, переводчик поглядел на меня. В тот момент я не знал, как ответить правильно. Конечно, я был главой делегации, и переводчик не мог решать за меня. И я предложил первое, что пришло мне в голову: если я пойду, то и вся наша делегация из семи человек тоже должна будет пойти. Катерина оторопела на минуту, но согласилась. «Ты тоже понимаешь»,— молчаливо подумал я.

Спасибо вышнему небу, спасибо китайской революции и китайско-советской дружбе, спасибо Дэн Сяопину и Черняку! Мы у товарища Катерины Смирновой, в ее маленькой квартирке (перед отъездом руководство дало точные указания, как величать персонал советской стороны!), уютной и чистой, провели весело три часа. Товарищ Катя приготовила так много вкусного, чтобы принять нас, в том числе большие пироги с мясом и фруктами, с капустой и рыбой, с сухофруктами и вареньем. Можно сказать, что все на свете было запечено в пирогах, их содержимого было достаточно, чтобы наелись пятеро человек, а по составу это был интернационал, обращенный ко всей поднебесной. Прежде я полагал, что у нее самым лучшим продуктом были чернющие макароны. Это был шовинизм продовольственный, неизбежно принижающий человека.

Увидев мою старую знакомую, товарищи из делегации тоже очень тепло и дружелюбно отнеслись к Кате. Они спросили, есть

ли у нее старые пластинки СССР. Они хотели послушать «Песню о Щорсе», «Песню комсомольцев», «Партизанскую песню», «Солнце за гору заходит», «Катюша», «Соловей», а также песни из кинофильмов «Кубанские казаки» «Счастливая жизнь», «Щедрое лето», «Светлый путь», «Трилогия о Максиме».

Блестя глазами, Катя сказала взволнованно:

— У меня нет этих пластинок. Да я уже почти и забыла все эти песни...

У нее была только «Пряха». Поставив эту народную песню, она подошла ко мне и спросила, не хочу ли я потанцевать с ней. Я трижды отнекивался, потом сделал с ней несколько шагов, но ноги заплетались, и я остановился смущенный, с красными от стыда ушами. Катюша тоже покраснела. Прежние чувства исчезли, и не было уже того вдохновения и трепета. Все китайские товарищи под ее пластинку громко спели хором «Пряху» с таким воодушевлением, словно пели «Интернационал», потом попросили ее выключить проигрыватель, и мы все вместе спели свои любимые советские песни пятидесятых годов. Мы пели и выкрикивали: Соловьев-Седой, Дунаевский, Глазунов, Нечаев, Никитин, Федорова, Рашид Бейбутов, Пятницкий...

Перед уходом мы с Катюшей горячо обнялись. Я вдруг понял: она говорила, что самое прекрасное время в ее жизни было проведено в Китае, и это не был приказ МИДа, и не было сказано для украшения отчетности, и сказала она так вовсе не потому, что не любила свою родину — она ведь вовсе не была синофилом, прокитайским элементом,— и не потому, что у нее в те годы были свои взгляды на советскую политику в отношении Китая... Она говорила о том времени, возрасте, атмосфере... то есть она говорила о молодости, дружбе, вере и энтузиазме самопожертвования. Если я скажу, что в моей жизни самое лучшее время прошло вместе с СССР, смогут ли другие понять меня? Люди могут полагать, что я сталинистский элемент или, еще того хуже, элемент современного ревизионизма

или русского шовинизма и социал-империализма? По крайней мере некоторые читатели в Сянгане этого не вынесут. Когда они увидели рассказ «С большевистским приветом», они были в оцепенении.

При прощальном поцелуе Катюша сняла свои очки, и я увидел ее прекрасные глаза, а еще увидел, как она постарела, морщины в углах глаз выдавали ее печаль и одиночество, тяжелые и пустые годы, не говоря уже о покинутости и бесплодности прошедших лет. Это никого не оставило бы равнодушным.

— Если бы мы всегда дружили, как бы это было хорошо,— проговорила она. И вдруг у нее из глаз хлынули слезы. Я торопливо отвернулся, потому что побоялся не сдержаться сам. Чтобы не расплакаться, я попытался пошутить:

— Товарищ Катя, ты должно быть лучше нас знаешь кинофильм, получивший статуэтку Оскара, «Москва слезам не верит»...

— Ты тоже не веришь моим слезам? — спросила Катя, широко раскрыв глаза. И тут уж я расплакался.

Она не была политиком, хотя в молодости работала секретарем комсомола. А я за свою жизнь хлебнул достаточно политики, однако я знаю, что моя политическая сущность и политическое воспитание далеко не идеальны, я подвел своих воспитателей, не оправдал их доверие и ожидания.

— Желаю тебе и твоей жене счастливой жизни! Мне понравились ваши часы,— сказала она мне вдогонку, когда я выходил из комнаты, а я торопливо поблагодарил ее за макароны.

12

От волнения и радости я забыл записать одну очень важную деталь. Когда я в 1983 году в Москве дважды встречался с Катериной, кое-что меня тревожило, раздражало и огорчало. Этот советский товарищ и в нашем отеле, и в своем

собственном доме то и дело доставала крохотную записную книжку в красном кожаном переплете и что-то туда записывала. Очевидно, она записывала наш разговор. Она всегда держала при себе записную книжку, кроме тех минут, когда обнималась или плакала. Она хотела доносить? Была такая необходимость? Она хотела сохранить записи для архива? Для личного архива или для государственного? У нее и у всех ее соотечественников мания на записи или помешательство на доносительстве? Я терялся в догадках. В тот раз во время нашего визита в СССР почти все советские люди, с которыми мы контактировали, во время разговоров с нами и слушали, и записывали. Может быть, провал эксперимента великого СССР имеет отношение к тому, что у них весь народ стал одержим манией записывания? Чтобы поспеть за быстротой разговора с нами, они крепко сжимали ручку, скрипели зубами и кривили рты, от напряжения они становились похожими на одержимых тайной и непонятной болезнью. Не дошли ли они до того, чтобы записывать во время прогулок, пения, танцев и любовных объятий? Из-за этого я отнюдь не сомневаюсь в их общественном положении, я думаю, что если они, включая товарища Катю, были бы типами, подобными Белой Лебеди, то они, напротив, никогда ничего не стали бы записывать на глазах наших китайских товарищей. Когда Катя стала записывать разговор со мной, я вспомнил, что когда-то, много лет назад, она покраснела, когда я ей упомянул о своей беседе с Семичастным. Потом этот товарищ Се стал главою КГБ. Это КГБ привила всему народу привычку записывать? Они смотрели на это как на что-то естественное, и записывать разговор с иностранцами уже превратилось в их манеру поведения, уже (если использовать терминологию Линь Бяо) растворилось у них в крови и сделалось частью повседневной жизни. Поэтому они могли совершенно бесстыдно записывать и бить в барабаны, ни в малейшей степени не стыдясь и не стесняясь своих записей. Так же как я сам

при первой встрече с нею требовал присутствия на месте переводчика, а при второй встрече, направляясь к ней домой, поторопился созвать всю делегацию

В этот раз во время поездки в СССР только один человек с советской стороны во время общения с нами не делал никаких записей. Это был автор слов песни «Москва—Пекин». У меня нет никаких сомнений на его счет, я рассчитываю взять его в качестве примера для доклада руководству. Мы будем доказывать: советский народ в массе своей по-прежнему испытывает глубокие чувства к китайскому народу.

13

Между Москвой и аэропортом Внуково лежит большой лес и луга. Я не понял, какие это деревья. После того как Катюша сказала: «ты понимаешь», я особенно люблю употреблять слово «дун» — «понимаешь», хотя оно вовсе не означает ни густой, ни пышный. Я знаю, что это не березка, не акация, не пихта и не яблоня. У меня нет оснований утверждать, что это бук. Этот луг казался грубым, запущенным и неухоженным по сравнению с ровными подстриженными газонами с блестящей зеленой травой, которые я видел в Америке и Европе. Много лет спустя, когда СССР уже больше не существовал, я выучил от бывшего президента Ельцина (сейчас я употребляю слово «президент», а раньше употребляли слово «цзунбянь», то есть «главный редактор». После этого я перестал понимать русское слово «главный редактор» — вероятно, это составитель какой-то книги), как и слово «присмотр». «Надо хорошенько присматривать за Россией»,— говорил он. Накануне нового тысячелетия старый Ельцин подал в отставку. Он сказал так, держась за руку исполняющего обязанности президента Путина. Я слушал и был растроган.

Покидая Москву в конце июня 1983 года я долго разглядывал большой буковый лес и луг между городом и аэропортом. Я испытал глубокие чувства к ним, оставленным без хорошего присмотра, но сохранившим природную привлекательность, и к необыкновенно просторной России. Нельзя не сказать: даже без должного присмотра, она еще больше привлекательна и любима. Думаю, она заслуживает того, чтобы жить гораздо лучше и быть более чистой и ухоженной. Вечернее солнце сияло над заросшими склонами холмов, свет и тени были яркими и четкими, северное сухое лето яркостью света далеко превосходило линию экватора. Наглухо закрытая российская земля открывала свою наивность, пыл, романтику и обширный простор. Совершающиеся на этой земле дела по-прежнему неразрывно связаны с нашим поколением китайцев.

Самолет взлетел и взял курс на восток, и я вспомнил советскую песню «На Дальний восток»:

Завтра мы улетим далеко,
Самолет улетает утром рано.
Там течет полноводный Амур
И его сестра Ангара.
Пролетаем Байкал, пролетаем степь,
Теперь мы летим над тайгой...

Я сомневаюсь, что кроме меня, хоть несколько человек, включая и советских людей, смогут спеть эту песню. Самолет сможет пролететь над тайгой, так и неточный перевод не повредит воздействию советской песни на слушателей. Какая колоссальная держава, колоссальная земля, колоссальная забота, колоссальная трагедия, колоссальное падение — Россия!

По-моему, в переводе Лу-си-я звучит лучше, чем Э-ло-сы для России. После знакомства моего с Катюшей моей самой любимой песней была:

Я земной шар чуть не весь обошел,
Но нигде себе любимой не нашел,
А сегодня у себя на родине в России
Я себе любовь и счастье нашел...

Слова песни переведены неуклюже, и эта неуклюжесть напоминает мне пластинки на китайском языке, выпущенные в СССР. Я подозреваю, что первые китайские рабочие, приехавшие в Россию, были шаньдунцами, поэтому говорящие по-китайски русские подобрали для пластинки текст с шаньдунским акцентом. Но и их фильмы, и их песни необычайно вольные, гордые, волнующие и полные жизненной силы.

Мы взлетели в 7 часов 29 минут вечера, задержавшись на два с лишним часа. А что поделаешь? Всегда в СССР почти ничего не начиналось и не совершалось в назначенное время. Поскольку самолеты модели Туполева в смысле безопасности далеки от совершенства, я только горько смеялся и молча читал про себя молитвы о сохранении жизни. В песне «Катюша» последние слова о том, что Катюшина любовь сохранит тебя. В молодости я слишком отдавался революции, насчет слова «сохранит» у меня были подозрения, что у него сильный религиозный подтекст.

В Москве в июне темнеет поздно, и уже через пару часов брезжит рассвет. Занавески на иллюминаторах тоненькие и голубые. Я в СССР почти все ночи провел без сна. В семь часов вечера, когда мы взлетали, повсюду по-прежнему был ясный дневной свет. Мы летели с запада на восток навстречу движению солнца и пролетели больше часа, пока алая заря не окрасила небосвод. Иными словами, на земле под самолетом из-за разницы во времени уже должно было быть около десяти часов вечера. Солнце быстро опускалось к линии горизонта, я видел ярко-красный, крупный с четко очерченным контуром образцовый, идеальный огненный шар. Алая заря стала меняться на фиолетовую, голубую, черную,

которые полосами проходили по небу, а небо смотрелось как разноцветный экран. Цвет дальнего горизонта чем дальше, тем становился темнее, заходящее потемневшее солнце вдруг сразу же утонуло. Сердце продолжало биться в прежнем ритме. Солнце после захода по-прежнему оставляло на небосводе красные, фиолетовые, голубые и черные заревые полосы, за которыми просматривалось не совсем еще потемневшее небо. Эта остаточная подсветка по-прежнему свидетельствовала о солнечной мощи. Потом ясная подсветка постепенно стала меркнуть, цветные заревые полосы начали сливаться, и небо совершенно потемнело, занавес ночи плотно и надежно накрыл небеса, но это происходило гораздо медленнее, чем я ожидал.

Все это вполне обычно и не расходится с привычным повседневным опытом, хотя в прошлом мы не прощались так близко с солнцем и светом белого дня. К счастью, прошло мгновение, может быть, пять минут, может быть, немного больше, даже, может быть, час — и все переменилось: темное и черное, как океан, небо вдруг пронзил свет. Солнце зашло, и странное ощущение остановившегося времени внезапно охватило меня. Я все вспомнил и все забывал, все воспринимал и ничего не воспринял, я только думал о Катюше, думал о поре нашей молодости, думал о китайском и советском народах, думал об этих песнях, которые некогда опьяняли нас до безумия, думал о молодости людей нашего поколения. Я внимательно следил за заходящим солнцем и увидел, что лучи его еще не совсем исчезли, как вдруг точно на том же месте, где только что закатилось солнце, я увидел бледный проблеск. Я вздрогнул от изумления, полагая, что на крыле самолета зажегся сигнальный огонь, но всмотревшись пристальнее, увидел, что никакого нового цвета у него не было, вокруг по-прежнему была ночная тьма. Весь небосвод оставался черным бескрайним и безграничным океаном, в который погрузилось заходящее солнце, не находя ни

дна, ни края. Однако с того момента, как я увидел мерцающий бледный проблеск, океан начал волноваться, по нему пробежала дрожь, как будто потянул легкий ветерок, как будто дрожащий звук скрипки заставил его ровную поверхность завибрировать, словно мои раздумья растрогали великий океан; приближается буря или рождается новая жизнь? Океан содрогается, и в схватках исторгает полосы багрово-фиолетового, темно-серого, темно-зеленого... Начинают появляться просветы, океан раскалывается — что же случилось? Океан закипает и вздымается. На горизонте рождаются волны — красные, зеленые, фиолетовые, серые, белые — всех цветов. Все это разноцветье смеется над ночной унылой чернотой и расталкивает ее. Цветная заря пренебрегает тьмой ночною, и ее в ночи не удержать. Заря прорывает мрак и темь, и эти разрывы сливаются в единое целое. Заря зажигает весь небосвод всеми цветами радуги. Проходит несколько мгновений, пока я, запоздало понимающий и чувствующий все происходящее, вдруг осознаю: это солнце взошло! Вечерняя заря в мгновение ока обратилась в утреннюю зарю. Едва закатившись, солнце тотчас же, без промедления, снова взошло.

Это был самый волшебный восход солнца, который я видел в своей жизни: не над океаном, не высоко в горах, не на рассвете по зову инструктора, или звонку телефона morning call или звону будильника. Это ощущение было совсем другим, не таким, как отчаянный поиск солнца в полусонном состоянии в накинутой на плечи полураспахнутой меховой шубе. На этот раз я встречал восход солнца высоко в небесах. И до, и после, когда я наблюдал солнечный восход, самым интересным было находить место, где взойдет солнце.

— Где? Где? — вопрошали друг друга люди, разыскивая в небе место восхода солнца.

А я прекрасно знал, где находится солнце летом на севере. При безоблачном небе солнце только окунулось в океан

черноты, словно нанесло стремительный удар, словно окунулось в море, чтобы умыться, словно выполнило обряд захода и завершения дня, совершило переход от вчера к сегодня, а потом, словно почерпнув духовные силы от праматери-земли, вновь засияло утренней зарей и явилось обновленным и сверкающим во все стороны. Внезапно солнце возродилось, скинуло одеяние зари и засветилось всем своим многоцветьем. И я увидел и уверился, что это все то же, одно и то же солнце, одно и то же небо, одно и то же великое и всеобъемлющее пространство и время. Воистину, я собственными глазами узрел, что солнце не может погрузиться навсегда, солнце скрывается и сразу же снова встает, солнце — источник всех радостей, солнце навечно вместе с нами всегда.

Поэтому я погрузился на радостях в страну полугрез-полуяви, погрузился в приснившуюся мне победу СССР, увидел красное солнце утренней зари, вошел в идеальную страну моей души, вошел в глубокое и вечное чувство любви к Катюше, обрел самые прекрасные чаяния человеческого существования, снискал самое прекрасное удовлетворение, погрузился сердцем в песни и музыку СССР, России и нового Китая. Я вспомнил слова приехавшего из Яньани певца революционных песен: «Как победила китайская революция? С песнями победила! Если говорить только с военной точки зрения, победить гоминьдан, боюсь, было страшно нелегко. Однако мы пели песни, сердца людей были на нашей стороне. Если не верите, то сравните: какие песни умеет петь гоминьдан. Ну, а мы...»

Здесь надо пояснить вклад советской песни в китайскую революцию.

Наша молодость — громко, во весь голос поющая молодость, наша революция — громким голосом поющая революция, нет больше никакой другой революции, кроме нашей, которая подарила бы миру такое количество прекрасных песен.

Наша любовь была как песня, как поэзия, как мелодия, как Пушкин, как Чайковский; иными словами, как «Погасло дневное светило», как «Лебединое озеро», как симоновские стихи «Жди меня» — вот такая любовь! Пусть вечно зеленеет нерушимая дружба китайского и советского народов! Во сне, обнимаясь с Катюшей, я всегда вспоминал этот лозунг. Мне стало смешно, и я засмеялся. Лозунг — это клише, идеологема, он вначале тоже взят из жизни, взят из подлинного чувства, взят из наших снов, взят у солнца в момент его погружения при заходе немедленно, сразу же перед восходом.

Китайский и советский народы. Нерушимый. Нерушимая... Для дружбы, любви, сновидений нет лучшего слова для описания, чем нерушимая. Катюша ступает по крутому бережку, и песня звенит, как солнечный свет весной. А молодая пряха вечно сидит у окна. Молодость пройдет, дружба столкнется с непредвиденными политическими бурями, лозунг может заржаветь, и даже любовь может состариться, а о половом влечении, общем для всех, тем более нечего и говорить. Есть только песня, которая вместе с солнцем пребудет вечно, и, как только закатится, снова взойдет. Песня, прекрасная, как свет молодости, остается нерушимой.

14

Я уже говорил, что в ресторане «Катюша» от входной двери надо спускаться вниз по лестнице на несколько ступенек. Это место, где расположены столик для чая, цветочная ваза со свежими цветами, рекламные карточки, подаренные клиентам записки, цепочки для ключей и прочие мелочи и сувениры, я называю холлом. Если подняться вверх на несколько ступенек, то вы попадаете в ресторанный зал, который тоже

на разных уровнях, верхнем и нижнем, а не ровный, что создает у людей впечатление неравенства. Два самых больших продолговатых стола поставлены на самой высокой площадке. Таким образом этот ресторан выглядит очень объемным: после входной двери — холл, который превратился в место ожидания, разделяющее внешний мир снаружи и крохотный ресторанчик внутри, нечто похожее на смотровую палату в больнице или зал ожидания подачи блюд в ресторане «Москва» в те давние годы. Все посетители невольно задерживались в этом помещении, приводили себя в порядок, прихорашивались, осматривались вокруг. И среди них самым энергичным был тот пожилой представительный мужчина, который заказывал песню «Ленинские горы» — я привык называть его седовласым стариком. Не могу сказать с уверенностью, зависть это или презрение, ревность или же восхищение, но, если только я приходил в ресторан раньше, то постоянно посматривал на холл, ожидая увидеть этого старика. Его появление каждый раз было похоже на артистический выход, настолько изысканно он был одет. Если не богач-нувориш, то уж наверняка торговец-оптовик, тот, который с ребяческой наивностью гоняется за модой. Спустившись в холл, он встряхивал копной волос, осматривался по сторонам, расправлял грудь и вытягивал шею, тихо смеялся, раздувая ноздри, склонив голову набок, или же левой рукой поправлял волосы, но завершающим жестом было засовывание правой ладони в карман брюк. После чего, ни на кого не глядя, он шествовал к выбранному столику, должно быть, заранее заказанному. Он шагал широко, уверенно, словно хотел продемонстрировать, что никогда не болел полиомиелитом и по сей день не страдает ни ревматизмом, ни болезнью Паркинсона. Его приход вызывал в ресторане заметное оживление, хозяин и бухгалтерша, вся обслуга, официантки и официанты радостно восклицали, чтобы выразить приветствие дорогому гостю. Но больше всего меня раздражало, что все присутствующие,

все, кто уже сидел за столами и кушал, чавкая, ахая, завидуя, поворачивались и глядели на него. Потому что он, хотя и был стар, изображал дурня, а еще больше потому, что он каждой морщинкой и каждым волоском на голове, каждым движением от взмаха руки и до малейшего шажка, каждым своим взглядом выставлял напоказ сытое благополучное самодовольство. Когда я с отвращением смотрел на этого человека, то вдруг совершенно не к месту вспомнил такое сравнение: я как честный нищий наблюдаю за пьяным разгулом швыряющего деньги бандита, как немощный больной, слежу за разнузданной оргией... Я гляжу на него так, будто уже нечего ждать: словно и впрямь рыночная экономика погубила все хорошее, все доброе — все, что было...

Седовласый старик часто появлялся в сопровождении женщин намного моложе себя. Его спутницы ничем особо не выделялись — ни внешностью, ни одеждой — только вот косметики, пожалуй, на них было многовато. Лица их были чересчур напудрены, и это привлекало к себе внимание, хотя я в общем не против пудры и грима ни у мужчин, ни у женщин. Он явно не состоял в законном браке с этими женщинами, и их отношения не соответствовали нормам морали. В нынешнем обществе слишком многое не отвечает моральным нормам, и так многое происходит открыто, что я действительно не берусь судить, относится ли это к прогрессу в правах человека и раскрепощению сознания, или же это падение и разложение, капитуляция, которой нужно отчаянно сопротивляться?

В этот вечер он не появился и не занял свое излюбленное место за третьим столиком. Не было и женщины, которая с ним ужинала.

Главным преимуществом их стола было расположение его в самом укромном месте ресторана. Сидя там, было очень удобно рассматривать всех остальных, самому оставаясь практически незамеченным. Эти места располагались очень

близко к русским музыкантам и певцам. У меня создавалось впечатление, что такой тип любит показать себя в обществе и покрасоваться, а чтобы вершить свои дела, любит укрыться в укромном уголке. Он должен быть разносторонне одаренным человеком, и с военным, и с гражданским дарованием.

Но в этот день вечером он пришел и сел за заранее накрытый стол, большой, продолговатый, который стоял в ресторане на самом видном месте, прямо напротив середины сцены. На столе уже разложили двадцать приборов, двадцать салфеток, приготовили двадцать стульев. Это впечатляло. Старый тип, как только заявился, потребовал бутылку фирменной водки и блюдо черной икры. Подошел к столу и, опираясь рукой о стул, выпил стакан огненной воды.

Да, он пригласил гостей, и пришли к нему только иностранцы, вероятно, большинство русские, но возможно, был и кое-кто из других государств СНГ. Был один с маленькой бородкой и широкоскулым монгольским лицом, на которого я чем дольше смотрел, тем больше думал, что он казах или киргиз. Среди его гостей была только одна женщина — низенького роста блондинка с большими глазами и громадной, очень странной родинкой на губе. Она была одета в блестящую плотно облегающую кожаную одежду, сверху красную, а внизу — коричневую. Извините, это заставило меня вспомнить знаменитый голландский «желтый» город Амстердам, где в окнах сидят проститутки и зазывают клиентов. Она была возбужденной, отвечала на реплики остро и умно, выглядела, как фехтовальщица перед поединком. Заняв место, она тут же принялась звонить по мобильнику и принимать вызовы. Уж не знаю, были ли такими срочными коммерческие дела, или же звонок ей был заранее давно оговорен как сигнал от «большого брата». По-русски она говорила очень быстро, но я все же различил отдельные словечки: деньги, рубли, доллары, юани, компьютеры, оцифрование, микроволны, медикаменты, косметика и такая международная проблема,

как «загрязнение окружающей среды». Ее фрикативные звуки звучали очень странно, язык так дрожал, что у меня началось сердцебиение. По-моему, фрикативные звуки из уст русских девиц немногим отличаются по впечатлению от танца фламинго.

За этим столом было несколько «заядлых» курильщиков, которых раздражал прокуренный воздух в ресторане. В нашем городе опубликованы административные правила, запрещающие курение в общественных местах, однако их никто не исполняет. Это заставило меня вспомнить оценку Китая от одного сингапурского друга: Китай — самая свободная страна на свете. Потому что он как-то увидел в столичном аэропорту людей, в том числе работников аэропорта, под надписью на двух языках, английском и китайском, «Просим не курить», которые стояли и курили в клубах дыма. В конце концов этот сингапурский друг обнаружил в поисках свободного от табачного дыма места надпись «курительная комната». Только в курительной комнате действительно никто не курил. Конечно, здесь говорится о ситуации восьмидесятых годов. Я несколько раз пытался внушить седому и нарядному гостю, что наши братья из любимой России и СНГ не хотят курить, но в конце концов перестал. Меня это не злит, а, скорее, огорчает.

В этот вечер их стол занял в ресторане центральное место, так что стеснил всех остальных посетителей. И казалось даже, что русская девушка пела специально для них, для этих «высоких гостей». Она то и дело подходила к их столу и особенно много общалась с седовласым нарядным господином, что не могло не раздражать.

И вот что еще меня огорчало: в тот вечер она пела много американских песен: о «Титанике», о любви, воспоминания о прошлом, «Вчера» и другие. Эти песни я все люблю, особенно «Оглядываюсь на прошлое», песня из кинофильма об американском коммунисте во время разгула маккартизма в пятидесятых годах. Ни американский, ни российский прези-

денты, никакая политическая партия не сотрет героическую историю борьбы левых сил всего мира, и не стоит опасаться, что эта борьба и жертвы были бессмысленны. Но я все же чувствовал себя как потерянный, как будто в этот вечер я сам ошибся дверью и пришел не туда, куда намеревался прийти. Русская певица приехала в Китай, чтобы петь американские песенки,— что же это такое в конце концов? Американские компьютеры, реактивные гражданские самолеты и бомбардировщики лучшие в мире — поэтому их песни тоже самые лучшие? В этом мире именно такой расклад сил!

Русская девушка-певица все же очень милая. Видимо, почувствовав, что в этот вечер мы с женой оказались в одиночестве, она, после того как спела для того стола много американских песен, подала знак оркестру и подошла ко мне. Она нежно улыбнулась, лицо у нее было очень бледное и необыкновенно пленительное. Она начала петь старую советскую песню «Далеко-далеко». Я выучил эту песню сравнительно поздно, уже в 1955 году. Во время загородной прогулки я забрел в западном предместье на старое кладбище в кипарисовой роще и услышал, как вдалеке на строительной площадке играют на трубе эту песню. Я ощутил в ней присущее советским песням светлое начало, глубокую эмоциональность и меланхолию. Я вдруг почувствовал себя несчастным. Рядом с кладбищем протекал извилистый ручеек, росли травка и полевые цветы, бабочек было больше, чем где-либо еще в городе, громко пели перед наступлением темноты ночные насекомые, несколько высоких сосен качали своими вечнозелеными верхушками, словно зазывая гостей. Я думаю, что именно эти гостеприимные сосны определили последующую судьбу этого клочка земли. Когда начался «большой скачок», здесь соорудили самый высокий во всем городе отель паркового типа, предназначенный исключительно для глав и премьер-министров иностранных государств, и с того момента здесь образовалась строжайшая запретная зона.

Песня девушки «Далеко-далеко» брала за живое, по крайней мере, так можно было сказать обо мне. Она заставила меня вспомнить виденный мною заход и восход солнца на обратном перелете из Москвы в Пекин. Я не знаю, почему люди часто бывают такими слабыми и в старом возрасте могут во всех подробностях вспоминать свои молодые годы, которые отнюдь необязательно были такими уж прекрасными и замечательными. Говорят же, любое чувство со временем станет воспоминанием, только то время уже пройдет. Говорят же, все случившееся сможет обратиться в дорогие сердцу воспоминания.

После далекой-далекой песни зазвучала «Пряха». Когда закончилась эта песня, седовласый щеголь, обняв за талию барышню в кожанке, повел ее на танцплощадку, и они принялись отплясывать. Они танцевали очень хорошо, только во время танца на наручных часах барышни непрерывно позвякивал колокольчик — и это меня тоже раздражало. Обычно, рассуждал я, снова и снова приходил я сюда «откушать и песни послушать», а послушав советскую песню, расплакаться; после того, как постарел, мог найти здесь такое местечко, чтобы посидеть, вспомнить прошлое, погоревать об ушедшем времени, ибо я полагаю, что прошлое — не струйка дыма. Настоящее чувство пребывает всегда и становится чувством гордости; вечнозеленые горы не стареют; а ведь это тоже наслаждение! Но после пляски щеголя с барышней мне внезапно расхотелось, чтобы она пела «Пряху». Все, что поется слишком часто, приедается и теряет свою прелесть и остроту. Многое, многое, из-за того, что было сказано слишком много раз, потеряло свою ценность. Возможно, я должен еще глубже схоронить эту песню в душе моей. Забыть, ибо есть время вспоминать, а есть время повторять, и даже не самые дорогие воспоминания. Иногда самое лучшее и самое драгоценное легче всего забывается. Превратить их в повесть? Чем вымышлять на подлинном, лучше вымышлять на

вымышленном. Подлинное не надо вымышлять, истину не следует вышивать словесными узорами, она никогда не была материалом для слов. Результат отражения истины словами может быть губителен для истины. Воплощением ее может быть только действие. Но человеку, не достигшему семидесяти лет, трудно понять эту истину.

15

Весной 1991 года, уже накануне распада СССР я, наконец, принял Катюшу у себя дома. Когда она приехала, ей было семьдесят два года, и моя жена пришла в совершеннейший восторг, потому что она всегда хотела увидеть Катю. Два дня и две ночи жена без устали прибиралась в доме, и я почувствовал, что приезд Катюши окажется для нас нелегким. В первый же день ночью в 3.40 жена меня разбудила вопросом, купить ли для Катюшиного приезда эквадорские импортные бананы или же лучше подойдут крапчатые бананы из Гуанси? Я чувствовал себя дурак дураком. Чтобы встретить Катюшу, я вполне могу себе позволить поставить на стол австрийский шоколад, бразильский кофе, датское печенье, тайское манго, американские сладкие апельсины, австралийскую черешню, израильскую дыню. Я уже могу разложить на моем диванном столике продукты со всего мира. Но я боюсь уязвить этим русскую, к тому же я должен учитывать Катюшины симпатии к Китаю и приготовить для нее побольше национальных блюд и продуктов местного производства. Я высказал свое мнение, но жена меня не поняла. Она сказала:

— Это пустая болтовня, к счастью, она не вышла за тебя замуж!

Я рассмеялся таким счастливым смехом, каким не смеялся уже давно.

Она приехала в Китай вместе с делегацией советско-китайского общества дружбы. В нашем городе они провели только один день и одну ночь. Времени было мало, но, приехав в Китай, она позвонила мне по телефону и согласилась по прибытии в наш город после полуофициального ужина прийти ко мне. На самом деле, в этом ужине я тоже мог бы участвовать, но, поскольку не получил извещения, то не хотел идти хлопотать и прорываться, а просто спокойно ожидал дома. К счастью, китайцы, особенно в небольших городках, ужинают рано, и в половине девятого они уже пришли: Катерина Смирнова и замглавы делегации, китаевед и дипломат, присутствовал также сопровождающий с китайской стороны — молодой человек по имени Чжао. Когда я в 1983 году был в СССР, этот дипломат давал банкет для меня и моей делегации. Выглядел он важным и солидным, с рыжими бакенбардами на щеках и генеральским брюшком, говорил он, надувая щеки, разглагольствуя о том, что СССР — самый могучий щит и главный представитель всех прогрессивных сил и новой жизни, мира и справедливости. Снова и снова он предлагал тосты за чистое небо (это заставляло меня вспомнить, как перед «культурной революцией» мы яростно критиковали одноименный кинофильм режиссера Чухрая), за дам, за свежие цветы и за прекрасное вино. Его тост за вино был полон искреннего человеческого чувства, но, к сожалению, во время моего визита в СССР я повсюду выслушивал такие совершенно одинаковые, словно написанные под копирку тосты, и это сильно подпортило мое впечатление от них. В нашем вежливом общении без споров тоже не обходилось, я подчеркивал, что историческая задача построения социализма в Китае может быть решена только китайцами, а китайцы полагаются только на свои собственные силы и разум, полагаются на собственные выводы из реальной действительности.

В этот раз старый ветеран сам попросил Катю взять его с собой ко мне в гости, и я, конечно же, принял его гостеприимно.

Возможно, из-за утомительной дороги Катя на этот раз выглядела постаревшей и разбитой. За прошедшие шесть лет она, казалось, сильно постарела, но самое ужасное, что она ходила по-стариковски на плохо гнущихся ногах. Я увидел, что ей стало трудно поднимать ногу и делать шаг. После этой встречи я почувствовал, что и мое левое колено с трудом сгибается: неужели же я заразился этим от Катюши? Пришлось обратиться в больницу к хирургу. Доктор сказал:

— Никакого закаливания! Это может только повредить. Человек состарился, ревматизм мог сказаться на коленной чашечке, и это не лечится. Можно оперировать, но после операции состояние вашего колена может ухудшиться. Таков естественный закон. Никто не может рассчитывать на долгожительство без старения.

Я очень удивился. Почему такой молодой заведующий хирургическим отделением потратил так много слов на разговор с больным?

К их приходу я приготовил сухие и свежие фрукты: манго, яблоки, ананасы, курагу, чернослив, гавайские фрукты. Кроме того, я выставил купленную в Австрии коробку шоколадных конфет с золотым портретом Моцарта в качестве торговой марки. Еще приготовил итальянский черный кофе в специальном кофейнике. В результате, как только мы увиделись, сразу же заговорили о рыночном снабжении. Дипломат, словно олицетворяя голодную Россию, набросился на фрукты, съел три шоколадные конфеты, выпил подряд три чашки крепкого и ароматного итальянского кофе. Он ел и пил и громко выражал надежду, что я упакую для него сухофрукты и конфеты в подарок его жене. Потом он снова вернулся к своей теме и все время твердил:

— Мы потерпели поражение, наш социализм потерпел поражение, наша КПСС потерпела поражение, наша реформа тоже потерпела поражение...

Такими «серьезными политическими оценками» он оправдывал свое обжорство и алчность, предлагая теоретическую базу. Какие жалкие людишки, если у них в карманах мало американских долларов, а за пазухой мало шоколада или не хватает на крепкий кофе — когда в прошлом тысячелетии, в 1983 году, я ездил в СССР, я еще тогда отметил, что советский кофе был наихудшим в мире: на вкус он был как вода, которой мыли кофейные чашки, его запах был затхлым и неприятным.

Я вовсе не хочу посмеяться над известным и видным китаеведом, который давно, еще в сталинскую эпоху, уже был дипломатом. Я вспоминаю, в начале шестидесятых годов Хрущев смеялся над китайцами, что они втроем носят пару штанов и хлебают пустой суп из большого котла,— даже в то время и при тогдашнем настроении я был абсолютно не способен смеяться над старыми учеными и дипломатами, которые мне в учителя годятся.

Хорошо еще, что Катюша не стала слишком долго и много говорить на эту тему, она только печально и грустно улыбалась, выдавая свое недоверие и сомнение. Что же до старого ученого и дипломата, то он скоро устал и замолчал, чтобы отдышаться, вот тут Катя и высказала свои огорчения по поводу возвращения в Китай. Она сказала, что здесь появилось так много высотных зданий и дворцов, совсем не похожих на Китай, и ей даже показалось, что она приехала в ГДР.

— Однако демократическая Германия уже в октябре прошлого года присоединилась к Западной Германии.

Это не я ей сказал, а напомнил старый ученый дипломат.

Она легонько вздохнула, и я вспомнил выражение: вздохнет, как цветком одарит.

— Говорят,— произнесла она,— наша фабрика уже много лет как закрыта.

Я подыскал подходящие слова и ответил:

— Наша фабрика уже выполнила свою историческую задачу.

Громко рассмеявшись, она сказала мне:

— Да, мы все выполнили свою историческую задачу. История уже давно отбросила нас далеко прочь...

Не знаю, когда она говорила «нас», имела ли она в виду себя и других советских, или же этого старого ученого дипломата, или же включала и меня.

Перед ее уходом я снова внимательно вгляделся в ее нетвердую неровную походку. Скорбь и растерянность охватили меня, я знал, что могу забыть ее, точно так же, как она и ее соотечественники могли забыть о нас, о целом поколении любящих СССР людей.

Уходя, она спокойно сказала мне:

— Еще до моего рождения Ленин говорил поколению моего отца, что придет время, и будет хлеб, и будет масло, все будет, но не сейчас. Потом, когда я вступала в пионерский отряд, Сталин сказал нам, что надо туже затянуть пояса и строить социализм... Потом Хрущев убеждал нас, что в таком-то году СССР построит коммунизм. Сейчас опять нам говорят о каких-то реформенных трудностях... Что ж? Наша судьба — терпеть и ждать. Ждали целое поколение, и снова будем ждать целое поколение...

Я связал два узелка продуктов, отдал ей и замглавы ее делегации, который когда-то блистал. Она отказывалась принимать, а замглавы делегации сказал:

— У меня дома большая семья, и если кто-то стесняется принять, то отдайте все мне.

Моя жена настолько разволновалась, что свои только что сделанные на заказ очки, с меняющимся цветом стекол, подарила ей. Оправа этих очков была позолоченная и довольно дорогая.

Потом были прощальные объятия и поцелуи, жена и Катюша вместе всплакнули.

Конечно, на этой встрече ни она, ни замглавы ее делегации не сделали никаких записей, не вынимали ни блокнотиков, ни записных книжек.

Ну, а потом СССР развалился...

16

Любит — не любит, забыл — не забыл. Я часто вспоминаю девичью гадалку по лепесткам ромашки, описанную в советских рассказах. Когда девушка угодит в любовные сети, она может взять цветок полевой ромашки и погадать: любит, не любит, любит, не любит... при этом обрывая по одному цветочные лепестки. Если последний лепесток цветка оборвется при слове «любит», значит, ее сердечное желание сбудется, если же нет, значит, не суждено... Я успокоился и спросил себя: забыла или все-таки не забыла? Этого дела я никогда не касался, о нем не говорил и не писал и хранил его в дальних потаенных уголках своей памяти. Я понимал, что жажда письменных разоблачений — это свойство писак-папарацци, с их трюками по извлечению информации «из трусиков», и эти коллеги уже не способны написать ничего нового. Я всегда считал, что память и забывчивость — родные сестры, и человек, который помнит о каждом курином перышке и чесночной шелухе, так же достоин сострадания, как и вовсе утративший свою память. После шестидесяти пяти лет моя память стала угасать, и я замечал, что начал многое забывать. Иными словами, я полагал, что, только забыв начисто все, что должно забыть, я смогу усвоить новые понятия. Мы в стиле Мао Цзэдуна называем это «продвигаться вперед налегке».

Прошло полгода с тех пор, как седовласый щеголь пригласил в ресторан русских господ (и дам), и все эти полгода

я скучал по нему, но он не появлялся. Существование этого господина, так же как и существование этого ресторана, вызывало у меня симпатию и досаду, одновременно и раздражало, и привлекало внимание, ведь без него ресторану чего-то не хватало, воспоминания и действительность, квас и борщ теряли в качестве. Оказывается, отвращение — одна из необходимых приправ к человеческой жизни. Если жить без отвращения, остается любовь, любовь и опять любовь, мир, переполненный любовью, приторно-сладкий, онемело-неподвижный; какие же тогда романы можно написать и прочитать? С этой точки зрения через много лет после «культурной революции» я еще раз осознал заблуждение теории угасания классовой борьбы.

Наконец, после наступления нового столетия, в день сильной песчаной бури я снова увидел в ресторане громадный, сдвинутый из трех обычных стол по предварительному заказу. У меня сразу же возникло предчувствие, что придет седовласый щеголь. И он действительно пришел: с другой спутницей, еще более красивой, но немного постарше. Прежде я полагал, что всевозможные украшения — это дело нуворишей, и самых новых нуворишей, но оказалось, что наступление нового тысячелетия и нового столетия подгоняет всех, как обжигающий удар дубинкой, и даже старики не могут успокоиться, выставляют себя на посмешище и дурят.

Шикарно одетая пожилая дама, даже не усевшись, уже закричала:

— Влипли, вот так влипли! Будь моя мама жива, она бы скорее согласилась, чтобы я дома блины ела, чем позволила бы мне прийти в этот захудалый ресторан!

— Я помню,— ответил седовласый щеголь.— У твоей матери было ожерелье с кулоном из рубина на двести карат.

— Какие такие двести карат? Чего ты врешь! Какая чепуха!

— Ну, может быть двадцать карат, или две десятых карата, или две тысячи карат? Несколько десятилетий тому назад

все носили подделки, потому что вышли из нищих и голодных крестьян-бедняков. Так нет, теперь все выдают себя за истинных аристократов, вот умора! Обхохочешься!

Старик явно позерствовал.

Их пререкания и звон колокольчика за другим столом повлияли на мой аппетит (хорошо еще, что меня знали в этом ресторане), и я, потребовав квасу, пересел туда, где потише, поближе к двери, за небольшой чистый столик.

Едва я перешел, как услышал за дверью суматоху: оказывается, четыре служителя и молодой парень вместе постарались втащить внутрь кресло на колесиках, в котором восседал квадратный толстяк. У него рост и толщина были почти одинаковы, его лицо тоже было квадратным, рот, глаза и ноздри — все квадратное, только брови и нос были вытянутыми. Когда служащие ресторана вносили его кресло в дверь, он хрипло и тяжело дышал, и казалось, словно они несли машину, работающую на дровах и масле. Вдруг толстяк заорал, заставляя молодого парня и служителей остановиться. Его кресло остановилось прямо напротив моего столика.

— Ты молодой Ван! — вдруг раздельно и ясно выговорил он.

— Ты — Люй Мин! — Я тоже узнал его.

Он очень сильно изменился, буквально во всем. Но хотя я тоже переменился, причем существенно, мы оба не могли не узнать друг друга. По сравнению с изменчивой внешностью более важными были перемены в характере и поведении человека.

Вот так, не мытьем, так катаньем меня-таки затащили за громадный стол. Удостоверившись, что он меня правильно опознал, Люй Мин утратил способность к ясному произношению. Он предельно путано и невнятно, мешая диалекты, заговорил о себе. Хотя мы не виделись несколько десятилетий, я все же кое-что слыхал о нем; после освобождения его жизнь была очень своеобразной. По своей биографии и способностям он имел все данные для успешной карьеры, для

взлета на самый верх, но уже начиная с пятидесятых годов у него начались бесконечные неприятности на почве «общения с женщинами». Говорили, что случайные эпизоды и его сексуальные отношения в целом были необычными и ненормальными, вызывали осуждение и порицание. Его много раз отправляли на исправительные работы, но все было безрезультатно. Поэтому моему давнему знакомому приходилось снова и снова нести наказания как внутри партии, так и вне ее, до 1959 года — за «бродяжничество» и отбывать приговоры, причем в период общих трудностей его оставляли в покое, а потом даже перевели в отдаленные районы в деревню на самую низовую партийную работу в сельском хозяйстве. Затем всеобщая активность спала, все сосредоточились на своих проблемах, и о его дальнейшей судьбе я уже ничего не слышал...

Не могу даже вообразить, как у этого квадратного товарища мог быть сексуальный разврат и вообще половая жизнь, но любовь, видимо, действительно безгранична и беспредельна.

Он рассказал, что хозяина банкета называют «старина Крах». То ли фамилия его Дю, то ли Шэ, или Лю, да и бывают ли на свете люди с фамилией Дю — все сомнительно. Он нерешительно проговорил:

— Этот человек непрост. Из-за подозрений в шпионаже он сидел в тюрьме обеих сторон и видел руководителей и той, и другой. Сейчас он занимается внешней торговлей между Китаем и Россией как важный коммерсант, и, кроме ядерного оружия, ты у него сможешь купить все. Так что если тебе вдруг понадобится водородная бомба, то, по-моему, с ним можно договориться.

И Люй Мин добавил:

— У старины Краха есть связи в России.

Я сидел как на иголках, но, в конце концов, не должен же я бросать товарища Люй Мина, которого много лет не видел

и который когда-то давно вовлек меня в революцию. Старина Люй — вся его жизнь была сплошной чередой испытаний. Он невнятно пробормотал мне лишь одну фразу:

— Я не раскаиваюсь.

Началось исполнение песен, и первой песней была «Катюша».

— Этой песне тебя научил я,— сказал Люй Мин радостно и вдруг повторил уже сказанную фразу совершенно четко.

Я поспешно закивал ему:

— Ты факелом революции озарил меня...

Я так сказал, но мне казалось, что сказано недостаточно, а что к этому прибавить, я не знал.

Он пришел в крайнее возбуждение и заговорил громко, сбивчиво и непонятно, а его сын, тот молодой человек, кто понимал все его невнятное бормотанье и приказал поставить его кресло на колесиках перед моим столиком, стал его «переводить»:

— Отец сказал, что просит всех обратить внимание. Он для нашей партии и нашего государства воспитал ценный кадр.

На это все присутствовавшие громко расхохотались, подняли бокалы и выпили. Прошло больше часа, водка почти закончилась, и Люй Мин сильно засопел. Его сын сказал:

— Старый отец просит русскую барышню еще раз спеть «Катюшу».

Хозяин, старый щеголь Дю, нашел метрдотеля и сказал, что сегодня у старого Люя, который сидит в кресле на колесиках, семидесятилетие, и он просит дополнительно еще исполнить песню «Катюша». Метрдотель, узнав о юбилее, немедленно предложил им сливочный торт.

— Наполеон за сто восемьдесят юаней и спецобслуживание ради празднования дня рождения! — Господин «Крах» кивнул в знак согласия. Барышня (Увы! Я тоже говорю «барышня»!) еще раз спела «Катюшу». Потом рокочущим басом

запел барабанщик, а барышня подпевала ему высоким тоненьким голоском. После этого гитарист с электрогитарой тоже запел тонким фальцетом. Напоследок весь оркестр из четырех человек громко запел во весь голос, и Люй Мин вдруг возбудился и тоже громко заголосил: «Песня звенит, как солнечный свет весной».

Но тут подали праздничный торт, во всем зале погасили лампы и зажгли свечи, оркестр запел «Happy birthday to you», показывая, что английский язык уже завоевал мир.

Когда свет ламп вспыхнул снова, сын Люй Мина завопил, что это нехорошо, квадратный Люй Мин в кресле на колесиках обмяк, как круглый блин, из угла рта у него потекла слюна с кровью, голова бессильно свесилась на грудь. Лицо у него позеленело, и только в уголках рта оставалось насмешливое выражение.

Буквально в этот самый момент проворный и вечно спешащий письмоносец вошел в ресторан и вручил русской девушке большой конверт с черной каймой.

Вы все угадали: товарищ Люй Мин в этот вечер преставился. Кроме того, русская барышня ушла с работы, и ее заменила другая русская барышня с полным набеленным лицом, она и пела, и виляла бедрами, и крутила задницей прямо как «Белая Лебедь».

С этого времени ресторанный бизнес сильно оживился.

А еще я недавно получил весточку о Катерине Смирновой. Прислали наши фотографии встреч в Китае и России за несколько лет. И там была одна уже пожелтевшая фотография, на которой мы были сняты в 1960 году на лодке на озере Чжичуньху.

На ней надет купальный костюм в черную и коричневую полоску на желтом фоне, ее ноги красивы, как у артисток балета. Моя умершая сорок лет тому назад теща, показывая на старую деревянную кухонную утварь, говорила мне:

— На таких деревяшках только людей поджаривать.

И вот я обнаружил, что на таких фотографиях можно поджаривать людей: она слегка пожелтела, и только.

Меня терзал вопрос: почему мне отказались спеть «Пряху» пять раз, а старина Дю многократно с успехом заказывал «Катюшу»? Провожали Люй Мина в путь наверх?

17

Седовласый щеголь пригласил меня отобедать с ним. Он хотел поговорить со мной о «деле Смирновой». Он упомянул эту фамилию с особым уважением. Я согласился, но настоял, что в этот раз я буду угощать.

Он кивнул. Мы пообедали в шанхайском ресторане. В этот раз он произвел на меня куда более благоприятное впечатление, чем прежде: очевидно, он нарочно напускал на себя самодовольный вид.

— Я давно уже приметил вас,— сказал старина Дю.— Я у Смирновой видел фотографию, на которой вы вдвоем на лодке. Вы молодец. Несколько десятилетий прошло, а вы ничуть не изменились.

У меня в голове загудело.

— Смирнова мне сказала, что у нее есть вы, китайский младший братец,— понизил голос старина Дю.

Жаркий поток воздуха обдал меня, так что я покачнулся и облился потом. Из-за этого у меня сдавило в горле, я еле выговорил:

— Вы... У нас... ничего другого не было.

Он тщательно выбирал слова, я же, напротив, весь покраснел. Он продолжал говорить:

— Люй Мин, должно быть, рассказал вам, что я человек трех религий и девяти философий, не гнушаюсь избивать людей. У меня немало русских приятельниц, извините. Но

Смирнова не такая, как все, совсем не такая. Мне по-настоящему нравится Смирнова. Я никогда не посмею вломиться к ней. Она настоящий советский человек В шестидесятых годах она проявила себя очень плохо, потому что сделала очень много антикитайских выступлений.

Когда старина Дю произнес эти слова, лицо у него покраснело и напряглось, он хрипло и тяжело задышал. В этот момент он произвел на меня совершенно другое впечатление.

Я закивал ему.

— Однако после возвращения из Китая ей по-прежнему не очень-то доверяли...

— Почему? — обеспокоенно спросил я.

Меня охватило сомнение: может быть, грубые черные макароны ей тоже доставили неприятности?

— Кто знает? Я чувствовал, что она очень честная; она полагала, что все взаправду. Советский патриотизм, идеологическая чистота сознания, антибюрократизм, демократия и гуманизм, всякая там человечность... В СССР, если вы действительно станете поступать согласно передовым статьям газеты «Правда», то очень скоро плохо кончите. Вы понимаете?

Мне не хотелось, чтобы беседа развивалась в политическом направлении, особенно мне не нравились его вопросы «Вы понимаете?», на которые я не отвечал ни слова, а продолжал сидеть, изображая полное безразличие.

Самым важным для меня было то, что старина Дю рассказал мне о ее несчастной любви.

— Насколько мне известно,— говорил он,— у Смирновой был любимый человек, который погиб в Отечественную войну. Поскольку он умер от ранения в спину, красная армия не признала его героем и не предоставила никакого пособия. Конечно, в этом пособии Смирновой ничего не полагалось, потому что они не были женаты, юридически она была ему никем. А второй любовью ее жизни был высокий чин из МВД, женатый человек...

Это заставило меня вспомнить того, кто надписал посылку с макаронами.

— Э, нет, не будем говорить об этом. Отведайте-ка лучше... Не желаете ли добавить к креветкам немного выдержанного уксуса?

Я с ним вместе обедал только потому, что хотел послушать о Смирновой. Но, как только он открыл рот, я ощутил себя разбитым. Нет, я не хотел выслушивать в подробностях, как было все на самом деле! Я бы желал, чтобы Смирнова жила в моих любимых песнях, чтобы она жила «далеко, далеко, где кочуют туманы...» там, и большего мне не надо. Мы оба о ней помним, и этого достаточно.

— Она прежде была догматиком, из-за китайско-советской полемики она все время спорила со мной...

— А как же ее дочь? Барышня, которая здесь пела, это ее дочь? Вы ее знаете? — спросил я, потому что не желал выслушивать, как старина Дю будет с политической точки зрения делать выводы о товарище Смирновой.

— Это до сих пор остается загадкой. Кроме одной дорожной встречи. Тогда ее дочери было десять с небольшим лет, и больше я ее не видел. Конечно, эта певица выросла очень похожей на Смирнову.

В тот день я выпил слишком много желтого шаосинского вина. Я непрерывно предлагал выпить за Смирнову, за память о ней, а потом просто за Россию. Я выучил русские громкие восклицания: «За мир! За дружбу!» Я оставался во хмелю два дня и две ночи. Что еще наплел о Смирновой старина Дю, я с тех пор уже намертво забыл и не вспоминаю.

Каюсь: не следовало со стариной Дю болтать о Смирновой и ее дочери. Многие воспоминания не уживаются с меланхолией, подлинная память должна храниться в тайниках души, а разделить ее с другим — значит убить и загубить ее.

Старина Дю подарил мне книжку — новые стихи советского поэта Евтушенко в переводе на китайский язык. Он сказал,

что выполняет поручение автора. Поэт в предисловии говорит, передавая книгу мне, что долгие годы СССР, как большая телега, увязал в грязи, а потому все отчаянно его выталкивали. И признает, что он и сам некогда энергично толкал эту телегу. Потом она разом двинулась вперед и опрокинула в грязь всех, кто ее толкал. Затем эта телега пропала из виду, а все, кто ее толкали, остались растерянно стоять в грязи.

С тех пор у меня окончательно пропало желание видеть седовласого щеголя. И чтобы больше не встречаться с ним, я перестал посещать ресторан «Катюша».

Я снова и снова задумываюсь вот о чем: что же такое настоящее уважение? Все сызнова начинается, все сызнова повторяется и все-таки осторожненько накапливается, словно навечно хоронится в могиле...

美食家

Лу Вэньфу

ГУРМАН

1. О том, что мы вкушаем и пьем

Гурман! Слово это ласкает слух и, кажется, само источает аромат деликатесов. Если вы попытаетесь найти в нем какой-то скрытый смысл, то все объясняется очень просто: гурман — это человек, который просто любит вкусно поесть.

Мог ли я вообразить, что жизнь моей семьи многие годы будет связана с таким любителем вкусной еды! То, что ты можешь представить, почему-то никогда не происходит, но то, что кажется полнейшим абсурдом,— вот оно, тут рядышком. Так вот и вошел в мою семью самый что ни на есть настоящий гурман. Вошел неотвратимо, как призрак, и сорок лет был постоянно около меня. Я страдал от его присутствия; сначала пытался не замечать, а потом даже возненавидел, а он за свою страсть к еде все же удостоился чести называться гурманом!

Прежде всего мне хочется во всеуслышанье заявить, что я отнюдь не против того, что человеку надо и есть, и пить. Если бы я с младенчества был противником еды, то тот день, когда я еще агукал и не стоял на ножках, стал бы последним

днем в моей жизни. Другого и быть не могло. Испокон веков наш народ усердно и добросовестно трудился, был бережливым, так что чревоугодие никогда не поощрялось. Матери в чадах своих с пеленок закладывали неприязнь к чрезмерному увлечению пищей. Часто все воспитание сводилось, попросту говоря, к обычным ругательствам: «Обжора, никакого прока от тебя нет!» А поскольку еда действительно не могла приносить пользы, то любовь к ней считалась пороком. И когда один малыш стыдил другого, он начинал шлепать себя ладонями по щекам и при каждом таком ударе вопил:

— Бесстыжая морда, обжора, обжора, бесстыжая твоя морда!

Опасаясь насмешек, девушки никогда не жевали на улице, а молоденькие артистки, которым на сцене приходилось пировать, стыдливо прикрывали свои лица легкими прозрачными рукавами одеяний. С детства мне тоже внушали, что люди, которые преклоняются перед едой,— плохие. Поэтому я всегда с отвращением смотрел на последователей Таоте [1]. Особенно если я встречал тех, кто с пеленок боготворил еду. Однако после того, как герой моего повествования стал вроде бы членом нашей семьи, я при виде гурманов мгновенно оказывался в таком состоянии, будто мне дали нюхнуть уксус.

Нашего героя звали Чжу Цзые, в те времена он был самым что ни на есть натуральным капиталистом. Его классовая принадлежность не вызывает никаких сомнений. Кое-кто считает, что капиталист будет поважнее помещиков: и культуры у них побольше, и в технике поднаторели, да и в умении управлять другими им не откажешь. Что против этого возразишь? Но Чжу Цзые — это исключение из правил, он — капиталист-домовладелец, ему принадлежат почти все дома в нашем переулке. Все его искусство эксплуатации трудящихся сводится к

---

[1] Таоте — изображаемый на бронзе хищный зверь с человеческим лицом как предостережение от алчности и обжорства.

трем простым словам: «Давай деньги за жилье!» Впрочем, этих слов он не произносил, ведь деньги собирали его маклеры. Все без исключения домовладельцы так или иначе разбираются в вопросах, связанных со строительством домов, и этим приносят какую-то пользу обществу. Чжу Цзые в этой области полный профан. Он даже не знает, сколько комнат в его собственном доме и на каком фундаменте он стоит. Отец нашего героя был весьма удачливым торговцем и в тридцатых годах, еще до войны с Японией, имел в Шанхае собственную контору по продаже недвижимости. И хотя он и его семья жили в Шанхае, несколько домов были у отца нашего героя и в Сучжоу. Во время войны в его дом угодила бомба, и уцелел лишь Чжу Цзые... Вскоре он переехал в Сучжоу, к своей бабушке по материнской линии, памятуя о том, что она неплохо готовит. Вся жизнь для Чжу Цзые заключалась в еде, и если бы она была плоха, его существование, скорее всего, прекратилось бы.

Когда судьба свела меня с героем моего повествования, ему уже было за тридцать. Бытует мнение, что чревоугодники обычно толстяки, но это не так. Чжу в те годы был худ, словно ивовая ветка. Однако он постоянно испытывал чувство голода и считал, что он чрезмерно сух. Он прекрасно понимал, что настоящие толстопузы, которые с трудом передвигаются, не могут позволить себе насытиться вдоволь. В том, что любители поесть ублажают свой желудок и не обращают внимания на тело, есть своя логика. Денег у Чжу было достаточно, чтобы доставлять удовольствие желудку и следить за внешним видом, но кроме еды его больше ничего не интересовало. Круглый год ходил он в длинном потертом халате, который покупал у старьевщика и сразу же облачался в него. Грязное же платье непременно «забывал» в бане. Говорили, что он был женат, но никто не видел его с детьми или женой. Лишь однажды его заметили на улице Тигриного склона в коляске рикши с весьма привлекательной женщиной.

Уже позже выяснилось, что он собрался отдохнуть на лоне природы, а эта женщина не могла нанять рикшу и попросила нашего героя подвести ее. В конце поездки он без всякого стеснения потребовал заплатить ему за услугу.

Если вы помните, в Шанхае у Чжу никого не осталось, и он один распоряжался целым домом в Сучжоу. Дом этот был выстроен в конце двадцатых годов в западном стиле и еще хранил дух того времени: окна и двери были завешены марлей, а на полах лежали ковры. Но он не был лишен самых необходимых бытовых удобств. Жилище отапливалось двумя большими батареями, а вода из колодца подавалась с помощью электрического насоса. Во внутреннем дворике находился туалет. К дому примыкало одноэтажное строение из шести небольших комнатушек: прихожая, коридор, затем следовали кухня, моторная и комнаты для прислуги.

В конце войны, когда мой отец отправился уже в мир иной, поскольку моя тетя и тетя нашего героя были кузинами, мама вместе со мной переехала в дом Чжу Цзые.

Хозяин не взял с нас денег, правда, за это мы должны были сторожить дом, а мама еще и помогать по хозяйству. Впрочем, работа эта не была обременительной: из дома наш герой уходил рано, возвращался поздно, а так как семьи у него не было, то и домашние дела его не волновали. Значит, и маме приходилось помогать ему лишь на словах. Вначале мама нашла, чем занять себя: меняла и стирала постельное белье, сметала пыль, проветривала комнаты, но хозяин не только не восторгался ее усердием, а напротив, всякий раз ворчал, считая ее хлопоты излишними. Дом в его понятии заключался в кровати, куда ночью он валился, сытый и пьяный, и, едва коснувшись подушки, начинал громко храпеть.

Чжу Цзые поднимался чуть свет и не нежился, как другие, в постели, ведь желудок был точен, как будильник, и сразу напоминал о себе. Едва нашего героя покидал сон, как в сознании его рождалась мысль: «Надо бы поторопиться к Чжу

Хунсину на суп с лапшой». Фраза эта нуждается в пояснении, в противном случае только сучжоусцы, и то лишь среднего или пожилого возраста, поймут, что она значит. Всем же прочим ее соблазнительное содержание останется недоступно.

В те годы в Сучжоу была знаменитая харчевня Чжу Хунсина, где подавали лапшу. Находилась она напротив современного парка Радости. Так вот, в этой харчевне угощали разными блюдами из лапши, такого дивного аромата, что и передать трудно. Возможно, в кулинарных книгах вам удастся разыскать их рецепты, но дело еще и в совершенно особой манере еды. Неужели и впрямь существует какая-то особая манера еды, спросите вы. В том-то и дело, что существует. Одну и ту же лапшу каждый ест по-разному, и уж в этом вопросе гурманы прекрасно разбираются. Представим, что вы сидите в харчевне Чжу Хунсина:

— Эй (тогда еще не было принято обращение «товарищ»). Принеси-ка пиалу лапши.

Официант, чуть помедлив, громко кричит:

— Несу пиалу лапши!

Официант непременно должен выдержать паузу, потому что он ждет приказаний относительно вида лапши: твердую лапшу, разваренную лапшу, обильно разведенную бульоном, быстро приготовленный суп, разбавленную лапшу, двойную зелень (когда в лапшу кладут побольше мелко нарезанных листьев чеснока), двойное масло (когда лапшу обильно сдабривают маслом), постную лапшу (почти без масла), двойную лапшу с цзяо [1] (лапши побольше, цзяо — поменьше) и блюдо с названием «через мост» (цзяо кладут не в пиалу с лапшой, а на другую пиалу, во время еды берут их палочками, и создается такое впечатление, как будто они, минуя ароматный мост, попадают к вам в рот)... Если в харчевню Чжу Хунсина приходил Чжу Цзые, то официант кричал:

[1] Блюдо из отварной лапши с мелко нарезанными овощами.

— Несу пиалу слегка поджаренных очищенных чилимсов, порцию обильного супа, двойную зелень, порцию «через мост»!

При виде такого обилия блюд из лапши можно растеряться. Но из всего этого разнообразия наш герой выделял только суп с лапшой, приготовленный из тысячи пиал лапши в одном котелке супа. Если не соблюдать эту пропорцию, то суп получается невкусным, лапша утрачивает прозрачность, становится скользкой и отдает супом. И если Чжу Цзые случалось съесть такую лапшу, то целый день он был не в духе.

Наш герой не мог подобно Обломову весь день валяться в постели, ему приходилось с первыми лучами солнца спешно одеваться, умываться и торопиться к Чжу Хунсину, чтобы отведать знаменитый суп с лапшой. Искусство еды, как, впрочем, и любое другое искусство, требует времени.

Как только Чжу Цзые, на ходу протирая глаза, появлялся в воротах своего дома, частный рикша А-Второй, с которым наш герой каждый месяц заключал контракт, уже поджидал его вместе со своей желтой коляской. Чжу Цзые вальяжно усаживался в ней, присущей лишь ему манерой поворачивал голову, устраивал поудобнее ноги, А-Второй ударял в колокольчик, и это означало, что можно было ехать есть суп с лапшой. Насытившись, он вновь садился в коляску рикши и держал путь в чайную на улице Западных ворот.

Чайные в Сучжоу на каждом углу, так почему же Чжу Цзые любил бывать именно здесь? Тут есть над чем подумать. В этой чайной наверху было несколько кабинетов, отделенных от общего зала. Столы из красного дерева и большие плетеные кресла создавали в этих кабинетах обстановку райского уголка. Для чая здесь брали родниковую воду, а чайный лист доставляли с Восточных гор у озера Дунтин. Воду всегда кипятили в керамической посуде в печи, растопленной сосновыми дровами. Чай же заваривали в чайниках, рас-

писанных пурпурной киноварью умельцами из Сисина [1]. Ешь и пей себе в удовольствие, помня о том, что еда и питье — неделимое целое, и всякий, кого величают гурманом, непременно считает себя учеником Лу Юя или Ду Фу [2].

Едва наш герой успевал подняться в чайную, как там моментально собирались его сотрапезники. Если не принимать во внимание завтрак, то уж в обед и ужин гурманы не в состоянии действовать в одиночку. Они собираются группами от четырех до восьми человек, не более. Приобщение к сучжоуской кухне предполагает свой неповторимый ритуал. Например, первыми подаются холодные закуски, затем горячие блюда, за ними — сладости, потом основное блюдо и, завершающим аккордом,— суп. Один человек не в силах просмотреть весь этот процесс от начала до конца, а сосредоточив свое внимание лишь на каком-то эпизоде, уже не в состоянии насладиться тем, что содержит в себе целое действие. Вот почему гурманы должны действовать сообща. Прежде всего, усевшись за стол в отдельном кабинете чайной, надо вспомнить о вчерашней трапезе, обсудить её достоинства и недостатки. Так что первая часть встречи за чашкой чая — это неторопливая беседа. Затем начинается главное, ради которого не грех потратить немного времени: надо решить, куда сегодня направиться. Либо в ресторан «Всеобщее плодородие», либо в харчевню «Справедливость, процветание и богатство», или, может быть, в «Терем сосны и журавля»?

Ну, а если эти рестораны надоели, то можно, совершив небольшую прогулку, отправиться и в более отдаленные заведения. Тогда каждый садится в коляску рикши или же садятся вчетвером, но уже в коляску, запряженную лошадью, и

---

[1] Сисин — город в провинции Гуанси, знаменитый своей керамической посудой.

[2] Знаменитые китайские поэты Лу Ю (1125—1210) и Ду Фу (712—770) прославляли земные радости.

в путь, ведь впереди их ждут необозримые пространства, а пока под мерный цокот лошадиных копыт они едут, чтобы вскоре насладиться рыбным супом в харчевне семьи Ши у деревянного арыка, или в деревню, что у Кленового моста, отведать лапши, а может, и в другое известное им место полакомиться ароматным цыпленком...

Жаль, что я не могу во всех деталях рассказать вам о яствах Сучжоу и его окрестностей, потому как боюсь привлечь слишком пристальное внимание к этому городу. Вот почему в своей повести я взял на себя иную роль.

2. Мои отношения с Чжу Цзые

Если бы Чжу Цзые ел и пил, не имея ко мне никакого отношения, я не испытывал бы к нему такого отвращения. Мы спокойно бы сосуществовали, если бы он занимался насыщением своей плоти, а я полностью ушел бы в учебу. В предыдущей главе я поведал вам только о завтраке и немного об обеде нашего героя, и уж тем более необходимо упомянуть об ужине, без которого он, конечно же, не мог обойтись!

Пообедав, Чжу Цзые отправлялся в баню. Ходил он туда не столько ради мытья, сколько потому, что это было лучшим местом для переваривания всего съеденного во время обильного банкета. Короче говоря, когда ты голоден, нужно подремать, а если наелся, лучше не бегать. Когда Чжу Цзые насыщал свое чрево, ноги его тяжелели, сознание туманилось, он чувствовал, будто попал в приятный и томный мир небожителей. Слегка раскачиваясь, ехал он в желтой коляске А-Второго. Сам ветер нес его к бане, но ему почему-то казалось, что мчится он в больницу на прием к врачу без всякой очереди.

Сойдя с коляски у бани, Чжу Цзые сосредотачивался на том, чтобы быстрее приблизиться к дверным шторкам. Он

знал, что если их распахнуть, так швейцар сразу зычно выкрикнет:

— Управляющий Чжу!

В то время Чжу называли управляющим. Это обращение было в ходу так же, как слово «хозяин» по отношению к капиталисту. Правда, слово «хозяин» уже вышло из моды. Во-первых, в нем нет ничего западного, а во-вторых, хозяева бывают разные: большие, маленькие. Владелец лавчонки на семейных началах [1], например, тоже считается хозяином. А управляющий — это совсем другое дело. Управлять можно и иностранной торговой фирмой, и конторой, вести крупную торговлю, при которой дело поставлено на широкую ногу. И когда отваливают чаевые, и не какие-нибудь там два-три юаня, а пятидесятиюаневый золотой, и не требуют сдачи! Поэтому-то, как только швейцар извещал о приходе управляющего Чжу, моментально возникали двое слуг, по одному с каждой стороны, и чуть ли не на руках вносили нашего героя в предбанник. Этот предбанник напоминал современные приемные комнаты самого высокого класса. Здесь стояли два дивана, рядом с ними — эмалированный таз, был также небольшой бассейн. Хотя комната эта была довольно мала, в ней было все самое необходимое. К тому же зимой здесь всегда было тепло, а летом у потолка вращался большой вентилятор знаменитой фирмы Хуашэн, без отдыха гоняя по комнате воздух всеми четырьмя деревянными лопастями. Здесь Чжу Цзые располагался с тем же чувством, с каким тяжелобольной приходит в больницу: самому ему теперь и рукой шевельнуть не придется. Буфетчик подносил ему чай, а банщик уже готовил воду. Нашему герою не приходилось тратить силы даже на то, чтобы самому снять ботинки. Впрочем, он вовсе и не думал об этом, потому что мысли его уже были сосредоточены на собственном желудке. Наш герой,

[1] В таких лавках не применялся наемный труд.

наслаждаясь едой, в то же время восхищался и перевариванием пищи. По своей красоте этот процесс, требующий сре-доточия всех душевных сил, когда ничто постороннее не должно отвлекать, нисколько не уступал наслаждению, которое испытываешь, вкушая изысканные яства. А лучший способ собраться с мыслями — это погрузить свое тело в теплую воду, после чего сразу осознаешь, что все кругом — это суета сует. Мысли твои успокаиваются, и ты лишь ощущаешь, что желудок приходит в движение, а тело пребывает в невыразимой неге. В такие минуты испытываешь удовольствие, сравнимое лишь с дегустацией изысканных блюд, впрочем, наслаждения эти неотделимы друг от друга. Так, не шевелясь, с полузакрытыми глазами около получаса нежился он в воде. Пока наш разомлевший герой наслаждался полудремой, входил банщик с большой деревянной доской на спине. Он помогал Чжу вылезти из воды, укладывал поверх таза свою доску, приглашал нашего героя возлечь на «операционный стол» и только тогда начинал свое действо на его спине. Уважаемые читатели, я не в силах объяснить буквальное значение слов «действо на спине». Сводится это примерно к тому, что банщик должен снять грязь с уже вымытого тела, но поскольку Чжу Цзые ежедневно подвергался этой процедуре, то смысл ее исчезал. Попросту это был обычный массаж, известный нашему народу с древних времен, который равносилен пассивной форме движения. Если после еды сделать сто шагов — это путь обретения бессмертия, но ведь чтобы сделать их, надо переставлять ноги. А вот массаж — совсем другое дело, здесь от тебя требуется только полностью расслабиться, возлечь на «операционный стол» и отдать себя в распоряжение банщика. Вытянув руки и немного поджав ноги, надо плавно поворачиваться с боку на бок, только тогда можно получить эффект, как если бы ты и в самом деле двигался, однако на это не надо тратить собственные силы. Настоящий гурман должен владеть искусством переваривания пищи, в

противном случае будет нарушено равновесие в организме, а это уже чревато серьезными последствиями!

На это «движение» у нашего героя уходило не столь много времени, в общей сложности не более получаса. Затем он укладывался на диван и устраивался поудобнее, а банщик, не слишком церемонясь, некоторое время все еще ворочал его, а потом принимался за руки и ноги. В конце массажа, как правило, следовали удары по ногам, которые считались подготовкой ко сну. От этих ударов, хлопков, пошлепываний, в сопровождении звучных и ритмичных звуков, Чжу Цзые постепенно погружался в сон. Сон его продолжался три часа, и времени этого вполне хватало для полного усвоения пищи и освобождения желудка для следующей трапезы.

Из школы домой я возвращался примерно в то время, когда Чжу Цзые просыпался. Когда мама видела, что в моих руках уже нет сумки с книгами, она торопливо напоминала:

— Иди быстрее, сынок, работа сегодня у тебя еще впереди!

Только мне были понятны мамины слова, они означали, что наш хозяин еще не ужинал.

Ужинал Чжу Цзые весьма интересным способом. Прозаик в последующей главе никогда не должен повторять того, что было написано в предыдущей. Так же и Чжу Цзые ужинал не в харчевне, где подавали лапшу, и не в ресторане, а шел в закусочную. В обеде он выше всего ценил процесс дегустации и, если пользоваться его терминологией, «пробовал немного вкусного». Поэтому самое большее, что он мог себе позволить за обедом, это несколько рюмок вина «Резной цветок», а водки не брал в рот ни капли, считая, что она лишь притупляет вкусовые ощущения и ты уже не в состоянии испытать от пищи и тысячной доли наслаждения. А вот вечером можно от души попьянствовать, а потом похрапеть всласть. Но чтобы вдоволь хлебнуть радость сна, надо непременно сходить в питейное заведение.

В сучжоуских питейных в основном пьют, а не едят. Самое большее, на что вы можете там рассчитывать, это кусочек

прессованного соевого сыра, порцию творога «цветок орхидеи» или перченую капусту. Такая закуска была бы к месту Кун Ицзи [1], поскольку для благородного мужа главное не закуски, а вино. Однако такой вариант гурмана ни в коем разе устроить не может. Во-первых, денег у него побольше, чем у благородного мужа, да и вино надо пить со знанием дела. Правда, едой тоже не стоит пренебрегать, но она должна отличаться от той, что подают на обед. Поэтому гурманы и искали что-то новое именно в закуске. Я не осмеливаюсь много писать о сучжоуских закусках, не только по той причине, о которой я уже упоминал, но еще и потому, что они вызывают во мне неприятные воспоминания. Ведь именно из-за них я становился мальчиком на побегушках у человека, которого презирал!

В сучжоуских питейных заведениях вообще не принято подавать что-либо к вину. Закуски можно всегда купить на улицах, в переулках, около мостов. Их продают в лавках, либо с лотков или просто продавцы, которые расхаживают со своим товаром по улицам. Но если вдруг захочется дополнить букет вина еще и вкусной закуской, надо, чтобы кто-то пробежал по улицам и купил все необходимое. Официанты попросту отвергали такие поручения. Не оставив без внимания мои длинные ноги, Чжу как-то предложил моей матери:

— Твой малый шустрый по части закусочных, и если он поможет мне купить там кое-что, то я в долгу не останусь.

Разумеется, мама была готова на все, ведь мы жили в его доме бесплатно, да и к тому же она ничего по дому не делала. Из-за этого она постоянно испытывала беспокойство и угрызения совести. Бедная мама, она даже не догадывалась о существовании слова «эксплуатация» и считала справедливыми все законы. А ее образованный сынок не мог побаловать себя едой, а посему и был противником чревоугодия

---

[1] Кун Ицзи — герой рассказа основоположника современной китайской литературы, обедневший интеллигент.

Чжу Цзые. Мама же считала, что наш герой кутит и ублажает свой желудок, потому как это манера его жизни. Но мне-то от ее объяснений не было легче, и я ни за что на свете не соглашался ради Чжу гонять по улицам. Чтобы ученик школы старшей ступени стал слугой у такого-то обжоры?! Как бы не так!

Видя мое неудовольствие, мама начинала плакать, говоря, что после смерти отца мы столько лиха хватили в жизни, что нам помогал мой старший брат, который где-то за океаном зарабатывал на жизнь, и упрашивала меня:

— Что тебе стоит сбегать в лавку, мы живем под чужим небом, в чужом доме и ничего не платим, даже светом и водой пользуемся бесплатно. Да стоит управляющему Чжу только слово сказать, как тебе нечем будет платить за учебу. Видит бог, мы окажемся под открытым небом. Почему отец твой так рано покинул нас? Я умоляю тебя...

И я смирился с унижением. Теперь каждый день с бамбуковой корзиной в руках становился я подле дверей питейной. Когда зажигались разноцветные узорчатые фонари и свет от неоновых ламп заливал всю улицу, сюда в желтых колясках рикш приезжали Чжу Цзые и его сотрапезники. Завывала труба, и как летящий дракон из толпы народа появлялась вереница блестящих колясок, на которых веселым звоном заливались серебряные колокольчики. Все подъезжающие были ослепительно чисты и благоухали ароматным мылом. Их круглые лица алели так, как будто они только сдали экзамены на ученую степень. Впереди всегда двигалась коляска нашего героя, а его рикша А-Второй был самый величественный и одухотворенный. А-Второй отбрасывал полог, закрывавший колени седока, после чего тот ловко и непринужденно спускался на землю. У входа в питейную прибывших встречали не хозяин, и даже не официанты, а почетный караул из грязных нищих, одетых в тряпье. Попрошайки трясли и протягивали руки, в надежде подаяния, и руки эти были похожи на засохшие ветки. Казалось, наш герой заранее

готовился к этой операции. Со словами «Пошли прочь!» он бросал нищим пригоршню монет. Нищие с радостными воплями разбегались, перед глазами Чжу Цзые возникала моя фигура. Высоко подняв корзинку, я неподвижно стоял у дверей питейного заведения. Я был подобен попрошайкам, в животе у меня урчало от голода, но в отличие от них я разбирался в истории и географии, знал о трех принципах Сунь Ятсена [1]. И еще я был противником чревоугодия и держал себя с достоинством. Когда все попрошайки, подвывая, разбегались и моя персона оказывалась на среднем плане, гнев раздирал мою душу, а от стыда пот прошибал. Я готов был корзинкой запустить в своего хозяина, но, проглотив обиду, брал из его рук ассигнации и, получив задание, бежал сначала к Лу Гаоцзяню за мясом в соевом соусе, потом к Ма-Певцу купить дичь, либо к Цзяо в «Ароматные травы» за чилимсами и вяленой рыбой, или в лавку «Таинственный взгляд» за соевым соусом. Если чего-то не хватало, то мчался в какие-то одному дьяволу известные места и разыскивал лишь ему же одному известные деликатесы...

С высоко поднятой корзиной я несся по улицам и переулкам, и перед моим взором мелькали картины ночного Сучжоу. Вот трактиры, где подают отличное вино, вот китайский национальный театр, вон там выложенные гравием дорожки, ведущие к магазинам, ярко освещенные неоновыми лампами, а там,— улица, погруженная во мрак, здесь — переулок, молчаливый, как смерть, а дальше старуха, копошащаяся в куче мусора. В одном месте мне дали не те рюмки, там заменили тарелки, или деликатес оказался подпорченным, а то просто не поняли, что хочет хозяин, и я бегу снова. Там куча людей толпится у входа в рисовую лавку. На спинах у них красуются выведенные мелом номера. Видно по всему, что

[1] Сунь Ятсен — создатель Объединенного союза (1905), лидер буржуазной революции (1911), выдвинул три народных принципа: национализм, народовластие и народное благосостояние.

эти люди стоят в надежде получить завтра утром мерку риса. А здесь какая-то счастливая семья отмечает свадьбу и арендовала весь ресторан «Сосна и журавль». Вот почему возле него скопилось множество колясок, рикш и велорикш. Невеста в фате до плеч и подвенечном платье, касающемся земли, чинно ступает в модных европейских туфлях, на ней мерцают жемчужины, сверкают драгоценности. А в это время по обе стороны галереи в даосском храме Обитель сокровенного выстроились люди, сгорбленные фигурки которых скрываются под холщовыми мешковинами, и кто-то из них вряд ли увидит завтрашний день... Когда я бегал по улицам ночного города, часто вспоминал известные стихи: «Из богатых домов доносятся запахи мяса и вина, а на дорогах лежат кости замерзших от голода».

Нельзя сказать, что Чжу Цзые был несправедлив ко мне. Часто со словами «Возьми себе!» он отдавал мне мелочь, которая оставалась от покупок, и делал это почти тем же жестом, каким одаривал деньгами попрошаек. Я застывал на месте с вытаращенными глазами и испытывал при этом невыносимое оскорбление:

— Возьми, купишь бабушке мяса, пусть полакомится!

Мне сыпали соль на рану. У меня ведь и в самом деле была старая семидесятишестилетняя бабушка, которая вырастила меня. Была она совсем беззубая, полусогбенная, да и с головой у нее было не все в порядке. Но у нее был завидный аппетит, и в течение дня она не раз просила мяса. Больше всего ей нравилось мясо с бобовым сыром и соевой подливкой от Лу Гаоцзяня. Лакомство это таяло во рту, было ароматным, сладким и совсем не жирным. Бабушка уже не понимала, что такое современные деньги, и, как в старые времена, все переводила на медные чохи или серебряные юани. Она была уверена, что мой старший брат каждый месяц присылает маме несколько тысяч, а на них можно купить более ста цзиней зерна. Возможно она думала, что, имея такие деньги, можно раскошелиться на двадцать шесть чохов и купить ей один цзинь

мяса? Ведь в юане было аж триста чохов! Все это она ставила в вину моей матери, упрекала ее в непочтительности, в экономии за ее счет, занудно жаловалась на плохое отношение к престарелой свекрови, ругала всех, громко рыдая. Мама понимала, что бабушке бесполезно что-либо объяснять, и, роняя слезы в глиняную миску, молча перебирала рис. А мое сердце разрывалось на части, когда я видел, как плачут и та, и другая.

На деньги, которые давал мне Чжу Цзые, я покупал немного мяса, и, когда приносил его к кровати бабушки, та, всхлипывая, начинала его есть, а потом дрожащей рукой всегда гладила меня по голове, приговаривая:

— Хороший мой, только ты уважаешь бабушку...

Теперь наступала моя очередь плакать. Мне хотелось зарыдать и еще больше заорать, да так, чтобы небо услышало! Но я изо всех сил сдерживал рыдания и, склонившись к изголовью бабушкиной кровати, зарывал лицо в ватное одеяло. Пусть деньги и доставались мне путем унижения, но зато я мог хоть немного порадовать бабушку.

«На небесах есть рай, а на земле — Сучжоу!» Не знаю, кто первым произнес эту древнейшую поговорку, но, превознося Сучжоу больше, чем Ханчжоу [1], этот кто-то врал без зазрения совести. Правда говорят, что вполне обоснованно такое разделение, потому что Ханчжоу после династии Южная Сун удерживал власть лишь над частью страны; «весенний ветер пьянил гуляющих, и они перепутали Ханчжоу с Баньчжоу» [2]. А Сучжоу, уже в эпоху Тан, был таким, что «здесь десять тысяч семей облагаются налогом, пять тысяч сыновей охраняют границы». А уже в эпоху Мин «зеленые рукава виднелись в трех тысячах теремов, сто тысяч золотых рек текли на восток и на запад». А в последние сто лет, когда стал возвышаться Шанхай,

[1] Ханчжоу — город в провинции Чжэцзян, славящийся своей красотой.

[2] Баньчжоу — одно из названий Кайфын в провинции Хэнань, который в Средние века был столицей Китая.

сведущие люди обзавелись особняками в Сучжоу, приобрели здесь предприятия, которые, если надо будет вести наступление, послужат тылом, а придется отступать — станут крепостью. Конечно, Сучжоу — это не политический и административный центр, чиновники здесь не плетут интриги один против другого, а те, кто занимаются хозяйственной деятельностью, не жалуются на тяготы жизни. Наш город — это не арена боевых сражений, и после правителей У и Юэ уже в течение более двух тысячелетий в Сучжоу не было ни одного крупного сражения.

Климат здесь благодатный, урожаи бывают богатые, пейзаж чарующий. Помещики и чиновники, богатые купцы-ростовщики, непризнанные таланты, известные проститутки — все собирались в Сучжоу на закате лет. Те, кто знал толк в жизни и на бедность не жаловался, стремились сюда, чтобы в мире и блаженстве провести остаток лет, имея также достаток и в еде, и в удовольствиях. Сучжоуские парки были самыми прекрасными в Поднебесной, а искусство еды здесь достигло совершенства! Хотя, надо признать, пейзаж не может заменить пищу, к нему быстро привыкаешь, а без еды долго не проживешь. Пожалуй, из-за совершенства своей кухни Сучжоу и стоит выше Ханчжоу и его по праву считают дорогой в рай. Вероятно, из-за этого сучжоусцы и возгордились, а я в то время считал, что прекрасная еда — это грех, самое яркое проявление несправедливости среди людей!

Я не читал «Капитал» и «Манифест Коммунистической партии», и моя вера в коммунистическое учение возникла отчасти благодаря Чжу Цзые и ему подобным: через них я понял, что все многословные «измы» бесполезны, и что только коммунизм способен решить проблему. Если национализировать дома, принадлежащие Чжу, интересно, сохранил бы он тогда свое высокомерие! Я украдкой запел песенку, которая пришла к нам из Бэйпина [1]:

---

[1] Бэйпин — название Пекина до 1949 года.

Там, в горах, есть хорошее место,
Бедные, богатые — все равны,
Хочешь есть — работай,
Никто ради тебя не станет волом или бараном.

У этой песенки незатейливая мелодия, и петь ее вовсе не обязательно высоким голосом. Она-то и указала мне, что делать, когда «из богатых домов доносятся запахи вина и мяса, а на дорогах лежат кости замерзших от холода». Я понял: правду надо искать в горах, о которых поется в песенке!

Так я решил податься в освобожденные районы. Уже была зима 1948 года. Я не имел ни малейшего понятия об этих освобожденных районах и всегда считал, что Гоминьдан [1] — это сильная партия. И еще я слышал, что говорили про какие-то американские атомные бомбы и всякое такое. Пролетариат должен бороться за освобождение всей страны, но, боюсь, потребуется еще несколько, а то и все десять лет кровопролитной войны. Я читал «Железный поток» и знал о тяготах революционной борьбы, знал, что революция должна пройти крещение кровью и огнем. Меня переполняли скорбные мысли, потому что я собирался на поле брани, где гибнут в бою.

Ветер безжизненный, легко замерзают реки,
Герой ушел и не вернулся.

Мой Сучжоу, этот прекрасный и терпящий бедствия город, сейчас посылал меня на борьбу! Перед тем как отправиться в путь, я пошел на Тигровый холм, стал у павильона Тигровой засады и долго любовался чудесным городом: твой сын собственной кровью смоет грязь с твоего тела! Под вечер я в

---

[1] Гоминьдан (партия государства и народа) — политическая организация, созданная Сунь Ятсеном, в двадцатые годы превратилась в реакционную партию.

последний раз бегал за закусками для Чжу Цзые, а потом, как обычно, купил бабушке мяса в соевом соусе. Я подумал, что больше ей не придется лакомиться этим деликатесом. Мое прорицание сбылось: когда бабушка узнала, что ее почтительный внук как в воду канул, она проплакала три дня и скончалась.

Дни юности невозможно забыть! Уже притупились воспоминания о том, как во время культурной революции на меня навесили ярлык «правого», водили по улицам, унижали, обвиняли в преступлениях. Сейчас все это кажется какой-то чудовищной игрой, которую лучше не вспоминать. А мое бегство из дома тридцать с лишним лет тому назад, когда я ничего не сказал родным, до сих пор живо во мне. Может быть, мне приятно помнить дни моей славы и я стараюсь забыть о позоре? Но почему тогда во мне живо воспоминание об унижении, которое я испытал тридцать, сорок лет тому назад? Каждый раз, когда в кино или по телевизору показывают, как раненый боец, вставая из лужи крови, поднимает ружье и, громко крича слова отмщения, бросается на врага, сердце мое начинает сильно биться, а глаза застилают слезы. И хотя я часто вижу эти кадры и они уже утратили свою новизну, но детям я не позволяю критиковать этот фильм и сразу начинаю их ругать:

— Голодранец, что ты понимаешь в жизни!

3. Веселое недоразумение

Разве мог я предположить, что опоздаю со своим бегством в освобожденные районы, что над полями сражений уже развеется дым и утихнет пальба. Народ и армия отпраздновали победу и готовились перейти через Янцзы! Мы, несколько учащихся, пришедших в освобожденные районы из

мест, еще находящихся под властью Чан Кайши, были остановлены на полпути и включены в состав отрядов, которые переправлялись вслед за войсками через реку и которые должны были осуществлять контроль над населением освобождаемых городов. Я пришел из Сучжоу, поэтому, естественно, мне необходимо было вернуться опять в Сучжоу, так как я знал его улицы и переулки как свои пять пальцев, и его такой мелодичный и совершенно непонятный приезжим язык был мне родным. Благодаря этому я мог стать великолепным проводником по городу. Однако никто не задумывался, чем бы еще я мог заняться в своем родном городе. Если бы в то бурное время кто-нибудь стал говорить о таких высоких материях, как будущее, специальность, зарплата, жилье и все такое, мы бы сразу смекнули, что этого «мелкобуржуазного элемента» наверняка подослали гоминьдановцы! Революция есть революция, что требуется, то и выполняй, кем бы ты ни был! Но нашему командиру было не все равно, кто мы и что мы. Он учитывал достоинства и интересы каждого из нас, поэтому-то и произошло однажды это веселое недоразумение.

Командир отряда собрал нас, двадцать с лишним учащихся-бойцов, в бывшей кумирне, где в центре стоял стол с документами, по обе стороны которого все мы и расселись.

Командир наш когда-то закончил механический факультет транспортного института, а посему слыл человеком ученым. Наш же багаж знаний был еще не так велик, и это он прекрасно понимал.

— Сейчас я буду распределять работу,— начал он.— Мы учли достоинства и интересы каждого из вас, и я надеюсь, что вы, прежде чем ответите на мои вопросы, все хорошенько взвесите. Но когда решение будет принято, я уже не потерплю никакого либерализма.

Начало было очень серьезным, правда, потом мой однокашник, по прозвищу Дин Большеголовый, все испортил. Голова у этого парня была нормальных размеров, но знаний

она вмещала, не в пример другим, много: астрономия, география, история, философия... И обо всех этих науках он имел понятие. А поскольку он был напичкан самыми разными фактами, то казалось, что голова его больше, чем у обычных людей. К нему-то первому и обратился наш командир:

— Ты чем хочешь заняться?

— Всем чем угодно,— радостно ответил Дин Большеголовый.

— Что это значит «всем чем угодно»? — вытаращил глаза командир.— Говори конкретнее!

— Конкретнее... — помедлил Дин и вдруг выпалил: — Конкретнее, тоже всем чем угодно!

Все в кумирне стали смеяться:

— Да он во всем разбирается, ему любую работу можно дать.

Командир тоже улыбнулся и начал перелистывать документы:

— Куда же направить человека, который во всем разбирается? Все же скажи, к чему у тебя больше всего душа лежит?

— Книги люблю читать.

— Так бы сразу и говорил. Пойдешь в книжный магазин «Новый Китай».

Эта фраза определила всю дальнейшую жизнь моего товарища. Впоследствии он стал заведующим этого книжного магазина и, надо признать, весьма толковым.

Следующей была красивая девушка из Сучжоу, одетая в холщовый френч, похожий на тот, что носил Ленин, и восьмиугольную шляпу, которые как бы предупреждали, что за привлекательной внешностью таится решительный дух.

Взглянув на девушку, командир задал свой вопрос:

— Ты умеешь петь?

— Умею.

— А ну напой отрывок из «Седой девушки» [1].

---

[1] «Седая девушка» — популярная в сороковые годы опера.

— «Дует северный ветер...» — глядя на него, запела девушка. В те годы мы целыми днями распевали песни, поэтому никто не стал бы ломаться, если просят спеть.

— Хорошо, достаточно, пойдешь в агитбригаду!

И у этой девушки жизнь сложилась неплохо. До «культурной революции» она пела народные песни и даже стала популярной. В наши дни я не слышал ее выступлений. Теперь уже она состарилась и, что вполне вероятно, где-то сейчас учит петь молодых. Когда очередь дошла до меня, я никак не мог придумать, какое ремесло мне больше всего по душе. Мне нравилось все, кроме чревоугодия. У меня отсутствовали какие-либо достоинства, а когда я пел, то казалось, что кто-то стучит бамбуковой палкой по сосуду с водой!

Командиру надоело ждать:

— Неужели ты так ничего и не умеешь делать?

— Могу, могу, товарищ командир, — вдруг вспомнил я,— могу покупать закуски, я знаю все закусочные Сучжоу.

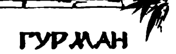
Я радовался своей находчивости и тому, что теперь меня не сочтут неумехой. Однако сам я и не ожидал, какая опасность меня подстерегает:

— Замечательно, пойдешь работать в торговлю, сучжоуская кухня не зря пользуется известностью!

— Нет, нет,— запротестовал я,— еда противна мне!

— Противна еда? Хорошо, я позабочусь о том, чтобы ты поголодал денька три, а потом вновь вернемся к этому вопросу. Следующий...

Так, под хохот товарищей решилась моя судьба. Но в тот момент я не чувствовал разочарования и не собирался проявить волюнтаризм. Известно, когда река Янцзы бушует, погребая в пучине свои жертвы, люди на ее южных берегах кричат, стараясь спасти несчастных. Трудящиеся совершили революцию, чтобы уничтожить общество, в котором люди поедают друг друга, и чтобы лишить жизни таких разложившихся дармоедов, как Чжу Цзые и ему подобных. О Чжу Цзые,

Чжу Цзые, опять я вспомнил тебя. Конечно, новая власть не могла допустить, чтобы ты умер от голода, и решила оставить тебе очаг, на котором можно готовить пищу. Но, конечно, теперь ты не сможешь, как раньше, ездить в коляске А-Второго, есть у тебя ноги, вот и ходи сам на здоровье!

Ветер завывает, реки замерзают,
Герой ушел и вот возвращается назад.

Я тоже вернулся в Сучжоу и вновь живу в домике Чжу Цзые. Наш герой теперь относится ко мне по-новому, называет меня товарищем, а я его — управляющим Чжу. Еще издалека завидев меня, он достает три сигареты марки «Цитадель», я же в ответ поспешно нащупываю две сигареты «Секира»: не подсовывай мне своих сигарет, пусть они и высшего сорта, зато в них кровь трудящихся, и когда куришь, чувствуешь ее привкус. Сразу после Освобождения наш герой пал духом. Он до смерти испугался, что коммунисты посадят его в тюрьму, где он не сможет больше вкусно поесть!

Однако прошло немного времени, Чжу Цзые успокоился и вернулся к своему привычному образу жизни. Новая власть запретила проституцию и курение опиума, тиранство и угнетение, но все эти «три против» и «пять против» [1] нисколько не коснулись его. К опиуму он не питал пристрастия, был безразличен к проституткам, да и вообще кроме вкусной еды для него ничего на свете не существовало. Угнетателем его тоже нельзя было назвать, потому как не было у него ни заводов, ни магазинов, он не подходил под ярлык «ядовитого

[1] «Три против» — борьба против «трех зол»: империализма, феодализма и бюрократического капитала. «Пять против» — борьба против «пяти зол»: взяточничества, уклонения от уплаты налогов, расхищения государственного имущества, недобросовестного выполнения государственных подрядов и заказов, хищения государственной экономической информации и использования ее в целях спекуляции.

гада» и не уклонялся от налогов. И теперь он, подняв вверх большой палец, часто говорил мне:

— Коммунизм — это хорошо, теперь у нас нет воров и грабителей, нет опиекурилен, нельзя заниматься аферами, бродяжничеством и проституцией. В Поднебесной воцарилось спокойствие, люди не волнуются, совсем хорошо стало!

Вероятно, он был прав, но я, оценивая его слова, мысленно возражал ему: «Почему ты не говоришь, что теперь также запретили азартные игры, обжорство, разврат и моральную нестойкость? Конечно, тебя нельзя упрекнуть в пристрастии к азартным играм и разврату, но что касается обжорства, то тут у тебя совесть не чиста! Так что подожди, теперь у нас демократия!»

Однако наш герой был не из тех, кто пассивно ждет перемен. С присущей ему активностью он по-прежнему предавался чревоугодию и все так же в своей желтой коляске, запряженной А-Вторым, направлялся то в харчевню, где лакомился лапшой, то в чайную. Как и прежде, ему нужен был помощник, и он нашел кого-то, кто теперь вместо меня бегал по вечерам за закусками. В те дни работа поглощала все мое время, о нормированном рабочем дне или о выходных не могло быть и речи. Мы начинали работать еще затемно, кончали глубокой ночью. Если случалась особенная напряженка, то спали и в кабинетах. Но Чжу Цзые был занят еще больше: я лишь вставал с постели, а он уже катил в своей желтой коляске, когда я ночью в изнеможении валился в постель и глаза мои закрывались сами собой, я слышал, что его коляска только подъезжала к дому. Всякий раз, возвращаясь домой, он звонил в дверь, и пронзительная трель звонка разносилась по нашему переулку подобно ударам гонга. Иногда теплой летней ночью он и вовсе не возвращался домой, а сытый и пьяный удобно устраивался на ночлег в одном из павильонов парка. Там его ласкал прохладный ветерок и дурманил голову нежный аромат магнолий. Наш герой раздобрел и

стал обладателем небольшого брюшка. Однажды мама сказала ему:

— Управляющий Чжу, обычно к сорока годам все полнеют, вот и вы не стали исключением.

— Это не совсем так,— возразил Чжу,— не в возрасте дело, просто у меня веселый характер и хорошее здоровье. Да и времена теперь другие: не приходится волноваться из-за грабителей и бродяг. Правду говоря, деньги у меня водились и прежде, но жизнь тогда не была такой хорошей. Как было опасно на улицах! Сколько раз меня избивали, а коляску забрасывали нечистотами. Не зря говорят, что тот, кто любит ездить по ресторанам, должен быть готов в любую минуту испытать страх. Помню, однажды мы славно пообедали, и вдруг какой-то тип заходит в наш кабинет и требует, чтобы мы освободили места. Я не знал, кто он такой, и сказал ему пару слов. А он оказался предводителем бродяг, и его дружки потом избили меня да еще отобрали четыре ляна серебра. Ну, а теперь жизнь стала хорошей, и тех ребят уже не встретишь. Одни из них оказались на улице Сыцянь, в сучжоуской тюрьме, другие попали в списки реакционеров и теперь под домашним арестом. В магазинах куда спокойнее, и теперь покупателей поубавилось, да и товаров больше, и дешевле они стали. Могу переночевать в парке, после того как я наемся всласть, и не боюсь, что меня обворуют! Ну как тут не потолстеть! — закончил он и самодовольно похлопал себя по животу.

Слушая исповедь Чжу Цзые, я лишь глаза таращил от злости: разве мог я предположить, что и ему революция принесет освобождение!

Когда среди ночи меня будил хозяйский звонок, душу мою раздирала досада: почему по-прежнему Сучжоу для него — райский уголок? Когда трудящиеся боролись за свое освобождение, этот дармоед наслаждался супами и наедал брюхо! Я ничего не мог поделать с Чжу Цзые, но отныне мне была дана власть открыто пропагандировать коммунизм.

Свою агитацию я решил начать с А-Второго, который таскал желтую коляску нашего героя.

А-Второй жил в начале переулка, рядом с общественным колодцем. Были мы с ним одногодки, правда, он был гораздо выше меня, крепче и симпатичнее. В детстве мы вместе гоняли по переулку мяч, и, если он оказывался на крыше дома, А-Второй всегда доставал его оттуда. Родители его были выходцами с севера провинции, и отец тоже был рикшей. Когда ему стало не под силу бегать с коляской по улицам, на смену пришел сын. Каждый раз, когда А-Второй возил нашего героя, он делал всего лишь три пробега, остальным временем он мог распоряжаться по своему усмотрению, ведь коляска принадлежала ему. Коляска была с медным колокольчиком. Зимой и весной клиенту укрывали ноги войлочным ковриком. Эту красивую коляску таскал смазливый хозяин, который бегал с невероятной легкостью и казался баловнем судьбы. Одетые в изящные национальные платья, прижимающие к груди пипа [1] и с тонко подведенными бровями, актрисы-сказительницы, которые спешили на представление и были ярко накрашены, не могли пропустить коляску А-Второго. А-Второй летел со своей коляской по шумному городу, громко дудел в трубу, отчаянно звенел колокольчик, и все прохожие оборачивались, когда коляска подъезжала к воротам зала, где выступали сказители. А-Второй не снижал скорости, а с еще большей силой налегал на перекладину коляски. Он бежал, откидывая назад торс, ноги его мелькали, но у ступеней зала он мгновенно застывал на месте. В этот момент он казался похожим на знаменитых шанхайских лихачей. Актрисы, попрежнему прижимая к груди пипа, сходили на землю, бедра их приходили в движение, огромные глаза сверкали, туфельки на высоких каблуках постукивали, и они исчезали за

[1] Пипа — китайский национальный музыкальный инструмент, напоминающий домру.

играющим в струях воздуха занавесом. Эта сцена была утонченной и великолепной. А если вообразить, что такая прелестная актриса села бы в старую коляску, обитую простой кожей, которую к месту представления согбенный старик еле-еле дотащил, ну какое это было бы зрелище! Раз уж люди в жизни лишены красоты и веселья, они с радостью заплатят деньги, чтобы увидеть, как красива жизнь у людей искусства. Теперь вам понятно, что А-Второй хотя и был всего лишь простым рикшей, ему грех было жаловаться на жизнь. Когда я начал задуманную операцию, он вместе с родителями ужинал в «Небесном колодце» [1]. На столе, за которым восседала семья А, я увидел рис, овощи, плохо приготовленного гуся и не совсем свежий соевый творог. Отец семейства шумно прихлебывал шаосинское рисовое вино [2]. Вначале я, как этого требует этикет, сказал что-то о погоде, а затем перешел к главному:

— А-Второй, как ты относишься к тому, что к нам пришло освобождение?

Поскольку А-Второй — по натуре человек прямой, он не стал скрывать свое мнение:

— Отношусь хорошо; сейчас с простыми людьми стали считаться, теперь никто тебя просто так не обзовет и не ударит, да и охотников задарма ездить в коляске больше нет.

— Ну,— скривив губы, протянул я,— что же ты так просто судишь. Сейчас рабочие стали хозяевами страны и не позволяют, чтобы на них ездили, как на скотине!

— А на мне никто и не ездит!

— Как это не ездит, а что же ты тогда делаешь?

— Коляску вожу.

— Правильно, но издревле и до наших дней в коляску всегда впрягали лошадь!

---

[1] «Небесный колодец» — название дорогого ресторана.

[2] Марка известного вина, производимого в городе Шаосин провинции Чжэцзян.

— А лотки торговцев? — быстро сообразил парень.

— Ну... на них возят товар, а не людей,— парировал я.— У всех людей есть ноги, и если они не калеки, то зачем тогда они садятся в коляски, а ты, уподобившись скотине, бегаешь с ними по улицам! Разве тебя можно назвать хозяином страны? Разве после всего этого можно говорить о каком-то гуманизме?

— Это верно,— вдохнул А-Второй. Крякнул и его отец:

— А что делать, ведь ему платят деньги!

— День-ги!..— нараспев произнес я, тем самым выражая к этому слову свое презрение.— А ты знаешь, откуда деньги у Чжу Цзые и ему подобным? Они нещадно эксплуатируют трудящихся, а ты служишь ему и получаешь свою часть от этой эксплуатации!:

Парень поднял брови:

— А ведь и впрямь! Хозяин как сядет в коляску, так сразу начинает что-то выдумывать: то ему беги быстрее, а то боится, что коляска перевернется!

Я решил не упустить момент, следуя поговорке «куй железо, пока горячо»:

— Дело, в общем-то, не только в Чжу Цзые, ты вспомни, как в Советском Союзе... — И я с таким воодушевлением и с таким жаром стал рассказывать о Советском Союзе, будто во мне забил фонтан красноречия. Кое-кто в наши дни так же вот превозносит Америку. Рабочий класс страны Советов — хозяин своего государства: какое ни возьми дело, если рабочие не проголосуют, принято не будет. Там, где они работают, везде машины, станки, трактора, ни одного рикши не увидишь.

Я взглянул на стакан в руке отца А-Второго:

— Чтобы заработать несколько медяков, твой сын таскает коляску, работает, как проклятый. А в Советском Союзе рабочие живут в каменных домах, ездят в машинах, а в квартирах у них диваны да приемники! У нас рисовым вином никого не удивишь, они водку пьют!

Видит небо, тогда я вовсе и не знал, что такое водка, лишь несколько лет спустя я попробовал ее и был не в восторге. Мы тоже делаем такую из зерна, только она будет покрепче. Но в те времена, о которых я рассказываю, ни А-Второй, ни тем более его отец не представляли, что это за диковинка — русская водка. Они впервые слышали от меня это название. Старик решил, что русская водка — это нечто вроде нашего маотая [1].

А-Второй был растроган моим рассказом:

— Да-а... этому можно позавидовать. Знаешь, отец, я не буду больше таскать коляску, хватит того, что ты всю жизнь работал как скотина.

Конечно, парень говорил так отнюдь не потому, что ему хотелось пить водку, так же как советские рабочие. В душе я догадывался, о чем он мечтает,— всю жизнь он хотел водить машину. Стать шофером было его заветной мечтой.

Его отец поднял стакан:

— Э... быстрей ешьте, раньше закончим, раньше спать ляжем. Завтра утром тебе надо везти хозяина в харчевню.

Да, выходит, зря я полдня разглагольствовал, старик, казалось, ничего и не слышал. Верно говорят, что пожилые люди консервативны, как с этим не согласиться.

Но я решил не выпускать А-Второго из рук и затащил его к себе домой, где опять убеждал, но теперь я привел ему пример из своей жизни:

— Вот послушай. Когда я окончил школу, один мой товарищ пригласил меня в Сишань на место школьного учителя. Каждый месяц мне бы выдавали три даня риса. Если бы я его продал, то имел бы такие деньги, на которые на рынке можно купить и мушмулу японскую, и восковник. А еще один товарищ звал меня в Гонконг поступать в университет. Его отец занимает там важный пост и согласился ежемесячно выдавать мне восемьдесят гонконгских долларов, а получив диплом, я

---

[1] Маотай — китайская рисовая водка большой крепости.

бы остался в его конторе служащим. Почему я не согласился? Да потому, что человек живет не ради того, чтобы набивать свой живот, и тем более не ради того, чтобы становиться рабочей скотиной у капиталистов!

Я пользовался не только словесными аргументами: я достал журнал «Советский Союз» и вручил его А-Второму, воздействовал, так сказать, на него наглядной агитацией, которая должна была убедить его в необходимости борьбы за осуществление наших великих мечтаний. Честно говоря, я весьма приблизительно говорил о Советском Союзе, потому что все мои знания ограничивались просмотром журналов, которые, надо признать, были очень красивы!

В конце концов у А-Второго появились проблески сознания. Он решился против воли отца отказаться быть рикшей и надумал искать другую работу. Я всячески поддерживал его:

— Молодец, правильно поступаешь, самое верное — пойти на завод, влиться в ряды рабочего класса!

Однажды встретив меня, парень подавленным голосом сообщил:

— Я разочаровался и в Советском Союзе, и тем более в заводе. Как только я перестал таскать коляску, то сразу же остался без денег. А официанты в харчевне перестали замечать меня.

— Прояви же стойкость,— поспешил я успокоить его,— не показывай своей обиды.

— Я-то не показываю, а вот мой желудок уже не стремится к победе, а требует еды!

Тут уж и я заволновался:

— Да-да, это серьезно, надо как-то преодолеть эти трудности, я подумаю, как тебе помочь.

Я дал А-Второму немного денег и поспешил в местное отделение гражданской администрации, где служил мой товарищ, с которым мы когда-то бежали в освобожденные районы.

— Да, твой друг — темный человек,— сказал тот, внимательно выслушав меня.— Надо было взвесить все обстоя-

тельства. Сейчас некоторые капиталисты выбрали форму пассивного протеста. Они совсем не закрывают предприятия, но уменьшают рабочим зарплату.

— Понятно, надо все это проверить,— согласился я.— Но ты же всегда находил выход из любого положения, придумай что-нибудь.

— Давай поступим так,— после недолгого молчания сказал товарищ,— я сейчас занимаюсь регистрацией безработных и не оставлю твоего друга.

Программа трудоустройства рабочих заключалась в том, чтобы использовать их на очистке мелких речушек, которых в Сучжоу было великое множество. Старое общество оставило нам грязи в избытке, а мы хотели превратить сточные воды в чистый поток, чтобы наша восточная Венеция соответствовала своему названию.

Мы свершили революцию, чтобы наш райский уголок стал еще прекраснее!

А-Второй согласился, что эта задача достойна революции, и не стоит дважды повторять ему одно и то же. Что же касается денег, то получать теперь он будет только по три цзиня риса в день — это за работу, которая гораздо тяжелее, чем таскать коляску по улицам, ведь теперь ему с утра до вечера выгребать тину со дна речушек.

С отцом парня справиться было труднее. Чтобы заработать себе на жизнь, он не придумал ничего лучшего, как продавать имбирь и лук. Как вы помните, семья А жила рядом с общественным колодцем, и если кто-либо забывал купить на рынке лук или имбирь, то с радостью покупал их у отца А. Теперь дела у них пошли лучше, правда, они не могли, как прежде, позволить себе на обед голубя и полцзиня рисового вина. Каждый раз, когда я проходил мимо, старик хмурился и отворачивался. Мне тоже было не по себе, но я не терял надежды и пытался успокоить его:

— Дедушка, не сердитесь, обязательно наступит день, когда вы попробуете русской водки!

Его грустные глаза были как плеть, которая подстегивала меня в борьбе за торжество социализма.

Всякий раз, когда глубокой ночью, с трудом волоча от усталости ноги, тащился я через тихий безлюдный переулок, я невольно смотрел на темные окна дома семьи А и твердил про себя: «Дедушка, я, Гао Сяотин, виноват перед тобой, но мне не страшна усталость, не страшны трудности, ведь вместе с твоим сыном я сражаюсь за наше светлое будущее!»

Мама здорово рассердилась, когда узнала, что я натворил в семье рикши:

— Что ты понимаешь в жизни, разве управляющий Чжу был несправедлив к нам? Какое тебе дело, что люди тратят деньги на рикш? Теперь из-за тебя семья А осталась без денег, а управляющий Чжу вынужден с утра до вечера носиться по городу в поисках рикши и в дождь приходит как курица мокрый. А все из-за тебя, бесстыжая тварь!

Я не спорил, потому что мне не хотелось видеть ее слезы. Не виноват же я, что наши представления о нравственности не совпадают. Мама все еще верит в четыре добродетели женщины [1] и ко всему прочему считает, что герои пекинской оперы — выдающиеся люди. После маминых упреков я уже не решился идти агитировать рассыльного, которого Чжу Цзые нанял вместо меня бегать за закусками. А был это старик, которому не под силу вытаскивать ил из воды. Что касается нашего героя, то он тоже стал относиться ко мне по-другому: больше не называл меня товарищем Гао и не предлагал сигарет. Если же мне случалось столкнуться с ним в дверях, я сторонился и опускал голову. Лицо его я не успевал рассмотреть, поэтому не знаю, что он ко мне испытывал — ненависть или страх. Тем не менее, когда мы встречались, в руках у него всегда что-то было, и это что-то походило на сумку, внутри которой он носил запасные

[1] Четыре добродетели — это почитание родителей, забота о младших, преданность и верность.

ботинки, а сверху — зонтик. Теперь, когда Чжу на рассвете выходил из дома, он всегда помнил о сюрпризах погоды и брал эти вещи на случай дождя, чтобы потом не выглядеть мокрой курицей, если не удастся нанять рикшу. В душе я ликовал: «Ничего, ты еще пожнешь плоды своего поведения!»

4. Удары барабана зовут в наступление

Размышляя о моей судьбе, командир отряда, вероятно, что-то приписал в моих документах, потому что отныне любая моя работа так или иначе была связана с пищей. Когда началась кампания смешанного государственно-частного управления, то на предприятие назначался лишь один общественный представитель. Вот меня-то и назначили управляющим в один известный ресторан. Видит небо, это было совсем не то, к чему я стремился!

Я прекрасно знал это заведение, хотя до Освобождения мне не случалось бывать здесь. Лишь через двери видел я, какая шикарная публика заполняла этот ресторан. У входа в те времена толпились нищие, а на кухне готовили такие необыкновенно вкусные блюда, что слюнки текли. Все это можно было видеть сквозь витрины, залитые неоновым светом. Когда-то я читал сказку Андерсена «Маленькая продавщица спичек», и мне всегда казалось, что героиня этой сказки могла бы умереть перед окнами кухни этого ресторана. Зимним днем, когда в воздухе кружились снежинки, я переступил порог этого чудесного заведения. Преодолев снежный сугроб, я почувствовал, как сжалось вдруг мое сердце. Я мгновенно представил, что та сказочная девочка могла бы здесь упасть и рассыпать все спички, которые продавала.

Спокойно войти в зал и усесться, где захочется, я не мог. Не в моем характере важничать и придирчиво выбирать то

блюдо, которое тебе понравилось. Но здесь ведь пировали люди, для которых расточительство было вполне естественно. Здесь привыкли выбрасывать в помои и рыбу, и рис. Для меня же чудесная атмосфера богатого ресторана была хуже мерзких картин кабаков.

Свою деятельность я начал с разъяснительной беседы среди всех работников ресторана, и первое, что я спросил,— кому нужен этот ресторан? Тем обжорам, которые приходят сюда, или трудящимся? Прикиньте, сколько у нас помещиков, чиновников и буржуа и сколько рабочих и крестьян? Надо покончить со старой жизнью нашего ресторана. Каждый, работающий здесь, прекрасно понимает, что крестьянин не осмелится зайти к нам,— его отпугнет роскошь залов. Ведь не сравнишь наш ресторан, например, с кабачком около даосского монастыря Сокровенного, где и готовят вполне прилично, и вся трапеза стоит всего лишь три мао! А рабочий, разве он может позволить себе такую роскошь — пообедать в нашем ресторане? Нет! Разве что в исключительном случае. А тот, кто слышал о Чжу Цзые, знает, как и сколько он ест. А возьмите длинный список клиентов ресторана, который помнит наизусть каждый официант, так вот в этом длинном списке нет ни одного пролетария. Да там с трудом можно отыскать даже служащих самого высокого ранга, и то все они — и пусть не даст мне соврать наш самый опытный официант, уважаемый Чжан,— либо родственники лавочников, либо их помощники, то есть те, кто обязательно владеет акциями. Конечно же, среди наших завсегдатаев не обязательно все — старые советники или гурманы, которые записывают для памяти названия тех блюд, которые надо заказать для следующего пиршества. Но у старых официантов глаз наметан, они по одежде, внешнему виду, манере поведения или по тому, как заказывают блюда, безошибочно могут определить классовую принадлежность. Так вот, они вам сразу скажут, что подавляющее большинство посетителей нашего ресторана отнюдь не рабоче-крестьянского происхождения.

Я обобщил свои наблюдения, прибавил то, что испытывал к Чжу Цзые, дополнил историческим взглядом на проблему, и у меня получился обширный доклад в две тысячи иероглифов. Он был посвящен моему видению проблемы преобразования ресторанов. Я четко изложил свою позицию, подобрал убедительные аргументы, умело использовал примеры. У меня получился документ, который можно назвать декларацией «Долой чревоугодие».

Руководство одобрило мой труд и немедленно утвердило как руководство к действию в том самом ресторане, куда я был назначен. Позже, когда этот документ будет подтвержден практическим опытом, его можно будет распространить и на другие рестораны. Я смело взялся за великое дело!

Прежде всего я велел убрать из ресторана неоновые лампы, снять красные и зеленые фонарики, которые оживляли витрины. У меня с этими фонарями связаны особые воспоминания. Когда прохожие смотрели, как они вращаются в сумерках, они невольно вспоминали старую жизнь. Я был уверен, что этот свет дурманит людей, способствует их деградации. Эпоха красивых фонарей и дорогих вин безвозвратно миновала, к чему сохранять подобную мерзость? Уничтожить!

Следовало также изменить стиль обеденного зала. Он отнюдь не вдохновлял рабочих и крестьян. Надо сделать его просторнее и проще, и нечего устраивать в нем отдельные кабинеты. Трудящимся незачем скрываться от других, потому что едят они на честно заработанные деньги. Только кровопийцы боятся, что кто-то подглядит, как они транжирят деньги. Уничтожить! Если убрать стенки кабинетов, то сразу же и места прибавится, а значит, еще больше простых людей получат возможность здесь поесть.

Официантам надо сменить форму. Отныне официант — человек не второго сорта, а представитель рабочего класса, и ему не пристало вечно ходить с полотенцем на плечах, сгибаться перед каждым в пояснице и улыбаться во весь рот. Теперь он

не будет неотлучно следовать за клиентом и, ежеминутно стягивая с плеч полотенце, вытирать то тут, то там, уподобляясь актерам столичной оперы. Теперь все — товарищи, и считать кого-то ниже себя и тем более лицемерить просто незачем. Пиалы, палочки для еды, чашки, бокалы можно положить в определенном месте, чтобы каждый, если он не дряхлый старик, мог бы взять сам. Пусть посетители чувствуют себя как дома.

Персонал ресторана не имел ничего против тех трех революционных принципов, которые я только что изложил. Более того, все решили, что это новый подход, который наполнен духом революции. Однако когда я перешел к подлинным революционным преобразованиям — пересмотру меню — дело приняло неожиданный оборот.

Я считаю, что самое главное в революционном преобразовании меню — это сделать то, что задумал, иначе вся наша деятельность окажется пустой формальностью. Да и что это там за блюда: «сосны и крысы», «рыба коричного дерева», «снежные куриные шарики», «кочерыжка с пудрой из крабов»... Кто будет есть эти деликатесы? Обычные овощи, обычный бульон. Овощи и бульон — пять мао за порцию, и этого вполне достаточно, чтобы накормить посетителя. Разве я против, если кому-то вдруг захочется съесть что-то вкусное. В жизни не мешает иногда что-то менять, случается, что и бойцы революционных отрядов кутят. Ну, тогда можно приготовить жареное мясо с красным перцем, правда, без излишеств. Можно еще предложить мясо фри с капустой или свиную печень, жаренную с луком, рыбу, отваренную кусочками. Можно приготовить «львиные головы» со свежими овощами, то есть куски мяса круглой формы... Впрочем, достаточно, разве в простой рабочей семье каждый день готовят такие блюда?

Большая часть работников ресторана со мной согласилась, но старые повара возражали.

Был против и уважаемый официант Чжан. Говорил он неторопливо и как бы посмеиваясь над кем-то:

— Охо-хо, в таком случае знаменитый ресторан превратится в захудалую харчевню! Управляющий Гао, тогда уж давайте доведем революцию до конца: дадим каждому из нас две доски, и пойдем мы лоточниками на вокзал.

У меня от этих слов глаза на лоб полезли:

— Товарищи, если кто-то против — говорите, но давайте ко всему отнесемся серьезно, ведь это революционная работа. И не стоит ее высмеивать.

— Ладно, ладно, я не имею ничего против,— наконец согласился он,— думаю, что если поступить так, как ты предлагаешь, нам станет легче работать.

Потом выступил бухгалтер ресторана.

— Управляющий Гао, может, я что и не так скажу, но вот что меня волнует... Э... предлагаешь ты все верно, но вся закавыка в том, станет ли наш ресторан приносить доход.

Его слова были подобны шелковой нити, которая затягивалась на моей шее. К тому же все знали, что он был родственником старого хозяина и его задела кампания «борьбы против трех зол и против пяти зол», так что от него можно было не того ожидать.

— Я уже думал над тем, что тебя беспокоит,— быстро возразил я,— не надо забывать о том, что социалистическое предприятие служит народу, и мы не должны, подобно капиталистам, стремиться только к собственной выгоде!

Бухгалтер согласился со мной. Однако я совсем не учел того, что наши повара были не второго, и даже не первого класса, а истинные маги своего дела, для которых лучше умереть, чем сдать свои позиции. В области кулинарии они были и теоретиками, и практиками и с успехом могли бы демонстрировать свое мастерство даже за границей. Но мне в то время было глубоко безразлично их мастерство, так же как и они не могли согласиться с моим абсолютным невежеством в кулинарном искусстве. Особенно негодовал Ян Чжунбао, который воспринял мои реформы как личное оскорбление:

— А не получится так, что мы станем предлагать клиентам те блюда, которые приготовит любая домашняя хозяйка?

— Чем вам не нравятся такие блюда?

— Зачем ходить в ресторан, если все это можно и дома поесть?

Ответ на это у меня уже был готов:

— По-твоему выходит, тот, кто отправляется по делам, каждый раз должен прихватывать с собой котел, чтобы готовить еду?

— Люди приходят к нам, чтобы попробовать самые знаменитые в Поднебесной блюда, а мы им будем предлагать какие-то жареные львиные головы!

— Ну это смотря кто хочет их отведать!

— Да любые люди, в том числе такие же кадровые работники, как и ты!

— Мне в день выдают три мао на еду,— чуть не задохнулся я от гнева,— и если я заплачу за одно блюдо пять мао, то что мне останется на обед и ужин?

— Не все живут, как ты, кое у кого денег побольше.

— Побольше? А где они их берут? Может быть, они не чисты на руку, распоряжаясь общественными деньгами?

— А если кто-то захочет пригласить в ресторан гостей? — нашел новый аргумент Ян Чжунбао.

— Глупости говоришь, какие гости! Выходит, кампания «борьбы против зол» вас ничему не научила? Те, кто стремился подражать капиталистам, начинали именно с того, что приглашали гостей. Еще не известно, чем вообще занимаются в гостях, может быть, обмозговывают какие-нибудь темные делишки, а для этого очень удобны отдельные кабинеты, которые были в вашем ресторане!

— А если свадьба? — не успокаивался официант.

— Если свадьба, тем более ни к чему лишние затраты, вполне можно обойтись несколькими цзинями конфет,— сурово возразил я,— у нас все так делают.

Тут уж Ян Чжунбао совсем рассвирепел:

— Управляющий Гао, ты говоришь как полнейший профан, который считает, что ресторан — это обычное учреждение. Вот если ты запишешь нас поварами в свое учреждение, то мы согласимся со всеми твоими реформами.

В глазах у меня потемнело, а все аргументы застряли в горле. Я и разозлиться не мог на официанта, ведь он, в отличие от других, был самым настоящим пролетарием, с рабочим стажем куда более моего. Мало того, что происхождение мое было мелкобуржуазным, да еще я не принимал никакого участия в боевых действиях. Так что ничего не оставалось делать, как смириться с его возражениями. Но только временно. А что касается «мяса фри с капустой», то это особого мастерства не требует, даже я на это способен... Конечно, если они будут готовить только такие блюда, то не смогут совершенствовать свое мастерство, однако ничего с этим не поделаешь. А вот насчет того, чтобы перевести их на работу в учреждение, о чем он в сердцах сказал, надо подумать. Допустим, направить на работу в комитет международных отношений — было бы вполне подходяще...

Среди присутствующих воцарилось молчание. Я не знал, как разрушить стену отчуждения, возникшую между мной и работниками ресторана, и подключил к разговору молодежь. Если чувствуешь, что ситуация уходит из-под твоего контроля, самое верное — искать поддержку у молодежи. Только ей присущи прогрессивные взгляды и напористость.

— Молодые товарищи, высказывайтесь, ведь вы тоже хозяева страны, будущее вам принадлежит, так что говорите смело.

Но парни только посмеивались, поглядывая то на пожилых работников, то на меня, явно колеблясь, чью сторону принять, ведь сразу трудно решиться. Был среди них один молодой человек по имени Бао Куньнянь, официант. Он еще числился в учениках, но говорил вполне уверенно:

— Товарищи, наш ресторан нуждается в реконструкции, и ее следует провести подобающе! Мы больше не будем служить господам, теперь повернемся лицом к рабочим и крестьянам! И это не пустые слова, мы подтвердим их нашим меню. Что готовить, зависит от того, для кого все это. Рабочие и крестьяне не будут есть кочерыжки в муке крабов. Если мы им предложим такое блюдо, то совершим преступление, ведь раньше господа ели кочерыжки, а рабочим и крестьянам оставались листья. Для блюда «куриное мясо, нарезанное соломкой», с грудки курицы снимают мякоть, а куриные головки и лапки идут на обед рикшам, что таскают желтые коляски. Не является ли такое разделение высокомерием по отношению к рабочим и крестьянам?! Крестьяне приходят в харчевню, чтобы попробовать суп с соевым творогом, а им говорят: «Эй, ступай-ка в даосский монастырь Сокровенного есть свой суп с соевым творогом, там его готовят и вкусно, и дешево». А в этом монастыре можно купить только полужидкий бобовый сыр, то есть такое разделение явно имеет цель ущемить деревенских. А вот с Чжу Цзые и ему подобными такую штуку не сыграть. Когда они к нам приходят, в зале сразу начинается суета. Если рыбу им подай, то самую свежую, чилимсы — самые крупные, а овощи изволь нарезать не толще пальца...

Бао Куньнянь задал тон, его поддержали другие парни, все в один голос стали говорить о нашем расточительстве. «Для нас важны банкеты,— говорили они,— и мы не обращаем внимания на тех, кто не в состоянии заплатить за обед больших денег». Сам я не сказал об этом, поэтому слушал с большим вниманием и даже важно постучал пальцем по столу:

— Ну теперь вы видите, что без перемен нельзя!

Официант Чжан молча опустил голову. Возможно, и за ним водился грех пренебрежительного отношения при обслуживании крестьян. Повара тоже молчали. Для знамени-

тых блюд сучжоуской кухни нужны особые продукты, вот почему они так дороги. Чжу Цзые и ему подобные требуют, чтобы все было приготовлено на высшем уровне, и, получается, задают тон поварам. Поэтому сучжоуская кухня, дабы не лишиться своей известности, должна тысячами оттенков отличаться от других кухонь. Еще Конфуций [1] говорил: «Еда не может надоесть своей изысканностью, ведь не надоедает тушеное мясо, если оно мелко нарезано!»

В результате собрание работников ресторана утвердило план его реконструкции. Бао Куньнянь победил, он и дальше действовал так же активно, в духе своего выступления. Я, в свою очередь, стремился создать благоприятные условия для его продвижения. Что же до того, что во время «культурной революции» он чуть было не убил меня, так об этом после...

В то время я все свои силы отдавал реорганизации нашего ресторана и домой возвращался ближе к полуночи. Мы переустроили обеденный зал, сменили витрины, написали красивыми иероглифами объявления и развесили их на всех улицах. Мы даже заказали такую рекламу в газете: «Знаменитый ресторан открыт для всех, реальная экономическая выгода для народа».

В день открытия вновь рожденного ресторана многочисленные посетители стали свидетелями величественного зрелища. Собрались пожилые люди вместе со своими внуками. Неожиданно для нас перед входом длинной чередой выстроились желтые коляски рикш, велорикш, повозки. Мне еще никогда не приходилось видеть такого скопления транспорта и пешеходов. До Освобождения, когда посетители съезжались в ресторан, господа поднимались в залы насладиться чудесным вином, а рикши коченели от пронизывающего ветра. А ныне те, кто раньше мерз на улице, с гордо поднятой

---

[1] Конфуций (551—479 годы до н. э.) — выдающийся мыслитель, философ.

головой, величественно проходили в обеденный зал. И первый и второй этажи нашего заведения были заполнены людьми. Шум отодвигаемых скамеек, столов, многоголосие сотен людей, напоминающее морской прилив, сначала создавали впечатление неразберихи, но затем все вставало на свои места, так как на самом деле это было радостное оживление. Официанты стремительно, но без суеты носились между столов. Поскольку блюда стали просты, то не было необходимости готовить только после того, как сделан заказ. Бульон был заранее вылит в котел, овощи лежали в огромной кастрюле: зачерпнешь половником — и полна пиала. Задержки ни на секунду — несешь клиенту. Люди — те, кто входил в ресторан с правой стороны, и те, кто уже выходил, напоминали два потока бурлящей реки. Сейчас о нашем ресторане можно было с полным правом сказать: «Встречает гостей, как хлебосольный хозяин».

Разумеется, к нам пожаловал и Чжу Цзые со своими закадычными друзьями, и это меня просто привело в восторг: очень хотелось посмотреть, что он закажет! Однако мог ли я предположить, что наш герой сначала прочитает объявление, вывешенное у двери, затем оценит толчею в зале, потом, слегка согнувшись, рассмотрит незамысловатые блюда, выставленные на столах, сморщится и, громко рассмеявшись, с презрением на лице пойдет прочь. Эта сцена разозлила меня: «Ага, господа, вам это не по душе, так ведь наша реорганизация и была направлена против вас!»

Реакция простых посетителей была совсем иной:

— Ей-ей, раньше говорили, что этот ресторан славится своей кухней. Ну, а если известный, так, значит, не для нас. Сегодня — наконец-то мы сумеем все сами оценить!

Не скрывали своей радости и разносчики овощей:

— И мне приходилось бывать в этом ресторане, только я попадал сюда через черный ход, когда приносил товар, и сразу шел на кухню, не смея даже нос сунуть в обеденный зал!

Сейчас, когда я пишу эти строки, по-прежнему испытываю чувство гордости. Слова похвалы посетителей вытеснили из моей памяти усталость, накопившуюся за все дни, и сердце мое в тот день трепетало от радости. Как же оценит история мою работу? (Успокойся, оценка будет вполне объективна!) И сегодня я ничуть не покривлю душой, если скажу, что действовал отнюдь не из эгоистических побуждений и с энтузиазмом занимался этим пусть небольшим, но важным делом!

Руководство также не обошло нас своим вниманием и осталось довольно рестораном. Правда, в залах мало порядка, и это, конечно, недостаток в нашей работе, но все же наш опыт следовало обобщить, кое-что доработать, а затем распространить и на прочие рестораны.

5. Отвести опасность

На этот раз Чжу Цзые оказался в тупике. Хотя нам было очень тяжело распространить свой опыт на другие рестораны, так как они каждый раз пытались халтурить, пустить пыль в глаза: выставив в витринах обычные блюда, сами потихоньку готовили деликатесы. Но тем не менее дух знаменитой сучжоуской кухни стал постепенно исчезать, и хотя названия блюд оставались прежними, готовились они без былого искусства. Чжу Цзые когда-то хвастался, что обладает особыми вкусовыми ощущениями, может различить до тысячи оттенков! Теперь же возьмет в рот кусочек деликатеса — и сразу качает головой, хмурит брови и всем своим видом показывает осуждение всех и вся. Наш герой продолжал жить по старому календарю, но никто теперь не называл его управляющим, да и слово капиталист тоже стало неблагозвучным. Пусть у него есть деньги, теперь не положено давать чаевые. Хочешь есть — заходи, не нравится наша еда — поворачивай. Сколько бы мы человек

ни обслужили — зарплата наша от этого не изменится. Ты, Чжу Цзые, говоришь, что так можно заработать дурную славу, так вот — мы не собираемся прислуживать буржуазным элементам!

И как только наш герой терпел все это? Съест очередное блюдо и расстроится, ему становится больно, и в желудке у него все тяжелее и тяжелее. День ото дня не мог досыта наесться, на еду и вино смотреть ему стало противно. Так он и бродил целыми днями по улицам подавленный, не испытывая былой радости. Он часто покупал себе пирожные, упакованные в коробочки из соломки, но и они уже были не те, что прежде. Он приносил их нетронутыми домой, и они лежали там, пока не портились, и мама выбрасывала их. От недоедания у нашего героя постепенно исчезло брюшко.

Как-то вечером дверь в мою комнату распахнулась, и я увидел нашего героя.

— Послушай, Гао Сяотин,— начал он непослушным от хмеля языком,— я... я против того, что ты затеял!

К тому, что буржуазные элементы непременно начнут действовать, я был готов и потому без всякого удивления сказал:

— Пожалуйста, говори, чем ты недоволен?

— Ты превратил знаменитую сучжоускую кухню в какую-то ерунду, ты против всего Сучжоу!

— Ну, это как смотреть,— я был по-прежнему спокоен,— мы же не меняли блюда, так что говорить о ерунде... Ты прав, я виноват перед помещиками и буржуазией Сучжоу, но простым людям нашего города не в чем винить меня!

— Да ты, ты передо мной виноват!

— Разумеется, ведь ты тоже буржуазный элемент!

— Сяотин, неужели у тебя нет ни капли совести, разве все эти годы я был несправедлив к тебе?

Чжу Цзые говорил без всякой связи, но эти слова взбесили меня.

— Ты прав, Чжу Цзые,— с жаром воскликнул я,— я виноват перед тобой и твоими дружками, но трое из них — помещики, двое — попали в списки реакционеров, и лишь еще троих, и тебя в том числе, власти пока не трогают. Но ты не думай, что всегда будешь спокойно ходить по улицам. Наступит день, когда мы уничтожим всю буржуазию!

Чжу Цзые испугался моего гнева, он решил, что моя деятельность теперь коснется политической жизни города. Конечно, самым главным для него была еда, но если его собираются уничтожить, значит, это определено судьбой, а с ней трудно спорить. От страха он совсем протрезвел, попятился назад, вытащил дрожащей рукой пачку сигарет, закурил и, собравшись с силами, протянул:

— Чтоб их нелегкая взяла! Приятели купили мне сегодня порцию курицы с цветами, она была такая же ароматная, как и в старые времена, вот я и не удержался — выпил лишнего и заявился к тебе. Постой, а как я сюда вошел?

Чжу Цзые направился к двери и неловко распахнул, чтобы выйти.

— Минутку! — крикнул я.

Чжу замер.

— Управляющий Чжу, если я в чем-то и виновен перед тобой, так это в том, что не сказал тебе нечто весьма важное. Кончай свою прежнюю жизнь, иначе тебе придется раскаяться!

— Да-да-да,— промямлил он,— я это запомню.

С той поры Чжу Цэые почти не попадался мне на глаза и, естественно, больше не приходил ко мне заявлять о своем протесте. Я же, напротив, интересовался им и часто расспрашивал о нем маму. Но она не могла сказать ничего определенного, ведь наш герой теперь редко ночевал дома, а если и появлялся здесь, то всегда был не в духе. Судя по всему, решил я, Чжу Цзые нашел какую-то работу, ведь несмотря на то, что еда и является необходимым условием существования, ее нельзя считать профессией.

Вскоре ко мне пришел с докладом Бао Куньнянь. В последнее время он считал это своей обязанностью:

— Плохие новости. Ян Чжунбао открыл ресторан специально для капиталистов, теперь каждый день гребет большие деньги!

— Не может быть!

— Совершенно верно, я своими глазами видел, это там же, где ты живешь, в доме № 54. Каждый вечер там уйма капиталистов собирается. Ян Чжунбао готовит угощенья, а какая-то красотка собирает деньги.

Бао Куньнянь говорил очень убедительно, и я не мог ему не верить. Надо было срочно поставить в известность уличный комитет и побеседовать с новоиспеченным хозяином заведения. И тут я неожиданно напал на след Чжу Цзые.

Сначала Ян Чжунбао темнил, дескать, после начала реформы он разочаровался в своей профессии и безвылазно сидел в своем доме. В этом доме жили четыре семьи, включая и семью хозяйки дома Кун Бися. Эта женщина, с кокетливым именем Утренняя заря, когда-то была второй женой одного известного в нашем городе политика. Распрощавшись с политической карьерой, он сделался чиновником, а когда и для чиновников наступили черные времена, стал преподавателем и получил звание профессора. Каких только людей не встретишь в сучжоуских переулках! Говорят, в молодости Кун Биси была прекрасна как фея, она училась у одного известного актера и даже играла в спектакле «Небожительница разбрасывает цветы». Увы, после сорока фее стало трудно вызывать у зрителей восхищение. А когда накануне Освобождения ее муж бежал в Сингапур, он бросил ее с дочкой лет девяти.

С юных лет Кун привыкла наряжаться, и, может быть, из-за того, что когда-то выходила на подмостки, она и в жизни часто поднимала руки, игриво ступала и поворачивалась, чтобы все видели, как она красива. Эта манера поведения настолько стала для нее привычной, что она позировала, даже

когда нужно было почесать затылок. Но жеманство, если в нем нет необходимости, со стороны выглядит довольно странно. Сучжоусцы часто награждают друг друга не совсем благозвучными прозвищами, вот и Кун за спиной называли дряхлеющей кокеткой.

Наш герой всегда сторонился особ женского пола, как же на его пути возникла дряхлеющая кокетка? Все очень просто: бывшая актриса умела прекрасно готовить!

За десять лет красивой жизни Кун достигла совершенства в приготовлении бульонов. Ее муж водил дружбу с самыми известными представителями политических, деловых и культурных кругов Сучжоу, к которым такие, как Чжу Цзые, допускались лишь в приемную. По мнению этих людей, Чжу Цзые был всего лишь богачом средней руки, помешавшимся на еде. Разве человек, знающий толк в блюдах, будет целыми днями носиться по харчевням? Неужто можно всерьез говорить о супе с лапшой, если котлы, в которых готовят лапшу, наверняка как следует не вымыты! По-настоящему оценить хороший чай можно, лишь сидя среди цветов и любуясь светом луны. А вкушать изысканные блюда следует, опираясь на чудесные перила и любуясь при этом речным потоком! Разве уважающий себя человек пойдет в шумный кабак, где будет есть мясо с соевым соусом, завернутое в листья лотоса, или творог сомнительной свежести, нанизанный на стебли рисовой соломы? Настоящие аристократы вынуждены ходить в рестораны только потому, что этого требует светский образ жизни. За столом они небрежны в выборе блюд: они кажутся им либо пресными и не вызывающими аппетит, либо недостаточно изысканными. Все для них не так: приборы плохо вымыты, к аромату блюд примешиваются какие-то посторонние запахи, везде чувствуется запах кухни. А те несравненные блюда, о которых постоянно вспоминал Чжу Цзые, для них не более чем обычная пища. Эти аристократы создали собственный процесс наслаждения сучжоуской кухней,

которая включала в себя высшие достижения материальной культуры и повседневной работы над собой. В результате этого процесса богатое содержание знаменитых сучжоуских блюд воплощалось в необыкновенно изящных формах. Видимо, поэтому и еда — явление вполне обычное — стала называться искусством.

Вам, вероятно, интересно, как Кун Бися постигла искусство сучжоуской кухни? Довольно просто. Она и приобрела свою известность как наложница, которая может пропеть арию из оперы, несколькими штрихами нарисовать цветок орхидеи и прекрасно готовить. Более десяти лет в их доме собирались сливки общества, которые развлекались тем, что играли в мацзян, а во время пирушек могли насладиться какой-нибудь арией из оперы, которую исполняла жена хозяина. И хотя в этом доме, разумеется, был неплохой повар, ему дозволялось всего лишь помогать хозяйке готовить изысканные блюда.

Однажды от одного из бывших своих сотрапезников Чжу Цзые случайно услышал о необычайных способностях этой женщины.

— Если ты, мой друг, говоришь о ее умении хорошо готовить,— улыбаясь, заметил наш герой,— то мне что-то не верится. Разве можно в обычной кухне приготовить что-то вкусное, ведь здесь нет достаточного набора продуктов, да притом в обычной печи невозможно поддерживать необходимую температуру.

— Не веришь? Это твое дело. Только не вздумай своим неверием испортить ей репутацию. Да раньше такие, как мы, и мечтать не могли попасть в ее дом. Сейчас, правда, времена не те. Живет она бедно и, пожалуй, согласится приготовить для тебя угощенье. Кстати, она твоя соседка — зашел бы да узнал.

Ради еды Чжу был способен на любой, даже опрометчивый поступок. Как человек, которого мучает страшная боль, мчится к врачу, забыв обо всем, так и он бросился к ее дому

и стал стучать в ворота. Когда ему открыли, он без церемоний объяснил, зачем явился.

Если бы все это происходило до Освобождения, то, вероятнее всего, хозяйка указала бы незваному гостю на дверь. Но сейчас ее положение было еще хуже, чем у нашего героя. Раз у нее не было капитала в банке, значит, она не получала никаких процентов. Вот почему, чтобы как-то существовать, ей приходилось сдавать квартиры трем семьям, да иногда продавать домашнюю утварь и свои украшения. Она не хотела признать, что ее жизнь изменилась, и горела желанием вновь показать свое искусство. Ей хотелось опять стать знаменитой и привлекать всеобщее внимание, как в былые годы. И хотя предложение Чжу вызвало у нее несказанную радость, она напустила на себя важный вид и произнесла:

— Ой-ой, господин, с чего это вы взяли, что я способна хорошо готовить? Женщины моего положения, едва заря заглянет в окна, немного перекусят и все. Мы не стремимся к излишествам!

Ее речь на сучжоуском диалекте была сладкозвучна, как ария из оперы. Наш герой стал с нетерпением упрашивать:

— Хорошо, я съем любое блюдо, которое ты приготовишь, в любом случае это будет вкуснее, чем в ресторане.

— В ресторане!..— с презрением протянула Кун.— Ну и бестолковые же вы, мужчины, если способны поглощать любую пищу, даже если от нее тянет ресторанным запахом!

Чжу Цзые только глазами захлопал: какой это запах бывает в ресторане? Да стоит только почуять запах приготовляемых блюд, как аппетит еще больше разыгрывается. Тем не менее возражать не решился:

— Да, да, конечно же, мы просто ничего в еде не понимаем. Может, вы удостоите нас своим вниманием и научите хоть немного разбираться в еде?

— Ладно, так уж и быть,— смилостивилась Кун,— продемонстрирую свое искусство. Сколько вас будет?

Чжу Цзые пересчитал своих компаньонов, передвигая в воздухе указательный палец по кругу:

— Девять.

— Не пойдет, могу принять самое большее семь человек. Чем больше людей, тем труднее готовить.

— Ну, тогда восемь, как раз все за один стол поместимся.

— Правил не знаешь,— рассмеялась Кун,— одно место надо оставить тому, кто все это приготовит.

— Хорошо, хорошо,— поспешно согласился наш герой,— прости меня.

Однако в ее словах был какой-то подвох: где это видано, чтобы повар садился за стол вместе со всеми! Но опять же ради еды Чжу был готов на любую уступку. Он тотчас же вытащил деньги и отсчитал пятьдесят юаней. Это была приличная сумма, из которой десять юаней оставалось на чаевые.

— Ой-ой,— сконфуженно воскликнула женщина,— разве на эти деньги можно что-либо приготовить?

Чжу Цзые недрогнувшей рукой отсчитал еще восемьдесят. Кун молчала с таким видом, будто в уме производила расчеты, затем посмотрела на нашего героя:

— Ну, да ладно, если не хватит, я внесу свою долю. Что с вас, мужчин, взять!

На том и порешили. На подготовку Кун потребовала пять дней. Правда, потом она переживала, что не успела приготовить тушеного угря, потому как его надо купить живым и по-особому откармливать в течение недели. Чжу Цэые прямо-таки извелся в ожидании пиршества. Я не знаю, чем потчевала хозяйка гостей во время этого застолья, ведь сам я там не был, а болтать о том, чего не видел, не в моих правилах. А вот Ян Чжунбао там был. Именно в этот день он не работал и случайно встретил на улице нашего героя. Тот в это время шел сообщить сотрапезникам, когда начинается торжество. Но узнал, что один из них заболел, и надо было срочно искать замену. Встреча с Ян Чжунбао была как нельзя кстати:

— Идем со мной, дружище, увидишь, как люди живут.

Чжу Цзые сразу же рассказал ему про свои отношения с Кун Бися, а дальше — не удержался — и про свое недовольство моими реформами в ресторане.

Ян Чжунбао, как человек искусства, обладал и присущей таким людям привилегией — никому не хотел повиноваться. Он был потрясен, когда услышал, что какая-то бабенка хочет ублажить гурманов. Все знаменитые повара были мужчинами, откуда вдруг появилась эта особа? Хотя однажды наставник рассказывал ему, что в конце маньчжурской династии, в начале нашего столетия, в Сучжоу славились блюда, которые подавали в одном публичном доме высшего разряда. Их готовила женщина, наделенная природой и умом, и красотой. Она сама готовила, не разрешая служанкам прикасаться к кушаньям. Блюда из-под ее рук выходили изящными, как искусная вышивка.

Когда Чжу Цзые встретил Ян Чжунбао, тот болтался без дела. Денег на пиршество Чжу у него не просил, почему бы не полюбопытствовать, а может, и опыта поднабраться, если будет на что посмотреть,— прикинул Ян. Обещано было с три короба, а если ничего такого не будет, то это хороший повод посмеяться над Чжу Цзые, чтобы сбить с него всю спесь!

Спустя время Ян Чжунбао подробно рассказал мне, как все это было, правда, сначала долго оправдывался, что вовсе не открыл подпольный ресторан, просто его возмутило то наше объявление в газете, которое обещало манну небесную. И он так и не приступил к рассказу о том, чем же потчевала гостей Кун Бися, а стал просить меня, чтобы я немедленно отвел его в местное отделение милиции, что я и сделал. Поэтому для меня осталось загадкой, как в тот вечер Кун продемонстрировала свое искусство и какими деликатесами потчевала приглашенных. Однако читателям не стоит отчаиваться; у нас еще будет возможность познакомиться с ее искусством. «Культурная революция» уничтожила много ценностей, но искусство еды в своем развитии нельзя остановить!

Как только я узнал о пиршестве, которое устроил Чжу Цзые, то сразу в ушах моих «зазвучала музыка, достойная небес, которую мало кто из смертных слышал».

Насытившись и ублажив свое чрево, Чжу Цзые вновь стал избегать меня. Он больше не кружил, подобно ошалевшей мухе, по улицам, и никто отныне не видел, как он, выйдя обычно ранним утром из ворот своего дома, отправлялся к Чжу Хунсину. Наш герой больше не искал, где бы ему поесть: трижды в день он вкушал пищу в доме Кун Бися. Он ел — она говорила, он платил деньги — она их получала. Они вместе и ели, и жили, а поскольку и жили, то вскоре объявили о своей свадьбе. Все завершилось вполне логично. Как гласит мудрость: «Придет время — все устроится».

Наконец-то у нашего героя появилась семья. Человек, который когда-то владел многими домами, в сорок пять лет обзавелся своим собственным. Семья — это такая ловушка, попав в которую, приходится подчиняться ее законам. С этих пор Чжу Цзые изменился, стал солидным, следил за своей внешностью, был внимательнее к тому, что говорил. Одевался он теперь куда лучше, чем прежде. На нем ладно сидела суньятсеновка [1], из кармашка пиджака торчали две ручки, что придавало ему ученый вид. Я думаю, во многом эта метаморфоза произошла благодаря его новой супруге, которая изваяла из нашего героя подобие своего бывшего мужа. Оказалось, что эта женщина может не только прекрасно готовить, но и великолепно управлять семьей. Сразу после свадьбы она приложила массу усилий, чтобы прилично обставить свой дом, выселила жильцов и настояла, чтобы Чжу Цзые переехал к ней. Когда квартиранты съехали, в доме сразу стало просторнее, да и хозяйка не осталась в убытке. Дом ее был выстроен в национальном стиле, в большом внутреннем дворе, украшенном огромными валунами, росли деревья и бамбук.

---

[1] См. сноску на с. 49.

Был там и маленький бассейн с горбатым мостиком через него. Дом был обнесен сплошным высоким забором, создавая хозяевам ощущение собственного мира, где они могли предаваться чревоугодию в любое время. Конечно, спрятаться от всех просто невозможно, и не осталось без внимания то, что новая супруга нашего героя и он сам каждое утро отправлялись на рынок. Оба они были аккуратно одеты, у него в руках — корзина, у нее — сумка, идут себе под ручку. Прохожие бросали на них косые взгляды и зубоскалили:

— Смотрите, сухой сморчок со старой кокеткой.

Я ни разу не слышал от мамы плохого слова о Кун Бися. Она считала, что эта женщина сделала хорошее дело, вернув блудного сына на путь истинный. Обычно, возвратясь с рынка, она говорила:

— Опять встретила управляющего Чжу, сразу видно, что жизнь у него наладилась, смотреть приятно, как он ласков с женой.

Я только фыркал, слушая ее, и мысленно возражал: «Да что у него хорошего? Спрятался за воротами от новой жизни!»

6. Привычные всем ароматы

Чжу Цзые спрятался от новой жизни, и я был бессилен что-либо с ним сделать. Он не бывал в нашем ресторане, и не в моих силах было заморозить его счет в банке, так же как, впрочем, бесполезно было доказывать, что он — носитель буржуазной идеологии. Так пусть же себе предается чревоугодию, ведь революция еще не завершена, лишь бы вел себя прилично и не кричал на всех углах, что сучжоуская кухня теперь не та, что прежде, и не врывался в мой дом с претензиями.

Да какие там претензии, если в момент случайной встречи Чжу Цзые смотрел на меня как на постороннего, даже не

удосуживая кивком головы. Выставив вперед вновь образовавшийся живот, он с безразличным видом проходил мимо и был похож на петуха, одержавшего победу над противником.

Раздражало еще и то, что по-прежнему кое-кто был на стороне моего бывшего хозяина. Все они утверждали, что ресторан наш — одно название, что качество блюд у нас скверное, выбор — скудный, а официанты обслуживают посетителей из рук вон плохо! А самое-то обидное в том, что девяносто процентов говоривших отнюдь не были из вражеского стана! Нас критиковали не только кадровые работники, рабочие, а просто старики и старухи. Я не мог согласиться с ними, объяснял, что еще года не прошло после начала революции, спрашивал, как это так получается, что совсем недавно они радовались нашему ресторану, а теперь вовсю поносят его? И я терпеливо разъяснял:

— Бабушка, ну что ты ругаешься, не ты ли год назад впервые в жизни пришла в ресторан, где открылся совсем иной мир?

— Мир для меня уже давно открыт, а теперь я хочу просто внусно пообедать! — Старуха размахивала перед моим носом пачкой крупных купюр.

— Вот, сын прислал, велел мне не жалеть на еду, чаще ходить в ваш ресторан и брать блюда повкуснее! А какие у вас, черт побери, блюда, если я дома могу лучше приготовить!

— Ну и готовь сама, свой обед всегда самый вкусный! — Я почему-то сразу вспомнил Кун Бися и не смог удержаться от грубости.

— Что это ты корчишь из себя хозяина притона,— вспылила бабка,— я умею хорошо готовить, а у вас в ресторане только деньги зря перевожу.

— Это у нас притон! — встрял в разговор Бао Куньнянь.— Что это ты несешь? По-твоему, социалистическое предприятие — это воровской притон? Да это клевета...

Я решил замять конфликт и сказал:

— Ладно, хватит. Бабушка, не сердись, если тебе не по душе наша еда, мы вернем деньги.

Однако в разговоре с человеком, который был в одежде кадрового работника, я решил не церемониться:

— Товарищ, ты здесь в командировке?

— Да, я из Пекина, но про сучжоускую кухню наслышан. А поскольку ваш ресторан очень славится, я специально зашел сюда, а мне предлагают какую-то ерунду!

— Ты, товарищ, и этой ерунде должен радоваться. Какие тебе платят суточные, а?

— Да я вам еще и из своих денег добавлю, лишь бы вкусно пообедать. К тому же вам, наверное, план выполнять надо?

— Скромнее надо быть в жизни и постоянно помнить о трудностях,— строго напомнил я командированному.

— Да-да,— поспешно согласился со мной тот,— спасибо за напоминание. Если бы я знал, что здесь меня ожидает такой прием, прихватил бы с собой котелок, чтобы готовить самому. А впрочем, ваш ресторан надо вовсе закрыть за ненадобностью!

Махнув рукой, командированный ушел.

— Да, в этом человеке сильна буржуазная идеология! — вздохнул я.— Получил за несколько дней суточные и уже ведет себя, как денежный туз. А что до вопроса, нужен ли наш ресторан... Здесь есть над чем подумать. Последние два года в деревнях собирают хороший урожай, да и в городе жизнь налаживается, кадровые работники теперь получают неплохую зарплату... Люди стали тратить иные деньги. Мясо теперь стоит шесть мао за цзинь, пачка знаменитого чая «Пять ароматов» — пять фыней, а бутылка вина «Мелодия чужой реки» — всего два мао и два фыня. Многие сейчас стали жить на широкую ногу и уже от простой пищи воротят нос. Они считают, что если мы им предлагаем то, что всегда ели простые люди, значит, это невкусно, но ведь даже сигареты «Народ» признаны одними из лучших! Я-то считаю, что служу

народу, а оказывается, все мною недовольны. Кое-кто говорит мне об этом прямо в глаза, а некоторые и слова не хотят зря тратить.

Очень обидно, что в городе осталось много ресторанов, где только для вида готовили простую пищу. Стоило измениться обстановке, и там сразу же стали предлагать посетителям деликатесы, как в старые времена. Пользуясь тем, что рынок снова набрал силу, в таких ресторанах вовсю потрошили народные кошельки, и люди ничего не имели против. Но я не унывал: и у нас были золотые деньги! Однако вскоре мой оптимизм прошел; я почувствовал, что мы на грани банкротства.

Любители поесть! Когда вы поняли, что скоро ваша сытая жизнь кончится, то были готовы отдать любые деньги и устраивали в дверях давку, лишь бы попасть в роскошный ресторан. Если бы святой Гуанхань [1] и вправду открыл на небе ресторан «Лунный дворец», вы, наверное, сумели бы соорудить из облаков лестницу и посетить его!

Весна 1957 года была неспокойной, отовсюду сообщалось о беспорядках, люди жаждали свободы, случались столкновения. Работники ресторана тоже вывесили дацзыбао с критикой в мой адрес. Этот листок старой газеты с крупными иероглифами, выведенными черной тушью, долго потом мозолил глаза в коридоре. Настроение у меня было испорчено. Писали, конечно, о простых блюдах, об отсутствии предпринимательства и многом другом. Эта писанина меня вывела из себя. Они утверждали, что я захотел присвоить славу ресторана, эксплуатировал его работников, пытался прикарманивать общественные деньги. Договорились даже до того, что я будто бы избил старого повара Яна и выгнал его вон! Внизу стояла подпись: «работники ресторана», но, судя по обилию в ней прилагательных, писал не кто иной, как Бао Куньнянь. Вот он себя и показал! А ведь когда мы только

[1] Гуанхань — один из многочисленных даосских святых.

затеяли реорганизацию ресторана, он был моей правой рукой. Именно от него я узнал, что старый Ян открыл подпольный ресторан. Что же он теперь меня помоями обливает?

В те дни, когда я пребывал в страхе и растерянности, мне на помощь пришел старый товарищ — Дин Большеголовый. По пути в Пекин для участия в каком-то совещании он специально заехал в Сучжоу повидаться со мной. Мы были в разлуке восемь лет и здорово соскучились. Увидев друга, я радостно воскликнул:

— Старина, сейчас я тебя угощу, идем в мой ресторан!

Выпалив это, я был крайне удивлен тем, что на меня это не похоже: только встретились, и сразу зову пировать! Дин покачал головой:

— Брось, о твоем ресторане я уже наслышан, да и дацзыбао читал. Ты лучше расскажи мне, старик, чем ты занимался все эти годы?

— Чем занимался? — переспросил я.— Погоди, я все тебе расскажу.

Я мигом позвал жену и представил ей друга:

— Это и есть тот самый Дин, о котором я тебе часто рассказывал.

Дин поднялся со стула:

— Дин Чжу, по прозвищу Большеголовый... хотя, теперь это прозвище устарело, ведь мы с тобой равны, оба управляющие.

Моя жена, пряча улыбку, пристально посмотрела на Дина, словно хотела убедиться, действительно ли его голова так велика.

— Хватит его разглядывать,— не выдержал я,— сходи-ка на рынок и купи чего-нибудь из овощей.

Значит, до Дина уже дошла «слава» нашего ресторана, а вести его в другой ресторан — значит дать повод для лишних разговоров. Поэтому я и попросил жену что-нибудь состряпать, чтобы поужинать с другом в своем доме.

Однако я и не подозревал, что моя супруга не способна что-либо приготовить. За два с лишним года замужества стряпать она так и не научилась. Она принесла нам только чай и сигареты.

— Вы сейчас поговорите,— сказала она,— а когда придет с собрания в уличном комитете мама, она приготовит вам что-нибудь поесть.

Я знал, что на этих собраниях обычно председательствует Ма-Тяни Резину, который и в самом деле любит тянуть время, поэтому испугался. Ведь пока собрание кончится, рынок уже закроют.

— Приготовь ужин сама,— велел я жене,— не надо все перекладывать на маму.

— А ты вспомни, что говорил мне! — возмутилась жена.— Не твои ли это слова, что если молодые будут убивать время у плиты, то они ничего не добьются в жизни!

— Все верно,— рассмеялся Дин,— я могу подтвердить, что это действительно его слова, так пусть теперь сам отвечает за последствия!

Я замахал руками:

— Ладно, сходи на собрание и скажи маме, что у нас гость, пусть отпросится.

Как только жена ушла, из меня хлынул фонтан красноречия, и я стал исповедоваться Дину:

— Ты сам видел дацзыбао и прекрасно понимаешь, что это самая настоящая атака на личность, молодые мутят воду. Что я делал не так? Вспомни, ведь мы воевали за то, чтобы уничтожить несправедливость. Никогда не забуду, как я клялся в этом городе, когда бежал в освобожденные районы. Конечно, тогда мной владели высокие помыслы. Пусть я слаб, но я не дам мутной воде выплеснуться из сточных канав. Не позволю своим товарищам готовить ту же пищу, которую ела буржуазия! Когда мы освободили этот город, старое общество было разбито, а теперь этим клочком бумаги

враги хотят поразить меня самого. Бейте, но вы не в силах посрамить меня!

Дин Большеголовый молча курил, но было видно, что на душе у него неспокойно.

— Конечно, ты знаешь больше, чем я, ведь все эти годы ты провел в книжном магазине. Можешь взять книжку и треснуть ею меня по голове. Но я тоже не лыком шит, бумажкой этой им меня не сломить!

— Ты не прав,— рассмеялся Дин.— Если трескать книгой по голове, то потом трудно думать. Я хочу сказать тебе одну интересную вещь: нет никакой разницы во вкусовых ощущениях капиталистов и пролетариев. Если эксплуататор попробует очищенных и поджаренных креветок и скажет, что это блюдо вкуснее нарубленного соломкой мяса с капустой, то и пролетарий, отведав того и другого, согласится с ним. Поэтому, когда у бедняков завелись деньги, им тоже захотелось креветок, а ты заставляешь их есть мясо с капустой. Если их уговаривать с помощью кувалды, это не совсем вежливо!

Я даже подпрыгнул на стуле:

— Да ты... ты... да ты сам не сможешь каждый день есть креветки!

— А кто каждый день ходит в ресторан, чтобы есть такие деликатесы? Где столько денег наберешь?

— Ты прав, надо много денег, поэтому я и проводил свою политику.

— Все же мне кажется, ты недооцениваешь людей,— возразил Дин.— Сейчас бедных осталось не так уж много. И даже если один из ста жителей города захочет полакомиться креветками, то тогда в ваш ресторан будут ломиться тысячи. Ты все время твердишь, что хочешь освободить народ, но этот свободный народ совсем не такой, каким ты его представляешь. Если кому-то хочется побаловать себя деликатесами, его не следует причислять к тунеядцам. Он охотно пойдет к тебе отдать свои деньги, а ты норовишь ему песок в глаза насыпать.

— Нет, нет, против народа я ничего не имею.

— Я знаю, тебе не по душе такие люди, как твой бывший хозяин Чжу Цзые, но они попрятались по домам и носа не показывают.

— Что верно, то верно, он целыми днями из дома не выходит.

— Конечно, отведать деликатесов захотят не только честные труженики. Допустим, скоро в нашей стране не останется ни помещиков, ни капиталистов, а среди тех, кто придет в ресторан, все равно будут и бродяги, и воры, и даже убийцы.

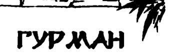
Вот с этим я был согласен. Если в гостинице требуют предъявить трудовую книжку и рекомендательное письмо, то в ресторан пускают всех, у кого есть деньги.

— Все это так,— вздохнул я,— но мне казалось, что лучшие качества нашего народа — это трудолюбие, бережливость и умеренность в жизни. Зачем так серьезно относиться к еде?

— Ты прав,— согласился Дин,— по-твоему, умеренность в пище — это положительная черта, вот ты и хочешь, чтобы она существовала вечно. Но ведь ты — директор ресторана, и пристрастия не должны влиять на твою работу. Сучжоуская кухня слишком известна, она — часть национальной культуры, которую наш народ создавал тысячелетиями, и если ты разрушишь эту культуру, то будешь нести ответственность перед историей!

Я слушал своего товарища затаив дыхание. В школе я изучал историю и знал, что исторические ценности — вещь исключительная. Если разрушить их, то и смертью не смоешь преступления. Но сейчас меня одолевало сомнение: неужели искусство принятия пищи создано простыми людьми? Скорее всего, такими как Чжу Цзые и его жена.

К моему удивлению, мама пришла довольно скоро и очень обрадовалась гостю. На ужин она приготовила необыкновенно вкусную похлебку из живого карпа и пять овощных блюд.

При виде на столе такого изобилия Дин рассмеялся:

— Смотри, дух нового проник и в твою семью, так что будь начеку!

7. Особый путь погибнуть вместе

Мне в голову не могло прийти, что и любителю поесть, и борцу с чревоугодием уготована одна судьба! В годы «культурной революции» меня обвинили в поклонении капитализму, а на Чжу Цзые навесили ярлык «кровопийца», и мы вместе у входа в здание уличного комитета каялись в своих преступлениях.

Когда Чжу Цзые назвали кровопийцей, это еще можно было понять, но то, что мне предъявили обвинение в сговоре с капиталистами... Впрочем, и тут есть свой резон. После тех трудных лет, о которых я вам рассказал, теперь для некоторых наступило время, когда нельзя было упустить свой шанс. Я понял, что надо критически подойти к своим прежним взглядам и перестать кормить народ капустой с жареным мясом. Тем более, что и вся обстановка, да и сам народ требовали от меня перемен. Руководство предложило мне открыть ресторан высшей категории. А чтобы грести деньги лопатой, надо было предлагать клиентам дорогие блюда. К тому же наше заведение и до Освобождения пользовалось славой, и это нас ко многому обязывало. С того времени люди вдоволь наголодались, даже я, ярый противник изысканной пищи, и сейчас не отказал бы себе в удовольствии чем-нибудь полакомиться. Мама стала чаще бывать на рынке и всякий раз лишь качала головой и что-то испуганно приговаривала, когда за цзинь соевого масла надо выложить пять юаней, а за курицу — все десять. Но делать покупку все-таки приходилось. Дома, приготовив из курицы что-нибудь вкусное, она в первую очередь предлагала это блюдо невестке:

— Ешь, деточка, эти два года совсем тебя доконали!

При этом ее глаза наполнялись слезами. От хорошей пищи опухоль на лице и ногах жены постепенно исчезала. А дочка, ликуя от радости, сообщала всем знакомым:

— Сегодня мы ели курицу!

Высокие цены в нашем ресторане однажды заманили Чжу Цзые, и он явился к нам вместе с Кун Бися. Впрочем, сейчас он не поддерживал свою супругу под руку, поскольку его руки были заняты большой соломенной сумкой, но супруги обменивались улыбками, как в свои лучшие времена. Сумка была наполнена кульками с сахаром, лепешками, причем самого лучшего качества. Счастливые супруги излучали радость и довольство жизнью, которые подтверждал бьющий в нос аромат одеколона. Деньги вновь обрели свою силу, а любовь и в старости приятна так же, как в молодости.

Не долго думая Чжу Цзые купил две порции куриных ножек и крылышек по двадцать юаней каждая, попросил уложить их в коробки для еды. Жизнь наша начала меняться к лучшему, в магазинах можно было купить продукты, и у меня, как у всех, появилась надежда. Увидев, что Чжу Цзые покупает деликатесы, я решил заговорить с ним:

— Очень приятно, что к нам возвращаются старые клиенты!

Чжу Цзые с улыбкой пожал мне руку, но ответил совсем не то, что я хотел услышать.

— На рынке сейчас не продают куриных крылышек, вот и пришлось идти за этими старыми курами в ваш ресторан!

— Мда... почему бы вам в таком случае не отведать у нас это блюдо сразу, с плиты, ведь пока вы принесете его домой, оно уже не будет столь ароматным?

— Я купил у вас полуфабрикат. Дома мы обжарим эти крылышки, чтобы они приобрели ярко-красный цвет, выложим на белоснежное блюдо, украсим их зеленью подназваньем «Петушиные перья», и тогда этот деликатес будет неповторим. А то, что предлагаете вы, никуда не годится!

В 1963—1964 годах с едой у нас было вполне сносно, почти так же, как до «большого скачка» [1], и я стремился достичь совершенства в приготовлении нашего знаменитого блюда из креветок. Мне хотелось, чтобы, отведав этот деликатес, люди надолго сохранили приятные воспоминания, а меня перестало бы мучить раскаяние, что я не могу их хорошо накормить. Для восстановления былой славы нашего ресторана нужны были усилия, во сто крат превышающие те, что мы затратили на его реорганизацию, ведь как известно, легко превратить изящное в грубое, но чтобы вернуть былое, требуется немало.

Официант Бао всегда был против того, чтобы наш ресторан перешел в разряд захудалых, то есть сопротивлялся проводимой мною реорганизации. И хотя он по-прежнему оставался всего лишь официантом и к званию своему относился с уважением, но обслуживал посетителей с таким апломбом, будто председательствовал в собрании. Когда обеденный зал наполнялся людьми, он громко выкрикивал:

— Не толпитесь, в первую очередь занимайте места за ближайшими столиками!

— Эй, товарищ, вы почему один заняли целый стол?

— Хотите овощные закуски? Сначала посмотрите меню, там все написано!

Когда его просили:

— Принесите нам знаменитое сучжоуское блюдо! — он с гордостью отвечал:

— Какое именно? У нас готовят только знаменитые блюда, по-моему, это всем известно!

Не было дня, чтобы мне не жаловались разгневанные посетители:

---

[1] «Большой скачок» — экономическая политика, осуществлявшаяся в Китае с 1958 года, в основу которой положен принцип волнообразности развития: «скачок — спад — еще больший скачок». В результате этой политики экономике Китая был нанесен большой урон.

— Мы приходим к вам обедать, а не становиться объектом издевательств!

Я извинялся перед ними и сразу же собирал персонал ресторана на собрание, проводил разъяснительную работу, критиковал провинившихся, строго оценивал собственную работу. Те два года легли в основу комедии из жизни нашего ресторана «Довольны ли вы?», написанную сучжоуским сатириком Чжаном. Пьеса мне очень понравилась, и я пригласил автора выступить в нашем ресторане, а так как за выступление он денег не взял, мы и решили за свой счет напечатать его сочинение.

Уже в первые дни «культурной революции» моя деятельность была расценена как «восстановление капитализма», вопиющее преступление в отношении народных масс, удар по обслуживанию сучжоуских стариков!

Официант Бао Куньнянь к всеобщему удивлению стал вожаком цзаофаней. Здесь им руководил простой расчет, что как только он свергнет директора, то сразу займет его место. Правда, он опоздал, инициативу перехватили другие и директора свергли еще до Бао, поэтому теперь он начал действовать против меня. Прошлое его было незапятнанным, так как он всегда поддерживал революционный курс и в 1963 году был ярым противником моей деятельности по восстановлению капитализма! Когда Бао потребовал разобраться в моей преступной деятельности, его лицо горело священным гневом, а в глазах сверкали слезы негодования:

— Когда над городом собрались черные тучи разрушения, я был одинок и силы мои слабы. Я вступил в борьбу в окружении врагов и потерпел поражение, но надежда не покинула меня...

Приходя на работу в ресторан, Бао Куньнянь постоянно что-то читал. Говорил он весьма увлекательно и, надо признать, довольно содержательно. Сейчас он бил по мне тяжелой артиллерией. Раньше он всегда вертелся возле меня, и я

считал его своей правой рукой и ничего от него не утаивал. Например то, что в юности я бесплатно жил в доме Чжу Цзые, покупал ему закуски и все тому подобное. Бао Куньнянь запомнил все мои откровения и теперь использовал их против меня:

— Этот капиталистический прихвостень уже в детстве продался денежным мешкам, но, предчувствуя крах империи Чан Кайши, ради своих корыстных целей бежал в освобожденные районы. После освобождения, прикрывшись личиной активиста, он стал рваться вверх, прибрал к своим рукам власть, а затем ради интересов его бывшего хозяина реставрировал капитализм в нашем ресторане!

Его обвинения звучали вполне убедительно, хотя не соответствовали действительности. Я и в самом деле бежал в освобожденные районы в последние дни правления Чан Кайши и в первые годы народной власти был очень активен. Будучи управляющим, обрел власть, которую использовал, чтобы изменить многое в нашем ресторане! Любую ситуацию можно представить так, что она покажется вполне правдивой, для этого не нужна большая ученость. Как говорили раньше, «белая лошадь — это еще не лошадь, и если раньше утверждали, что это — лошадь, все равно, белая она или черная, но если она черная — не вздумай скакать на ней!» Не зря же многое в мире переворачивается с ног на голову!

— Значит, говоришь, этот капиталист-домовладелец не брал с тебя денег? — допытывался Бао.— Не брал в течение нескольких лет! Какие в таком случае отношения были между вами?

Как только стали задавать вопросы Чжу Цзые, он весь съежился, будто его сейчас начнут бить. А когда Бао Куньнянь засучил рукав и стукнул кулаком по столу, Чжу задрожал:

— Говори, ты купил Гао Сяопина?

— Ку... купил,— еле слышно пролепетал Чжу.

— Как купил?

— Постоянно давал ему деньги.

— Где давал?

— В винной.

— Сколько всего денег он получил от тебя?

— При... примерно несколько сотен тысяч.

— Ого! Как же это в банке тебе выдали такую сумму?

— А я не брал эти деньги в банке, ведь это были фальшивые деньги.

К счастью, Бао Куньнянь сразу смекнул, что Чжу Цзые явно разыгрывает его.

— Фальшивые деньги?.. Пусть даже фальшивые, но все равно деньги. Ну-ка, расскажи нам, как после Освобождения вы с Гао вошли в сговор!

— Какой сговор? Да, сразу после Освобождения он начал грубить мне!

— Не болтай глупости! — сразу оборвал Чжу Цзые Бао.— Эй, уведите его!

Положение мое еще более усугублялось тем, что улики были налицо, а преступлений более чем достаточно. Но еще хуже стало позже, когда арестовали Кун Бися. Вы, наверное, помните, что ее первый муж накануне Освобождения бежал в Гонконг и оттуда присылал консервы, когда у нас есть было нечего, а в банках наверняка могли быть спрятаны тайные указания! Без сомнения, эта женщина — иностранный агент. Вот и получается, я вступил в сговор с агентом, которому раскрывал государственные тайны...

Когда Бао услышал о том, что Ян Чжунбао ходил обедать к Кун Бися, он сразу решил, что там был открыт подпольный ресторан, в котором, помимо всего прочего, получают деньги очень соблазнительные женщины. Когда в свое время Ян Чжунбао распустил эту сплетню, я не опроверг его, считая, что эти разговоры никому не навредят. Но теперь все это обернулось против меня.

— Отвечай, разве твое преступление не заслуживает самого сурового наказания?

А вот с этим я уже не мог согласиться, мне вовсе не хотелось умирать. Пусть я заблуждался, но я мог исправиться, что же касается желания погибнуть во имя победы коммунизма...

На меня вновь посыпались тумаки, били не очень больно, но мне казалось, что с каждым ударом в сердце вонзается нож. И этот нож, который я вложил в руки Бао Куньняня, я сделал собственными руками!

Во время всех этих событий уличный комитет не мог оставаться в стороне, поэтому мне, Чжу Цзые и Кун Бися было велено на следующее утро публично каяться в совершенных преступлениях у ворот уличного комитета. И вновь судьба меня свела с Чжу Цзые! Стоять перед воротами уличного комитета мне было не так тяжело. Здесь собрались все, кого я хорошо знал, меня так же хорошо знали, ведь вырос я на глазах тех старушек и тех женщин, которые когда-то приглашали меня на свои свадьбы. Еще несколько дней тому назад эти ребятишки называли меня дядей! Я низко опустил голову, не смея глядеть людям в глаза, а люди отворачивались от меня. Еще вчера все считали нас честными людьми, почему же теперь мы стоим здесь как преступники? Кое-кто украдкой покинул это позорное сборище, а те, кому не удалось сбежать, старались оставаться незаметными. К несчастью, я узнаю людей по шагам. Я никогда не спутаю слегка тяжеловатую, неуверенную поступь мамы: в детстве ей бинтовали ноги, поэтому ее ступня на всю жизнь осталась маленькой, как у подростка.

Только бывший рикша А-Второй сохранял спокойствие и, казалось, был абсолютно безразличен ко всему происходящему. Проходя мимо меня, он громко закашлялся, а потом шепнул:

— Потерпи, что-нибудь придумаем.

Было видно, что у Кун Бися уже не было сил терпеть. Ей, всегда отличавшейся хорошими манерами и привыкшей наряжаться, наголо обрили голову, а на грудь повесили доску с надписью «шпионка». Это слово привлекало всеобщее

внимание и вызывало осуждение окружающих. Трудно представить, чтобы шпионка могла хорошо готовить, подобно Кун Бися, ведь согласно людскому мнению шпионки должны завлекать мужчин мастерством иного рода. Кун Бися, которую уже переполнили и стыд, и негодование, не простояв и получаса, грохнулась наземь и потеряла сознание. К счастью, у председателя уличного комитета еще сохранились остатки человечности, и он разрешил оказать ей помощь. Я ненавидел Чжу Цзые. Во время публичных покаяний я старался держаться подальше от него, чтобы никому не пришло в голову, что мы — одного поля ягоды. Я уже не считал страшным грехом чревоугодие своего бывшего хозяина. Но почему, боясь побоев, он готов предать каждого, рассказать любую нелепицу? Его поведение навело меня на следующую мысль: чревоугодники — трусливые и слабые люди, они способны на низость, лишь бы удовлетворить свой аппетит!

На следующий день А-Второй подошел к уличному комитету в сопровождении группы рабочих. Их было человек двадцать, все крепкие ребята в сплетенных из ивовой лозы шляпах. Они приехали на грузовике, в кузове которого лежали палки, веревки и железные прутья. Один из рабочих крикнул:

— Кто велел вам стоять здесь?

Насмерть перепуганный Чжу Цзые поспешно отвечал:

— Председатель уличного комитета.

А-Второй велел нескольким рабочим:

— Найдите этого председателя.

Человек пять бросились в здание комитета и вскоре привели председателя.

— Это ты велел им здесь стоять?

— Я. А вы сами в какой партии будете?

Председатель уже догадался, что от этих людей хорошего ждать нечего.

— Из партии палок. Слушай, люди здесь стоять не должны, они мешают движению! — С этими словами несколько рабочих взяли из машины палки и железные прутья.

Председатель в испуге замахал руками:

— Товарищи революционеры, давайте мирно обсудим этот вопрос!

— Значит так,— решил А-Второй,— если ты считаешь, что эти люди совершили какие-то преступления, заставь их подмести переулок!

У нашего председателя был богатый опыт общественной работы, поэтому он сразу смекнул, куда клонит бывший рикша, и сейчас, кажется, его будут бить, поэтому он замахал на нас руками:

— Уходите отсюда, идите к себе подметать дворы!

— И чтоб не ленились,— подмигнул мне довольный А-Второй,— чисто подметайте.

Я чуть не прыснул от смеха: в нашем переулке не больше тридцати метров, и делать там втроем было абсолютно нечего.

И вот мы вновь оказались вместе с моим бывшим хозяином. Он ходил за мной как приклеенный: я мел улицу, и он мел, я отдыхал — и он усаживался рядом. Да еще при любом удобном случае старался выразить свою благодарность:

— У тебя настоящие друзья!

— У моих друзей, в отличие от твоих, головы не забиты мыслями о жратве! — огрызнулся я.

8. Ученые разлучаются на три дня

А в общем-то, не на три дня, а на трижды три года. Целых девять лет я не видел нашего героя. Надо полагать, что все это время он так и жил в том же самом доме № 54, а я со своей семьей целых девять лет провел в деревне.

Согласитесь, что девять лет — это не так уж и мало, поэтому все, что я видел, слышал, да еще и сам пережил, было достаточно, чтобы пересмотреть свое отношение к еде. В этих размышлениях я встретил свое пятидесятилетие.

В день юбилея мама зарезала старую курицу, и мы, закрыв двери от посторонних, выпили без особой радости какого-то вина. Третья рюмка повергла меня в удручающее состояние. Вот уже пятьдесят стукнуло, а я ничего еще не совершил! Помню, сразу после Освобождения я участвовал в собраниях, где было много пятидесятилетних, и всегда присматривался, как тяжело поднимались они по ступенькам на трибуну. Тогда мне казалось, что если человеку перевалило за пятьдесят, он уже старик. Правда, и в деревне считают, что если мужчина прожил полвека и у него есть почтительные дети, он вправе переложить часть ответственности на их плечи. Как сказал поэт: «Еще ничего не сделано, а виски уже седые. Герою есть от чего лить слезы!» Пусть я не герой, но в тот вечер обронил несколько слезинок. В глазах стояли слезы, голову дурманил хмель, и я никак не мог сосредоточиться на одной мысли: если бы я начал свою жизнь сначала, то во-первых... во-вторых... Казалось, все это происходит со мной во сне. Сны иногда бывают вещими, хотя в жизни все куда сложнее, чем в грезах.

Когда кончилось десятилетие бед [1], я вернулся в Сучжоу. На этот раз за плечами у меня не было вещмешка. Вся моя семья, домашняя утварь, мебель и разный инструмент, который был необходим для жизни в деревне, поместились в грузовике. Я успел отвыкнуть от родного города, и при встрече он показался мне и незнакомым, и близким одновременно. Улицы и переулки остались прежними, зато народу значительно прибавилось! Сучжоусцы раньше не ходили в парки без дела и не слонялись по улицам. Сейчас же, если сталкиваешься на

---

[1] Десятилетие бед — период «культурной революции».

улице с приятелем, которого давно не видел и с которым хотелось бы поговорить, следовало отойти в сторону, да и то надо было кричать, чтобы хоть что-то услышать в толпе снующих мимо тебя людей. Население резко увеличилось, потому что вернулись те, кто был когда-то выслан отсюда, и тихий в былые времена город стал чересчур оживленным. Настолько оживленным, что я не мог найти более или менее спокойного места и вынужден был поселиться у родственников. Хорошо еще, что теперь я жил далеко от Чжу Цзые, в западном районе, а его дом был в восточной части.

Беседовал со мной товарищ из орготдела. Тот человек, что когда-то пожелал мне, чтобы я года три поголодал, давно уже умер, а новый выразил надежду, что отныне жизнь моя будет спокойной. Мой давнишний друг — Дин Большеголовый, который всегда все понимал, тоже умер. Он так и оставил наш мир, все понимая, а я, который ничего не мог понять, живу...

— В орготделе решили предложить вам вернуться на прежнее место работы. Есть возражения?

У меня не было возражений, только защемило сердце и глаза увлажнились. Если бы передо мной сидел старый начальник орготдела, я бы, наверное, разрыдался! Лишь теперь меня можно было заставить голодать три дня, потому что я наконец-то понял, что значит еда для голодного. И ты, Дин, можешь быть спокоен. Отныне я не буду заставлять всех питаться одним блюдом — тушеной капустой с мясом. Отныне я буду работать, пока есть силы, и не только за себя, но и за умершего начальника орготдела и своего друга Дина.

Ну да ладно, хватит переживать, что было, то прошло, а трудностей нам не занимать!

Я согласно кивнул. Что и говорить: эти дни в первую очередь сказались на еде. Когда беды отступили, людская волна захлестнула рынки, и только потом люди вспомнили о нарядах, вентиляторах и телевизорах.

Я все правильно рассчитал, но забыл о двух обстоятельствах. Во-первых, после десятилетия хаоса и движений хаос прекратился, движение еще больше активизировалось. В людях пробуждались инициатива и деловитость, они раскрепостились, начали устанавливать многочисленные контакты. Встречались боевые друзья, приезжали родственники, сослуживцы, многие во время «культурной революции» были в тюрьмах и на долгие годы растеряли друг друга. Люди интересовались судьбами живых, кто и где сейчас находится.

— Рад тебя встретить, давай посидим где-нибудь, поговорим!

Почти в каждой семье можно было услышать радостные возгласы:

— Какая радость, что ты к нам пожаловал!

И хотя я был против застолий, но в таких случаях все же не мог отказать гостям в угощеньи. Я тоже человек, и мне свойственны слабости. Если бы Дин мог прийти ко мне, я бы потчевал его три дня!

Во-вторых, я не учел, что могут появиться туристы. Обычно мы не употребляем слова «туризм», а говорим: «гулять у реки, подниматься в горы». В этих словах есть что-то таинственное. Сейчас появилось новое выражение: «насладиться красотами родных гор и рек». Впрочем, как бы это ни звучало, я против туризма ничего не имею: людям нельзя запретить ездить в родные места. Если же речь идет о наших зарубежных гостях, то в этом случае они приезжают любоваться нашей национальной культурой, а мы получаем валюту. Если речь заходит о сучжоуских парках с искусственными горками и прудами, то позвольте спросить, где же в мире вы найдете подобные творения рук человеческих? Настоящие горы и реки, конечно, величественнее, но разве их можно назвать произведениями искусства, ведь они подарены небом. А искусственные горы и реки Сучжоу подобны классическим произведениям: они совершенны и неповторимы, без всякого хвастовства!

А сучжоуская кухня! В этом райском уголке еда и развлечения всегда ценились одинаково высоко, и если ты не любишь гостей, особенно иностранных, значит, ты отстал от жизни, значит, тебя следует наказывать.

Конечно, у людей в последнее время возникает много претензий: то выбор блюд скудный, то им, видите ли, обслуживание не нравится. Кое-кто возмущается, кто-то просто ворчит, а некоторые, размахивая у меня перед носом пальцем, ругаются почем зря. Пришлось Бао Куньняню и еще некоторым молодым устроить взбучку, дать им несколько раз по затылку. А что делать, надо же привести их в норму. Во время «культурной революции» Бао был начальником и сейчас, когда стал работать простым официантом, не может забыть былые времена: наберет полный зал посетителей и сначала заставляет их хором повторять за ним цитаты, а затем объявляет, какой здесь порядок: в первом окошке выдают овощи, во втором — рис, а в третьем можно получить бульон. Посетители сами моют за собой посуду в большой мойке, установленной прямо в обеденном зале. Ту революцию, которую я когда-то начинал в этом ресторане, Бао довел до логического завершения!

Когда наш ресторан начинали критиковать, я тоже не оставался в стороне, правда, свои претензии я высказывал более сдержанно:

— Что и говорить, сейчас нам так трудно...

В ресторане мое поведение должно было быть таким, чтобы все возражения клиентам не спровоцировали скандал.

Следовало помнить, что я уже не молод, как до «культурной революции», и грубить нельзя. Особенно осторожным надо быть в отношениях с официантом Бао, ведь он целыми днями только и ждет, как бы отомстить мне. Во время «культурной революции» он ударил только меня, ни на кого другого руку не поднял. А сейчас считает себя обманутым, думал, что его назначат управляющим рестораном, а получилось совсем иначе, так что он обижен больше меня.

После того как официант получил от меня несколько затрещин, он с виноватым видом зашел ко мне в кабинет:

— Управляющий Гао, я когда-то... простите меня...

Я не дал ему продолжать:

— Довольно, не будем ворошить прошлого, не ты один в этом виновен. Если ты пришел каяться в былых грехах, то давай на этом поставим точку. А если ты пришел по делу, то говори и ничего не бойся.

Бао отвел от меня глаза и очень неуверенно начал:

— Мне кажется... я не гожусь в официанты. Я не умею разговаривать с посетителями. Вся та ерунда, в которую я раньше верил, ничего не стоит. Нынче шумом и гамом ничего не добьешься. К приготовлению еды надо относиться серьезно, самое главное теперь — технология. Поэтому я решил учиться поварскому мастерству.

— Ты хочешь уйти из ресторана?

— Это нереально. Я хочу стать поваром, научиться вкусно готовить. Как бы там ни было, меня обучить проще, чем человека с улицы.

— Э... — Меня волновали две проблемы: во-первых, я боялся, что Бао так и не сможет избавиться от замашек официанта, трудно отучить его покрикивать на клиентов. Во-вторых, мы действительно нуждались в поварах, сейчас нелегко найти молодого повара. Поэтому я без лишних слов согласился.

Бао Куньнянь был страшно рад и болтал на всех углах:

— Вот видите, этот капиталистический приспешник не способен на месть. Я когда-то ударил его, а он ничего не сделал в отместку. Это я тогда повесил дацзыбао, где критиковал его, а что он мне сделал?

То, что я ничего не предпринял против официанта, многих успокоило. Страсти постепенно улеглись, но посетители все же довольно часто ругали наш ресторан. Они, вероятно, хотели, чтобы мы лучше работали, а может быть, просто горячились.

Горячность — это своеобразное проявление энергии, и она лучше безразличия.

Я вместе с товарищами тщательно проанализировал все замечания посетителей и обнаружил, что кроме тех, что касаются обслуживания официантами, прочие весьма разнообразны. Кто-то хочет вкусно поесть, кто-то — просто наесться. Некоторые желают быстро пообедать (куда-то торопятся), а другие, напротив, не спешат. Некоторые клиенты сразу просят подать им знаменитые блюда сучжоуской кухни, а другие прежде всего интересуются ценой. Одни возмущаются, что приходится долго ждать, другие же скандалят из-за высокой цены. Нельзя людей заставлять все время есть капусту с жареным мясом, но и это блюдо всегда должно быть под рукой, да и приготовить его тоже надо уметь. Теперь, как в прежние годы, я не подхожу ко всему с одинаковой меркой. Более того, я не против искусства иностранцев наслаждаться жизнью. Не хотят клиенты обедать основательно — пожалуйста, к их услугам быстрое обслуживание: на первое — овощи, затем бульон, пиала риса, и иди, любуйся сучжоускими парками. В принципе быстрое обслуживание мало чем отличается от обычного обеда, только называется по-другому. Тем, кто предпочитает обычный обед, мы предлагаем подняться на второй этаж, там у нас высший разряд. Первый этаж мы превратили в нечто вроде кафе «минутка», оборудовали кабинеты, напоминающие вагонные купе, лавки обтянули кожей, чтобы у посетителей создавалось впечатление, что и здесь они продолжают свое путешествие. Этот зал особенно понравился молодежи: здесь было необычно и интересно, и не надо тратить много денег. В молодости из всей техники я имел представление только лишь о тракторе, теперь же молодые знали гораздо больше, чем я когда-то. Многие слышали, что за границей есть вращающиеся рестораны. Я не представляю, как такое может быть, но, согласитесь, пообедать в купе тоже экзотично. Тем более что мы

предлагали очень вкусные блюда: и сладкие овощи, и копченую рыбу, и корейку, креветок, жаренных в масле, блюда из курицы. Некоторые юнцы, с радостью приступив к трапезе, забрасывали пробный шар:

— Эй, дайте нам бутылку виски!

Но я был против спиртного, полагая, что виски ничем не отличается от водки.

На втором этаже ресторана мы оборудовали зал, где подавали горячие блюда. В помещении, которое смахивало на зал для собраний, мы устроили небольшие кабинеты на восемь человек, поставили кресла под красное дерево и круглые столы. При желании здесь можно было разместить довольно много посетителей. В углах кабинетов у нас стояли красивые вазы с декоративными растениями. Пожилые клиенты, поклонники старины, попадая в этот зал, с удовлетворением качали головами:

— Да, совсем как раньше!

По правде говоря, было совсем не так, как когда-то. Если бы мы не поменяли то, что было здесь двадцать лет назад, то, скорее всего, вызвали бы гнев посетителей:

— Да что это такое, кругом одна рухлядь!

Когда я, окунувшись с головой в реконструкцию зала, вертелся как белка в колесе, кое-кто за моей спиной злорадствовал:

— Ну и человек, сам все здесь разрушил, а теперь смотрите, сколько нагородил. О чем он раньше думал?

Что ж, видно, с годами я поумнел! Теперь, возрождая ресторан, я не просто восстанавливал то, что когда-то разрушил, а старался изменить его суть. Правильно говорят: «Не сломав, не построишь!» Жаль только, что от разрушения до созидания прошло двадцать лет, и теперь у меня уже стало пошаливать сердце.

Перепланировать ресторан и использовать для привлечения посетителей кое-какие западные уловки — дело хорошее. Но главное, что предстояло сделать,— возродить национальную

кухню, улучшить качество блюд, а это было гораздо сложнее из-за отсутствия мастеров. Повара старшего поколения ушли на пенсию, кто по возрасту, а кто и раньше, уступив место молодым. А молодежь эта даже не слышала об известных когда-то блюдах сучжоуской кухни, но хотела учиться. Было очень жалко, что повар Ян Чжунбао уже давно на пенсии. Многие даже не видели его, но слышали о его мастерстве. Рассказывали им и о том, как когда-то я некрасиво поступил с известным поваром. История живет не только в книгах, она передается от поколения к поколению!

Вот и решил я пойти с поклоном к старому повару, надеясь, что он простит мне старую обиду. Попрошу его стать нашим наставником, пусть учит молодых, а за каждый урок мы заплатим ему по восемь юаней.

В день визита шел сильный дождь, но он меня не остановил. Повар Ян, увидев, что я пришел несмотря на непогоду, был растроган:

— Э... ты, оказывается, еще помнишь меня!

Он здорово постарел, движения его стали медленными, а слух менее острым. Когда я объяснил, зачем пожаловал, он суетливо взял меня за руку и слегка похлопал по ней:

— Так вот, выходит, зачем ты пришел. А я все уже позабыл. Помню лишь, как меня учили в семье, как там я рос. Вот соберусь с духом и перед смертью посещу родительский дом, повидаю братьев и сестер. А к вам приду, раз ты просишь, хотя я пришел бы и без просьбы, говорят, вы там здорово развернулись!

Я тоже был тронут: у этого человека что на сердце, то и в мыслях, его волнует наше дело и, может быть, даже больше, чем меня самого.

Вскоре повар Ян пришел к нам в сопровождении внука. Для начала он осмотрел ресторан, не переставая кивать головой в знак одобрения и приговаривая, что теперь не сравнить с тем, что было раньше. Больше всего его поразили просторная кухня,

холодильник, воздухоочиститель, а также кухонная утварь, белоснежная плита. Даже в Управлении по внешним сношениям, где он когда-то работал, не было такого оборудования. Повар не обошел вниманием и наше меню, которое я ему показал. Наш маленький зал для собраний был переполнен, когда на первое занятие почтенного Яна там собрался весь персонал ресторана. Я просил повара говорить все, что он знает и о чем думает, побольше напирать на недостатки, но старик критиковал нас очень мягко и справедливо.

— Вижу, многое вы тут изменили. И если говорить о сучжоуской кухне, вы почти у цели. Но вам мешает недостаток продуктов и необходимость готовить в больших масштабах. Здесь трудно что-то сделать, ведь сейчас надо многих накормить, да и за обед любой теперь отдаст восемь-десять юаней. А знаете, что есть такие сучжоуские блюда, о которых вы даже не слыхали. Названия этих блюд весьма замысловаты. Например, «Первое блюдо Поднебесной». А это всего-навсего бульон с поджаристой рисовой корочкой...

Эти слова были встречены громким смехом.

— У вас в меню есть такой бульон. Выбор блюд в ресторане богатый. А я могу назвать еще такие, которые, наверняка, вам известны, но их не поставишь в меню, потому что в большом количестве их не приготовишь. Например, уха из жабер окуня. Рыба эта небольшая, а жабры у нее размером с фасоль. Разве закупишь такую рыбу в большом количестве? Тем более что в ней, кроме жабер, и есть-то больше нечего. Вот почему и готовят из нее только уху. Если использовать эту рыбу в других блюдах, то только как один из компонентов, да и то надо сильно сдабривать приправами. А уха обрела известность после того, как один из лидеров партии Гоминьдан, отведав ее в ресторане семьи Ши в Луду, сочинил стихи, в которых была такая строка: «Благодарю за уху из жабер рыбы, которую готовят в семье Ши». С тех пор прославились и уха, и ресторан. Некоторые блюда становились известными после

какого-нибудь курьезного случая, а некоторые — после того, как их похвалит какая-нибудь знаменитость.

Я, откинувшись на спинку кресла, замер от удивления.

— Есть у вас недостатки. Зачем, разделав живую рыбу, всю ночь держите ее в холодильнике? Почему свежую зелень парите на солнце? В ресторане все продукты, кроме разве что спиртного, должны быть исключительно свежими. Раньше готовили блюдо под названием «кусочки живой курицы». На его приготовление уходило три минуты и действительно казалось, что перед тобой еще живая курица!

Официант Бао поднял руку:

— Мастер Ян, поделитесь секретом такой скорости.

— А никакого секрета нет. Главное — проворность и подготовка всего необходимого заранее. Сначала надо спустить у курицы кровь и на мгновение опустить ее в кипяток. Затем ощипать перья с грудки, отсечь грудину, разрезать пополам и положить в котел. Остальные части не пригодятся. Приготовление такого блюда подобно представлению. Повара, способные делать его, получают широкую известность,

Повар Ян рассказывал нам больше двух часов, а потом пошел на кухню и продемонстрировал свое мастерство. Сегодня он был в ударе, отказался даже немного передохнуть, а когда вернулся домой, почувствовал слабость и дней десять не мог подняться с постели.

Я планировал сделать такие занятия регулярными, думал попросить старого повара стать нашим консультантом и кроме зарплаты платить еще и за каждую лекцию. Но после того, что случилось, я больше не решился его беспокоить. Пусть в покое доживает свои дни. Наша молодежь горела желанием учиться и слышать не хотела об отдыхе, они считали, что только прикоснулись к тайнам кулинарного мастерства и не желали останавливаться на этом. Все правильно. В свое время я не ценил талантливых людей, не думал, что проблема воспитания смены будет сопровождаться такими

трудностями. Впрочем, еще не поздно раскаяться. После мучительных раздумий меня вдруг осенило: есть достойный человек! Каждый, кто слышал об этом мастере кулинарного искусства, может поручиться за него. Пусть он тоже на пенсии, но тех восьми юаней, что мы будем платить за каждую лекцию, хватит на такси, чтобы приезжать к нам.

Этим достойным человеком был Чжу Цзые!

9. Как следует встречать гостей

Не знаю, кто первым вспомнил о Чжу Цзые, но когда я сказал, что его можно пригласить к нам, все со мной согласились. Я был страшно удивлен: оказывается, этот гурман известен многим.

Действительно, предложить Чжу Цзые читать лекции было вполне резонно. С тех пор, как он в 1938 году впервые приехал в Сучжоу пообедать, если не считать его обедов в шанхайском ресторане, и вплоть до «большого скачка» он был верен только сучжоуской кухне. Потом в течение трех трудных лет у него был вынужденный перерыв, но и в это время наш герой продолжал совершенствоваться, правда, уже теоретически: в тяжелейших условиях составлял книгу кулинарных рецептов. Во время «культурной революции» он обернул эту книгу в полиэтилен и зарыл в землю, а сверху для конспирации насыпал холмик. Книга, которую так тщательно прячут, достойна стать в один ряд с произведениями научно-философской либо литературной мысли.

Вот что сказал официант Бао:

— Пусть он просто расскажет нам о тех знаменитых блюдах, которые ел всю жизнь, и тем самым откроет нам неизвестный мир!

С этим я был вполне согласен. Нельзя на работе поддаваться симпатиям или антипатиям. Я не видел Чжу Цзые целых

десять лет, в феодальном Китае за эти годы можно было получить ученую степень, с нашим героем тоже могло что-нибудь случиться. Мне не хотелось самому идти к своему бывшему хозяину, и я отправил к нему Бао Куньняня. Чжу Цзые уже исполнилось 68 лет, так что за ним лучше было заехать на такси. Официант Бао сказал, что он, пользуясь случаем, попросил Чжу Цзие и его супругу просветить нас, а то, что произошло между нами раньше, было чистым недоразумением. Я тоже считал, что Чжу Цзые именно тот человек, который должен учить молодых, что он, таким образом, будет как будто оплачивать старые векселя.

В день, на который была назначена встреча с Чжу Цзые, я опять председательствовал. Чжу Цзые не был прирожденным оратором и, когда оказывался на трибуне, сразу начинал дрожать и запинаться, потому как выступать перед слушателями — совсем не то, что сидеть на пиршестве! Здесь надо было все время говорить, да еще уметь привлечь внимание.

Поднявшись на трибуну, наш герой с ходу задал вопрос:

— Товарищи, кто мне скажет, что самое сложное в приготовлении пищи?

Публика заволновалась, посыпались отгадки:

— Выбрать продукты.

— Нарезать их.

— Не передержать на огне.

Чжу Цзые покачал головой:

— Нет, нет, все не то. Самый простой и в то же время самый сложный вопрос — как посолить.

Все с интересом смотрели на старика. Никому и в голову не могло прийти, что этот специалист будет говорить о вещах, известных даже малым детям. Когда хозяйка готовит обед, то, еще промывая рис у колодца, она велит дочери:

— Деточка, брось соль в котел!

Впрочем, чтобы овладеть самыми сложными и в то же время вроде бы простыми вещами, надо долго учиться. Наши

старые повара отлично понимают это и неспроста сейчас согласно кивают головами на это заявление Чжу Цзые: видно, он попал в точку.

А он продолжал развивать свою мысль:

— На востоке любят есть кисловатую пищу, а на западе — перченую, на юге — сладкую, а на севере — соленую. Это заблуждение, когда говорят, что сучжоуская кухня — сладковатая. Просто наши повара владеют секретом — когда и сколько надо класть соли. Если готовится уха из рыбных жабер и вы забудете положить соль, то она получится пресной и невкусной, а об аромате и говорить нечего. А добавите соль — и, пожалуйста, уха станет наисвежайшей, окорок — благоуханным, а побеги бамбука — хрупкими. Соль оттеняет аромат блюда, а сама становится незаметной на вкус. Нет такого человека, который, вкушая пересоленное либо пресное блюдо, не почувствовал, что в него неверно добавлена соль. Если вы не умеете солить блюдо, то говорить о том, как правильно нарезать его составляющие, выбрать продукты или сколько времени держать пищу на огне,— пустая трата времени.

Я слушал Чжу Цзые, не скрывая удивления: оказывается, он может говорить верные вещи!

А тот продолжал:

— Вопрос «как солить» зависит от многих факторов. Когда накрываешь стол для пиршества, в первую очередь следует поставить несколько соленых блюд. Если на столе будут только пресные угощенья, считай, пир не удался. Известно, что, приступая к трапезе, в первую очередь нам хочется съесть чего-нибудь соленого. Потом можно отведать овощей и тем самым ослабить соленое. Если во время пиршества мы подаем сорок блюд, то последним из них обязательно должен быть бульон. Вот его-то совсем не следует солить, чтобы гости почувствовали бодрость. Когда много выпьешь и хорошо закусишь, организм насытится солью, в это время не

помешает жидкость, которая оттенит аромат яств и принесет бодрость.

Свое выступление Чжу Цзые построил вполне научно и теоретически верно, да еще украсил интересными случаями. Он рассказал о том, что бульон, венчающий трапезу, ни в коем случае нельзя солить, и вспомнил, что произошло с одним известным поваром. В тот раз ужин начался в 6 часов вечера и продолжался до полуночи. Повар, готовивший бульон, от усталости валился с ног и забыл про соль. Обнаружив свой промах, он бросился с солонкой в зал, где ужинали гости. Те встретили его возгласами одобрения: из всех блюд, которые они сегодня отведали, бульон был самым вкусным!

Наш герой говорил не умолкая целых два часа, заставив слушателей поверить, что его знания в этой области необъятны, как бурный поток. С трибуны он спустился под аплодисменты. Грудь его была развернута, живот подтянут, лицо раскраснелось, а седые волосы, казалось, излучают сияние. В эти минуты он был величествен. Бао Куньнянь вышел вперед и крепко пожал ему руку:

— Почтенный Чжу, вы прекрасно выступили, я все за вами записал, только не успел дословно. Вы позволите прийти к вам домой с магнитофоном: расскажете, что еще вы знаете.

— Конечно... приходите, но только после трех пополудни: после обеда я всегда сплю.

— Да, да, разумеется. В следующий раз я буду сразу записывать на магнитофон, чтобы потом вас не беспокоить.

— Не стоит записывать, ведь я говорю, что приходит в голову.

— Ну-у, вы рассказываете нам такие ценные вещи, обидно, если все это не останется на бумаге.

— Хорошо, только после того, как обработаете, показывайте мне.

— Непременно буду просить вас просмотреть.

Наш герой еще в университете, глядя на поведение профессоров, кое-чему научился, а официант Бао всегда питал пристрастие ко всякого рода записям. Я обратился к Чжу Цзые с официальным приглашением на следующей неделе вновь выступить в нашем ресторане.

Чжу Цзые был у нас еще раза три. Все эти выступления Бао записал на магнитофон, который где-то сумел раздобыть. К сожалению, в преддверии второй встречи многие уже шутили: Чжу два часа говорил о соли, а так еще и не посолил! В отличие от меня, старые повара не считали себя полными профанами в вопросах кулинарии и знали, как важно правильно посолить блюдо. Им хотелось узнать, в чем заключается непревзойденное мастерство прославленного Чжу Цзые в применении соли. Но наш герой действовал совсем не так, как старый повар Ян. Очутившись на трибуне, он не собирался петь под дудочку аудитории. Третья его лекция состояла из одних историй: о том, в каком году и с кем он пировал на озере Сиху, как экзотична трапеза, когда ею наслаждаешься на борту лодки, в каком году во время праздника Чунъян [1] он ел крабов, и как в этот день на стол подавали 64 прибора и все из серебра. Рассказывая, Чжу Цзые не забывал повторять, что те блюда, которые подавали раньше, не сравнишь с теперешними. Помню, когда-то он говорил, что императоры ничего не понимали в еде, а сейчас расхваливал цинскую династию. Его утверждение, что раньше готовили лучше, навело меня на мысль: а ведь пища — это не произведения искусства, которые ценятся тем выше, чем больше им лет. Когда в пещерах обнаружили наскальные рисунки, сделанные на заре цивилизации, это стало сенсацией! Однако были ли так вкусны древние буйволы, изображенные на тех рисунках? Повара начали

---

[1] В осенний праздник Чунъян принято устраивать веселые прогулки, пикники в горах, пить вино, настоянное на лепестках осеннего цветка — хризантемы.

посмеиваться над байками Чжу Цзые, некоторые, не выдержав, ушли домой, заявив, что не хотят слушать этого хвастунишку. В четвертый раз наш герой стал говорить совсем не то: завел речь о какой-то певичке, о диковинных цветах, которые непременно добавляют, когда готовят овощи.

Я решил временно отказаться от его услуг, но официант Бао возразил: если сейчас мы не получим весь этот бесценный материал, то на нас ляжет ответственность перед историей.

Эти слова меня насторожили. А что, если Чжу Цзые и впрямь еще не поведал нам что-то чрезвычайно ценное, или я не понял того, что он уже нам рассказал. Ведь тогда ответственность действительно ляжет на меня! Хорошо, я вовремя понял, что не стоит принимать окончательное решение, а всегда надо иметь возможность изменить его. Так и с Чжу Цзые: пусть продолжает лекции, а там посмотрим, может, я окажусь прав!

— Значит, так. Пусть Чжу Цзые временно сделает перерыв, вряд ли наши сотрудники будут настаивать на продолжении. Но ценный материал будем продолжать получать, и раз ты начал это дело, то доведи его до конца. А я создам тебе все условия.

Официант чуть не подпрыгнул от радости:

— Тогда купите мне магнитофон!

— Вот это не могу, на такие крупные покупки нужно согласие коллектива. Зато ты можешь купить пленку, деньги я дам тебе из фонда на пропаганду. Только покупай отечественную пленку, она дешевле.

Бао и этим остался доволен:

— Спасибо, управляющий Гао, я с честью выполню ваше задание.

Итак, все закончилось, а наш герой за четыре прочитанные лекции получил 32 юаня плюс расходы на такси. Однако теперь мы тратили деньги на пленку.

Бао Куньнянь раз в неделю покупал по две кассеты, и каждый раз импортные. Как-то, подписывая очередной чек, я спросил его:

— Когда ты закончишь задание?

— Управляющий, сейчас стало все так сложно,— с апломбом произнес официант,— Чжу Цзые отовсюду получает приглашения прочитать лекции, и каждый раз обращается ко мне за помощью. Сейчас еще рано обобщать материал. Впрочем, я далек от завершения работы, потому что мы решили создать общество по изучению кулинарии и намерены официально установить связи с зарубежными коллегами. Чжу Цзые станет председателем общества, я — его заместителем, а вам мы предлагаем войти в инициативную группу. Учитывая вашу занятость, сделаем вас председателем правления. Будете только значиться, делать ничего не придется.

— А,— осенило меня,— у Бао опять появилось желание создать нечто вроде боевого отряда! — Нет, нет, я не смогу участвовать в вашем обществе, я ничего не смыслю в кулинарии!

— Это и не нужно, согласитесь только помогать нам!

— Нет, не могу, у нас слишком маленький фонд для пропаганды. Помнишь, когда приглашали автора пьесы на банкет, и то денег ушло меньше, чем сейчас ухлопали на твои кассеты.

— Управляющий,— засмеялся Бао,— поймите, помогать — это не значит давать деньги, о деньгах мы сами позаботимся. Вы видели в книжном магазине «Учебник кройки и шитья»? Один том стоит больше юаня, представляете, сколько надо выложить за все тома? А мы хотим опубликовать лекции Чжу Цзые. Если люди покупают книги про то, как шить, то о книгах по кулинарии и говорить нечего! Тем более что во время лекций мы будем рекламировать наши книги. Из собственного кармана ничего не придется тратить.

Я внимал этим речам с восхищением. Вот кто понимает толк в бизнесе! Мне и в голову не пришло, что управляющие

других ресторанов тоже могут раскошелиться. Конечно же, не мне одному постоянно выкладывать деньги. Поэтому у меня просто не было права возразить официанту. Но все-таки я не мог удержаться от совета:

— Лекции надо тщательно отредактировать, убери оттуда всякую ерунду, например, воспоминания о певичке.

— Конечно, я все поправлю, ведь это не сочинение какое-нибудь, все будет вполне научно, и никаких отношений между мужчинами и женщинами.

Рассмеявшись, я подписал очередной чек на кассеты:

— Бери, только в следующий раз покупай отечественные.

Бао Куньнянь взял чек и несколько раз махнул им:

— Не беспокойтесь, это в последний раз, мы скоро купим магнитофон и компьютер!

Честно говоря, я не до конца верил нашему официанту. Чересчур грандиозные у него планы! Основать общество не так-то просто. Если у них в активе только кулинарные способности самого Бао да рассуждения Чжу Цзые о том, как правильно солить пищу, далеко они не уедут. Конечно, Бао чувствует конъюнктуру, но ко всякому делу надо подходить с умом.

Но оказалось, что я слишком принизил организаторские способности нашего официанта. Действительно, его трудно было назвать специалистом в области кулинарии, зато он, как никто другой, мог оценить обстановку и использовать связи. В ресторанах встречаются представители общества, кто сюда только не приходит. Известные рестораны становятся местом паломничества известных людей, поэтому стоит проявить инициативу, немного подсуетиться, усадить получше, помочь выбрать блюда — вот и обрел нужные знакомства. Не удалось познакомиться с большим человеком — сойдет сошка поменьше, потом через него выйдешь на того, кто тебе нужен. В этой области Бао был знатоком, умел пользсваться случаем, тем более что он поднаторел также

устраивать домашние застолья. Свадьба, встреча старых друзей — обычно в таких случаях не бывает проблем с выбором места торжества или с деньгами. Единственная трудность — отсутствие умения хорошо приготовить. А Бао Куньнянь горит энергией, и пусть ему не хватает мастерства, зато он может пригласить опытного повара. Повар приготовит, Чжу Цзые расхвалит застолье, Бао Куньнянь организует. Если пир удастся и все будут довольны, то всюду расскажут, что существует общество по изучению кулинарии, и, конечно же, посоветуют помочь ему. Мало кто станет помогать обществу питания, потому что от него мало проку, а вот общество по изучению кулинарии — совсем другое дело!

«Общество по изучению...» — вы только вдумайтесь, как звучит! В свое время был нанесен сокрушительный удар по реакционному учению, зато теперь каждый знает, что ученье лучше невежества, а значит, помогая обществу по изучению, ошибки не совершишь. Но если в обществе будут изучать что-нибудь не так, то, как известно, проблемы всегда обрастают дискуссиями, и чем больше их обсуждают, тем популярнее они становятся.

Известность Чжу Цзые росла как на дрожжах. Ведь этот почтенный специалист во время десятилетия бедствий создал прекрасную книгу. Один начальник, едва увидев ее, пал ниц от восхищения, после прислал за ним машину, умоляя прочитать лекции в ресторане, и долго упрашивал Чжу Цзые стать советником, но тот не согласился...

До моих ушей давно дошел слух о деятельности официанта Бао по преумножению славы нашего героя. Но я подумал: «Что ж, пусть они действуют. Я же пока останусь в тени. Придет время, и я скажу свое слово». И это время наступило, а сказать было нечего. Мог ли я кому-либо открыть, что лекции Чжу Цзые были сплошным хвастовством, которое никто и слушать-то не хотел. Ведь по сути он рассказывал нам только о том, как следует солить пищу. Я не мог раскрыть

всю подноготную Чжу Цзые, рассказав о том, что он всю жизнь просто любил вкусно поесть и никогда не мог отказаться от своей слабости... Зато известно, что если хочешь что-то изучить, надо посвятить этому делу всего себя без остатка! Так же мало хорошего мог рассказать я и о Бао Куньняне. Не мог же я утверждать, что тот открыл подпольный ресторан, тем более что он уже не просил меня подписывать чеки. Да что говорить, все это точь-в-точь смахивало на то, как гласит народная мудрость: «Бросишь камень — себе по ноге и попадешь». Правда, некоторые разбивали себе ноги через десятки лет!

10. Прекрасная возможность полакомиться

Прошло совсем немного времени, и ко мне в ресторан заявился старый знакомый — бывший рикша А-Второй. И хотя мы давно уже не были соседями, но продолжали дружить семьями. Когда я со своими домочадцами переехал в новую квартиру, он в окружении всей своей семьи пришел поздравить меня. Внуки помогли подняться по лестнице старику — отцу А-Второго. Он тогда еще сказал моей маме:

— Поздравляю тебя, соседка, всю жизнь ты прожила в страхе, теперь вот не будешь бояться, что домком выселит тебя из квартиры!

Мама ничего на это не ответила, только глаза ее увлажнились.

А-Второй часто приходил ко мне домой поболтать или просто так посидеть. Мне казалось, что мы слишком часто вспоминали прошлое. Правда, иногда мы молча пили чай или курили, наслаждаясь обществом друг друга. А ко мне в ресторан он пришел впервые.

А-Второй в приветствии поднял руку:

— Как говорят, без дела не поднимешься в Нефритовый дворец [1]. Раз пришел к тебе, значит, есть дело.

— Что такое?

— На этой неделе у моего старшего сына свадьба. Хочу в твоем ресторане заказать пару столиков, а, оказывается, заказы принимают только за три недели! Можешь мне помочь, товарищ управляющий?

Я был несколько озадачен:

— Эй-э, да зачем тебе большая компания? Застолье в ресторане — это все показная роскошь. Если ты собираешься все устраивать официально, то я, со своей стороны, тоже внесу десяток-другой юаней.

— Погоди, я вовсе не хочу устраивать грандиозное пиршество. Приходи вместе с семьей, будут мои родные, семья жениха да еще несколько близких друзей. Не больше двадцати человек.

— За двумя столами вы все равно не поместитесь, так, может, лучше тебе устроить банкет у себя дома? Ты был в ресторане, знаешь, как там шумно, захочешь сказать тост — никто не услышит, не успеешь оглянуться — у официантов рабочий день закончен, будут стоять у вас над душой, пока не уйдете. Разве в таких условиях получится торжество?

— Э-э, продавец не должен хаять свой товар.

— Я не ругаю, но и не хвалю. И блюда у нас не все достаточно хороши. Ты не смотри, что в книге отзывов целая куча похвал, я-то знаю, что семейное застолье куда лучше. Есть и еще одна проблема: обслуживающему персоналу запрещено участвовать в застольях, даже если их устраивают друзья. Я же не хочу стоять рядом с тобой и только наблюдать!

— Нет, так не пойдет. Ты обязательно должен выпить за здоровье молодых, ведь если бы много лет тому назад ты не

---

[1] В Нефритовом дворце, по даосскому учению, жил Нефритовый государь — верховное божество.

заставил меня записаться в безработные, неизвестно, что бы сейчас со мной было!

— Ладно. Знаешь что, устрой застолье у себя дома, а я помогу найти тебе хорошего повара, в обиде не останешься!

— Вот это ни к чему,— рассмеялся мой друг,— семья у меня большая, и каждый в своем деле мастер. Как говорят, к чему менять дробовик на пушку! Каждый сможет что-то приготовить!

— Вот и прекрасно. Пусть каждый приготовит свое коронное блюдо, а я сварю суп.

— Ну уж уволь,— замахал руками А-Второй,— твоего супа я уже удостоился отведать. Значит, в воскресенье вечером. Приходи пораньше, будем тебя ждать.

Пока я радовался, в мой кабинет влетел официант Бао, тоже весь сияющий от радости. Я радуюсь, он тоже чему-то рад, значит, мир изменился к лучшему!

А Бао заорал:

— Управляющий! Это вам!

И сунул мне пригласительный билет. На красной бумаге золотыми иероглифами было напечатано: «Просим Вас пожаловать на прием в честь открытия Общества изучения кулинарии в воскресенье 28 числа». Вот это да, еще одно мероприятие! Я, не задумываясь, отрапортовал на это приглашение:

— Прости, но в воскресенье я должен идти на свадьбу.

И положил приглашение на стол, Бао Куньнянь наморщил лоб:

— На какое время вас пригласили?

— В шесть вечера.

— Прекрасно, успеете в оба места, наш банкет в двенадцать.

Я вновь принялся рассматривать приглашение. Все верно, на нем была четко отпечатана цифра 12. И тут меня осенило:

— Но я не член вашего общества и не какая-нибудь важная персона, как же я приду?

— Управляющий, вы же сами не захотели стать председателем правления, а мы вполне могли успешно сотрудничать. Но и то, что вы отказались,— хорошо: появилось свободное место в правлении, и, значит, была решена важная проблема, а то мы давно бы все переругались и сегодня не смогли бы объявить о создании нашего общества!

— Так вот, значит, в чем дело! Участвуешь в обществе — помогаешь ему, а не участвуешь — помогаешь еще больше! Действительно, причинная связь воистину непостижима!

— Приходите, управляющий, будут многие известные люди, и речи быть не может, чтобы вы не пришли! Все будет скромно, выступать вам не придется, будут исключительно угощения, самые изысканные блюда, жаль, если вы не придете.

— Да я не такой уж любитель поесть.

— Значит, только попробуете, а главное — посмотрите. Ведь вам это интересно с профессиональной точки зрения. Честно сказать, такой стол накрывается раз в сто лет, Чжу Цзые руководил, его жена готовила. Четыре дня хлопотали. Все наше правление решило прийти, тут уж если кого забудешь — обидится насмерть. Правда, Кун Бися решила ограничиться столом на восемь человек. Долго думали, как быть, потом сошлись на том, чтобы десять человек разместить за круглым столом.

От этих слов я даже опешил. Много лет тому назад, когда нашего старого повара пригласили на застолье к Кун Бися, он лишь сказал, что побывал прямо на небесном пиру, правда, подробности не упоминал. Если сейчас я упущу этот счастливый случай, то до конца своих дней буду жалеть об этом. Тем более что я помогаю, этому обществу, даже не участвуя в его работе. Кто знает, какие могут быть последствия, если на банкете мое место будет пустовать!

— Хорошо, я приду.

— Значит, по рукам. Не буду заходить за вами, вы знаете, где дом № 54.

— Настолько хорошо, что и с закрытыми глазами найду его.

Да, этот дом я знал слишком хорошо. Когда учился в школе, каждый день проходил мимо него. Часто видел, как у ворот этого дома останавливались блестящие желтые коляски рикш, а однажды даже видел машину марки «форд», въезжающую во двор. Она едва протискивалась в узкий переулок, и прохожим приходилось прижиматься к стене домов. Северные ворота этого дома с утра до вечера были закрыты, но в них был сделан смотровой глазок. Была там и щель, куда бросали письма. Глазок был стеклянный и хитрый: если смотреть изнутри, то все хорошо видно, что снаружи, а если заглянуть в него с улицы, то ничего не разглядишь. В те годы по улицам бродило множество побирушек, мало кто из простых людей избежал этой участи, но ни один нищий не мог достучаться в эти ворота. Мне ничего не было известно о том, что находится за этими воротами. Видел только, что высокие стелы, окружавшие дом, густо заплетены виноградной лозой, осенью же ветер доносил из внутреннего дворика аромат роз. И сегодня розы, как и прежде, источали благоуханье, но теперь я уже не был ребенком, я был «представителем общественности» и вновь оказался перед воротами дома № 54. В распахнутых воротах, покрытых черным лаком, стояла молодая привлекательная девушка. Она была одета по последней моде: в джинсах, в туфлях на высоком каблуке, в серебристой приталенной рубашке с белоснежной оторочкой по обеим сторонам. Она вышла навстречу мне, мило улыбаясь, и я поспешно протянул ей приглашение. Но девушка оставила мое приглашение без внимания, застенчиво прикрыла рукой рот и учтиво поклонилась:

— Прошу, входите.

Затем она обернулась и крикнула:

— Мама, пришел управляющий Гао.

А, стало быть, это дочь Кун Бися от того самого политика и профессора. За эти годы она стала совсем взрослой, все правильно, и у моей дочери уже свой ребенок. Я еще раз

взглянул на девушку: живая копия своей матери, ведь та в молодости была очень хороша!

По дорожке, выложенной камнями, к нам приближалась женщина. В ней я с трудом узнал Кун Бися: казалось, свое прежнее лицо она кому-то отдала, а сама превратилась в барыню, которая стоит на пороге старости. Она стала пышной, сочной и, казалось, выглядела моложе, чем тогда, когда стояла у ворот городского рынка в ожидании наказания. Теперь она собрала волосы в пучок, который возвышался на голове так высоко, что скрашивал явно полное лицо, но несмотря на это все же казалось, что эта располневшая женщина стала меньше ростом. Она была одета в неброское платье, с годами она поняла истинное значение моды. Молодые и красивые привлекательны в любой одежде, но светлые платья и яркий макияж им больше к лицу. Когда же увлекается нарядами пожилая женщина, то она преследует цель — подчеркнуть свой стиль и неповторимость. Поэтому Кун оделась очень скромно: голубое платье, качественно сшитое из дорогого материала на западный манер, соответствовало ее возрасту и комплекции.

Хозяйка встретила меня очень радушно и, как подобает настоящей женщине, не упускала мелочей:

— А мы боялись, что вы не придете, управляющий Гао. Да, вы уже не молоды, наверное, сын уже и внука вам подарил?

— Не сын, а дочь.

— Ну, это одно и то же. Проходите, без вас не начинаем.

Я последовал за женщиной, и моему взору открылся небольшой, но весьма изящный дворик, занимавший территорию около полутора му. Там я увидел маленький пруд, с трех сторон окруженный камнями, деревьями, цветами и высоким бамбуком. Через пруд был перекинут мостик, а вся эта композиция производила приятное впечатление. Когда-то здесь, судя по всему, был кабинет первого мужа хозяйки, светлый и просторный, а окна его выходили прямо на пруд. Теперь в распахнутые окна был виден круглый стол, накрытый в вос-

точной части кабинета. Гости же пока расположились в его западной части.

Чжу Цзые подошел ко мне и познакомил с каждым из гостей. Среди приглашенных я узнал двух старых приятелей хозяина по совместным застольям, для которых когда-то покупал закуски. Был здесь и мой прежний наставник. Многому я у него когда-то научился. Трех остальных я не знал. Из этих троих один молчал, зато двое других болтали без умолку и смеялись: по их разговору было видно, что это обыкновенные торгаши.

Чжу Цзые облачился в старомодный костюм и повязал галстук времен своей юности. Не знаю, из какого сундука он достал свой наряд, но от него здорово пахло нафталином, хотя нарядился он явно не с целью потешить нас. Более того, видя его в таком наряде, я невольно испытывал чувства почтительности и уважения.

Костюм этот был хорошо мне знаком, правда, сейчас уже трудно вспомнить, где я мог его видеть? Ах, да, вспомнил, когда я учился в школе старшей ступени, то всех учителей делил на две группы по их одежде. Одни носили китайские национальные халаты синего цвета, другие были одеты во все европейское. Преподаватель родного языка, например, всегда надевал национальную одежду, а учитель биологии — западный костюм. Кулинария же — это наука, вне всякого сомнения, поэтому ее поклоннику не пристало ходить в национальной одежде. Если наденешь полувоенную форму, то не сможешь подчеркнуть свою индивидуальность. Если облачишься в новый европейский костюм, то не выкажешь своей сути, а вот поношенный костюм будет как раз кстати! Гости будут думать, что перед ними — старый учитель. Может быть, это идея Кун Бися, Чжу Цзые никогда не придавал большого значения такой мелочи, как одежда.

Наш герой уже много лет не влезал в европейский костюм, и было видно, что движения его скованы, когда он направился

в мою сторону. Попытка подойти ко мне увенчалась успехом после того, как он несколько раз наткнулся на стул, стоящий рядом со мной. Чжу протянул мне какую-то книгу по кулинарии. Я, не выпуская ее из рук, сел перед своим бывшим наставником, ощущая себя также не в своей тарелке. Вскоре после сорок девятого года я был в рабочем отряде, судьба свела меня с этим человеком. Тогда он произвел на меня впечатление человека весьма требовательного, неулыбчатого и не скрывающего своего недоверия к интеллигентам. Мы, «буржуи», казались ему чересчур осмотрительными. Сегодня, встретившись с ним в этой обстановке, я испытывал некоторое замешательство и, главное, не знал, что сказать, поэтому не мог придумать ничего лучшего, как, сидя рядом с ним, молча перелистывать книгу.

— Гао...

— Да.

Когда наставник назвал меня подобным образом, то сразу понял, что я уже не так молод для такого фамильярного обращения, и поспешно исправился:

— Почтенный Гао, вам следует внимательно прочесть эту книгу, у ее автора можно многому научиться.

— Хорошо, я так и сделаю.

Я продолжал листать книгу. Редакторская правка Бао Куньняня была весьма незначительной, просто он надергал цитат из всех известных кулинарных книг. Книга изобиловала ошибками, не знаю, то ли наш бывший официант невнимательно переписывал цитаты, то ли это были опечатки. Оторвавшись от книги, я стал искать глазами хозяина, чтобы задать ему несколько вопросов, но он уходил от моего взгляда и жестами, которыми крестьяне обычно загоняют уток, стал направлять всех к столу.

Гости толпились, церемонно пропуская друг друга вперед и хором уговаривая моего бывшего наставника первым пройти к столу.

Когда все наконец-то прошли в восточную часть кабинета, то зажмурились при виде великолепно накрытого стола. На белоснежной, украшенной вышивкой скатерти стояли приборы из тонкого фарфора. Фарфор был ажурным, а стенки его украшены цветочным узором. Казалось, что цветы вырезаны на фарфоре и излучают холодный цвет. Живых цветов на столе не было, двенадцать блюд с холодными закусками в форме цветков красного, желтого, голубого и белого выглядели огромным букетом. Все деликатесы, расставленные на столе: анчоусы, ломтики окорока, молодые побеги бамбука, белые кусочки курицы,— составляли неповторимую палитру цветов. Копченая сельдь, пять видов холодной говядины, креветки в цвете явно уступали деликатесам, поэтому вокруг них на блюдах были уложены яркие по цвету овощи — алые плоды боярышника, зеленая слива муме. Обычно на банкетах креветки не подают, но они были здесь не совсем обычные. Я вообще давно не встречал их в Сучжоу, даже удивительно, где их мог раздобыть Чжу Цзые. Блюда с креветками были верхом мастерства Кун Бися: она украсила их ломтиками белоснежного корневища лотоса, что и необычайно красиво, и вполне разумно, ведь креветки слишком солоны, поэтому пресное по вкусу корневище прекрасно дополняет их. Двенадцать блюд, как двенадцать цветков, были расставлены вокруг чайной розы, искусно вышитой из шелка, скорее всего, дочерью Кун Бися. В центре этого цветка стояло блюдо с горячими закусками. Весь же банкетный стол был подобен огромной цветочной клумбе, украшенной цветками лотоса, кувшинок, подсолнуха.

От всего увиденного гости пришли в изумление, сопровождавшееся возгласами:

— Ой!

— Ах!

Тут же послышалась критика и в мой адрес:

— Почтенный Гао, вот чему надо учиться! А у вас в ресторане сплошное безобразие!

Я не проронил ни звука и продолжал внимательно осматриваться. За окном в тени деревьев я видел какую-то старуху, глаза слепила зеркальная гладь пруда, в нос бил резкий аромат роз, назойливо чирикали воробьи. Когда-то в этом кабинете сидел политик...

Чжу Цзые вновь замахал обеими руками, призывая всех приступить к трапезе. Сам он оттянул вниз узел галстука и, как положено на банкетах, торжественно произнес:

— Господа, сегодня прошу всех слушать меня. Учитесь, что следует есть, и как следует есть. Не стоит подобно голодным волкам набрасываться на еду, особенно в начале застолья. Старайтесь делать это не спеша, отведайте каждого блюда понемногу, но помните, что самое лучшее вам подадут в конце обеда, поэтому прошу оставить для него место в ваших желудках...

Все дружно рассмеялись, за столом царило веселье.

— Едят все, но далеко не все понимают вкус пищи. Понять вкус так же трудно, как и понять характер человека, для этого нужны годы. Немного позже я расскажу вам обо всех тайнах, а потом критикуйте меня. Итак, банкет начинается. Подайте рюмки!

Бао Куньнянь тотчас же вытащил из буфета стеклянные фужеры на высоких ножках и две бутылки виноградного вина «Тунхуа». Чжу Цзые по этому поводу ничего не говорил, и я понял: пить водку в начале банкета нельзя, чтобы язык не потерял чувствительности. Но мне-то как раз хотелось водки, потому в что трудной ситуации лучше выпить чего-нибудь покрепче, желательно градусов эдак 60.

Бао Куньнянь наполнил всем присутствующим фужеры, прозрачное стекло которых окрасилось яшмово-огненным цветом и излучало чарующее сияние. Если стеклянные фужеры наполнить виноградным вином, то в них само очарование нефритовых кубков.

Мой бывший официант на этом пиру во всем помогал Чжу Цзые, поэтому тоже решил сказать несколько слов, что-

бы оттенить выступление хозяина дома. Но на подобных застольях не принято много говорить, а потому и он не нарушил правила:

— Товарищи, прошу, выбирайте, кому что нравится...

Однако Чжу не собирался упускать инициативу и с самой серьезной миной прервал своего помощника:

— Нет, нет, роскошный обед — это не увеселение, начинать надо с холодных блюд, они служат закуской. Только пока меняют блюда, вы можете есть по собственному усмотрению, чтобы не класть на стол палочек и не давать бокалам пустовать.

После этих слов он кивнул головой на стол:

— Начали!

И взоры присутствующих устремились к южной стороне пруда, где издревле у благородных мужей размещалась кухня. И в этом доме кухню и кабинет разделяла лазоревая вода пруда.

Итак, представление началось: дочь Кун Бися, эта прелестная девушка, высоко подняв поднос, как видение, появилась в бамбуковых занавесках и походкой феи прошла по мостику, ведущему к кабинету. Ее шаги были легки и грациозны, по мосту шла девушка, а тень ее отражалась в таинственной воде пруда. Поднос, который она держала в руках, был полон всевозможных яств. Казалось, что эта дивная фея сошла к нам на землю с небес, вызвав едва заметное колебание воздуха. И всем этим восхитительным действом дирижировал чертов Чжу Цзые! На блюде лежали кукурузные лепешки, представьте, что это за пища, если такие же лепешки были любимым лакомством самой императрицы Цыси!

Когда это блюдо оказалось на столе, то все увидели, что это вовсе не лепешки, а десять красных помидоров, чудесно контрастирующих с белоснежным фарфором подноса. Все так и ахнули от изумления. Признаться, и я был поражен. По правилам сучжоуской кухни, начинать трапезу следовало с горячих

блюд. Сначала полагалось подать курицу, жареную рыбу, жареных чилимсов или еще что-либо в этом роде, но я никогда не слышал, чтобы пир открывали помидорами! Кстати, помидор — это овощ или фрукт?

Чжу Цзые сделал паузу в своем рассказе и собственными руками положил каждому гостю на тарелку по помидорине и затем, совсем как во время представления, провозгласил:

— Начинаем!

С этими словами он не менее артистично снял верхушку помидоров, и все увидели, что они фаршированы жареными чилимсами! Гости, воодушевленные таким поворотом событий, поспешили проделать подобную операцию на своих тарелках.

— Все уже привыкли к вареным чилимсам,— стал объяснять хозяин,— в них нет ничего необычного. Многие десятки лет повара готовят это блюдо и ничего кроме совершенства в их приготовлении не достигли. В последние годы к чилимсам добавляют помидоры, отчего вкус блюда стал слишком резкий, совсем как в европейской кухне. Но если помидоры фаршировать чилимсами, как я сделал сегодня, то это не только красиво, но и гораздо вкуснее. Сейчас вы сами сможете в этом убедиться. Обратите внимание, что мы предлагаем только по одному помидору, чтобы не насытиться в самом начале.

Я беспрекословно внимал всему, что говорил Чжу Цзые. Сколько лет я ждал того момента, когда смогу предложить посетителям жареные чилимсы, но мне и в голову не могло прийти, что их можно подавать с помидорами.

Сейчас осень, и, как известно, помидоры в цене, поэтому я с удовольствием съел бы не один, а хотя бы парочку фаршированных помидоров.

С другой стороны, если хозяин велит съесть только один, значит, в этом блюде таится своя изюминка. Скорее всего, свежесть и красота помидора сочетаются с его немного кисловатым вкусом. Верно говорил когда-то Дин Большеголовый, что каждый человек наделен способностью различать

вкус еды. С ним я больше согласен, чем с Чжу Цзые, который аж целую теорию развил о том, что некоторые едят, не понимая истинного вкуса. А разница лишь в том, что одни могут словами передать свои ощущения, а другие — нет. Не зря зачастую слышишь: «Ах, так вкусно, что нет слов!»

Сила Чжу Цзые в том, что он словами может передать те чувства, которые мы испытываем во время еды. Правда, иногда он выражается не совсем точно, а иногда может и приукрасить. Впрочем, это надо тоже уметь. Бывает, что и радость трудно передать, если не добавить что-нибудь эдакое.

Тем временем небожительница то и дело появлялась на каменном мостике, поднося нам новые и новые яства. Не могу сказать, сколько их было. Помню только, что по правилам после трех горячих блюд следует подавать одно сладкое. Так вот, уже три раза подносили сладкое: сироп из семян лотоса, шарики из османтуса душистого и зерна водяной лилии с измельченными корневищами лотоса.

Хозяин дома не переставал подробно объяснять, но мне уже наскучило слушать его. Вступление действительно было эффектным, но последующие объяснения оригинальностью не отличались. Все о каких-то кусочках курицы с лотосом, белых шариках куриного мяса, рыбы и все тому подобное. Эти блюда были в меню нашего ресторана.

Однако вопреки моему скептицизму за столом не утихали возгласы восхищения:

— Почтенный Чжу, откуда у вас эти знания?

— Так сразу и не ответишь. Ну, во-первых, учился у наставников, а, во-вторых,— из книг. Разумеется, учиться нужно не один год.

— Почтенный Чжу, ваша жизнь была полна веселья, нам сейчас такое вряд ли доступно.

— Ну что вы, что вы, и на мою долю в годы культурной революции тоже досталось. Были и еще тяжелые времена. Впрочем, это уже в прошлом, а сейчас ешьте, ешьте.

— Да-да, при коммунизме мы каждый день сможем есть такие деликатесы.

Я едва сдержался, чтобы не рассмеяться от такой глупости. Каждый день будем так есть! А работать кто будет, роботы, что ли? Вероятно, когда-нибудь так и будет, но сейчас нельзя каждый день устраивать подобные пиршества; мы еще не придумали таких роботов, как китайцы пятьдесят восьмого года! [1]

— Почтенный Гао.

— Да.

— Почему вы молчите, неужели вы ничего не знали о таких талантливых людях, как почтенный Чжу?

— Знал, давно знал.

— Так почему бы не пригласить его в ваш ресторан наставником, пусть вам поможет!

— Я уже приглашал его прочитать нам лекции.

— Ну, это была временная работа, за которую нельзя получить официального звания.

За столом наступила гробовая тишина, все смотрели на меня и ждали ответа. Я задумался. Неужели именно теперь надо говорить о каких-то сделках?

— Звание... Это особый разговор.

— Но ведь наставник — это тот же специалист.

— Тогда лучше и назвать специалистом по какому-нибудь вопросу,— я выжидательно посмотрел на присутствующих.— Но такие специалисты, как литератор, театровед, ученый, в ресторане в общем-то ни к чему.

— Специалист по... — никак не выговоришь — специалист по еде — звучит почти как оскорбление.

— Специалист, знающий толк в еде,— и это звучит плохо. Кто из нас не разбирается в еде?

---

[1] В 1958 году был принят курс «трех красных знамен» («большой скачок», народная коммуна, новая генеральная линия), проявившийся в форсировании темпов индустриализации и кооперирования деревни.

Бао Куньнянь поднял палочки:

— А ведь у иностранцев есть такое звание: «гурман».

— Прекрасно!

— Здорово!

— Гурман, гурман!

— Давайте поднимем бокалы за нашего гурмана!

Чжу Цзые сиял от удовольствия и даже, забыв об этикете, расстегнул пиджак. С бокалом в руке он поднялся со стула, обогнул стол, подошел ко мне и с такой силой стукнул своим бокалом в мой, что едва не разбил его. Было видно, что сейчас он переживал свой звездный час. Раньше никто не обращал на него внимания, хотя он всю жизнь в поте лица поглощал пищу. Напротив, были такие, кому это не нравилось. А теперь он знает, что только иностранцы в полной мере могут оценить жизнь гурмана, его жизнь!

Я же ругал себя за тупоумие, что так легко попался на крючок своего бывшего официанта! Я думал, что меня всего-навсего приглашают на обед, и никак не был готов к тому, что приму участие в церемонии провозглашения Чжу Цзые гурманом! Лизоблюд, обжора — все эти обидные прозвища канули в прошлое, на смену им пришло почетное звание «гурман». Оно ласкает слух, оно для нас так же необычно, как и «кафе-минутка», и, обладая таким званием, можно еще зарабатывать деньги. Если учредить Общество гурманов, то Чжу Цзые мог бы стать по меньшей мере заместителем председателя. Председателем, бесспорно, должен стать француз, ну а в замы сгодится и китаец!

Между тем гости одобрительными возгласами встретили появление на столе очередного горячего блюда. Вслед за ним в кабинет вошла Кун Бися и стала спрашивать, удалось ли это угощение. Все стали шумно выражать свое восхищение, приглашая хозяйку выпить вместе со всеми. Я встал, поднял налитый до краев бокал:

— Позвольте мне поблагодарить супругу господина Чжу Цзые. В своем кулинарном искусстве вы достигли совер-

шенства. Я также хочу выразить благодарность вашей дочери, которая из-за нас весь день хлопотала.

Я не испытывал к Кун Бися особого расположения, но тем не менее вынужден был признать, что она готовила действительно превосходно и в своем мастерстве не уступала поварам второго разряда. Она также могла бы стать председателем или замом в Обществе кулинаров. Во всем мире признают, что лучше не говорить, а сделать, а, стало быть, умеющий готовить лучше знающего толк в еде!

Женщина не скрывала своей радости:

— Ну что вы, управляющий Гао, услышать от вас такой комплимент — большая редкость.

Подняв бокал и обведя им в воздухе всех присутствующих, она сказала:

— Дорогие гости, простите меня за неучтивость. Некоторые блюда, которыми мы вас потчевали, никуда не годятся. Сейчас так трудно достать бамбуковые побеги, которые бывают только зимой, поэтому их пришлось заменить на консервированные!

— О чем вы говорите!

— Давайте выпьем за супругу гурмана!

Когда все осушили бокалы, Бао Куньнянь собрал их, но это все не означало, что пир завершен. Просто настало время сменить декорации — принести другие приборы.

Чжу Цзые достал рюмки фиолетового стекла, которые делают в Исине. Своей формой они напоминают персик, а ножка — в виде веточки с листком, на рюмках — рисунок в национальном стиле. Подали новое вино — «Шаосинское рисовое». В этой части банкета настроение должно быть более приподнятым, поэтому и вино на столе более крепкое. И хотя «Шаосинское рисовое» относится к мягким винам, оно обжигает горло. Я бросил взгляд туда, где были вина, и увидел там две бутылки вина из злаковых, вероятно, их предложат перед бульоном. В уме же я прикидывал, каких денег стоил этот

банкет. Интересно, Чжу Цзые снял эту сумму со своего счета в банке или это поступления из разных организаций?

Когда Кун Бися покинула нашу комнату, занавес распахнулся, и началось второе действие спектакля. Одно за другим на сцене появлялись блюда с горячим и сладостями: белка с кусочками рыбы, окорок с медовой подливкой, «первое блюдо Поднебесной», пирожки, фаршированные зимородком, хрустальные шаомай [1]. Кульминация наступила, когда подали трехслойную утку.

Это блюдо получило такое название потому, что сначала курица фаршируется голубями, а затем этой курицей фаршируют утку. Вам подают утку, которая красиво уложена на большом блюде. Утка украшена перепелиными яйцами, которые имитируют утиные.

Это блюдо было единогласно признано верхом совершенства.

— Почтенный Гао.

— Да.

— Взгляните, разве это — не высший класс?

— Согласен.

— Тогда, если вы признаете мастерство почтенного Чжу, почему бы вам не пригласить его в ваш ресторан в качестве наставника с окладом около ста юаней?

Но здесь я не растерялся и выдал им свою коронную фразу, проявив в нужный момент мастерство человека, владеющего приемами:

— Боюсь, не получится; наша кумирня слишком мала для такого божества.

— Ваша кумирня совсем не мала, это вам кажется...

К счастью, все уже приступили к утке, поэтому отвлекаться на разговоры уже нельзя, и рот в этот момент должен использоваться только по назначению.

---

[1] Шаомай готовили из крутого теста на пару, они напоминают пирожки с начинкой.

Я взглянул на часы: наше застолье продолжалось уже три часа, а ведь еще предстояло отведать вина из злаковых (по правде говоря, мне сейчас очень не помешал бы глоток-другой), и в завершение обеда должны подать какой-нибудь эффектный бульон, а на десерт — свежие сливы или ананасы. Но я не мог остаться до конца банкета только потому, что за чаем принято вести разговор, где я мог попасть в ловушку.

— Прошу прощения, но я приглашен сегодня еще на один обед и должен покинуть вас. Благодарю господина Чжу, благодарю всех присутствующих.

Я, не останавливаясь и продолжая повторять слова благодарности, сделал пять шагов, пятясь назад, повернулся и ретировался по каменному мостику. Перейдя мостик, я оглянулся и через окна увидел гостей, которые уже были увлечены едой.

Я понимал, что мое поведение крайне неприлично и не делало мне чести: ведь я попросту сбежал. Но если я не попрощаюсь с хозяйкой дома, то она обидится; а Кун Бися, как известно, во всем любит соблюдать приличия.

Женщина и дочь над чем-то колдовали и искренне расстроились, узнав, что я ухожу.

— Видно, мое угощенье вам не по вкусу.

— Ну что вы, что вы. Все было прекрасным. В любое время приходите к нам в ресторан, будем рады перенять ваш опыт.

— Какой опыт,— рассмеялась женщина,— все эти блюда у вас в ресторане могут приготовить. Просто у вас нет достаточного времени, чтобы сделать все тщательно. Ведь мы готовились к этому банкету больше десяти дней... Ах, жаль, что вы уходите — впереди еще бульон.

— А господин Чжу Цзые помогал вам готовить? — поинтересовался я.

— Да что вы! — рассмеялась Кун Бися.— Этот ночной горшок только и умеет, что хвастать!

11. Шоколад

Когда дом № 54 остался позади, я отправился к А-Второму, где, о, небо, меня вновь ждало пиршество! Уже было тошно смотреть на еду, еще не успел я переварить трехслойную утку, еще свежи были воспоминания о той психологической атаке, что предприняли гости Чжу Цзые. Но мне хотелось выпить с А-Вторым и его отцом, выпить, разумеется, крепкой водки. Когда глотнешь такого напитка, то кажется, что внутри тебя разгорается пламя, и ты даже можешь вскрикнуть от неожиданности, но затем в тебе рождается чувство радости и горечи одновременно.

Осень в любом городе прекрасна, и Сучжоу не исключение. У нас в эту пору стоят необыкновенно ясные дни, уже не жарко, но и до холода далеко. Из внутренних двориков плывет аромат душистых цветов. Над переулками небо необыкновенно голубого цвета, и по нему плывут легкие облака. В воскресные дни прохожих на улицах немного, люди заняты домашними делами. А что главное в семье? Конечно же, обед. Поэтому из домов доносятся запахи пищи, и слышно, как потрескивает масло в котлах, когда в них опускают овощи.

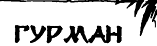
По пути из дома № 54 к жилищу А-Второго никак не миновать того места, где я жил когда-то. За эти годы оно ничуть не изменилось. Те же ворота каменного склада и те же выбеленные стены; правда, шеренга одноэтажных домиков как будто сжалась, но среди них по-прежнему красуется двухэтажный дом, в котором некогда жил герой нашего повествования. Мне вдруг показалось, что я вновь вижу желтую коляску А-Второго, которая остановилась перед воротами этого дома, из ворот вышел Чжу Цзые в длинном национальном халате и взобрался на коляску. Звякнул колокольчик, и рикша побежал к заведению Чжу Хунсира, в нетерпении отведать суп с лапшой.

Сорок лет Чжу подобно демону еды распоряжался моей жизнью, можно сказать, определил мой жизненный путь и, сам того не ведая, повлиял на выбор профессии. Я ненавидел его, всю жизнь боролся с ним, мечтал быть подальше от него. Но моя борьба успехом не увенчалась. Кажется, сама судьба связала меня с ним, и вот сейчас он вознамерился командовать мной да еще и получать за это большие деньги. Ведь он хочет, чтобы ему платили почти сто юаней! Вот если бы на его месте был старый повар Ян, я бы сам положил ему такой оклад и считал бы его вполне нормальным! А Чжу Цзые — совсем другое дело. Появится при ресторане приживальщик, ведь единственное, чему он может научить людей,— как развлекаться, бросать деньги на ветер, а это не имеет никакого отношения к нашей работе. Пока я стою во главе нашей кумирни, тебе, Чжу Цзые, не бывать в ней!

Однако пока я дошел до дома А-Второго, моя ярость постепенно угасла. Войдя во двор бывшего рикши, я очутился в мире радости, где ни у кого не возникало желания кого-то отблагодарить, все было естественно и просто, а разговоры о роскошной жизни не велись вовсе. Двор был полон людей. Они лакомились тыквами и конфетами, которые обычно покупают в день свадьбы. Здесь собралась вся моя семья, в том числе и мой годовалый внук. Пухлый и светловолосый малыш уже умел смеяться и щурить глазки, сжимать пальцы в кулачок и махать ручкой на прощанье. В современных семьях, как правило, растет только один ребенок [1], поэтому зачастую одного малыша окружают шестеро взрослых, готовых пожертвовать ради своего чада всем на свете. Сейчас мой внук был в центре внимания гостей, ему предлагали что-то вкусное, смешили, он переходил из рук в руки.

---

[1] В 80-е годы в Китае осуществлялась политика контроля за ростом населения, призывающая к тому, чтобы в семье рос только один ребенок.

Кто-то сунул в рот малышу конфету, но он тут же ее выплюнул.

— Как, он не любит конфет?

— Да нет, любит, только шоколадные.

— Попробуй дать ему шоколадку.

Кто-то из гостей взял шоколадку, наполовину очистил от фольги и дал мальчонке в ручку. И, правда, малыш тотчас сунул ее в рот и, аппетитно причмокивая, стал жевать ее.

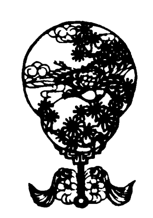
— Смотрите,— засмеялись гости,— какой умный ребенок, знает толк в еде!

Меня вдруг охватил гнев: ну, довольно, а то вырастет еще один гурман! Всю жизнь я не мог избавиться от Чжу Цзые, а тут мой собственный внук может стать таким же гурманом! Я выхватил из рук малыша шоколад и сунул ему в рот конфетку, которую он только что выплюнул.

Малыш от возмущения громко заревел...

Ошарашенные гости уставились на меня, посчитав меня сумасшедшим.

От автора: перед вами — художественное произведение, все в нем — плод фантазии, поэтому не стоит проводить параллели с реальными лицами Сучжоу. Фантазия — излюбленный прием литератора, цель которого — избавить почтенного читателя от необходимости сверять написанное с действительностью.

天缺一角

Ли Гуаньтун

НЕБУ НЕДОСТАЕТ ОДНОГО УГЛА

1

Юй Минчэн неловко лежал на каталке, которую тянул его сын Юй Дачуань. Секретарь Дома культуры Ли придерживал ее сбоку, и так потихоньку-полегоньку они выбрались из больницы. От уездного госпиталя до Дома культуры один ли [1] — Юй Минчэн время от времени слышал, как люди окликали секретаря Ли и сына, и иногда до него доносились слова: старик-то ожил! Некто даже сказал совсем несуразное: разве его уже не кремировали? В интонации смешались радостное удивление и испуг.

Юй Минчэн ехал и думал: обычное дело, все вне себя от радости, хором восклицают, повторяя друг друга, привычные слова, что сами подворачиваются. Нет, чтобы поглубже поразмыслить. Уездный городок совсем крохотный — клочок земли, где неизбежно «в пределах десяти шагов плодятся толки»...

---

[1] Ли — мера длины, равная 0,5 км.

Шепотки и слухи ложились под колеса каталки, которая тем временем уже вкатывалась со скрипом во двор Дома культуры.

Сорок дней тому назад никогда не любивший шататься по гостям Юй Минчэн наносил визиты коллегам по Дому культуры — всем по очереди. Он говорил удивительные вещи: что на днях с ним произойдет страшное несчастье, а если же всё обойдется, он обязательно со всеми как следует наладит отношения, кругом будет царить оживление, можно будет вместе сделать общее дело, и лет десять им предстоит всем вместе плыть в одной лодке — все от судьбы зависит; если же судьба отвернется от него, просил всех простить его, если был в чем виноват, и не поминать лихом; переправившись на тот берег, он снова обо всех вознесет молитву: так сказать, «всему виной Цинь». Он любил заниматься самобичеванием и цитировать это высказывание Су Циня [1].

Юй Минчэна считали книжным червем, о нем не могли сказать хорошего и не могли сказать плохого. Но при виде обреченности и скорби на его лице и той искренности, с которой он всё это говорил, у его коллег защемило сердце. В Доме культуры у Юй Минчэна было прозвище — «истинный полунебожитель». Он считался настоящим знатоком древней бронзы и стел и, кроме того, занимался гаданием.

Все просили Юй Минчэна погадать на триграммах.

---

[1] Су Цинь (IV век до н. э.) — видный военный и государственный деятель, дипломат периода «Чжаньго» («Враждующих царств», V—III века до н. э.), старавшийся помешать завоевательной политике царства Цинь. Цитата «Всему виной Цинь» приводится в знаменитом историческом, литературном и философском памятнике «Чжаньго цэ» («Замыслы враждующих царств», I век до н. э.), составленному Лю Сяном. Здесь игра слов — княжество Цинь, против которого выступал Су Цинь, и одновременно его же имя, потому китайский автор называет это «самобичеванием».

Что-то сбывалось, что-то нет, но в этот момент все вспомнили те случаи, когда предсказания сбывались. Например, когда у директора Дома культуры Шэна украли новый велосипед, Юй Минчэн сказал: «Подождите праздника Чунъян [1], хризантема и вернется». И правда, в праздник Чунъян потерянное нашлось.

Сын секретаря Ли сдавал экзамен, ему Юй Минчэн нагадал: «Сын отправится на запад учиться женскому ситцу». В самом деле, того зачислили в Сиани в текстильный институт. А ведь свое намерение туда поступать он никому не открывал.

Когда танцовщица Тун У перед рождением ребенка попросила Юй Минчэна погадать, он сказал: «Одной рукой раскроешь свиток с цянь и кунь — триграммами неба и земли»; и действительно, вскоре при родах первой показалась маленькая ручка...

Чем дольше вспоминали, тем неспокойней у всех становилось на душе. Народ не находил себе места и в конце концов собрался вокруг директора Шэна и секретаря Ли. Сообща решили принять ряд защитных мер: не разрешить Юй Минчэну выходить из дома, чтобы предотвратить автомобильную катастрофу; в Доме культуры установить несколько постов наблюдения во избежание проникновения злоумышленников; не разрешать Юй Минчэну пить алкоголь; не разрешать ему работать; тот старый колодец, что во дворе, закрыть крышкой; вызвать электрика и велеть ему проверить проводку. Когда эта работа была тщательно расписана, на сердце у всех стало чуть полегче. Рассудили так: если со здоровьем Юй Минчэна будет хорошо, что еще плохого может случиться?

И вспомнили те случаи, когда его гадания не оправдывались.

Несмотря на все предосторожности, на четвертый день предсказание Юй Минчэна стало сбываться.

---

[1] 9 сентября по лунному календарю.

Дом культуры выходил фасадом на юг. Трехэтажная серая постройка разделяла двор на две части, которые так и назывались: передний двор и задний. Здание включало в себя административный корпус, библиотеку и служебное жилье.

Беднота имела обыкновение собираться к Дому культуры «на холодные закуски»: самое подходящее место. Перед фасадом — две тополиные рощицы, в которых спрятались каменные столы и скамьи; там можно было играть в шахматы, перебирать струны циня, читать книги или рисовать. Можно было даже по-настоящему накрыть на стол и с удовольствием потягивать ароматный чай. Без сомнения, там действительно витал дух культуры, а миниатюрный парк был одним из прекраснейших во всем уезде.

Как раз в эти годы развернулось движение под лозунгом: «Культурой воспитывать культуру, подсобным финансировать культуру» [1], и всевозможные маленькие лавки сплошь закрыли стену Дома, тянущуюся вдоль улицы. Тополя в течение двух дней обрезали и придали им форму, чтобы они пропускали свет, даже громоздкие каменные столы и скамьи стали казаться изящнее. Половину двора заняли десять бильярдных столов, другую половину — два шатра; в одном круглый год были доступны для просмотра видеозаписи, в другом то шли цирковые представления, то показывали дрессированных обезьянок и медведей, то проводили выставки древних археологических находок... То одно, то другое — нетрудно представить себе, что там дым стоял коромыслом.

Двор позади Дома культуры являлся классическим задним двором.

---

[1] Политическая линия на самоокупаемость и самофинансирование учреждений культуры как за счет непосредственно культурной деятельности (концерты, выставки и т. п.), так и за счет продажи в магазинах сувениров, копий картин и прочей «подсобной» продукции, а также сдачи в аренду части помещений.

Один с лишним му [1] земли был поделен поровну между более чем десятком семей. Зайдя сюда, каждый мог видеть, что все участки маленького садика любовно ухожены. Плакучие ивы давали приятную тень, повсюду плыл цветочный аромат, от которого одинаково пьянели и люди, и шмели с бабочками. Вороны и сороки занимались тут своими птичьими делами, то кружась в воздухе, то разыскивая пищу на земле, то отдыхая на стене, и только ночью воздух над садиком пустел. Люди здесь не боялись птиц и насекомых, а птицы и насекомые не боялись людей, они сообща наслаждались очаровательным в своей неповторимости уединенным местом.

В северо-западной части заднего двора был старый колодец — над таинственной чернотой его отверстия вечно клубилась дымка. Утром она переливалась радугой, ночью выглядела белесым облачком. Никакой ветер не мог бы поднять волн в таком глубоком колодце, но отчего-то и безо всякого ветра поверхность его постоянно была тронута легкой рябью. Там была и еще одна вещь, которая могла бы соперничать с колодцем — и очарованием старины, и глубиной навеваемых философских мыслей. У самой стены, завернутая в несколько растрепанных слоев полиэтилена и рисовых циновок, скромно лежала каменная стела. При виде этой картины можно было вообразить себе, что стела, должно быть, сердилась, не имея возможности так же красоваться под сенью сада, как старинный колодец, а вместо этого валяясь на земле в истлевшей упаковке, словно гроб.

После ужина Юй Минчэн в одиночестве пошел на задний двор — по обыкновению, полить огород и прогуляться. Прочистил поливочные краны, подсоединил шланг, пустил воду. Рассеянно следя за бегущей водой, он вдруг услышал поистине душераздирающий звук — над двором разнеслись удары, каждый из которых словно был направлен прямо в его сердце. На каменной стеле, с которой большую часть

---

[1] Му — мера площади, равная $^1/_{15}$ га.

полиэтилена и рисовой соломы каким-то образом сдуло, верхом сидел шестилетний ребенок и колол молотком орехи. Он соскочил вниз — при этом с угла стелы упал отколотый кусок размером с ладонь. Юй Минчэн надрывно закричал...

Запись в книге диагнозов гласила: внезапный инфаркт миокарда. Юй Минчэн после посчитал свое гадание сбывшимся.

И вот теперь его тащили сын и секретарь Ли, и он, как во сне, медленно въехал в ворота. Коллеги собрались, чтобы встретить его у входа. Все толпились вокруг, наперебой тараторя, что он будет жить, что все будет хорошо... Когда добрались до середины двора, неизвестно как долетевший сюда опавший лист спланировал ему на лицо. Юй Минчэн втайне испугался, не является ли это каким-нибудь роковым предзнаменованием, но страха не показал. Вместо того, наоборот, улыбнулся, глядя в склонившиеся над ним лица: не зря, мол, говорят, предсказания судьба посылает на каждом шагу, надо только уметь их читать, ведь от судьбы не уйдешь!

2

Юй Минчэн был когда-то отличником факультета политологии весьма престижного университета.

Само по себе слово «политология» веско доказывало — ему есть что сегодня делать «в политике»; ведь среди его одногруппников трое — высокопоставленные кадровые работники в аппарате провинции, девять — руководящие сотрудники провинциальных управлений, двадцать семь — кадровые работники уездного уровня... Можно сказать, карьеру все сделали блестящую.

В 1966 году, когда началась «культурная революция», Юй Минчэн был студентом третьего курса. Его назвали сибаритом,

избегающим революции. А ведь он всего лишь пытался быть хорошим студентом и заниматься своим делом, вместо того чтобы драть глотку на собраниях. Но остаться в стороне не вышло. Однажды он себя обнаружил на пригородном кладбище, которое стало полем битвы в разгар некой заварухи. В сумерках зловеще каркали вороны, и от этих криков его мятущаяся душа, готовая отлететь в мир иной, возвращалась обратно. Его раны не были, однако, опасными, только на голове вскочила шишка. Рядом с ним, накренившись, стояла пара керамических кувшинов. Он припомнил, что, теряя сознание, как раз налетел на эти кувшины. Тут Юй Минчэн совершенно пришел в себя и вдруг решил тщательно их осмотреть со всех сторон. На кувшинах грубыми крючкообразными линиями были нарисованы несколько рыб: среди ночных теней рыбы постепенно оживали, вздрагивали боками и шевелили хвостами, словно живые.

Он возбужденно прижал к груди кувшины и, пошатываясь, побрел с кладбища.

Его вместе с кувшинами приютил один пожилой профессор, после осмотра сих артефактов взволнованно сказавший: «Сокровище! Народное достояние! Культурная ценность человечества!»

И таким вот образом Юй Минчэну нечистая сила прислала это «исправление» [1] — не было бы счастья, да несчастье помогло: он страстно полюбил свою новую специальность, был благодарен тем кувшинам, и благодарен кладбищу, и благодарен той заварухе.

За год до окончания университета перед ним открылись манящие перспективы. Он, облюбовав себе укромное местечко в углу библиотеки, перечел огромное количество книг

[1] «Исправления» (поведения и мыслей, идеологии) требовали цзаофани и хунвэйбины от тех, кто, как они считали, не идет по революционному пути, а подвергся «тлетворному влиянию Запада». (Цзаофани и хунвэйбины — см. сноску 1 на с. 223.)

по истории, внимательно изучил труды Оуян Сю [1] «Записи о собраниях древностей», Чжао Минчэна «О древних изделиях из бронзы и каменных стелах», Хун Ши «Ли ши» («Толкование иерархии»), Вэн Фангана «Записи о бронзе и каменных стелах обеих династий Хань». После выпуска из университета одногруппники, распределенные в столицу,— уехали в столицу, распределенные в провинцию — уехали в провинцию, и лишь его одного распределили в уездный Дом культуры.

«Культурная революция» в этот захолустный уезд пришла с опозданием почти на год. В тот момент, когда Юй Минчэн поступил сюда на работу, кампания под лозунгом «разгромить четыре старых» [2] только начиналась.

В вечер после его первого трудового дня сверкнула молния, загрохотал гром и полил страшный ливень. Небо раз за разом зловеще раскалывалось на части, которые опять-таки раз за разом вновь соединялись в купол, вместо суши вокруг простиралась безбрежная водная ширь. Свист ветра и стук дождевых капель по воде и по листьям добавляли шума, не давая Юй Минчэну уснуть. Он как раз ворочался с боку на бок, когда директор Дома культуры Сюй постучался в его дверь. Было это около часу ночи.

— Товарищ Юй Минчэн, тебе нравится твоя работа? — спросил директор Сюй.

Сгорбленный старик, взгляд он имел острый и проницательный, словно вспышкой молнии высвечивающий тайную сущность человека.

— Конечно... Поверьте, я предан своему делу,— с дрожью в голосе ответил Юй Минчэн. Если директор Сюй

[1] Оуян Сю (1007—1072) — учёный, литератор, историк, государственный деятель, коллекционер древних записей на камне и бронзе.

[2] Один из лозунгов «культурной революции» — «уничтожить четыре старых: старую идеологию, старую культуру, старые обычаи и старые привычки».

глубокой ночью соблаговолил зайти к нему, на то должна была иметься веская причина.

— Юй Минчэн, ты не предашь? — Директор подсел к нему вплотную.

— Не предам!

— Юй Минчэн, ты мог бы ради своего дела пожертвовать жизнью?

— Могу, я могу...

— Хорошо, я верю тебе и верю тому, что вижу своими глазами,— директор Сюй вытащил из-за пазухи нечто, оказавшееся оттиском с каменной стелы.— Взгляни на это.

Снятый с рельефа эпохи Хань, этот оттиск был высотой примерно метр сорок, шириной сантиметров семьдесят. Рисунок делился на три части. Первая, верхняя, часть изображала небо с девятью перистыми облачками. Под ними расположились первопредки Фуси и Нюйва [1]. На голове Фуси красовалась высокая шапка. На Нюйва же был роскошный головной убор в стиле рельефов могильного комплекса семьи У, что в провинции Шаньдун. Фуси и Нюйва изображались в виде пары существ с туловищами человека и переплетенными змеиными хвостами, что означало символ супружеской близости. Фуси держал циркуль [2], Нюйва вздымала угольник [3], они стояли спиной друг к другу, а между ними, в центре, виднелись два хвостатых человека меньшего размера, и их хвосты тоже переплетались.

---

[1] Легендарные персонажи китайской мифологии. Фуси в конфуцианской исторической традиции — правитель, бывший у власти в 2852—2737 годах до н. э. Согласно мифам о Фуси и Нюйва, они — брат и сестра, спасшиеся от потопа и затем вступившие в брак, чтобы возродить погибшее человечество. Фуси начертал восемь триграмм (небо, земля, вода, огонь, горы, гром, ветер, болота), эти знаки охватывали разнообразные явления вселенной.

[2] Циркуль — символ круга, то есть неба.

[3] Угольник — символ квадрата, то есть земли.

Второй уровень картины назывался «Лао-цзы принимает Конфуция»: оба были изображены в высоких головных уборах, в слегка склоненных друг к другу позах, Лао-цзы справа, Конфуций слева. Лао-цзы в руках держал посох, Конфуций — дикого гуся, которого и преподносил Лао-цзы. Позади Конфуция помещена была еще какая-то маленькая фигурка, по-видимому, ученик Конфуция Янь Хуэй.

На третьей части оттиска с одной стороны был изображен тигр, на спине которого балансировал на одной ноге циркач, жонглирующий шестью мячиками; с другой стороны видна была повозка, влекомая двумя рыбами, в повозке поместилась третья рыба, покрупнее, на которой верхом сидел старик, играющий на дудочке; на конце дудочки стоял мальчик и размахивал мухобойкой из конского волоса [1].

— Это, поистине, величайшая драгоценность! Бесподобно, восхитительно! Не имеющий себе равных шедевр! — Юй Минчэн разглядывал оттиск снова и снова, не в силах сдержать восторженных вздохов.

— А в чем же его восхитительность? — спросил директор, явно желая оценить, чего стоит только что прибывший выпускник.

Юй Минчэн с готовностью стал объяснять. Если смотреть с точки зрения содержания, сказал он, то мифы и предания, важные культурные вехи, повседневная жизнь народа — все сохранилось на одном рельефе, и между тремя частями картины существует тесная связь: прародители людей, просветители людей, развлекатели людей. Иначе говоря, изображение на всей стеле составляет единую гармонию. Это сильно отличается от прочих известных оттисков с рельефов ханьской эпохи. Если рассматривать отдельные элементы, продолжал Юй Минчэн, то у Фуси тело цилиня [2], а у Нюйвы тело

[1] Мухобойка (вернее, мухогонка) — атрибут даосских отшельников.

[2] Цилинь — мифическое животное, единорог с чешуйчатым панцирем, символ благоденствия и счастья.

змеи — они так и изображались чаще всего; изображение встречи Конфуция и Лао-цзы — тоже не редкость среди сюжетов ханьской эпохи; а вот третья часть, выражающая народную жизнь, народное искусство,— вот это есть нечто исключительное!

— Оно не только реально, но и идеально,— говорил Юй Минчэн,— оригинальность его концепции, глубина скрытого смысла, его широта, его тонкий вкус, можно сказать, выделяются из массы изображений на рельефах ханьской эпохи. Эта картина говорит нам о том, что великое искусство сохраняется как раз в народе... Я считаю, для современных деятелей искусства это — драгоценный учебник. Что касается искусства резьбы по камню, то это чрезвычайно тонкая, филигранная резьба с завершенной композицией. Сказать, что эта картина — совершенство, значит ничуть не погрешить против истины!

Директор Сюй слушал Юй Минчэна, прикрыв глаза и вздыхая. Когда тот закончил свою тираду, произнес:

— Хорошо. Теперь я спокоен.

Глаза директора широко раскрылись, проницательности в его взгляде убавилось, прибавилось же грусти.

— Я стар,— сказал он.— Отдаю этот оттиск тебе на хранение. Он существует всего в двух экземплярах, второй находится в Государственном хранилище министерства культуры. Сейчас началась кампания борьбы против «четырех старых», ты должен быть осторожным и еще раз осторожным!

— Не волнуйтесь, директор,— ответил Юй Минчэн,— я буду беречь его, как свою собственную жизнь.

— Ты только что приступил к работе и, я полагаю, не догадываешься, что оригинал, с которого снят оттиск, может быть в нашем Доме культуры.

Юй Минчэн издал возглас изумления и тревоги.

— В нашем Доме культуры... да что там — в нашем уезде в настоящее время нет никаких культурных ценностей, которые

могли бы хоть приблизительно сравниться с этой стелой,— сказал директор Сюй.— Это та стела, что лежит в северо-западном углу заднего двора. Там есть древний колодец, в уездных записях значится, что он существовал уже при династии Мин. Какие бы потрясения ни случались в этих краях за сотни лет, вода в нем никогда не иссякала. В тридцать шестом году крестьяне случайно нашли и «раскопали» из колодца эту каменную стелу с рельефом ханьской эпохи. В то время несколько продажных торговцев и местные бандиты объединились, чтобы тайком продать ее за границу, провезли уже больше ста ли, но были захвачены нашим отрядом, три бойца при их задержании погибли... Тридцать лет она все лежит там...

— Нужно поставить ее вертикально,— сказал Юй Минчэн,— и хотя бы соорудить беседку... если уж нельзя разместить в помещении!

— В пятьдесят седьмом провинциальные власти выделили средства, но беседку так и не успели построить: случилось наводнение, и средства ушли на ликвидацию его последствий,— ответил директор.

— А в более высокие инстанции не обращались?

— Куда уж! Нынче такие времена — не то что сооружать беседку для стелы, лишь бы саму стелу не тронули...

Юй Минчэн вслед за директором, невзирая на грозу, на то, что под ногами хлюпала вода, тайком пробрался на задний двор. В отсветах молнии он, хоть и с трудом, но все же разглядел подлинный рельеф, и хотя смотрел лишь несколько мгновений, они глубоко врезались ему в сердце. Он слегка коснулся стелы, словно отогревая ее теплом руки.

Гроза свирепствовала все сильней, ливень хлестал, так что было не видно ни зги. Мутная вода совсем заполнила древний колодец.

Директор достал заранее спрятанные под стеной веревку и лапчатый лом. Юй Минчэн внезапно осознал происходящее.

— Нет! Директор, нет!

Он умолял. Директор Сюй, не говоря ни слова, подняв обеими руками лом, с силой втиснул его ему прямо в руки.

Стела легко ушла в колодец.

Двое, словно глиняные истуканы, стояли на коленях возле черного жерла. Юй Минчэн, повесив голову, ронял слезы, директор, скорбно глядя на него, в оцепенении бормотал: «Время не пришло — нельзя раскапывать, время не пришло — нельзя раскапывать, время не пришло — нельзя раскапывать...» Последующие события происходили так, как предвидел директор.

Когда с прочими имевшимися в Доме культуры реликвиями «разобрались», цзаофани [1] вспомнили о той стеле. Дом культуры перерыли вверх дном, но и следа стелы не нашлось. Всех сотрудников проверяли, используя пресловутую систему «выкручивать руки, выбивать показания, получать информацию», а стела по-прежнему точно в воду канула. Потом директор Сюй был схвачен и обвинен в причастности к ее исчезновению; когда он вернулся, выяснилось, что, будучи под арестом, он получил серьезные телесные повреждения. Кроме случая со стелой, ему припомнили как преступление одну фразу, сказанную вскоре после образования КНР: «Если Мао Цзэдун трех дней не проучится, ему не догнать Лю Шаоци, если Лю Шаоци трех дней не потрудится, ему не догнать Мао Цзэдуна» [2].

---

[1] Цзаофани (букв. «бунтари», «мятежники») — ультралевые радикальные молодежные группировки в Китае, были одной из главных действующих сил «культурной революции» (1966—1976) наряду с *хунвэйбинами*. Разница между ними в том, что термин «цзаофани» применялся по отношению к работающей молодежи, а «хунвэйбины» — к учащейся.

[2] Известно, что в начале 50-х годов Мао Цзэдун, разговаривая с Лю Шаоци (тогда занимавшим пост заместителя Мао в ЦК КПК), пошутил: «Я трех дней не учился, поэтому мне не догнать Лю Шаоци», на что Лю Шаоци ответил: «Я и одного дня не трудился, мне не догнать Мао Цзэдуна». Лю Шаоци и его семья были репрессированы во время «культурной революции», он скончался в тюрьме, и само упоминание его имени стало крамольным.

В первый день нового года директор пропал, а вскоре в колодце обнаружили его тело.

Когда нужно было поднимать его из колодца, Юй Минчэн вызывался сам спуститься туда, боясь, что посторонние случайно могли бы обнаружить каменную стелу.

Он догадывался, что директор Сюй вовсе не имел намерения покончить с жизнью таким образом: ведь не мог же он желать привлечь внимание к древнему колодцу! Директор, видимо, хотел в последний раз попрощаться со стелой и колодцем, и только по неосторожности упал туда. Юй Минчэн еще подумал, что это, без сомнения, лучшее пристанище для директора Сюя.

Стела пролежала в колодце десять лет. Весной 1977 года ее снова «раскопали», она была целой, без повреждений. Предложил вышестоящим органам достать стелу и разъяснил ее ценность не Юй Минчэн, а творческий работник Гао. Руководство спохватилось, воду откачали, и камень показался на свет.

Душевные качества Гао ошеломили и изумили Юй Минчэна; но тот вовсе не считал, что сделал что-то особенное: он был одним из многих, знавших тайну и сохранивших ее, ведь исчезновение стелы можно скрыть от посторонних, но как можно было скрыть от сотрудников Дома культуры? Юй Минчэн с помощью методичных расспросов убедился в верности этих слов. Он разволновался до болей в сердце: выходит, система «выкручивать руки, выбивать показания, получать информацию» дала сбой — ни один из сотрудников не предал, не продал, не рассказал о каменной стеле — какое прекрасное общее дело, какие прекрасные люди работают здесь...

Впрочем, постепенно воодушевление Юй Минчэна незаметно сменилось апатией, а та переросла даже в своего рода обиду: ведь все эти годы он жил с ощущением экстраординарности, воображая себя единственным хранителем тайны. Преклонение и признательность по отношению к коллегам превратились в растерянность и отчуждение, что только укрепило его привычку держаться ото всех в стороне.

Год за годом тянулись своим чередом. Точно так же продолжались его боли в сердце, с каждым годом они становились сильнее. Юй Минчэну можно было и не гадать — он заранее предвидел, что однажды сердце его подведет.

3

В начале осени, когда природа уже не могла скрыть печальные следы угасания, Юй Минчэн, подобно ей, совершенно перестал походить на себя прежнего, хоть и считался выздоровевшим.

Он думал про себя, что стал очень похож на тот опустившийся на его лицо осенний лист: цвет кожи у него такой же увядающе-желтый, позвоночник так же скручен, а ноги сами собой спотыкаются. Хотя сослуживцы в лицо говорили ему: «Всё обязательно будет хорошо!» — за спиной вздыхали: «Век человеческий короток, что судьба травинки, созревшую пшеницу ветер клонит — стареющего человека болезни гнут»; «Небо и Земля беспощадны — за право выбора заставляют платить полной мерой»; «Человеческая жизнь бессмысленна, а даже если она и не бессмысленна, то Мирозданию в конце концов всё равно»... Обсуждая и жалея Юй Минчэна, они начинали жалеть и себя тоже.

Когда Юй Минчэн вернулся в Дом культуры, он отдохнул лишь чуть больше часа, а потом, шатаясь, побрел на задний двор; как сослуживцы ни отговаривали его — всё напрасно.

Стела по-прежнему лежала на своем месте и была завалена разорванными полиэтиленовыми мешками и соломенными циновками, придавленными сверху несколькими кирпичами. Он внимательно осмотрел поврежденные участки. Затронуто оказалось небо: крайнее облако пропало, унеся с собой один из углов небосвода. А если бы разрушение

продолжилось, под угрозой бы оказалась та часть, на которой была изображена голова Нюйвы.

«В несчастье было счастливое предзнаменование, было счастливое предзнаменование...» — Юй Минчэн, прижав руку к груди и бормоча себе под нос, опустился на корточки и начал разыскивать это потерянное облако, этот угол неба. Он медленно передвигался вдоль подножия стены, разгребая траву. И так добрался до края колодца.

Можно ли упасть в колодец?

Всё, что угодно, может случиться, думал он. Возраст — что поделаешь, вот в прежние годы колодец не казался угрозой, так легко было и влезть, и вылезти...

Его сын Юй Дачуань на цыпочках зашел к нему за спину, обхватил руками и насильно отвел на несколько шагов.

— Ты решил с собой покончить?! — Сын едва не перешел на крик.— Ты по-прежнему ничему не научился?! Для тебя этот камень важнее или твоя жизнь?!

Юй Минчэн, оправившись от изумления, ответил:

— Конечно, камень важнее... Одно дело — простой обыватель, а другое — сокровище культуры; человек может скончаться, а оно не должно исчезнуть...

— Какое сокровище культуры?! — Юй Дачуань начал злиться.— То, что ты называешь сокровищем культуры, другие считают мусором! Ты бы лучше себя ценил и заботился о своей жизни!

Юй Минчэн глубоко вздохнул:

— Ты не понимаешь! Моя жизнь принадлежит камням, и уже давно человек и камень слились воедино.

— Ладно, тогда я буду звать камень папой, стану за ним ухаживать... а лучше я расколю его, тогда связь между вами прервется, и тебе будет нечем забивать голову! Забот не будет! — переполнявшие Юй Дачуаня обиды вырвались наружу.— Кроме камней для тебя еще что-либо имеет значение? Кроме этих своих ненаглядных булыжников ты еще о ком-

нибудь думаешь? В тот год, когда постоянно шел град, моя матушка потеряла сознание от удара градины, ты даже не обратил внимания на нее, побежал тогда к своему камню. Что тверже: камень или градина? Или нет, лучше скажи, что важнее: камень или человек?! Ты когда-нибудь думал обо мне? Наших с супругой зарплат не хватало, ты спрашивал об этом? Когда матушка умерла, твоей зарплаты стало достаточно, однако ты только и делал, что покупал книги и писал статьи, покупал книги и писал статьи. Сколько можно! Ты захотел за свой счет опубликовать «Новые изыскания о бронзе и каменных стелах», над которыми работал всю жизнь, тут-то ты отыскал меня — занять две тысячи юаней, чтобы купить в Гонконге каталог. Каталог оказался бесполезным, только деньги-то теперь не вернутся... В высшей степени замечательное бессеребреничество — очень в твоем духе! Ты считаешь это сокровищем культуры, а люди — бесполезной вещью! Люди считают это мусором, а ты — сокровищем культуры! — Юй Дачуань всё-таки сорвался на крик.

Начав с нападок на отца, он перешел к нападкам на общество, а под конец казалось, что общество нападает на его отца.

Эти крики возымели эффект. Секретарь Ли, директор Шэн, Чжао Юйго, музыкальный руководитель Се Юань и еще семь-восемь человек прибежали на шум и с помощью увещеваний погасили ссору. Юй Дачуань, качая головой, пошел к себе домой. Юй Минчэн бросил ему вслед: «Две тысячи юаней, которые я у тебя занял, рано или поздно верну. Успокойся!»

Юй Дачуань услыхал и не сдержал горькой усмешки, даже слезы навернулись.

Секретарь, директор Дома культуры и все остальные наперебой начали расхваливать Юй Минчэна и восхищаться им, говоря, насколько высоки его моральные качества, что все хотели бы иметь такие же, и что как замечательно заниматься культурной деятельностью.

Чжао Юйго, бывший на должности «творческого работника», заспорил и сказал, что прав уважаемый Юй — культурная деятельность очень тяжела: мотивация почти отсутствует, денег заработать невозможно. А вот если бы уважаемый Юй мог совместить должности министра финансов и министра культуры, вот тогда культурная деятельность была бы легка и приятна! Все рассмеялись, присели на корточки и стали помогать Юй Минчэну искать тот камень.

Директор Шэн сходил домой за старым матрасом и накрыл им стелу, а истрепанные циновки выкинул. Секретарь Ли увидел и тоже принес оборванный ватник. Поверх этого они вдвоем старательно укрыли культурную ценность полиэтиленовыми пакетами, что очень растрогало Юй Минчэна.

Чжао Юйго сказал:

— Революционная деятельность требует от нас повышать уровень и культуру жизни бедных — ну так давайте построим беседку над стелой! Это же, почитай, ценность городского масштаба, обязательно должна иметь над собой беседку.

Директор Шэн ответил:

— Кто не понимает, что хорошо бы построить беседку! И демонстрировать удобно. Товарищ Юйго, а средства? Ты спроси секретаря Ли, мы подали если не двадцать, то девятнадцать докладов с предложением построить беседку над стелой, но разговор всегда один: уездные финансы очень ограничены, и их недостаточно.

— Чем плох мой план — увеличить денежные поступления от внутреннего двора? Сломаем стену, продадим тополя, устроим зверинец... — загорячился Чжао Юйго.

— Юйго, хватит болтать, вот выкроим минутку и вместе с секретарем Ли хорошенько подсчитаем расходы. А если уж говорить о доходах, то в твоем возрасте всё еще впереди; только сиди себе дома и пиши великие творения, которые прославят тебя в веках! — При этих словах директор Шэн ткнул пальцем в сторону Се Юань и продолжил: — Вот молодая Се через

несколько месяцев после распределения к нам пыталась получить хоть сотню-другую юаней с группы по обучению музыке, да так ничего и не заработала. Остаетесь ты и почтенный Юй, а ведь он уже не молод. Культуру трудно совместить с экономикой — невыполнимая задача. Получается, вся надежда лишь на тебя! Спроси хоть у секретаря Ли. Секретарь Ли, скажи, разве Юйго не следует приложить немного усилий?

Секретарь Ли всё это время улыбался.

Всего год назад он приступил к своим обязанностям. Дом культуры числился научной организацией вспомогательного уровня, то есть не входил в списки официальных учреждений такого рода, но тем не менее работу здесь можно было считать удачным продолжением карьеры. Первоначально секретарь Ли был членом уездного комитета по пропаганде; а это, как говорится, все равно что пустой бульон — ни власти, ни денег в руках. Только во время составления планов по ограничению рождаемости он мог оказаться на равных с секретарем парторганизации и руководителем уезда и становился нужным человеком. Но он знал в глубине души, что и это лишь видимость. Даже если сильно повезет, необходимо пройти ступень заместителя начальника уезда и второго секретаря парткома уезда, при этом не выйти за пределы требований к возрасту кандидата — а значит, ему всю жизнь суждено оставаться во втором эшелоне.

И вот, пока секретарь Ли предавался тягостным раздумьям, судьба дала ему шанс.

В тот день, а было это в прошлом году, начальник орготдела уездного парткома Гао проводил совещание в уездном городе. На обратной дороге он попал под ливень и волей-неволей, вместе с секретарем комитета по пропаганде Ли, вынужден был остановиться в помещении волостного комитета.

Тогда вторым секретарем волостной партийной ячейки была женщина. И как раз ей случилось там присутствовать. Начальник орготдела Гао презирал ее. Он много раз получал

письма про то, что она запятнала себя связью с неким уважаемым кадровым работником, который самого Гао любил упрекать в аморальности. Во время ужина получилось так, что присутствовавший еще там их водитель, набив брюхо, заснул. И таким образом, за столом остались только трое чиновников.

Вначале сохранялась атмосфера формальной вежливости, но потом под воздействием винных паров началось настоящее застолье, что называется, «банкет в резиденции Кунов» [1]. Второй секретарь потихоньку открыла третью бутылку. Она любила выпить, причем не в одиночку. Однако начальник Гао уже был слегка под мухой и категорически отказывался продолжать возлияния. Она долго протягивала ему стопку двумя руками, а он вежливо отклонял ее, пока нечаянно не выплеснул водку ей на живот. Все трое расхохотались. Но на этом она не остановилась, поймала его руку и стала уговаривать выпить еще. Она была необыкновенно настойчива и всё не отпускала его руку, и в конце концов это возымело некоторое действие: начальник Гао расслабился, а в голове его как-то сама собой родилась мысль, что это очень интересная женщина.

Она же всё гнула свое и никак не унималась: если, мол, вы не желаете выпить эту стопку, то это означает, что вы имеете что-то против меня! А если имеете что-то, то тут же мне прямо в лицо и говорите!

Начальник Гао сказал ей в ответ, весьма любезно:

— Полноте, откуда мне что-нибудь иметь? Если я и не хочу выпить, так только оттого, что просто уже неприлично пьян!

На что женщина игриво возразила:

— Это неправда! Начальник Гао, представьте, что вы дома среди семьи. Вот как вы дома пьете, так и здесь пейте. Очень

---

[1] «Банкет в резиденции Кунов» — здесь выражение употреблено шутливо, означает в переносном смысле «пышный банкет по высшему разряду».

трудно вас заставить выпить, труднее даже, чем составлять планы по ограничению рождаемости! Знаете, я вспомнила анекдот, как в одной деревне председатель вздумал упрекать односельчан, да и говорит, когда вы, мужики, слышите слово вазолигатура, то начинаете качать головами, а когда бабы слышат про установку внутриматочной спирали, то кривят губы...

Отсмеявшись, начальник Гао совсем размяк, и его понесло. Пришла в голову шутка, которая нестерпимо запросилась на язык. Указывая пальцем на мокрый живот второго секретаря, а также и несколько пониже, он сказал:

— Не ты ли просила меня высказать, что у меня против тебя? У меня действительно есть кое-что. Эта часть твоего тела не может находиться только в центре деятельности пожилых руководителей, ей еще следует стать частью молодой семьи...

Второй секретарь и пропагандист Ли просто остолбенели, а начальник Гао раскаялся в сказанном, но, как говорится, выплеснутую воду не вернешь. Самая быстрая реакция оказалась у Ли — он рассмеялся и выдал:

— А у меня тоже есть анекдот. В некой деревне один пожилой революционер не пожелал терпеть обиды от молодого кадрового работника и кричит: я восемь лет вел войну сопротивления против японцев и тебе яйца отрублю одним ударом сабли!

Напряженная атмосфера, таким образом, разрядилась, и все трое позволили себе посмеяться от души.

Через некоторое время наступила пора ротации руководящего состава уездного уровня, и второй секретарь на основании этой истории подала заявление на начальника Гао. История эта, вроде как и незначительная, тем не менее могла бы вызвать неожиданные неприятности.

Попав в неловкую ситуацию из-за своего языка, начальник Гао попросил члена комитета по пропаганде и агитации Ли выступить свидетелем в этой истории. И Ли подтвердил, что это была только шутка; и даже сказал, что не начальник

Гао был ее автором, а он сам, что содержание той шутки второй секретарь сама же разболтала направо и налево, да к тому же и неправильно, а первоначальный смысл был такой, что некий уважаемый кадровый руководитель обращается к молодой женщине и говорит: ты должна быть не только частью молодой семьи, но еще и в центре политической деятельности.

Период ротации кадров закончился, а начальник Гао остался на своем посту. А через два месяца член комитета по пропаганде и агитации Ли получил предписание перейти на работу в качестве секретаря партийной ячейки Дома культуры. Секретарь Ли, конечно, понимал, что это благодарность начальника Гао, а Дом культуры — стартовая площадка. Главное — не совершить никаких глупостей, и хорошее место в будущем обеспечено...

С первого дня выхода на новое место работы секретарь Ли строил отношения с окружающими очень тщательно и обдуманно. Например, не критиковал нижестоящих сотрудников, прощал им ошибки. Больших дел в Доме культуры не было, поэтому следовало позаботиться, чтобы показать свои достоинства в маленьких делах. Когда заболел Юй Минчэн, Ли суетился больше всех, покупал для него куриные яйца и фрукты; когда Чжао Юйго до поздней ночи засиживался за рабочим столом, Ли уговаривал его поберечь себя и принес ему килограмм сушеных ягод дерезы [1] для укрепления здоровья. Когда Се Юань приехала по распределению, он своими руками установил ей дверной глазок, а в коридоре перед дверью квартиры повесил новый светильник; он устроил, чтобы танцовщица Тун У стала хозяйкой магазина одежды «Золотой петух», и чуть ли не каждый день приходил справляться, хорошо ли идут дела.

---

[1] Дереза китайская — *Licium chinense*, кустарник семейства пасленовых с красными ягодами, которые традиционная китайская медицина использует при лечении многих болезней.

Он, как считалось, «вел борьбу на поприще культуры», но чувствовал, что не так-то много пользы от него в этой борьбе, кроме той добровольно затеянной им общественной деятельности, которую он вел целыми днями. Поэтому он выражал максимальную почтительность директору Шэну. Вплоть до того, что, когда у директора умерла тетка жены, тоже послал венок. В конце года, оценивая деятельность членов партии, он поставил на первое место директора Шэна. Он не забывал всюду расхваливать директора Шэна и Юй Минчэна как выдающихся людей уездного масштаба.

Директор Шэн заметил подхалимаж и, не сомневаясь, что и другие заметили тоже, несколько раз публично давал ему нелицеприятную оценку. Секретарь Ли принимал критику, но, как говорится, яблонька под ветром обратно клонится — терпеливо продолжал в том же духе...

Сегодня, воспользовавшись размолвкой по пустяку между секретарем Ли и Чжао Юйго, директор Шэн решил заставить Ли высказаться по существу, не прячась за спины авторитетов.

В такой ситуации секретарю Ли даже если и не хотелось говорить, а все равно бы пришлось. Он собрался с мыслями и произнес:

— Юйго, надо намотать на ус слова директора Шэна! А он давно говорил, что проблема доходов знакома всем, но это не значит, что можно просто махнуть на нее рукой. Все равно надо на что-то жить! Будем считать это экспериментом. Не боги горшки обжигают — революции тоже с чего-то начинались! Ты, Юйго, молод, наверняка уже всесторонне обдумал свой план получения доходов, так сказать, в груди уже имеешь образ бамбука!

Чжао Юйго не остался в долгу и, изобразив радостный энтузиазм, начал:

— А у меня действительно есть хороший план — ночью приснился, что называется, во сне кисть рождает цветы!

Прошу тебя, Се, удалиться. Я при женщинах этот план обсуждать не могу.

Когда Се Юань покорно вышла, Чжао Юйго начал таинственно рассказывать, что, мол, вчера ночью ему приснился Сыма Цянь собственной персоной и говорит: «Ты по-прежнему остаешься ничтожеством, не понимающим дружеского к себе расположения! Твои секретарь и директор — высоконравственные и добродетельные начальники, они в скромности и простоте своей неустанно осыпают тебя благодеяниями, и тебе единственно следует подчиняться приказам. Всё кругом гремит о доходах, а ты не внемлешь? Если так не следовать долгу, и добродетель можно возненавидеть!»

— Я отвечаю: «Я тоже думаю приносить доходы, но не знаю, как!» Сыма Цянь в ответ: «Ты действительно лишен мудрости! Почему бы тебе не обратить внимание на свою плоть?» Я спрашиваю: «А что значит „обратить внимание на свою плоть"?» Сыма Цянь отвечает: «Оскопи себя! Зачем тебе быть, как все? Яйца можно отрезать. Даже я когда-то смог на это пойти, а ты всего-навсего жалкий человечишка, твои яйца дешевле, чем комья глины, что мешает их отрезать? Благородный муж может умереть ради знания, вот и стань скопцом ради Дома культуры!» Я спрашиваю Сыма Цяня: «А какая польза от моего оскопления Дому культуры?» Сыма Цянь отвечает: «Яйца скрыты в штанах, их никто не видит. Если ты вырвешь их и водрузишь на переносицу, то разложение превратится в удивительный дух, мрак станет светом, а глина — источником богатства! Главное, чтобы ты был полон решимости, тогда станешь корифеем, никто не сможет соперничать с тобой!» Я поступил точно в соответствии с указаниями Сыма Цяня и добился выдающегося успеха. Билет стоит сто юаней, а желающих посмотреть на меня — словно гор и морей.

Все покатились со смеху. Секретарь Ли сказал:

— Вот ты какой, Чжао Юйго, за словом в карман не лезешь!

— Хватит, хватит,— сдался директор,— из тебя такой же добытчик доходов, как из почтенного Юя, хватит! Вот только тебе, и правда, пора бы вспомнить о своих обязанностях, напиши-ка мне что-нибудь путное о культуре.

Чжао Юйго поспешно согласился с директором и обернулся к Юй Минчэну:

— Почтенный Юй, я беру с тебя пример и скоро догоню!

Таким образом, какой-либо серьезный разговор стал уже решительно невозможен, к облегчению некоторых участников. Среди общего смеха и шуток явился фотограф, почтенный Цян, и сообщил, что пришел начальник орготдела Гао.

Чжао Юйго невинно заметил:

— Что тут удивительного в его приходе? Разве он редко приходит в Дом культуры «собирать народные песни»? Раз следует собирать, так кто еще кого наберет больше!

Слова Чжао Юйго у присутствующих вызвали усмешки, впрочем, секретарь Ли старательно делал вид, что ничего не слышал. Юй Минчэн же, и правда, не слышал — он все еще, опустив голову, пытался отыскать взглядом потерянный уголок стелы.

— Начальник орготдела Гао ищет секретаря и директора,— сказал Цян.

— Почтенный Цян, ты не нарушай гармонию среди уток-мандаринок [1],— ответил Чжао Юйго.

— Я-то не смею, в Доме культуры один ты так себя ведешь. Начальник Гао в этот раз приехал по служебной необходимости, не меряй сердцем ничтожного человека благородного мужа! — парировал Цян.

---

[1] Утки-мандаринки *(Aix galericulata)* — птицы, обитающие на Дальнем Востоке, символ любви и супружеской верности в Китае. Слова Чжао Юйго двусмысленны: возможно, он хочет сказать, что директор и Ли — неразлучная парочка, но это может быть и намек на действительную цель приезда Гао.

— Почтенный Цян, твои слова так же защищают образ руководства, как твой фотоаппарат. На самом деле, «собирание народных песен» ведь не есть нечто постыдное, это, как минимум, говорит о тесной связи с народными массами. Мы так устроены, или не у кого эту «народность» собрать, или «собрать» силы нет, тогда все говорят, как про тот виноград, что он-де кислый!

Когда секретарь Ли и директор Шэн пришли в канцелярию, начальник орготдела Гао уже ждал их там. Гао когда-то был творческим работником Дома культуры — тот самый Гао, что выступил с инициативой вытащить стелу. Хотя теперь он занимал высокий пост, к своему «родному» Дому культуры относился по-особому.

В свои сорок лет начальник Гао выглядел молодо, был рассудителен, честен и добродушен, хотя и себе на уме. За эти годы в Доме культуры никто не шептался о нем недовольно, ни один человек не смог бы сказать, что тот взлетел высоко и сразу переменился.

Когда в уезде началась реформа финансовой политики и Дом культуры был переведен на самоокупаемость, и начальник отдела пропаганды и агитации, и ответственный сотрудник в уезде всячески возражали, хотя поделать ничего не смогли. И только начальник орготдела Гао тогда хитро промолчал.

План по переходу на самоокупаемость приводился в исполнение два месяца, и все два месяца Дом культуры шагу ступить не мог — любая работа глохла, каждому стало очевидно, что придумка была неважная. Обратились к начальнику Гао, и вот тогда-то он выступил решительно, с доказательствами на руках, сумев добиться того, чтобы сотрудникам гарантировали базовую часть зарплаты. Таким образом, можно было считать, что Дом культуры имеет высокое покровительство: Гао мог помочь «протолкнуть дела» вплоть до уровня главы управления по культуре.

После обмена дежурными приветствиями Гао поинтересовался положением дел.

— Экономическая ситуация по-прежнему не лучшая,— вздохнул директор Шэн.— Весь комплекс Дома культуры с каждым днем все больше приходит в упадок, после расходов на электричество, выплаты налогов и прочего на всё про всё остается лишь четыреста с небольшим юаней в месяц. А сегодня вот увидел, что срубили тополь во дворе... Виноват, недосмотрел.

— Да как тебя винить в этом? — вмешался секретарь Ли.— Это я должен был предотвратить, и знал ведь, да опоздал. А уж кого стоит винить, так того, кто доходы получит от продажи тополя... Всё из-за проклятой самоокупаемости.

— Помещения, выходящие на улицу, сдаются в аренду,— продолжил директор,— но арендную плату не вносят, даже свои — Тун У, и та не платит. И раз уж о ней речь зашла, тот магазин одежды «Золотой петух» совершенно очевидно пользуется спросом...

— В этом Тун У не права! — сказал Гао.— Директор Шэн, ты и секретарь Ли не делайте вид передо мной, не надо думать, что если она и я односельчане, я буду представлять ее интересы; то, что следует критиковать, буду критиковать! Что касается поступлений в бюджет Дома культуры, это важная вещь, тут надо как следует вникнуть и разобраться... А теперь — о другом. Товарищи из отдела по делам единого фронта сообщили мне сегодня: вскоре приезжает один гонконгский бизнесмен, он собирается в наш уезд вкладывать деньги. Совместное предприятие! — Гао взглянул многозначительно.— И еще подчеркнули, что он хочет взглянуть на ту самую стелу ханьской эпохи, готов купить один оттиск. По той цене, что мы назначим.

— Но ведь оттиск с нее существует в единственном экземпляре! — воскликнул директор Дома культуры.

— Так ведь само сокровище остается у нас,— возразил Гао.— А этот гонконгский бизнесмен — крупный, понимаете,

крупный инвестор! Главное, что сама стела останется на месте, стоит ли переживать из-за оттиска?

— По этому вопросу надо посоветоваться с почтенным Юем...

— Учитель Юй, безусловно, специалист в своем деле, каких мало,— кивнул Гао,— однако вы проработайте вопрос... Тем более, стела принадлежит государству, а не одному человеку. Как здоровье учителя Юя? Он поправился? Когда он лежал в больнице, я был на учебе в партийной школе в провинциальном центре — к сожалению, не смог его навестить.

Покинув канцелярию, начальник орготдела отправился на служебную квартиру Юй Минчэна. Сначала покаялся, что не смог выкроить времени зайти раньше, затем произнес традиционные слова утешения больного... Но вопроса с гонконгским бизнесменом ни словом не коснулся. Когда же Юй Минчэн заговорил о том, что надо все-таки соорудить беседку над каменной стелой, сразу выразил готовность содействовать проекту и во что бы то ни стало добиться финансирования. На прощанье Гао сказал:

— Как давно вы мне не гадали! Прошу учителя Юя предсказать мне судьбу.

Юй Минчэн не отказался, погадал по триграммам.

Гао заметил, что, окончив гадание, тот пришел в сильное замешательство, и весело сказал:

— Что вышло, то и говори!

Юй Минчэн обмакнул руку в воду и начертал на земле восемь иероглифов: «Женщина словно вода в котле, исключительная вещь навредит государству». Гао такого не ожидал, покраснел, ему с трудом удалось взять себя в руки и попытаться напустить на себя равнодушный вид. Юй Минчэн в вопросах частной жизни окружающих всегда был глух и слеп и совершенно ничего не знал об амурных делах начальника орготдела, но, заметив тягостное состояние Гао, не выдержал, взял чашку воды и плеснул на землю, смыв иероглифы:

— Гадание существует для развлечения, нагадали хорошее или плохое — все надо воспринимать с улыбкой: лишь с тем сбывается плохое предсказание, кто серьезно к нему относится.

— Да, да, хорошее гадание людей воодушевляет, плохое предостерегает; так что плохое ли нагадали или хорошее — все равно полезно,— поспешно согласился Гао.

Последним пунктом программы посещения Дома культуры у Гао значился магазин одежды Тун У «Золотой петух», но после гадания в груди словно ком встал, настроение упало, и он собрался потихоньку обойти магазин кругом и направиться домой. Но Тун У его уже заметила, догнала и громко сказала:

— Начальник отдела, привезли ту юбку в складку, которую хотела ваша жена, так вы заберите!

У Гао не оставалось другого выхода, кроме как пойти вместе с ней. На втором этаже над магазином одежды она прижалась к нему, начала страстно целовать. Да так, что вскоре даже немного устала. И только тогда почувствовала, что все ее усилия пропадают втуне: сколько бы она его ни тормошила, Гао не реагировал, как ей хотелось. Тун У стало так обидно, что она даже заплакала и стала допытываться, не думает ли он о другой.

Гао рассказал ей о гадании. У Тун воскликнула:

— Кого ты слушаешь?! Я вот что... я тут подумала... больше мы с тобой страдать не будем, сначала я разведусь, потом ты...

— Ты спятила?!

Тун У опять расплакалась.

Гао поцеловал ее мокрое лицо:

— Я связан с тобой навеки по сути, а с ней формально.

— А я хочу, чтобы форма соответствовала содержанию,— отвечала ему Тун У.

Он прикрыл ей рот ладонью и нежно сказал:

— Какой же ты ребенок!

И ушел.

4

Юй Минчэн вручную обыскал весь задний двор, но нигде не нашел уголка, отколовшегося от стелы.

В то утро он заметил, что ребенок вновь появился во дворе: с пластмассовыми ведерками носился по семейным огородам. Он впервые увидел ребенка после выписки из больницы и подумал: может, малыш знает, куда упал тот кусок?

Юй Минчэн окликнул мальчика и только начал задавать свой вопрос, как тот ужасно перепугался и с ревом кинулся в магазин одежды, принадлежащий его матери. Сорок дней тому назад малыш так был напуган криком Юй Минчэна, что заболел: у него был жар, судороги, рвота зеленого цвета — врач сказал, что это желчь. Целых пять дней ребенок провел в больнице, прежде чем все эти признаки болезни исчезли.

Поэтому Тун У, услышав плач сына и увидев Юй Минчэна, выбежала и подняла крик:

— Уважаемый Юй, оставьте в покое моего сына! Я перед вами чем-то провинилась? Вы разве не понимаете, что это ребенок? В вас есть хоть что-нибудь человеческое или нет?

— Тун У, что ты такое говоришь? — ответил Юй Минчэн.— У нас одно общее дело, разве ты не хочешь мне помочь? Почему ты ругаешься?

— Да как же мне не ругаться, когда ты ребенка напугал? Ты что, всегда так с детьми — и бьешь, и ругаешь?

— Да ты с ума сошла? — изумился он.— Когда это я бил детей? Когда ругал? Я всего лишь хотел спросить мальчика о той каменной стеле.

— Кто этому поверит? Если бы не бил и не ругал, разве он бы так испугался? Камень, камень! Ты бы взрослых мужчин пугал своим камнем! А это всего только шестилетний малыш, если он человека убьет, и то ему за это ничего не

будет по закону, а ты за кусок камня хочешь его жизни лишить?!

Юй Минчэн вытаращил глаза и не знал, что сказать. Все соседи выскочили на шум.

Тун У продолжала шуметь:

— Ты, Юй, в прошлый раз заболел, и ребенок заболел, ты вышел из больницы, и ребенка выписали, почти в одно и то же время! Это не случайно! Это всё из-за тебя! Я тебе так скажу, если с ребенком что случится, вся ответственность будет на тебе! Осмелишься продолжать, я на тебя жалобу подам! Иск в суд! Зуб за зуб, кровь за кровь!

У Юй Минчэна закололо в области сердца, ноги подкосились, и он осел на землю. Люди засуетились, секретарь Ли быстро загородил его от зевак, уложил и остальных к нему не подпустил.

Через пару минут Юй Минчэн пришел в себя. Поднял голову, обвел глазами толпу и с каким-то отчаянием в голосе выкрикнул:

— Я подам жалобу! Я дойду до ЦК!

И надо сказать, он не обманул. По крайней мере, жалоба была составлена. Во время обеда Юй Минчэн передал бумаги секретарю Ли и директору Шэну, каждому по экземпляру. Там оказалось два документа. Первый — заявление о том, что ребенок нанес ущерб культурной реликвии, и, поскольку взрослые члены семьи отвечают за его действия, они должны компенсировать ущерб, согласно общепринятой практике; в другом критиковались действия руководства Дома культуры, а вернее, его бездействие, поскольку за прошедшие дни так никто этим и не занялся, да, похоже, и не собирался заниматься. В конце было приписано, что если не примут надлежащих мер, он, Юй Минчэн, пойдет с жалобами по всем инстанциям и не остановится ни перед чем. Бумаги эти произвели большое впечатление. Оба руководителя после полученной недавно встряски не осмеливались пытаться замять дело.

Директор Шэн сразу сказал, что, мол, в позиции Юй Минчэна есть резон: мы сейчас быстренько встретимся с Тун У, поговорим — пусть напишет объяснительную — а потом еще раз вернемся к рассмотрению вопроса о денежной компенсации.

Секретарь Ли задумался, а потом сказал:

— Директор Шэн, в этом деле нужно соблюдать осторожность. Ребенок — всего лишь ребенок, что он понимает? Просить взрослых писать объяснительную о его поведении — это обидеть их подозрением, что они тут как-то замешаны. А насчет компенсации — это еще более трудный вопрос. Заметьте, законом о культурных ценностях не определены точные суммы, а ведь эта стела бесценна, оцени ее в сотни тысяч — и не будет слишком много. Но заставь выплатить компенсацию в сто юаней — для семьи это окажется немалая сумма.

— В твоих словах есть резон,— рассудил директор.— Дому культуры не приходилось сталкиваться с такими делами, это трудный вопрос.

— У меня есть одна идея, ты подумай, может быть, сделаем так: объяснительную Тун У не заставлять писать, а вопрос, требовать с нее или нет компенсацию, пусть решит народный суд.

— Предоставим решать народу? — засмеялся директор.— Что ж, почему бы нет? Народу, как известно, всё под силу!

В три часа дня, после обеда, все сотрудники Дома культуры собрались в актовом зале. В объявлении говорилось лишь, что собрание чрезвычайной важности и явка обязательна, но конкретную повестку дня никто не знал. Как только этот вопрос выяснился, двое сразу сказали, что у них скрутило живот, надо выйти в туалет — и больше не возвращались. Прочие дисциплинированно остались, но про себя подумали, что зря теряют время.

Директор Шэн по порядку изложил события: как мальчик колол орехи на каменной стеле и в результате отколол угол. Секретарь Ли подчеркнул важность решения народного суда,

воззвал к общественности, которая одна может найти выход из ситуации. Чем больше он объяснял, тем больше все смеялись. В конце концов и директор, и секретарь рассмеялись вместе со всеми. Только Тун У и Юй Минчэн сидели с каменными лицами. Затем раздавали бюллетени, заполняли, считали. Результат получился такой: одиннадцать голосов против выплаты компенсации, пятеро за выплату, один воздержался. Юй Минчэн, услышав это, тут же в раздражении покинул зал.

После этого секретарь официальным тоном объявил, что, по волеизъявлению уважаемой публики, выплаты компенсации не будет, но он надеется, что товарищ Тун У усилит контроль над ребенком и больше будет заниматься его просвещением на предмет уважения к культурным ценностям. Директор тогда тоже встал, высказал слова благодарности товарищу Юй Минчэну за проявленную заботу и преданность делу и призвал всех учиться у Юй Минчэна упомянутым качествам. После этого собрание было объявлено закрытым.

Но тут встала Тун У:

— Прежде чем все разойдутся, я хочу взять слово. Да, кусок от каменной стелы отколол мой сын, но если бы ее как следует берегли, этого бы не случилось, поэтому за вред, причиненный стеле, ответственность должны нести сотрудники Дома культуры и персонал, в чьи обязанности входит ее охранять. Зачем обижать ребенка?

Собрание зашумело. Директор с сердитым выражением лица воскликнул:

— Так это, стало быть, камушек в мой огород!

— Да и в мой тоже,— ответил секретарь.

Люди зашушукались, одни говорили, что Тун У права, другие горячились, ругая ее за такие речи.

— Я прошу слова. Я считаю, что слова Тун У верны на тысячу процентов! — Чжао Юйго с непроницаемым лицом оглядел собравшихся и, понизив голос, с нарочитой вескостью добавил: — Манкирование служебными обязанностями,

нанесение вреда культурным реликвиям, это серьезный проступок! На мой взгляд, есть общее с делом «Ян Найу и Маленькой Капусты» [1]: чем больше проверяешь причастных чиновников, тем больше обнаруживается ужасных фактов! Сами подумайте, по какой причине стелу плохо хранили? Средства! По вопросу средств глава управления по культуре манкировал служебными обязанностями, начальник управления финансов манкировал служебными обязанностями, начальник отдела пропаганды и агитации манкировал служебными обязанностями, ответственный чиновник по нашему уезду манкировал служебными обязанностями! И! Наконец! Тесно связанный с Домом культуры начальник орготдела также манкировал служебными обязанностями... и так далее, и тому подобное, все как один! — и он с невинным видом возвел очи горе.

Зал после слов Чжао Юйго взорвался хохотом, одна лишь Тун У бросила на него полный ненависти взгляд и в негодовании ушла.

После собрания директор грустно посмотрел на секретаря Ли:

— Нехорошо оно как-то получилось. Юй Минчэн ушел, вне себя от гнева... Тун У ушла, вне себя от гнева...

Секретарь же казался вполне довольным и заявил, что пора учиться оптимистичней смотреть на вещи: как бы там ни было, результат-то неплохой.

---

[1] Дело «Ян Найу и Маленькой Капусты» (70-е годы XIX века) — одно из четырех самых громких уголовных дел конца эпохи Цин, редкий пример оправдания невиновных судом высшей инстанции после вынесения обвинительного приговора судом низшей инстанции. Невиновные, мужчина Ян Найу и женщина по прозвищу Маленькая Капуста по обвинению в предумышленном убийстве, сфабрикованному начальником уезда, были осуждены. Вмешательство судебных органов высшей инстанции столкнулось с яростным сопротивлением местного чиновничества, связанного круговой порукой.

Под вечер сын Юй Минчэна Юй Дачуань пошел навестить отца и в дверях столкнулся с фотографом Цяном. Цян отвел его в сторонку и сказал:

— Дело сына — оберегать пожилого отца, а ты сегодня сплоховал немного, не видел отца.

Юй Дачуань встревожился и спросил почтенного Цяна, в чем дело, но тот смущенно замолчал. Юй Дачуань стал настаивать:

— Ты знаешь меня, я человек порядочный. Если выдам тебя — выйду за ворота, и пусть меня первая же машина размажет в лепешку!

Тогда Цян в туманных и уклончивых выражениях поведал Юй Минчэну о стычке между его отцом и Тун У.

Юй Дачуань, войдя к отцу, молча нашел бутылку «Банкета в доме Кунов» и, не закусывая, глоток за глотком выпил половину, потом плеснул в ладонь и стал растирать себе грудь.

Юй Минчэн знал, что возражать против такого поведения бесполезно, и просто ждал. Сын сказал:

— То, что ты там наговорил, никуда не годится! Зачем ввязался? Куда тебе тягаться с такой злыдней! Известно: ученому сюцаю [1] не справиться с воином, нужно его заслонить воином, воин с воином должны разговаривать!

— Ребенок не сильнее сюцая. Что такого? У нас с танцовщицей был небольшой спор.

— Спор? Не спор, а настоящая война!

— Кто тебе такое сказал?

— Неважно. Там одно услышал, здесь — другое, об остальном сам догадался, это как дважды два — четыре. Знаешь, что мне надо сделать? А вот что — магазин ее разгромить, с ней разобраться, как следует! Я как раз подходяще

[1] Сюцай — название ученой степени в феодальном Китае, присваиваемое после экзаменов на уездном уровне.

напился! Я так пьян, что мне никто не сумеет помешать! — Отец пристально смотрел на сына. Вдруг ему в голову пришла идея: он опустился на корточки и схватился рукой за сердце. Впервые в жизни он симулировал приступ. Сын бросился к нему, ему показалось, что жизнь отца на волоске и тот еле дышит.

— Сынок, нельзя нарушать закон,— сказал Юй Минчэн слабым голосом,— нельзя пугать чужих детей. Видишь, я испугал чужого ребенка так, что он заболел, а ведь и у тебя есть ребенок, есть семья...

— Ладно, отец... я прощу ей на первый раз, посмотрим, как она будет себя вести дальше!

Вышло так, что весь этот диалог слово в слово услышала Тун У, которая как раз направлялась мимо в туалет. Она было решила пойти поговорить с Юй Дачуанем, но передумала: умный человек не сделает того, что противоречит его интересам.

Но от слов Юй Минчэна сердце ее учащенно забилось, и защипало в носу. В ту ночь она никак не могла заснуть. Спросила сына:

— Дедушка Юй тебя ударил? Обижал тебя?

Сын помотал головой.

— Ругал он тебя? — снова спросила она.

Сын снова помотал головой.

— Так что же ты тогда испугался?

— Я на него посмотрел... А он похож на гуя... [1] Страшный!

Она в сердцах шлепнула сына по попе:

— В следующий раз не болтай, что попало!

В полночь, когда сонную тишину нарушало только ровное посапывание ребенка, Тун У высунулась в окно полюбоваться сказочным звездным небом.

Ей почудилось, что в юго-восточном углу сада мелькнул силуэт мужа. Этот начальник отдела сбыта уездного пищевого

[1] Гуй — злой дух из китайских сказок, чёрт.

комбината «Императорский дворец» давно уже предавался пагубным страстям и забыл о семье. Она видела, что в доме его радует не жена и созданный ею уют, а лишь роскошь и великолепие обстановки, коими можно похвастаться, и что его, как мотылька на свечу, влекут мерцающие огни танцевальных залов, где обольстительные красотки так и приклеиваются к нему. Он в упор не замечал ее, а если и замечал, то только с тем, чтобы ляпнуть что-нибудь обидное, и что-то изменить было не в ее силах — он не давался в руки, словно тень, проплывал мимо, как проплывают облака.

И в эти тоскливые, ненавистные дни, в подавленном состоянии духа, объятия начальника орготдела Гао показались ей спасительным прибежищем. Теперь же стало очевидно, что для Гао она — одна из многих: «пришла, как дождь, и ушла, как ветер», не оставив следа в его душе. Она жаждала постоянно находиться рядом с любимым, и вот — выяснилось, что мечтания были наивны, ничему такому сбыться не суждено. Единственное утешение, на которое она может рассчитывать,— редкие сочувственные взгляды сослуживцев.

Падали звезды — одна, другая... Осень — пора звездопада, пора тоски о прошлом. Вдалеке закурлыкали журавли... Она вспомнила о лебеде, том лебеде, которым сама была десять лет назад.

...Струится лунный свет, на зеркальной глади озера — пара прекрасных лебедей. Она знает, что стоит на краю гибели. Именно тот лунный свет, ясный небосвод, тот страстный безмолвный призыв придает ей храбрости: она непокорно вскидывается, встает на кончики пальцев, пытаясь вновь расправить крылья и полететь навстречу судьбе. И не выдерживает, падает на колени, крылья еще трепещут, но все понимают, что это последнее движение... Тогда, на выпускном вечере, где выступали студенты факультета искусств, она танцевала «Умирающего лебедя», и зал устроил ей длительную овацию.

Она отыскала снимок той поры, долго вглядывалась в него, и у нее вдруг родилось желание взлететь — как тогда. Она сбросила одежду, взглянула на свои непонятно когда успевшие измениться пополневшие ноги, дряблый оплывший живот... и заплакала: лебедь улетел, ему больше не вернуться.

С улицы в это время послышались звуки ссоры, голоса звучали все громче, перепалка переросла в ругань, дойдя до высшей степени накала, так что слушать стало невыносимо. После безмятежной тихой ночи Тун У моментально спустилась на бренную землю.

Она вспомнила «народное волеизъявление» в Доме культуры, те пять бюллетеней за выплату компенсации, и почувствовала тревогу. Из пяти проголосовавших против нее она могла угадать четверых, это директор Шэн, Юй Минчэн, Чжао Юйго и Се Юань. А кто же пятый, кто этот незнакомец? Она перебрала в памяти всех участвовавших в собрании, но не смогла решить, кто бы это мог быть.

5

Похоже было, что гонконгский бизнесмен господин Тан своим прибытием оказал Дому культуры большую честь.

Собрались все сотрудники орготдела, отдела по пропаганде и агитации, отдела по делам единого фронта, управления по культуре, народу скопилось много, задние напирали на передних, люди все прибывали, и наконец вся эта масса ввалилась в Дом культуры. Фотограф Цян суетился с фотоаппаратом, забегая то слева, то справа, чтобы сделать кадр получше. Он сказал, что это второй случай в истории Дома культуры, когда приходит так много народа — первый раз это случилось, когда хунвэйбины пришли уничтожать «четыре старых».

По согласованному заранее протоколу, сначала пригласили господина Тана в актовый зал. Хотя приехавший вел себя вежливо и мягко, в делах у него была жесткая хватка, поэтому он поторопил всех пойти взглянуть на ту самую стелу ханьской эпохи. Местному руководству неловко было ему препятствовать, и вся толпа повалила вслед за гостем в передний двор, затем через ворота — на задний двор, где и попала под покровительство Чжао Юйго.

— Юйго,— сказал Цян,— это серьезная политическая задача!

— Я буду охранять наше сокровище так же, как охранял бы центральные ворота правительственной резиденции Чжуннаньхай!

Люди окружили стелу, директор Шэн и секретарь Ли слой за слоем стали счищать с нее полиэтилен, обрывки ваты, соломы и прочего мусора. Господин Тан нахмурился:

— Как же вы можете ее здесь хранить?

— Это временно, временно,— торопливо откликнулся секретарь.

— Зима еще не пришла, а вы ее в ватник одели!

Публика деликатно старалась не смеяться. Наконец поверхность стелы расчистили полностью. Господин Тан громко вскрикнул, отбросил в сторону трость, простер руки к стеле и застыл, как вкопанный.

— Воистину, драгоценность! Драгоценность! — вздохнул он с восхищением.— Тридцать лет тому назад я в одном нашем журнале читал о ней, а сегодня довелось увидеть ее наяву! Ничего радостней для меня быть не может, выше этого счастья для меня нет!

Говоря это, господин Тан стал кланяться, словно в буддийском храме, с закрытыми глазами и характерно сложенными, будто для молитвы, ладонями.

— Господин, это же не статуя Будды... — сказал один из сотрудников управления по культуре.

— Я прошу Будду о вечном покровительстве над ней,— господин Тан вытащил фотоаппарат.— Можно ее сфотографировать?

— Что за вопрос, конечно, можно! — с готовностью отвечали руководители.

— Спасибо, спасибо,— он как раз собирался нажать на кнопку, и вдруг чья-то рука закрыла объектив.

Это Юй Минчэн, который все время молча стоял с краю толпы, в этот момент не выдержал и метнулся к нему:

— Господин Тан, изображение этой стелы никогда не публиковалось в каталогах, и, согласно действующему закону о культурных ценностях, фотографировать ее нельзя, прошу простить меня.

Поведение Юй Минчэна кое у кого вызвало неудовольствие. Некоторые заговорили, что он раздул из мухи слона, что это особый случай, и для такого важного гостя можно сделать исключение.

Не обращая внимания на эти высказывания, Юй Минчэн занял решительную позицию. Господин Тан помялся в растерянности, потом с глубокой почтительностью встал рядом со стелой и попросил почтенного Цяна сфотографировать его на ее фоне. Один снимок был сделан фотоаппаратом Цяна, а второй — его собственным фотоаппаратом.

Когда он закончил сниматься, кто-то в толпе сказал: а давайте, мы тоже сфотографируемся! Народ засуетился, и чтобы не упускать такой случай, один за другим, впрочем, с такой же почтительностью, как господин Тан, потянулись фотографироваться рядом со стелой.

Какое-то время спустя господин Тан вдруг изменился в лице:

— Как, у нее не хватает угла?!

Повисло молчание. Секретарь Ли начал неловко ее укрывать, но господин Тан оттеснил его, вновь обнажил стелу и стал разглядывать. Потом с видимым разочарованием и со-

жалением отошел. Это задело Юй Минчэна, и он, прищурившись, сказал:

— Когда у неба отвалился угол, на то была Нюйва [1], когда камню не хватает угла, как поступить?

Тан выслушал и ринулся пожать руку Юй Минчэну.

Придя в актовый зал, господин Тан прямо заявил, что он хочет купить оттиск, снятый с этой стелы, по той цене, которую назначат в Доме культуры.

Директор тут же многозначительно сказал, что оттиск существует в единственном экземпляре. Начальник оргтдела Гао вмешался: мол, сначала принесите его, пусть господин Тан посмотрит. Директор сообщил, что оттиск хранится и всегда хранился у Юй Минчэна, поскольку его ответственность вошла в поговорку. Гао на это заметил: учитель Юй — бесспорный авторитет в своей области, но оттиск — общественное достояние, а не частная собственность.

Директор вместе с секретарем отправились домой к Юй Минчэну. Когда они зашли, хозяин дома как раз курил, что было странно — он никогда раньше табаком не баловался. Они вдвоем чуть мозоли на языках не натерли, убеждая его прийти и принести оттиск, и в конце концов добились своего.

Господин Тан взглянул на оттиск, взволнованно сказал:

— Покупаю! Назовите цену!

Юй Минчэн, принеся оттиск, хотел тут же уйти, но несколько человек его задержали и усадили. Он один, казалось, понимал: сейчас, после того, как у стелы не хватает угла, уникальность этого оттиска еще более возросла. Неважно, какие деньги за него готовы заплатить, продавать его нельзя.

— Пятьдесят тысяч, как? — сказал Тан.— Если недостаточно, можем обсудить.

---

[1] В китайской мифологии считается, что Нюйва расплавила разноцветные камни и залатала дыру в небе после вселенской катастрофы, затем отрубила ноги у гигантской черепахи и подперла ими небо с четырех сторон земли.

После озвучивания суммы все остолбенели: один оттиск продать за такие астрономические деньги — он что, с ума сошел, этот Тан, или от рождения идиот? Рядовые сотрудники, и руководство уезда, и семьи руководителей Дома культуры — все одинаково стояли, как громом пораженные.

Начальник орготдела Гао подмигнул секретарю Ли, тот быстро смекнул, что к чему, и сказал, обращаясь к Юй Минчэну:

— Почтенный Юй, ведь у господина Тана искреннее желание.

— Его искреннее желание, конечно, можно уважать, но оттиск категорически нельзя продавать.

Атмосфера накалилась: у одних вызвало раздражение то, что Юй Минчэн столь беспардонно не считается с начальством, другим такой педантизм показался неслыханной глупостью, учитывая великолепную денежную перспективу.

Господин Тан отступил на шаг и сказал:

— Раз уж ваш Дом культуры так высоко ценит этот оттиск, я, Тан, не могу вырвать у вас из рук то, чем вы так дорожите. Поскольку сама стела на месте, прошу вас сделать с нее новый оттиск; и уж его продайте мне. На нем так же, как на стеле, будет не хватать одного угла, так что я предлагаю лишь тридцать тысяч!

Собравшиеся вновь удивились и про себя произвели быстрый подсчет: один оттиск за тридцать тысяч, другой оттиск за тридцать тысяч, оттисков можно сделать без числа, эдак Дом культуры запросто станет миллионером! Все еще продолжали считать, как неожиданно Юй Минчэн сказал, что оттиск со стелы тоже снимать нельзя, поскольку тогда придется заполнить врезанные в камень линии тушью. Согласно закону о культурных реликвиях, для каменных стел, датируемых эпохой Хань и ранее, разрешается лишь делать оттиск с

обращенными цветами для последующего полиграфического воспроизведения [1].

— Ну, такой оттиск столько не стоит, он вообще особой ценности не имеет... — заметил Тан.

Начальнику оргтдела Гао стоило больших усилий сохранить хорошую мину. Он вмешался:

— Учитель Юй говорит верно, все законы исходят из необходимости, во-первых, охраны культурных ценностей, и во-вторых, дальнейшего распространения культуры народа. Но ведь центральные власти требуют, чтобы в каждом регионе были собственные нормативные акты. Относительно закона о вступлении в брак и планирования рождаемости, например — разве каждый район не имеет свои нормативные акты? Дом культуры много раз докладывал о необходимости сооружения беседки над стелой, но ее так и не построили, однако почему бы не сделать этого сейчас? Так сказать, сберечь стелу за счет ее самой? Призываю сотрудников отделов обдумать этот вопрос, собрать еще одно собрание у вас в Доме культуры и выслушать мнение народных масс.

Публика разделилась: несколько человек, желая продолжать глазеть на господина Тана, уселись на землю отдохнуть прямо тут же, начальники отделов отправились в административное задание совещаться, а большая часть сотрудников Дома культуры собрались на заднем дворе.

Секретарь Ли обратился к директору:

— Похоже, без народного решения опять не обойтись, как считаешь?

Директор Шэн довольно кивнул.

---

[1] Такие оттиски (с обращенными цветами) делаются часто для туристов: камень увлажняют, накладывают бумагу, прижимают к ней губку, смоченную в туши. В этом случае линии, вырезанные в камне, становятся белого цвета (то есть цвета в оригинале и оттиске зеркальны). Первый же вариант — нечто вроде резцовой гравюры, и значительно более трудоемкий, оттого и более дорогой.

Когда раздали бюллетени, люди не собирались делать вид, что им надо подумать: заполнили их одним взмахом пера. Только Юй Минчэн не знал, на что решиться. Сначала поставил «крестик» против, а в ушах сами собой зазвучали слова «сберечь стелу за счет ее самой», в сердце закралось сомнение, и он «крестик» замазал, хотел поставить «галочку» в знак согласия, тоже не решился и ограничился тем, что в замешательстве передал так. Тун У сидела по соседству с Чжао Юйго, она сначала поставила «галочку» в знак согласия, но как увидела, что Чжао Юйго поставил «за», сразу к этой галочке пририсовала две черточки снизу, и получился «крестик» против.

Секретарь Ли объявил результаты: один голос против, один воздержался, все остальные одобрили идею и проголосовали «за». Тут же отправились в канцелярию рапортовать руководству, что все решилось в соответствии с его пожеланиями.

Юй Минчэн против своей воли весь день был в хлопотах. Секретарь Ли и директор Шэн тоже были заняты приготовлениями. Нужно было и почистить стелу, и растереть тушь — они сбились с ног.

В семь часов вечера оттиск был снят. Пришел сотрудник отдела по делам единого фронта, одной рукой передал оттиск, другой получил наличными тридцать тысяч юаней. Как на новогоднем празднике, все радовались, оживленно шутили, смеялись.

Юй Минчэн чуть не падал от усталости, поэтому, придя домой, он хотел пораньше лечь спать. Но не вышло: явился Чжао Юйго.

— Юй, старина, позволю себе заметить, мы оба с тобой не терпим пошлости и мещанства, но между нами есть различие. Я очень хорошо знаю, что такое бедность, я не занят только мыслями о заработке — например, не пишу пошлых сочинений с тем, чтобы продать их подороже, всегда и во

всем я стремлюсь строго придерживаться чистого духа искусства и не предам его. Но я всегда помню, что вне зависимости от того, насколько талантливы и изящны мои произведения, мне требуется есть хлеб насущный, носить нормальную одежду, жить в обычном жилье, дышать мирским воздухом и вообще поддерживать свое существование. Поэтому мое дистанцирование от мещанства не равно обрыванию всяких связей со всем материальным. Ведь все равно, оборвать их до конца получится только в том случае, если покончить с собой. Когда человек начинает говорить известными словами поэта: «Кругом все пьяны, лишь я один трезв»,— этот человек становится в фальшивую позу, он просто бежит от реальности. А про семью собственную ты помнишь, когда мечтаешь помочь в равной степени всей Поднебесной? «Поутру пить росу с магнолии, вечером питаться лепестками осенней хризантемы»? Звучит-то, конечно, красиво, но как ты прожить собираешься?

— Юйго, спасибо, что ты специально зашел, чтобы указать мне на мои заблуждения,— ответил Юй Минчэн,— да только я не в силах сейчас оценить твои замечательные доводы, очень уж спать хочется.

— Я тебе еще кое-что скажу на прощание,— тем не менее добавил Чжао Юйго.— «Сберечь стелу за счет ее самой» — это выгодный вариант. Стела не продается, но я хочу все-таки выставить ее на продажу... в некотором смысле... Я позвоню бывшему однокурснику, который работает в городской газете, приглашу его завтра приехать и дать срочную заметку...

Среди ночи Юй Минчэну приснился страшный сон, будто бы старый директор Сюй, тот самый, скончавшийся более двадцати лет назад, зашел к нему в комнату, схватил булыжник и начал яростно бить его по голове. Юй Минчэн проснулся в холодном поту: привиделось, как наяву. Он обхватил руками колени и так просидел до рассвета.

6

Лишь начался рабочий день, секретарь Ли, директор Шэн и бухгалтер Чжан втроем собрались в кабинете обсудить, какое найти применение этим тридцати тысячам юаней, упавшим с неба. Первый платеж, который должен быть сделан,— на сооружение беседки, это все трое знали; ведь Гао во всеуслышание объявил: «сберечь стелу за счет ее самой». Директор Шэн по телефону сделал запрос проектантам и выяснил, что сооружение такой беседки над стелой обойдется примерно в треть вырученной суммы. Как распорядиться оставшимися двадцатью тысячами? Слишком много финансовых дыр: если на все распределить равномерно — значит деньги «размазать» по чуть-чуть. Командировочные расходы, медицинские расходы, крыша протекает, трубы плохие — каждый год чинят, всё перекапывают... Набралось больше десяти статей расходов, одна другой важнее. Два часа совещались, но так ничего и не решили. В десять часов принесли свежую прессу, все с облегчением отвлеклись от разговора, зашелестели страницами.

У директора в руках оказалась городская газета, на первой полосе которой красовался заголовок: «Оттиск со стелы продан за триста тысяч юаней». Директор в сердцах хлопнул по ней и вскочил, одна половина его лица начала конвульсивно подергиваться.

— В статье преувеличили сумму, но нельзя же преувеличить в десять раз? — сдавленным голосом произнес секретарь Ли.— Но вообще-то... — поразмыслив немного, он слегка приободрился,— еще непонятно, чем это для нас обернется, может случиться, что и счастьем, ажиотаж-то какой!

— Ну так мы подождем счастья! — хмыкнул директор.

Не успел он закончить фразу, как зазвенел телефон. Звонили из городского управления по культуре, поздравляли с

неслыханным богатством, сказали, что группы из каждого уезда приедут к ним учиться и перенимать опыт, и выразили надежду, что приезжающих обеспечат едой и жильем с удобствами. Директор Шэн начал торопливо объяснять, что информация несколько ошибочна, и в телефонной трубке перешли на очень... разговорную речь, услышав которую, директор поморщился и передал трубку секретарю Ли.

Этот звонок был первым в череде посыпавшихся один за другим — из провинциального центра, других уездных центров, из поселков и деревень уезда, от друзей и родственников сотрудников Дома культуры... Звонили из хозяйственного управления, звонили представители прессы и телевидения... Секретарь Ли много лет проработал в волости, уж что-что, а отвечать на звонки умел, но и с него скоро пот лился градом.

В 11 часов 20 минут пришли два серьезных человека, на двоих у них был один документ, согласно которому они желали получить налог. Директор Шэн, секретарь Ли и бухгалтер Чжан никак не могли взять в толк, почему это после продажи оттиска со стелы им еще надо платить налог. Налоговики сунули им под нос официальную бумагу, и чем больше те смотрели, тем сильнее недоумевали.

Секретарь Ли произнес:

— Вы скажите, сколько — столько пусть и будет!

— Да это не мы решаем, сколько, а согласно документам налог составляет сорок две тысячи,— с достоинством ответил один из двух серьезных людей.

Бухгалтер просто подпрыгнул на месте:

— Мы продали за тридцать тысяч, а вы хотите, чтобы мы налог уплатили сорок две! Это же грабеж!

Сотрудник налоговой службы вынул городскую газету, бухгалтер в ответ достал приходный ордер. Тогда налоговики начали звонить в отдел по делам единого фронта и отдел пропаганды и, получив подтверждение действительной суммы, сказали:

— Что ж, пересчитаем, заплатите всего лишь десять процентов против прежнего, это четыре тысячи двести.

Секретарь Ли и глава управления по налогам когда-то работали вместе в одной волости, поэтому секретарь связался с ним по телефону, начал жаловаться на трудности, в конце сказал: «Дом культуры — такой нищий, что скоро детскую мочу пойдем продавать на удобрения». Главу управления по налогам это рассмешило, он смягчился, попросил подозвать к телефону одного из своих сотрудников, они о чем-то поговорили несколько минут. Затем сотрудник вытащил калькулятор, что-то посчитал.

— Сколько? — спросил секретарь Ли.

— 1818 юаней. Это дополнительные налоги — на хозяйственную деятельность, городской налог и на образование.

— Это более выгодный подсчет, надо заплатить,— оживился секретарь Ли.

— А не маленькое одолжение вы нам сделали, а? — попытался торговаться директор Шэн.

— Мы говорим о принципах, а не об одолжении, это всего лишь разные способы подсчета,— парировал один из налоговиков.

— А еще более интересные способы подсчета имеются?

Но серьезные люди из налогового управления больше не стали проявлять понимание, получили деньги и ушли. Лица директора, секретаря и бухгалтера прояснились.

Секретарь Ли позвонил в отдел пропаганды, попросил их немедленно связаться с уездным телевидением и подготовить к эфиру новость о продаже оттиска со стелы в Доме культуры, подчеркнув, что продали ее за тридцать тысяч юаней.

Сразу после обеда одновременно пришли сотрудницы с почты и водоканала. Оплата телефонных переговоров и расхода воды не производилась восемнадцать месяцев, и если раньше они проявляли гуманность, то сейчас заявили, что в случае неуплаты немедленно отключат телефон и воду.

Секретарь Ли велел бухгалтеру купить несколько пакетов сухофруктов и тыквенных семечек, а также хорошего чая — для девушек.

Оставив девушек дожидаться их за чаем, они втроем прошли в бухгалтерию.

Секретарь сказал:

— Пришедшее извне богатство не меняет к лучшему судьбу бедняков; как же быть, директор Шэн?

Директор состроил на лице выражение безграничного терпения перед превратностями бытия:

— За убийство платят жизнью, по счетам платят деньгами, и так было испокон веку. Если все правильно, это заслуга народа, если есть ошибки — это вина слуг народа... Наша то есть. А что — те помещения, что выходят на улицу, мы ведь с них не собрали арендную плату? Даже Тун У, и та затягивает. Секретарь Ли, вам поручаю: бухгалтер у нас больше расчетами занимается, а эти деньги надо жестко собрать. Товарищ Чжан, прикинь-ка, кому мы еще должны?

— Кроме почты и водоканала, еще должны за электричество. Недоплатили тринадцать тысяч — за одиннадцать месяцев.

— Подумай как следует, есть ли еще кредиторы?

В это время они услышали незнакомый женский голос, спрашивающий руководство.

Директор сказал:

— Видишь, еще один кредитор пожаловал! Я так считаю, лучше всего быстро и полностью расплатиться с ними со всеми, и на сердце будет гораздо спокойней.

— Верно,— согласился секретарь,— словно камень с плеч свалится.

Вернувшись в канцелярию, они обнаружили, что к компании добавилась девушка из типографии. Получив деньги из рук бухгалтера, все три молодые особы, довольные, удалились. Оставшихся кредиторов, не дожидаясь их прихода,

бухгалтер известил по телефону. Ближе к концу рабочего дня этот вопрос был улажен. Директор, потирая поясницу, облегченно вздохнул:

— Все, закончили.

— Я бы сейчас пропустил чарочку,— мечтательно протянул секретарь.

Бухгалтер в мгновение ока вытащил бутылку «Банкета в доме Кунов», наполнил три рюмки. Оставшиеся от угощения девушек сухофрукты и семечки послужили закуской. Директор пил мало, но уже после двух глотков лицо его раскраснелось, движения сделались неуверенными. Он сказал, что хочет спеть что-нибудь. Секретарь и бухгалтер горячо поддержали эту идею. Директор затянул песню, остальные подхватили.

Бухгалтер сказал:

— За вычетом десяти тысяч, необходимых для постройки беседки, еще остается четыре двести, ни по одной статье расходов — ни на медицину, ни на командировочные — не хватит на год. Оказать материальную помощь сотрудникам — не хватит пополнить дефицитные статьи бюджета. Пополнить статьи — не хватит на матпомощь сотрудникам. Надо решить как-то.

Захмелевший директор ответил, что послушает мнение секретаря. Но секретарь тоже был нетрезв. Махнул рукой и сказал, пусть народ решает! Директор и бухгалтер расхохотались. Секретарь написал на бумажках «жребий», подал директору: тяни! Директор вытянул слово «матпомощь». И бухгалтер пошел по дворам распределять матпомощь.

Юй Минчэн долго отказывался принять свою долю, и только после того, как бухгалтер его твердо заверил, что с деньгами на постройку беседки над стелой все в порядке, и их даже с избытком хватает, Юй Минчэн принял эту матпомощь.

После ужина люди высыпали на задний двор, на свои участки. Получив деньги, все оживились, разговорились, и темы разговоров были приятные. Секретарь Ли сказал:

— Жизнь начинает меняться к лучшему, почему бы не попросить господина Юя погадать Дому культуры?

Юй Минчэн тут же погадал, и у него вышло: «Прижимая к себе цинь, улетит на журавле, положив голову на камень, вернется на луну. Имея небольшое богатство, всё же достигнет идеала, без печали и забот, спокойствие и гармония».

Народ сразу заговорил наперебой, что эти бы слова да Богу в уши: вот бы точно так оно и исполнилось! Потом все отправились поблагодарить директора за матпомощь.

Директор скромно ответил:

— Нечего меня благодарить, благодарите источник этой щедрости — оттиск со стелы ханьской эпохи.

Кто-то завел разговор, что на Новый год нужно будет преподнести директору хороший подарок, а Се Юань тут возьми и ляпни: «А вот если бы не отсутствующий угол, оттиск бы стоил пятьдесят тысяч, вот жалость-то!» Се Юань по натуре была прямолинейна, сказала, что пришло в голову, вовсе не собираясь кого-то подколоть. Кто же знал, что, услышав о стеле, Тун У, которую и так совесть мучила, решит, что это колкость в ее адрес. Надо же, подумала она, такая молодая девушка и так бессердечно злословит.

Словом, Тун У немедленно обиделась и пошла в контрнаступление:

— Жалость? А жизнь вообще устроена несправедливо! Тебе жаль, что эта стела не твоя собственная и не твоего мужа! Жаль, что это Дом культуры, а не правительственная резиденция! Жаль, что ты можешь выбирать мужа только в этом уезде, а не в Америке, например! Жаль, жаль... И больше всего жаль, что это мой сын, а не твой!

Се Юань, оторопев от этого потока слов, тихо сказала:

— Ты несправедлива... несправедлива.

— Я справедлива к людям, а ты — волчица!

— Да почему же я волчица?

— Шестилетний ребенок отколол кусок стелы, а ты его давай клеймить! Ты его ненавидишь! Тебе дай волю, ты бы его голову разбила об этот камень! Разве не волчица?

— Мне всегда нравился твой сын... А вот ты и есть волчица, ты довела учителя Юя до такой опасной болезни!

— Волчица, говоришь? Да, я волчица! — Тун У схватила резиновый шланг и направила его в Се Юань. Вода не успела окатить ее, потому что директор моментально завернул кран.

Тун У обвела всех взглядом. Большинство собравшихся смотрели на нее с возмущением. Она резко повернулась и пошла прочь. Когда проходила мимо Цяна, тот ей тихо сказал: «Успокойся, успокойся, девонька!» Перепалка между Тун У и Се Юань как будто бы на этом закончилась, и никто не ожидал, что на следующий день рано утром Тун У во дворе Дома культуры будет поливать Се Юань последними словами. Дети и взрослые — все проснулись, а те, кто занимаются бегом по утрам, прибежали сюда посмотреть на бесплатный спектакль. Оказывается, Тун У утром обнаружила, что ее вывеска магазина «Золотой петух» испорчена: после иероглифа «петух» приписали еще один, и получилось матерное слово; она побежала к себе домой и увидела, что и там у нее на дверях та же надпись.

Тун У просто рассвирепела, она активно двигала не только руками, но и ногами, используя даже танцевальные па, и ругалась с каждой минутой все грязнее. Ни секретарь Ли, ни директор не смогли ее утихомирить и позвали своих жен. Двоим пожилым женщинам это тоже не удалось: Тун У только еще больше разбушевалась.

Се Юань снилось, что кто-то скандалит. Проснувшись, она поняла, что это не сон и что это шумит Тун У. Та ругалась так грязно, что Се Юань было неловко показаться перед людьми, она зарыла голову в подушку и расплакалась. Потом вспомнила одно древнее изречение: «Благородный муж может убить, но не может оскорбить». Она резко распахнула дверь, выкрикнув:

— Тун У, ты ругаешь себя, а не меня, ты саму себя ругаешь!

— А, так ты вылезла наконец из своего вороньего гнезда! Я тебя спрашиваю, кто мне эту гадость на вывеске подписал, ты? Ты же еще не замужем, откуда тебе такие скабрезности известны? Да уж, хороша! Еще и эту каменную стелу приплела!

Се Юань зарыдала:

— Это тебе правду написали, ты такая и есть, кто тебя не знает?

Тун У завопила, совсем потеряв голову:

— Да я тебя разорву, на клочки порву! На узкие ленточки!

— Себя порви... себя порви на мелкие кусочки...

У Тун У в глазах полыхал огонь, но тут ее руку сзади схватил Чжао Юйго и вывернул с силой. Тун У вынужденно замолкла.

Чжао Юйго сказал:

— Ты все-таки женщина или нет? Это твой рот надо порвать за то, что он такое произносит!

Юй Минчэн заколотил в стену двумя руками в знак согласия.

Все, кто были свидетелями этой сцены, тоже крикнули: «Надо порвать!»

Тун У, столкнувшись с превосходящей силой, нагло попыталась смутить Чжао Юйго:

— А что, Се Юань тебе жена? Или сестра?

— Она мне никто, но если ты еще будешь ругать ее, я тебя вздую как следует — и пощады не жди!

Директор сердито подтвердил:

— Вздуем! Еще раз будешь так ругаться, вздуем. Я подтверждаю. Нужно отвечать за свои поступки. В Доме культуры находишься, а культуры нет вообще. По матери ругаешься — что это такое!

Се Юань плакала за дверью; Тун У, тоже заплакав, пошла вместе с секретарем и директором в канцелярию. Секретарь и директор потратили на беседу с ней целый час, сначала

стыдили, потом успокаивали, что непременно разберутся, кто испортил ее вывески.

Оба руководителя уселись и стали рассуждать: Се Юань этого сделать не могла, Чжао Юйго не мог, Юй Минчэн тем более не мог... Так, одного за другим перебрав соседей Тун У, исключили всех. Затем пришлось исключить и прочих живущих во дворе. Пока они ломали голову, пришли два представителя органов безопасности, которым доложили о произошедшем инциденте, и потребовали скорей разобраться, кто виноват, кто написал этот иероглиф на вывесках. Люди в форме сфотографировали вещественное доказательство учиненного безобразия, опросили всех, директор описал им ситуацию, с ними немного пообщалась Тун У, и они ушли.

После завтрака Тун У увидела Юй Минчэна. Извинилась перед ним, сказала, что из сотрудников Дома культуры Юй Минчэна она больше всех уважает и больше всех ему доверяет, и попросила погадать — кто же ей написал гадость на вывеске?

— Гадание — лишь вид развлечения,— ответил Юй Минчэн.— Оно лишь иногда сбывается, поскольку у любого дела есть две стороны: вероятность и осуществимость. Если б гадание всегда сбывалось — как же тогда наука? В уголовных делах полагаются на доказательства, а не на гадания. Я вот вчера вечером нагадал, что в Доме культуры будет тишь да гладь, а вы обе тут же устроили войну. Можно считать, что мое гадание сбылось? Ты все же больше рассчитывай на органы безопасности.

— Если официально рассматривать это дело, трудно его решить, да и вообще его не решить. Учитель Юй, прошу тебя, погадай на этот раз! Я никому не скажу. Погадай, ведь в прошлом твои гадания нередко сбывались!

Юй Минчэн согласился. Он сказал:

— Это сделал человек, от которого никто такого не ожидает, из-за каких-то тайных интриг в тебя выпустил стрелу. Через девять лет этот человек заболеет, раскается, придет к

тебе попросить прощения, а ты не только извинишь его, но и будешь ему помогать в лечении, вылечишь его болезнь и прославишься на весь уезд.

— Ох, учитель Юй, вам бы романы писать!

— Веришь — хорошо, не веришь — тоже хорошо.

Чжао Юйго и сам не ожидал, что сцена с руганью женщин его так заденет. Се Юань проревела в голос весь день, все, кто пытались ее утешать, словно натыкались на глухую стену, казалось, поток ее слез остановить было невозможно. В десять вечера Чжао Юйго принес ей поесть миску ухи из карасей и глазунью. Он сказал:

— Не ожидал, что ты, Се Юань, такая размазня, ты не похожа на образованного человека, а похожа на деревенскую бабку. Бог дал тебе руки не только для того, чтобы украшения на них носить, а и для того, чтобы ты брала ситуацию в свои руки; бог дал тебе уши не только для того, чтобы ты слушала приятные речи, но и чтобы ты умела выслушать самые разные звуки... Се Юань, ты меня разочаровываешь!

Чжао Юйго уже собирался уходить, как она перестала плакать, встала:

— Спасибо тебе,— она машинально протянула ему руку.— До свиданья.

Когда Чжао Юйго протянул руку в ответ, между ними возникло внезапное притяжение, и они кинулись в объятья друг друга. Нежно поцеловав ее, он тихо спросил: «Что же получается, я пользуюсь твоей слабостью?» Се Юань замотала головой, и тогда новый страстный поцелуй соединил их. Все вышло спонтанно, как они потом говорили — «без малейшей подготовки».

Тун У после «великой битвы» не могла усидеть на месте. Уладив все в магазине, она спала днем, а по ночам залезала на крышу и осматривала серое здание: вдруг хулиган, который испортил ей вывеску, снова решит этим заняться, а она тут как тут, сразу его схватит. Продежурив несколько дней,

она заметила лишь тень, что тайком пробиралась по ночам к Се Юань, пригляделась — да это Чжао Юйго! Она подкралась к окну и начала подслушивать. Она не услышала слов. Здоровый мужчина и здоровая женщина были вместе.

Печаль, зависть промелькнули в ее душе и схлынули. Она подумала было поднять шум, но тут же прогнала эту мысль. В конце концов, ей важнее не выдать свой пост наблюдения злоумышленнику. В тот момент, когда уже собиралась бесшумно вернуться, она случайно заметила навесной замок на двери Се Юань, который снаружи кто-то продел в ушко. Ее вдруг осенило: тот, кто повесил замок, и есть злодей, портивший ее таблички! Это был старый ржавый замок, который, к счастью, уже не мог защелкиваться. Тун У аккуратно его сняла и положила на притолоку над дверью.

Вернувшись к себе, она вспомнила гадание Юй Минчэна. Листая мысленно, как книгу, всех обитателей Дома культуры, они никак не могла решить, кто же повесил замок... Затем подумала, что утро вечера мудренее, и уснула. Ей приснился ужасный сон: что она каким-то образом превратилась в полинявшую одежду, брошенную вдоль дороги. То ее забирал себе кто-то из воришек, то ее сдуло ветром на дерево. Она проснулась, взглянула на ночной небосвод, и слезы жемчугом покатились из ее глаз.

На следующий день она рассказала Чжао Юйго о замке и о гадании Юй Минчэна. Тот пожал ей руку — какая красивая трогательная история, какое мудрое предсказание!

7

В десять часов утра в Дом культуры пришли несколько крестьян. Сначала люди подумали, что они хотят посмотреть на цирковое представление или на выставку, но потом заметили,

что они и взгляда не бросили на палатки на переднем дворе, прошли внутрь. Еще больше показалось удивительным, что несколько молодых людей непонятно зачем несли на плечах раскладушку. И уж совсем было не догадаться, за какой надобностью они всей толпой направились на задний двор. Когда пришедшие поставили раскладушку на землю, все увидели, что на ней лежит седой старик. Старик, указывая пальцем на древний колодец, сказал: «Он и есть, это он и есть».

Один из крестьян, средних лет, закричал, обращаясь к серому зданию:

— Есть хозяева? Кто тут за главного в Доме культуры?

Сотрудники Дома культуры уже начали собираться вокруг них, полагая, что интерес пришедших точно связан с деньгами, хотя никто не мог предположить, как именно.

Директор признался секретарю, что ему как-то не по себе — не то, чтобы чего-то всерьез боялся, но за последние дни произошло уже столько всего разного, что начинаешь верить в возможность чего угодно.

Секретарь стоически посоветовал взять себя в руки, ведь хуже того, что уже случалось, вряд ли будет.

Сопровождавший старика тем временем разошелся, громко заорал:

— Эй, кто главный? У вас в Доме культуры что — начальника нет? Он тридцать тысяч захватил, проел-пропил и смылся?

Директор было вышел, сделал пару шагов и вернулся, велев выйти секретарю Ли. Секретарь послал вместо себя Чжао Юйго. Чжао Юйго, представ перед крикуном, сказал:

— О, староста деревни, приветствую! Добро пожаловать, у вас какие-то дела? Так давайте обсудим!

— Ты мне титулы не раздавай понапрасну, я не староста деревни, я начальник полевой бригады. Как тебя звать? Почему так долго не выходил? Денежки растратил, так и сердечко заболело?

Чжао Юйго рассмеялся:

— Моя фамилия Чжао, я временно исполняю обязанности начальника, и, во-первых, денег не присваивал, во-вторых, не пью и не курю, другими излишествами тоже не балуюсь и на здоровье не жалуюсь! Начальник бригады, если у тебя дело какое к Дому культуры, так прямо говори! У меня все предки были крестьянами, и больше всех я уважаю крестьян, они больше всех устают и больше всех испытывают страданий...

— Раз ты так прикипел к крестьянам,— сказал начальник бригады,— ты должен это понять и дело решить, как следует. Давно уже собирался зайти, да дома — то одно, то другое, всё дела... Ребята, вы там аккуратней, не потопчите посевы,— обратился он к молодежи, сидевшей поодаль.— Не смотрите, что они городские, им посевы тоже дороги!

Несколько десятков молодых крестьян сидели неподалеку от колодца, у стены. Чжао Юйго распорядился, чтобы позвали Юй Минчэна, директора Шэна, секретаря Ли и еще коекого, вскипятили воду для чая и принесли сигареты. Крестьяне стеснялись, атмосфера была несколько напряженная. Чжао Юйго уселся напротив начальника бригады.

— Ты, директор Чжао, еще молод, возможно, не знаешь, что раньше тут был директором один человек по фамилии Сюй. Участок земли, на которой стоит Дом культуры, изначально принадлежал нашей бригаде, в пятьдесят седьмом году образовался Дом культуры, и ему выделили четыре му земли по сорок восемь юаней за один му. Но в эту площадь никогда не включался тот пятачок с колодцем, который занимает восемь ли [1]. Потом вы обнесли свой участок стеной и радостно включили колодец в свою территорию,— начальник обличающе указал рукой.— Взгляните-ка, изначально был прямой угол, а сейчас там явно клин появился косой, не так ли?

---

[1] Ли — мера площади, равная $^1/_{1500}$ га.

— То есть вы хотите сказать, что тот угол, где находится древний колодец, не принадлежит Дому культуры? — спросил Чжао Юйго.

— Именно так, он принадлежит нам! — Начальник бригады обратился к старику на раскладушке: — Дедушка, я правильно говорю?

Старик собрался с силами, махнул рукой в сторону колодца и сказал:

— Это... наше...

Потом он достал из-за пазухи потемневшую бумагу и передал ее начальнику бригады:

— Это купчая на землю...

Чжао Юйго взглянул на купчую, и в голове у него помутилось, по шее покатился пот. В купчей ясно было написано, что участок Дома культуры заканчивается в четырех чи [1] от древнего колодца. На купчей стояли и круглая печать Дома культуры, и личная печать директора Сюя!

Купчую по очереди рассмотрели директор, секретарь, бухгалтер, Юй Минчэн, и все изменились в лице. Бухгалтеру пришло в голову, что надо вызвать представителей органов безопасности. Секретарю Ли идея не понравилась: кому будет хорошо, если дело станет выглядеть совсем грязным? Бухгалтер продолжал настаивать, что нужно вызвать представителей хоть каких-нибудь властей. Ли на это сказал, что можно звать хоть ООН, пользы не будет. Главное сейчас — понять, сколько денег они хотят.

— Все ли сотрудники Дома культуры рассмотрели купчую? — спросил начальник бригады.

— Объясните как следует, чего вы хотите.

— В газете написано, что вы продали оттиск со стелы за триста тысяч юаней, по телевизору сказали — за тридцать тысяч, мы навели справки: действительно, тридцать тысяч.

[1] Чи — мера длины, равная 32 см.

Колодец принадлежит нам, стела вынута из колодца, стало быть, эти тридцать тысяч не могут быть целиком вашими. Мы подумали и нашли два варианта, выбирайте. Первый вариант: каждый раз, как вы продаете оттиск со стелы, вы платите нам половину суммы; второй вариант: мы вам продаем тот небольшой участок, на котором находится колодец.

— Это дело давнишнее, хотя мы и виноваты, но ведь столько воды утекло! Кто мог знать? Опять же, все найденное при раскопках принадлежит государству,— Чжао Юйго предпринял слабую попытку отбиться.

— Так что с того, что давнишнее? — Крестьянин чувствовал себя уверенно.— Неважно, несколько десятков лет назад это было, несколько сотен или несколько тысяч — все равно, вы же понимаете, факт остается фактом. Пусть даже раскопка принадлежит государству, это ничего не меняет. Думаю, второй вариант вам больше подойдет: один раз заплатите — и живите спокойно.

— Какую цену вы просите за этот угол в восемь ли?

— Сейчас в уезде каждое му земли стоит сто пятьдесят тысяч, восемь ли — это будет двенадцать тысяч. Мы знаем, что Дом культуры беден, много не попросим, но ведь стела и колодец бесценны.

— Тысячу двести примерно Дом культуры мог бы заплатить, но двенадцать тысяч — хоть убейте, нет. Мы продали оттиск за тридцать тысяч, заплатили долги водоканалу и телефонистам, на это куча денег ушла... Вот что, мы проведем голосование, покупать у вас участок или не покупать,— при этих словах Чжао Юйго вопросительно повернулся к директору и секретарю.

Директор своим видом напоминал участника похоронной процессии.

Чжао Юйго сказал начальнику бригады:

— Мы тут посовещались, за две тысячи можем купить, поднимете цену выше — значит, не купим. Не согласны — тогда я пошел!

Начальник бригады расхохотался, затем заявил:

— Ты нас не обманешь. Этот участок вы незаконно захватили и пользовались им сорок лет, сажали здесь посевы, заработали на нем денег — по-хорошему, еще и проценты нам должны. А вы опять обманывать! Какие же вы культурные люди после этого? Начиная с этого момента, мы объявляем сухую голодовку! Все, кроме старика!

Секретарь Ли, видя, что ситуация начинает принимать совсем нехороший оборот, с согласия директора позвонил начальнику орготдела Гао. Тот, едва услышав, сурово и гневно их отчитал, обвинил в безответственности и в том, что их интересуют только деньги, деньги и деньги! И веско прибавил, что ответственность за произошедшее целиком на их совести. Секретарь Ли спросил, а что им теперь конкретно делать? «Вам еще разжевать надо? Выполнить условия крестьян, конечно!» — ответил Гао. «Да, но где же взять эти деньги?» — изумился Ли. Гао сказал, что подумает, но в любом случае, надо выполнить их требования и сделать так, чтобы они ушли.

Секретарь и директор, вздохнув, велели бухгалтеру готовить расчеты и документы на покупку этого участка, и чем быстрее, тем лучше.

Бухгалтер развел руками: остались только те десять тысяч, что отложены на постройку беседки, но еще две тысячи откуда взять? Секретарь тут припомнил про долг Тун У, и они вдвоем отправились к ней.

Директор написал заявление об увольнении по собственному желанию и на велосипеде поехал в управление культуры.

8

Когда Юй Минчэн пришел на следующий день на работу, секретарь Ли разговаривал по телефону с Гао. Тот сообщил, что руководство внимательно следит за историей с этой стелой, имеет намерение коллекционировать оттиски и просит Дом

культуры побыстрее сделать два оттиска, а финансы от их продажи распределить сообразно обстоятельствам.

Секретарь Ли пошел на задний двор и в сердцах сказал этой стеле:

— Что ж ты за несчастливый камень! Перевернул всю округу вверх дном, гуй бы тебя побрал!

В этой трудной ситуации секретарь вспомнил о директоре и отправился к нему в больницу...

После заявления об увольнении директора Шэна все: и управление по культуре, и правительство уезда, и сотрудники — рвались поговорить с ним, и нервы у него были натянуты, как струна. Секретарь Ли пробовал его вразумить: если партия тебя увольняет, сказал он, уйдешь, хочешь или не хочешь, а если партия тебя не увольняет, то и просить об увольнении нечего.

Какое-то время спустя у директора разболелась голова, пол-лица охватил нервный тик, в результате чего Шэна госпитализировали и поставили официальный диагноз — «временный дефицит кровоснабжения мозга».

Попав в больницу, директор сидел все время на кровати, читал книги и выглядел так хорошо, что секретарь Ли засомневался, на самом ли деле директор болен, или только делает вид. Он пребывал в хорошем расположении духа, рассказал несколько анекдотов, и секретарь не решился испортить ему настроение. Выслушав еще один анекдот, Ли откланялся. Но вопрос, делать или нет оттиски, все-таки нужно было с кем-то решать, и секретарь решил пойти к Юй Минчэну. Но уже на пороге Дома культуры передумал, вспомнив о его слабом сердце. В конце концов Ли придумал, как решить этот вопрос вместе с фотографом Цяном.

Почтенный Цян как раз болтал с Тун У возле входа.

Узнав, в чем дело, он сразу сказал:

— Это я беру на себя!

У Цяна сказано — сделано. Делали один оттиск в день и таким образом справились за два дня.

Оттиск был передан в руки Гао. Когда же Гао хотел отдать деньги, Цян, по совету Ли, предложил вопрос с получением оплаты отложить на потом.

Секретарь Ли взял в руки регистрационный бланк с очередью желающих иметь оттиски и пересчитал: таковых насчитывалось уже тридцать шесть.

На другой день секретарь Ли получил из Шанхая срочную телеграмму, что его мать тяжело больна. Мать секретаря жила вместе с работавшим в Шанхае его младшим братом, об этом все знали. Секретарь показал телеграмму и попросил отпуск, после чего сразу же отбыл.

Дом культуры остался без начальства. Старине Цяну, однако, начальства прибавилось. Ему приказывали что-то из уезда, из мэрии, управления по культуре, чуть не каждый чиновник или представитель от имени чиновника считал своим долгом дать ему указание. Цян делал в день по оттиску, бухгалтер вел строгий учет: каждому, кто уносил оттиск, велено было писать расписку.

Чжао Юйго сказал:

— Почтенный Цян, те, кому нужны оттиски,— подстрекатели, а ты получаешься настоящий злоумышленник! Не пора ли тебе бросить этот нож палача?

— Кто я такой, чтобы возражать? Я — малая травинка, они — ураган. Попробуй сам что-нибудь придумать!

После обеда Чжао Юйго пришел к Се Юань. Вытащил две огромных белых безрукавки, на одной из них красной тушью написал впереди «Спасите», а на спине «культурную ценность», на другой — наоборот: на спине «спасите», а впереди — «культурную ценность». Се Юань не могла взять в толк, зачем это. Чжао Юйго пояснил:

— Мы вдвоем наденем эти безрукавки, сделаем несколько кругов по улице, а потом пойдем в уездный комитет подавать петицию.

— Ты с ума сошел?! — воскликнула Се Юань.

— Эти безрукавки — помощь от Тун У, даже она проявила сознательность.

— Ты что, веришь, что так можно добиться успеха?

— Я не обсуждаю, добьемся мы успеха или нет, мне просто надо совершить этот поступок — этого требует от меня моя позиция культурного человека.

— А не ты ли раньше говорил, что главное — самосовершенствование? И забота о себе?

— Да, это так! Видишь ли, если бы у меня вообще никакой позиции не было, на моей совести возникла бы опухоль. Так что — «главное — самосовершенствование» и «помочь в равной степени всей Поднебесной» — эти два устремления вовсе не противоречат друг другу.

— Мне тебя не переспорить, но я все равно не пойду.

— Се Юань, наши отношения достигли такой стадии, когда «нам не жить друг без друга», но ведь любовь — это не только лирические стихи о полях и садах. Общие ценности — вот что самое важное. Ну что ж, остается мне одному идти и взять лишь одну безрукавку! — Он запечатлел на ее лице поцелуй, надел безрукавку и спустился вниз.

Для Се Юань его слова были как ушат холодной воды. Она крикнула ему, чтобы подождал, быстро надела вторую безрукавку и поторопилась следом.

Они не успели пройти и десяти шагов, как привлекли к себе всеобщее внимание.

Люди, которые пришли посмотреть на представления и на выставку, окружили их, читали вслух надписи, и получалось, что с разных сторон неслись выкрики — то «культурную ценность», то «спасите».

Получилось нечто вроде шоу. Се Юань показалось, что они с Чжао Юйго похожи на парочку «жених и невеста». Один мальчишка, бывший свидетелем ее стычки с Тун У, начал вдруг ее передразнивать: «Себя порви... себя порви на мелкие кусочки...» Се Юань не смогла этого вынести, растолкала собравшуюся толпу и убежала домой.

Чжао Юйго продолжил свою акцию. Он спокойно взирал на всех с бесстрастностью древней статуи.

Собираясь продолжить дело на улице, в воротах он столкнулся с Юй Дачуанем, который как раз нес отцу одежду. Тот сразу понял, в чем дело, и почти насильно увел Чжао Юйго домой. Только там он дал выход эмоциям:

— Какого... ты это сделал?! Толпу развлекаешь?

Се Юань разрывала безрукавку, когда Чжао Юйго зашел. Она рвала с яростью, приговаривая: «Порвать, порвать, порвать!»

— Кого порвать? — спросил Чжао Юйго.

— Всех порвать, всех!

— Я понял, это также ко мне относится...

Она заплакала, уткнувшись головой ему в грудь. Некоторое время ушло на разные нежности, потом Чжао Юйго снова принял деловитый вид:

— Переоденься! Мы подаем петицию. В соответствующие органы и министерства.

Юй Дачуань никак не мог успокоиться и, придя домой, обо всем увиденном и услышанном рассказал отцу.

Юй Минчэн был словно во сне, молчал и никак не реагировал. Вдруг среди ночи он разбудил сына, на лице уже не было прежнего одеревеневшего и потерянного выражения, взор был ясным и пронзительным, таким, что Юй Дачуань испугался: решил поначалу, что у отца временное просветление, какое обыкновенно бывает перед смертью...

Утром Дом культуры поразила громом новость: стела исчезла!

Во второй половине дня стало известно, что Юй Минчэна и его сына допрашивают в органах. Старик утверждал, что он сбросил стелу ханьской эпохи в колодец, чтобы спасти ее, а Юй Дачуань твердил противоположное: что это он сбросил стелу обратно в колодец, что ему давно уже надоела эта стела, и он мечтал, чтобы она исчезла хоть в ад, а отец совершенно в

этом не замешан. Сами посудите, говорил он, разве старик смог бы поднять такую тяжесть?

Когда Чжао Юйго узнал об этом, он написал совсем другую петицию: чтобы руководство района и компетентные органы не судили строго Юй Минчэна и его сына, всесторонне изучили вопрос и проявили снисходительность. Вслед за Чжао Юйго петицию подписали Се Юань, бухгалтер Чжан, почтенный Цян... Все сотрудники Дома культуры и их домочадцы, включая детей школьного возраста, приложили личные печатки. За последней подписью Чжао Юйго пошел в больницу.

Подписав бумагу, директор сказал: «Юй Минчэн победил...»

Чжао Юйго вместе с Цяном и бухгалтером с петицией в руках пришли в управление по культуре: сначала к главе управления, а потом к начальнику орготдела Гао.

Гао был вне себя:

— Этот ваш Юй впал в маразм от старости!

Однако несколько успокоившись, он рассказал, что только что совещался по телефону с руководством уезда, а также связался с органами безопасности, и в итоге имеются два мнения: первое — «кто привязал бубенцы на шею тигра, тому их и отвязывать» — означало предложение заставить Юй Минчэна своими руками вытащить стелу обратно; второе же, возникшее с подачи коллектива Дома культуры, было менее эмоциональным, а именно — если стела не пострадала, расходы по ее подъему должны быть возложены на отца и сына, если же ей нанесен ущерб, ничего не поделаешь, надо привлекать дополнительные источники финансирования. Во всяком случае, все единодушно согласились, что изготовление оттисков со стелы надо прекратить.

В четыре часа пополудни над колодцем установили специальную конструкцию, и Юй Дачуань, выпив две стопки, спустился в колодец. Как и ожидалось, кроме того одного угла, который был давно отломан, никаких других повреждений на стеле не было.

И многострадальный памятник культуры вновь лег в углу двора, укутанный одеялами и соломой.

Юй Минчэн сокрушенно качал головой:

— Самое лучшее для нее было бы как можно дольше скрываться в колодце, я бы лучше за это понес наказание! — Он обернулся к публике, глазеющей на действо: — Вот скажите по правде, люди, есть ли место для нее лучше, чем в колодце?!

9

В тот день, когда секретарь Ли вернулся из Шанхая, в уезд приехала комиссия из провинциального центра. В комиссию поступил сигнал, что начальник орготдела Гао вынес восемь драгоценных оттисков и частным образом продал их коммерсантам, а все деньги присвоил себе.

Гао как раз был в отлучке: где-то в другом месте проводил собрание. Секретарь Ли, услышав обвинения, решил, что дело крайне важное, запер двери и окна и позвонил Гао по межгороду.

Гао холодно рассмеялся и сказал:

— Зря ты позвонил. Мне-то нечего бояться! Эта комиссия по твою душу. Не стоит впутывать орготдел и меня!

Положив трубку, Ли подумал, что Гао, и правда, несокрушим, как крепость. Некоторое время проведя в размышлениях, секретарь впал в серьезное беспокойство. Выходило, что выкручиваться придется именно ему. В голову пришла идея. Он вскочил и помчался в магазин к Тун У:

— Пожалуйста, помоги мне, одолжи тысячу юаней.

— В прошлый раз крестьяне пришли выкупать угол с колодцем — вы с бухгалтером к кому прибежали? Ко мне! Две тысячи — как с куста. Сейчас — опять ко мне, еще тысячу хочешь!

— Нет, ты не так поняла, я частным образом занимаю, срочно надо.

— А что случилось? Не скажешь правду, не дам денег.

Он взглянул на часы и испугался: показалось, что времени нет совсем, что буквально вот-вот по его душу нагрянет страшная комиссия. Об отношениях Гао и Тун У он был в курсе, но что-либо выдумать уже не успевал и потому честно сказал, что хочет занять тысячу юаней для Гао.

— Это Гао тебе сказал ко мне прийти?

— Нет, нет! — замахал руками секретарь.

Она засмеялась, как будто несколько искусственно:

— Я думаю, Гао не может быть таким забывчивым. Это я закрутилась в магазине так, что совсем из головы вылетело... Неделю назад его жена пришла ко мне покупать наряды, заодно занесла деньги, и как раз ровно тысячу. Просила передать в Дом культуры. Сколько могут стоить два оттиска со стелы? Наверно, это те самые деньги и есть? А я напрочь забыла. Ты бы сегодня не сказал, я бы и не вспомнила.

Ли деньги взял, а про себя подумал, какая же преданная и умная любовница у Гао, повезло ему!

Тысячу юаней секретарь отдал бухгалтеру, написал объяснение. Бухгалтер оформил их как переданные «на временное хранение» сроком на одну неделю. После этого Ли вновь позвонил Гао:

— Всё в порядке. Это Тун У виновата, твоя жена неделю назад к ней заходила, оставила деньги за продажу оттисков, тысячу юаней, а она только сегодня вспомнила и отдала...

Гао не сказал ни слова, лишь хмыкнул.

Приехав, он объяснил комиссии, что деньги за оттиски предполагались исключительно на нужды народа, а дома у него всего два оттиска — лично для себя, на память; но если высокая комиссия считает, что он должен их вернуть, разумеется, они будут возвращены. Он сходил домой и принес два оттиска, и комиссия благожелательно посчитала начальную

формулировку «продал восемь оттисков коммерсантам, а деньги присвоил себе» сильным преувеличением.

Неделю спустя уездное финансовое управление известило, что первый взнос на сооружение беседки — три тысячи юаней — уже перечислен, второй, в размере семи тысяч, перечислят к концу месяца. В Доме культуры царила радость. Кто говорил, что вопрос решился из-за поступка Юй Минчэна, кто — что из-за директорского заявления об уходе, а кто-то считал, что из-за акции и петиций Чжао Юйго... В итоге все согласились, что это было достигнуто общими усилиями.

Вскоре объявили собрание по поводу сооружения беседки. Выдвигались разные мнения, как это следует сделать. Всем понравилось предложение Юй Минчэна поставить стелу в метре от колодца, поскольку она исторически связана с ним. Директор Шэн выдвинул идею установить еще одну, новую стелу, с памятной надписью об истории сооружения беседки, и о старой стеле, и о древнем колодце, чтобы история эта передавалась из поколения в поколение. Гао предложил новую стелу поставить в пяти метрах перед беседкой. Что касается текста, который должен быть на ней, большинство согласились, что его лучше всех сумеет написать Юй Минчэн, а каллиграфическое исполнение, по совету Гао, решено было доверить не просто известному каллиграфу, но еще и одному из руководителей уезда — секретарю уездного комитета Гао.

Десять дней спустя старая и новая стелы были установлены, и люди начали приходить полюбоваться на них каждый день. Место стало уездной достопримечательностью. Больше всех разволновался Юй Минчэн. Он даже ел возле этой стелы, не отходя от нее. Глаза его горели, он словно помолодел на десять лет. Чжао Юйго пошутил, что луна та же, звезды те же, а Юй Минчэна подменили.

Поступил второй платеж, пора было приступать к сооружению беседки. Купили материалы: черепицу, древесину, бетон, краски, всё высшего качества. Через полмесяца беседка должна была быть готова.

Из уездного комитета пришло письмо, что Дому культуры выделили две путевки на юг, для поправки здоровья сотрудников. Решено было, что у Юй Минчэна и директора самые серьезные проблемы, вот пусть они и едут. Юй Минчэн поначалу отказывался, боялся, что здоровье не выдержит поездки, да и процесс сооружения беседки хотел проконтролировать. Но перед врачами капитулировал. Он погадал, результаты были благоприятными: «Выйдешь за ворота — на каждом шагу душистые травы». И со спокойной душой вместе с директором отправился на юг.

В эту пору часто дул сильный ветер. В первый день сооружения беседки разыгралась настоящая буря, люди бросились по домам, закрывали окна и двери. Но на процесс строительства это не повлияло, рабочие остались трудиться несмотря на непогоду и на отсутствие общественного присмотра.

Когда на седьмой день строительства секретарь Ли приехал взглянуть на беседку, ему сделалось нехорошо.

Разноцветная яркая беседка гордо выросла — но где! Ее возвели не над древним колодцем и старой стелой, а над тем новым камнем, текст на котором придумывал Юй Минчэн. Секретарь в гневе обрушился на рабочих, но те сохраняли безмятежное спокойствие: мол, построено все согласно чертежам и утвержденной смете, качество высокое, сроки сжатые, а в чертежах ничего не было сказано, над каким камнем ее ставить,— и тот камень, и этот камень, какая разница?

10

В Доме культуры словно наступил траур. Секретарь Ли распорядился запереть видеозал, выставку древних останков, цирк — всякая деятельность была прекращена. Во дворе стояли тишина и безмолвие, которые редко встретишь и на кладбище.

Когда Юй Минчэн и директор Шэн вернулись с юга, где они поправляли здоровье, то, не заходя домой, в радостном предвкушении бросились на задний двор. После первого взгляда обоим подурнело. Юй Минчэн беззвучно схватился за грудь, осел на землю, а потом лег навзничь. У директора Шэна закружилась голова, и он сполз по стене.

К счастью, у сотрудников Дома культуры уже был опыт действий в таких критических ситуациях, и они каждому дали лекарство. Через непродолжительное время оба пришли в себя. Однако после этого директор Шэн и Юй Минчэн были словно пьяные. Все понимали, что им сейчас стоило бы отдохнуть в покое, но никто не пытался удержать их, когда они захотели непременно еще раз осмотреть стелу и оценить величину несчастья.

Директор Шэн грустно сказал:

— Уважаемый Юй, помнишь, перед тем, как мы оба уехали на юг, ты гадал? Какие были утешительные результаты! Ты сказал, что, когда мы выйдем за ворота, повсюду будут ароматные травы, и точно, так и было. Но еще ты сказал, что дома у нас всё будет в высшей степени благополучно, вот тут-то как раз наоборот вышло!

Юй Минчэн с остервенением бросил:

— Вонючее гадание, чтоб его... Это было последнее гадание в моей жизни!

В течение нескольких дней начальник отдела Гао, руководители отдела пропаганды и управления культуры приезжали в Дом культуры разряжать обстановку.

Гао провел небольшое совещание, на которое, помимо прочих, был приглашен технический специалист строительной компании, выполнявшей работы. Секретарь Ли поначалу с ненавистью глядел на него и требовал примерно наказать. Но председательствовавший Гао предотвратил скандал, мягко сказав, что не время искать виноватых, когда нужно собрать воедино все силы, которые могли бы сообща справиться с

проблемой. А уж потом, дескать, разберемся и накажем того, кто этого заслужил.

Когда начальник отдела Гао закончил свою маленькую речь, начали обсуждать, что же все-таки предпринять.

Кто-то предложил: такую простую и легкую беседку можно попробовать просто перенести. Между членами строительного комитета уездного правительства и представителями строительной компании разгорелась жаркая дискуссия, в результате которой с огорчением признали, что нет, целиком конструкция переносу не поддается.

Тогда еще кто-то предложил беседку разобрать на исходные материалы, а из них всё построить заново. На что товарищи из строительного комитета и строительной компании заявили, что тогда расходы получатся по двум статьям — на демонтаж и на постройку. Да и большая часть таких бывших в употреблении строительных материалов использованию не подлежит, а значит, вся затея обойдется дороже, чем строительство с нуля.

Третье предложение звучало так: «Раз кумирня не идет к монаху, то монах идет в кумирню»,— давайте, мол, перенесем новую и старую стелы на новое место, чтоб старая оказалась там, где нужно! Юй Минчэн подумал немного и сказал, что нельзя. Стела и колодец, что называется, небом соединены навечно; предположим, что мы передвинем старую стелу, новую тогда надо будет продвинуть так далеко вперед, что никакой речи уже не будет о ритме и гармонии всей композиции... то есть, попросту говоря, выглядеть всё это будет глупо. Больше никто уже не выдвигал никаких предложений, присутствующими овладело уныние, и совещание потихоньку закончилось само собой.

Директор Шэн, вздыхая, подвел неутешительный итог, что проблема похожа на раковую опухоль: на глазах растет и умножается!

Когда все расходились, начальник отдела Гао усмехнулся, что самый лучший план — сначала раздобыть фонды, а потом

нормальным образом, как полагается, построить красивую и прочную беседку над стелой.

Директор Шэн согласился, что этот вариант, конечно, лучше всех. Да только, к сожалению, говорить «раздобудем фонды» — то же самое, что класть начинку в нарисованный блин или пытаться утолить жажду, любуясь на спелую сливу, которую не можешь достать. Гао, прощаясь, хохотнул: ничего, прорвемся! Разве есть что-нибудь такое, с чем мы не могли бы справиться!

Через пять дней после этого секретарь центрального уездного партийного комитета Го, возвращаясь из командировки по районам, пострадавшим от стихийных бедствий, проезжал через город и выкроил несколько минут, чтобы полюбоваться на «ту самую» стелу, выдающийся образчик искусства эпохи Хань.

Секретарь Го долго смотрел на стелу, на колодец и вздыхал. Потрогал сколотый угол, приговаривая: «Какая жалость, еще совсем немного ниже — и как раз бы попали Нюйве по голове!» Секретарь Го подошел посмотреть и на надпись, сделанную им самим, на новой стеле. Взглянул и скромно сказал: «Какое убожество». В глубине души, однако, отметил, что написано эффектно. В самый момент, когда он с упоением предавался тайному довольству собой, ему вдруг всю радость испортила мысль о злополучной беседке. Секретарь внезапно взорвался и устроил жуткий разнос всем сопровождающим. «У вас что, культуры нет? Вы не понимаете, что такое культура? — кричал он.— Вы... это... эти... вы всё испортили! Немедленно разобраться, виновных наказать!»

Через девять дней, как раз на пятое число восьмого месяца по лунному календарю, уездное управление культуры выпустило «Извещение о снятии с занимаемой должности товарища Ли... и других товарищей», в котором значилось: «В ходе изучения обстоятельств дела орготдел уездного комитета партии и уездное кадровое управление постановили

снять с товарища Ли... обязанности секретаря партийной ячейки Дома культуры; о дальнейших распоряжениях орготдела в отношении товарища Ли будет сообщено в течение пяти дней; удовлетворить просьбу товарища Шэна... об освобождении его от должности директора Дома культуры, сохраняя за ним право занятия административных должностей; назначить товарищей Цяна... и Чжао Юйго заместителями директора Дома культуры; относительно вакантных должностей секретаря партийной ячейки и директора Дома культуры будут приняты дополнительные решения».

Такие важные кадровые изменения в какой-нибудь другой организации наверняка бы вызвали волнения и кривотолки, которые не утихли бы и за три месяца. В Доме культуры не так. Люди чувствовали себя, как в трудном дальнем плавании: кто-то вышестоящий, кто-то нижестоящий — неважно, все — соратники, члены одного экипажа.

Небо бывает пасмурным и ясным, луна бывает полной и ущербной — а все-таки небо остается небом, луна остается луной. Также и Дом культуры всегда будет Домом культуры и может быть только Домом культуры.

Директор Шэн имел бодрый и цветущий вид, он говорил, что его многолетние чаяния воплотились в жизнь, что теперь, когда он сможет спокойно жить, как все нормальные люди, в его жизни произойдет качественный скачок.

Секретарь Ли говорил, что он уже попал в номенклатурную обойму. Что когда-то он не планировал засиживаться на одной должности, но теперь, когда его отзывают, уже и не хочет уходить: полюбил Дом культуры и чувствует глубокую привязанность к его сотрудникам. Он говорил, что, в конце концов, культура — это самая важная отрасль.

На это директор Шэн отвечал, что всё равно придется подчиниться распределению, и призывал вспомнить смысл пословицы «Старик на заставе потерял боевого коня, а оказалось, это к счастью». То есть коня потерял — значит в

опасный боевой поход за Великую стену на диких кочевников не пойдет, а потому останется в живых!

Уважаемый Цян, только что назначенный заместителем директора, говорил: «Я жду разъяснений от руководства. Секретарь Ли и директор Шэн не могут уйти, а я не могу занять этот пост, ибо талантами обделен».

Другой свеженазначенный заместитель директора — Чжао Юйго — от души смеялся: «Хоть в меня из ружья стреляйте, а я не могу выполнять обязанности заместителя! Ни к чьему мнению, кроме своего, не умею прислушиваться — ну какой из меня заместитель?! Только чужое место занимаю».

Но постепенно общее волнение успокоилось. Вдруг как-то внезапно вспомнили: сегодня же Праздник середины осени! Вечером все собрались вместе, чтобы любоваться полнолунием. Через год луна здесь снова будет, а кто-то из присутствующих — уже нет. Всех охватило чувство расставания.

Диск луны медленно поднимался. Сотрудникам Дома культуры казалось, что никогда еще они не видели такой трогающей за душу луны. Подобно сверкающему зеркалу, она повисла в поднебесье, и старые тутовые деревья под ее лучами застыли в торжественном безмолвии. Словно танцующая женщина, вдоволь испытавшая печалей и радостей, она своим чистым светом пробуждала в людях светлые чувства.

Коллектив Дома культуры присутствовал не только в полном составе, но даже с семьями. Дети не мешали взрослым наесться и напиться вволю. В беседке со стелой расположились несколько пожилых женщин, Юй Минчэн сидел неподалеку от них, прислонившись к стеле, сам похожий на камень. Остальные устроились прямо на земле кружком посреди только что замощенного участка двора. Все принесли из дома лучшие «лунные пряники», сигареты, спиртное, расставили угощение. Замечательная картина: старые и новые друзья вместе! Дом культуры казался им лучшим местом на свете, «персиковым источником», как называют мифический рай на Земле.

Когда спиртное было уже наполовину выпито, приехал начальник отдела Гао и на правах старого сослуживца присоединился к собранию, что весьма прибавило энтузиазма. Вел он себя в высшей степени скромно и демократично, каждый подносил ему стопочку, и он выпил с каждым. Так подряд вышло более десяти стопок. Клюя носом и отчаянно борясь со сном, он стал объяснять, что вообще-то пришел попрощаться. Сегодня в пять часов пополудни он получил предписание завтра утром явиться с докладом в уездный город.

— Благодарю всех за помощь,— прочувствованно бормотал он.— Надеюсь, мы не забудем друг друга, верно? Не сомневайтесь, что всегда можете на меня рассчитывать! А я возвращаюсь на поприще культуры, мое новое назначение — заместитель начальника управления культуры уездного города...

Слова Гао вернули всех на грешную землю — как говорится, «бессмертные небожители рухнули в пыль». Все понимали, что это назначение на самом деле является понижением в должности. После минутной тишины ему стали наперебой желать счастья, за которое еще раз выпили. Тема разговоров сменилась, стали говорить о жизни, о судьбе, о делах... дошли до культуры. Сошлись на том, что человеку культуры всегда трудно, в любое время. Ценность человека культуры именно через преодоление трудностей и проявляется. Получается, удаляясь от трудностей, он перестает быть человеком культуры!

Молчавший все время Юй Минчэн вдруг сказал, что если бы можно было начать всё с начала, он бы выбрал эту же профессию.

— Будь у меня возможность хоть девять раз умереть и родиться, а своего решения не изменил бы, клянусь!

Слова Юй Минчэна произвели глубокое впечатление на присутствующих. Первым поднялся Чжао Юйго и поклялся сохранить эти слова в сердце. Потом директор Шэн, Се Юнь, Тун У — все говорили хорошо и искренне, героический дух

витал над ними. Наконец, во всеобщем воодушевлении начали петь и танцевать, пошел настоящий праздник.

Сначала попросили спеть Се Юнь, потом все вместе душевно затянули песню про расставание. Потом попросили Тун У станцевать. Тун У сбегала домой переодеться и вернулась к собравшимся в образе белой лебеди. Се Юнь тоже сбегала домой за скрипкой и стала аккомпанировать Тун У.

Под изысканные и трогательные звуки плыла прекрасная раненая белая лебедь, и было понятно, что она на краю гибели. Наверное, это полная луна в глубоком черном небе придала ей храбрости. Она непоколебимо стояла на пуантах, устремляясь в небесные просторы. Однако наконец силы оставили ее, она сломленно опустилась на землю и закрыла глаза — музыка и танец слились воедино. Белая лебедь своей смертью исполнила вечный гимн жизни... Зрители до слез прониклись настроением, у Тун У, наверно, никогда не было более благодарной публики. На последних тактах, когда Тун У изображала смерть лебедя, у нее закружилась голова, она даже ударилась о землю. Се Юнь подбежала и поддержала ее. Тун У обняла Се Юнь и заплакала.

Директор Шэн принес магнитофон и поставил популярную музыку. Несколько женщин начали танцевать. Начальник отдела Гао подошел к Тун У и протянул ей руку, приглашая на танец. Тун У слегка заколебалась, но тоже подала ему руку.

Танцы длились уже более полутора часов, и только тогда кто-то заметил, что Юй Минчэн сидит в одиночестве, прислонившись к стеле, сам похожий на изваяние. Секретарь Ли окликнул его, приглашая поучиться танцевать, Се Юнь его тоже позвала. Чжао Юйго заподозрил неладное, подошел посмотреть и внезапно зарыдал в голос, подняв лицо к небу,— учитель Юй умер...

成长如蜕

Е Ми

МУЧИТЕЛЬНОЕ ВЗРОСЛЕНИЕ

Прежде чем поведать историю моего младшего брата, расскажу о моем отце.

Мой отец был успешным промышленником, он владел двумя заводами и четырьмя коммерческими предприятиями с оборотом около ста миллионов юаней. Как теперь говорят, он достиг первоначального накопления капитала.

В 1988-м, в десятом году политики «реформ и открытости», мой отец в возрасте сорока восьми лет уволился из средней школы. Почти два года он проработал там привратником, несмотря на то, что у него было высшее образование.

Отец появился на свет в городе Уи провинции Цзянсу. Когда он родился, семейное предприятие, основанное дедом в Шанхае, находилось в упадке. Но все же отец успел насладиться жизнью маленького барина. По его рассказам, до двух лет его буквально носили на руках. Поэтому он до сих пор не любил ходить пешком. Отец не утруждал себя даже в самые тяжелые времена, когда наша семья теснилась в двенадцатиметровой комнатушке. По ночам отец ходил на ночной гор-

шок, и громкий звук льющейся струи часто тревожил наши сны, а ведь туалет находился всего в ста метрах от комнаты.

Работая привратником, он заставлял всех, даже директора школы, слезать с велосипедов. Учителя и школьники прозвали его «стариком-привратником». Никто из них и не подозревал, что в жилах этого привратника течет кровь предпринимателя. Те дни были самыми счастливыми в жизни отца. Представьте себе, мой отец ничего не делал, дни казались ему длинными и монотонными. Безмятежно потягиваясь, он наслаждался солнечным светом и размышлял о жизни. Когда отец стал миллионером, он навсегда утратил эту возможность. Он больше не мог позволить себе наблюдать за тем, как солнце колдует на земле, да и другим не позволял бездействовать. Мой младший брат учился на втором курсе и с большим удовольствием предавался праздности. Подобное отношение сильно обескураживало и огорчало отца, тем более в такие тяжелые времена. Пытаясь образумить моего брата, отец часто говорил ему: «Для того, чтобы принять мой бизнес, ты должен изменить свой образ жизни».

Сам отец резко изменил свой образ жизни в тот день, когда вручил директору школы заявление об уходе. Все вокруг поразились: это был первый случай увольнения по собственному желанию. Кто-то злорадствовал, считая, что отец непременно пропадет, кто-то тревожился за него. Но все изумлялись самому факту увольнения, гадая, что же могло сподвигнуть отца на такое. В ответ на расспросы мать, работавшая бухгалтером на заводе при школе, лишь виновато улыбалась. И люди жалели мою бедную мать.

Директор школы просто остолбенел, прочитав заявление отца об уходе. Он никак не мог взять в толк: как же такое возможно, почему это стряслось в его школе? Ему стало не по себе, будто он предчувствовал беду. А вдруг это скажется на его репутации и лишит директорского места? Он сначала мягко уговаривал отца одуматься, затем стал угрожать, но

все было бесполезно. Пришлось подписать заявление. А спустя полгода уход с работы по собственному желанию уже никого не удивлял.

Так мой отец вошел в первое поколение предпринимателей эпохи экономических реформ. Эти люди стали богатыми за одну ночь, и их образ жизни будоражил умы.

Соседи гадали, как скажется на семье увольнение отца. Года три наша семья жила по-прежнему бедно, но в один прекрасный день мы проснулись состоятельными людьми; в нашем доме появились очень дорогие вещи. После этого мать последовала примеру отца и ушла с работы.

Надо сказать, что сначала, когда мы разбогатели, люди относились к нам дружелюбно. Во-первых, пример моего отца давал им надежду и новую мечту, во-вторых, их изумляло, что его дело достигло такого размаха. Соседей волновало все, что происходило в нашей семье, они с благосклонностью смотрели, как мы стремимся к долгожданной мечте. После того, как мать уволилась, люди получали новости про нас от учителя Чжуна. Семья Чжунов жила с нами в одном дворе, и из его ироничных сообщений соседи узнавали о самых последних экономических переменах в нашей семье: мой отец строил еще один завод, каждый день в нашем мусорном ящике лежал панцирь только что съеденного свежего краба, а на запястье у матери висел золотой браслет весом как минимум в три ляна [1].

Отношение к нашей семье изменилось. Мать часто слышала, как соседи шушукались за ее спиной: «Носит такие тяжелые украшения! Точно ждет беды себе на голову!», или: «Будь я учителем Чжуном, тотчас бы переехал». Чего только ни говорили! Во времена политики «реформ и открытости» большинству, в отличие от моего отца, не удалось достичь финансового благополучия. Через несколько лет все надежды иссякли,

[1] Лян — мера веса, равная 37,3 г.

мечты рассыпались прахом, оставив людям тревогу и уныние. Очевидная разница в материальном положении привела к антагонизму. Порожденное экономическим неравенством противостояние в результате породило неразрешимый конфликт между двумя семьями: нашей и учителя Чжуна.

Мой отец этого ожидал. Он видел, с каким презрением учитель Чжун смотрел на золотые украшения моей матери. Это презрение было понятно отцу: кольца и браслеты моей матери унижали мужское достоинство учителя Чжуна. И чтобы как-то это уладить, отец решил помогать соседям. Часто посылал им подарки, напитки, фрукты. Но в независимости от намерений отца его подношения выглядели подачками. С высоты поста завуча школы учитель Чжун по-прежнему смотрел на отца как на простого привратника. Однако отец, наверное, еще долго продолжал бы играть роль благодетеля, если бы не произошло событие, которое нарушило равновесие в отношениях двух семей. Это случилось в 1991-м, на Китайский Новый год.

Тогда мать по поручению отца отправилась к семье Чжунов с тазом замороженных креветок. Готовясь к празднику, она и так провела в хлопотах весь день, а тут еще муж послал ее отнести очередной подарок соседям. Матери совершенно не хотелось идти, но она все равно пошла, так как понимала, что никто кроме нее этого не сделает. Она прижимала к себе таз с креветками, пальцы прилипали к обледеневшим стенкам, и ей приходилось все время перебирать ими. Она постучалась в дом семьи Чжунов, зашла и, не говоря ни слова, поставила таз с замороженными креветками на пол. Жена учителя Чжуна — ее звали учительница Мо, она руководила архивом в отделе народного образования — нарочито вежливо сказала: «Не стоило носить такие тяжести. Нам, бедным учителям, нечем вас отблагодарить... Желаем вам здоровья в будущем году».

Мать впоследствии заверяла нас, что на пожелания учительницы Мо она лишь вежливо улыбнулась. После этого

она вышла из их дома и, обходя колодец, услышала, как в доме Чжунов открылось окно. Оттуда донесся негромкий и взволнованный голос учителя Чжуна: «Не надо тебе с ними быть вежливой, нам не нужны их подарки! Эта семья живет за счет эксплуатации рабочих. А мы честно едим свой хлеб и преподаем, чтобы служить народу». В этот момент мать вздрогнула, сорвала с головы платок и изо всех сил бросилась бежать домой. Она все в точности пересказала отцу. Конечно, эти слова учитель Чжун нарочно сказал так, чтобы мать их услышала. А иначе зачем было открывать окно в такую холодную ночь!

Отец удивленно хмыкнул, но ничего не сказал.

Затем, как ни в чем не бывало, мы ели праздничный ужин, смотрели новогоднюю передачу, всю ночь веселились и пускали фейерверки.

После Нового года отец приступил к осуществлению мести. Он воспользовался рядом льготных условий и превратил общий двор в свою собственность. (Полгода спустя цены на недвижимость поднялись, что доказало правильность решения отца с коммерческой точки зрения.)

Поразительно, с какой скоростью отец оформил документы на строительство. Люди считали, что он наверняка применил по отношению к чиновникам ту же тактику, что и к соседу,— завалил их подарками. С утра во дворе стали забивать сваи. Узнав об этом, коллеги учителя Джуна помчались к директору школы с просьбами срочно вмешаться и восстановить справедливость. К тому времени, когда директор пришел в изменившийся до неузнаваемости двор, отец уже построил первый этаж нового здания. От увиденного директор застыл на месте и потерял дар речи. Придя в себя, он сказал отцу: «Ты не можешь игнорировать интересы Чжуна. Вы же соседи! Надо жить не только по закону, но и по совести».

Отец ничего не ответил, но мать не сдержалась. «Мы строим трехэтажный дом,— закричала она,— который

утвердили в трех отделах: планирования, градостроительном и земельном. Так что убирайтесь отсюда!»

Директор школы предпочел удалиться и, уходя, виновато сказал супругам Чжун: «Простите, я не смог выполнить доверенную мне миссию. Попытайтесь еще раз сообщить в нужные инстанции об этом деле. Эта женщина не чиста на руку, ругается, как базарная торговка. Не зря говорят, что эти богачи — сомнительные личности». Директор намекал на то, что отец когда-то сидел за экономические преступления. Тогда многие считали, что девять из десяти разбогатевших предпринимателей только что вышли из тюрьмы. Мать, устыдившись, замолчала и посмотрела на отца. Но тот попрежнему ничего не говорил.

Через три месяца за домом Чжунов высился новый красивый трехэтажный дом. Между ним и домом Чжунов отец разбил зеленый газон, засадил его чайными розами, которые дважды в день, утром и вечером, лично поливал. Отец выглядел спокойным и умиротворенным. Иногда он обнаруживал, что каких-то цветов недоставало, но он не выяснял, кто их воровал. Он и так знал, что цветы срезал мой младший брат, чтобы тайно дарить их дочери Чжунов — Цяньмэй. Отец не возражал против их общения. И всякий раз, когда замечал, что еще один цветок срезан, отец едва заметно улыбался.

На фоне нашего могучего трехэтажного особняка старый домишко Чжунов стал казаться ребенком, которого обидел взрослый. Дом Чжунов словно олицетворял собой нищету и убожество в конце пути после долгих скитаний.

На следующий Новый год, в 1992-м, учитель Чжун с чувством горечи и гнева сочинил пронзительные парные надписи и повесил над входом:

Времена изменились: ценятся вещи, не ценятся люди.
Непреодолима пропасть между богатыми и бедными.

Я думаю, он нарочно повторил слово «ценятся». Как у преподавателя литературы, у него был прекрасный язык, и он запросто мог заменить повторяющееся слово.

На следующий вечер парные надписи исчезли. Одну из них держала в руке, словно бумажного змея, Цяньмэй, другую скомкал и поджег старший брат Цяньли, который, кстати, был одноклассником моего младшего брата. Учитель Чжун выпил полбутылки шаосинского вина и, глядя на двоящийся силуэт дочери, сказал, тяжело вздыхая: «Эх, сдаюсь... Теперь буду слушать вас».

Что ж, пора приступить к истории моего младшего брата, ведь именно он — главный герой этой повести. Занавес уже открыт, гонги и барабаны отгремели, второстепенные персонажи отыграли, и, наконец, на сцену выходит главный герой. Будучи единственным сыном, мой брат автоматически становился преемником отца. Он должен был поддерживать бизнес, осваивать рынок, постоянно расширять производство. Его победы и поражения касались всех членов семьи. От него зависела не только судьба предприятия, но и то, чем завершится наше противостояние с семьей Чжунов. Брат долго прятался за спиной отца, но сейчас наступил момент взяться за дело. Наши родители решили сделать из сына подходящего преемника.

Осенью 1993 года мой брат окончил институт, и отец, не спрашивая, хочет он того или нет, отправил сына работать юридическим представителем на заводе.

Брат сыграл свою роль в создании нашего бизнеса. Это случилось в тот вечер, когда отец подал заявление об уходе. Я помню, стояла поздняя осень, дождь за окном постукивал по листьям платана, ледяная скука предвещала наступление холодного сезона. Мы вчетвером сидели в гостиной. Это была очень маленькая комната, где с одной стороны располагались два одноместных дивана и чайный столик, с другой —

кровать моего брата и обеденный стол. Такая страшная теснота была типична для жилищ того времени. Темно-красный лак на полу сохранился в виде пестрых островков, а пятна на восточной стене, промокшей от дождя, походили на рожи чертей.

С серьезным видом мать тщательно протерла стол и даже убрала свежие газеты. Затем отец начал медленно, с расстановкой, говорить. Он сказал, что подал заявление об уходе, и независимо от того, понравится это директору школы или нет, он собирается стать предпринимателем, открыть свой бизнес и зарабатывать самостоятельно. Я заметила, что он разделяет понятия «зарабатывать деньги» и «открыть бизнес».

Сказав о мотивах, побудивших уволиться, отец погрузился в привычное молчание. Возможно, он заплатил слишком большую цену за свободу. Но отец была непреклонен, он походил на росток, придавленный камнем, который с первым весенним дождем, извиваясь, вырывался наружу. Мать прервала воцарившееся молчание: «Ваш отец может потерпеть неудачу. Ему сорок восемь лет, и если бизнес у него не заладится, ему никогда не найти работу. Тогда вам придется заботиться о нем».

От ее слов как будто повеяло печалью.

Отец обернулся и посмотрел на моего брата.

Брат, лежа поперек дивана, как ни в чем не бывало, сказал: «Ничего страшного,— и уверенно добавил: — Совсем ничего страшного».

Семейный совет закончился. Мать ушла в спальню и закрыла за собой дверь. Отец казался усталым и растерянным. Слова брата не только не порадовали его, а напротив, заронили сомнения в успехе задуманного.

Брат тем временем лежал на диване, грустно уставившись в потолок, и прислушивался к дождю за окном. Он сказал мне: «Слышишь? На платанах капли дождя шуршат, а на банановые деревья падают с треском. Вот уж, правда,

Как-то грустно: склонилось к закату солнце.
Но и радость: возникли чистые дали» [1].

Лицо брата стало одухотворенным и взволнованным, он не смог продолжить стихотворение. Значение для него имело не то, что отец уволился, а то, что он разобрался в звуках дождя. Меня это ничуть не удивило. Тогда вся молодежь в провинциальных городах целиком посвящала себя сочинению стихов и рассказов, и такие одухотворенные и взволнованные лица, как у моего брата, можно было встретить часто. Когда брат учился на первом курсе, он был просто опьянен собственными стихами. Затем литературная горячка пошла на спад. Но, перестав сочинять, он никак не мог найти себе места. Мне непонятно следующее: почему, когда литература была модной, он следовал этой моде, а когда все увлеклись коммерцией, он шел против течения? Почему он упрямо сопротивлялся воле родителей? Почему не принимал их образа жизни?

Брат принял дела под большим давлением. Когда между ним и отцом произошел первый конфликт, я поняла, что брат делит человечество на сильных, которыми он считал богатых, и слабых, к которым относил всех остальных. Себя он тоже причислял к слабым. Потому что обладал трусливой натурой. Он был полной противоположностью отца: слабым и безвольным, расхлябанным и распущенным. Все свободное время он проводил со своими друзьями-сокурсниками из института, иногда к ним присоединялась и Чжун Цяньмэй. Они играли в шашки и карты, путешествовали, пили пиво, сочиняли и пели под луной. Случавшиеся ссоры и разногласия только укрепляли их дружбу. Как-то я просматривала альбом брата с черно-белыми фотографиями, большинство из них

[1] Из стихотворения Мэн Хаожань «Осенью поднимаясь на Ланьшань». *Перевод Л. Эйдлина.*

были сделаны именно в этот период. Вот он с Чжун Цяньмэй в обнимку, вот они сидят, обхватив колени, на крыльце, а вот фотография всех друзей брата, обнимающихся друг с другом. Они выглядели счастливыми, искренне обожали друг друга, словно братья. На обратной стороне нескольких фотографий мой брат вывел красными чернилами слово «счастье». Он тогда еще верил в то, что все люди на земле братья, и был по-настоящему счастлив.

Отец иногда знакомил моего брата с клиентами, представляя его так: «Вот мой единственный сын, сейчас он учится на факультете менеджмента». Люди не без интереса присматривались к будущему хозяину бизнеса. А брат терпеть их не мог, так как не выносил лицемерия. И поэтому не поддерживал светских бесед, лишь холодно смотрел на этих богатых, но грубых людей. Но если он начинал говорить, то все эти богачи покатывались со смеху. На любой деловой встрече брат произносил один и тот же тост: «Пусть все будут счастливы».

Над ним потешались все бизнесмены нашего городка.

А я верю, что брат говорил это искренне. Пролистывая его фотоальбом, я не обнаружила слова «счастье» на его фотографии с Чжун Цяньмэй. Не думаю, что брат не написал его там, боясь открыть свои чувства,— робостью и застенчивостью он не отличался. Брат искал не личного счастья, а стремился к признанию себя как части коллектива. Это и было для него подлинным счастьем. Ему хотелось, как простому человеку, затеряться в море людей.

Семьи его друзей жили в нищете. Брат часто бывал у друзей дома, ел китайскую капусту, обжаренную в масле, тыквенный суп, которые готовили их матери, слушал рассуждения их отцов про социальную несправедливость и впитывал в себя бедную, но радостную атмосферу их лачуг. Однообразная, но в то же время такая осмысленная жизнь этих семей трогала его до глубины души. Он испытывал угрызения совести из-за того, что его семья жила лучше других. Чем богаче

становился наш отец, тем реже заглядывали к нам друзья брата. Отец, как и все богатые люди, любил тишину и покой, поэтому с приходившей в гости молодежью был неприветлив и смотрел на нее с недоверием. Это одна из причин, по которой брат противостоял родителям, но не самая главная.

Отец не собирался мириться с тем, что брат шел своим путем, он хотел, чтобы его сын как можно скорее возглавил бизнес.

После окончания института брат поехал отдохнуть на озеро Цяньдао — озеро тысячи островов. Когда он вернулся из поездки, отец сразу же позвал его в свой кабинет и уединился с ним, закрыв раздвижные двери из алюминия и золота. Через некоторое время мы с матерью услышали крики отца. Прибежав к кабинету отца, мы увидели, как он в раздражении распахнул двери.

Отец гневно сказал матери: «Хорошего же сына ты родила! Он смеет называть меня бесчувственным богачем. Вот к чему привело твое потакание его капризам!»

Мать попыталась защитить моего брата. Внезапно отец бросился во двор, схватил палку, подбежал к брату и стал его бить. Брат как мог уворачивался от ударов, но вдруг на его спину пришелся удар такой силы, что палка хрустнула пополам. Брат упал на колени и увидел, как отец поднял кусок палки. Тогда брат, стиснув зубы, быстро повернулся и схватил отца за руки. Их лица налились кровью, руки тряслись. У отца в уголках рта выступила пена, он тихо повторял: «Убью тебя, убью тебя». Вдруг отец бросил палку и упал спиной на ковер. Отца хватил удар. Брат растерянно поднял голову и увидел, что цветы в оранжерее бурно зацвели. «Вот жизнь в неволе»,— промелькнуло в его сознании. Он опустился на колени и, поддерживая голову отца, взволнованно сказал: «Папа, давай больше не будем ссориться».

Когда отец лежал в больнице, он отказывался встречаться с сыном. Поэтому брат, приходя в больницу, тихонько стучал

три раза в дверь палаты, чтобы дать мне знать, что он здесь. Тогда я под каким-нибудь предлогом выходила в коридор, и мы перекидывались парой слов. Иногда мы вместе гуляли вдоль реки по территории больницы и могли поговорить подольше. Я убеждала брата принять у отца дела, ведь силы его были на исходе. Иногда брат соглашался со мной, а иногда — нет. Я спрашивала его: «Неужели ты видишь в отце врага? Это из-за Цяньмэй и твоих друзей?» Брат загадочно смеялся и отвечал, что это не так.

Как-то раз мы с братом шли куда глаза глядят и заблудились. Был поздний зимний вечер, луна холодно блестела на небе. Мы направились вдоль кирпичного забора, чтобы найти дорогу, и оказались возле двухэтажного жилого дома. Судя по всему, это была новостройка. Незаселенный дом с пустыми мрачными глазницами окон при лунном свете казался логовом призраков. За зданием виднелись два ряда маленьких сосен и груда строительного мусора. Показывая на сосны, брат сказал: «Как говорят, богатый может добиться всего, что угодно, но не может заставить вырасти за ночь сосны во дворе».— «Чего тут торопиться? — заметила я.— Зато его дети или внуки увидят, как выросли сосны». Наши голоса встревожили двух собак во дворе. Их лай пронзил глухую ночь. Брат злобно пнул пару раз забор, ругаясь: «Черт, этот дом наверняка строится для помещика-эксплуататора».

Затем брат спросил меня, помню ли я, как в деревне, куда мы ездили в детстве, один бывший помещик загнал нас в реку. Конечно, я помнила. Мы тогда были совсем маленькие, ничего не понимали, целый день бегали за этим человеком и кричали ему: «Помещик, помещик, вредный элемент». Брат признался, что этот помещик до сих пор вызывает у него отвращение. Углы его рта уходили глубоко в щеки, и он никогда не улыбался. Иногда он гримасничал как обезьяна и говорил нам: «Нищие детишки, когда я играл с золотом и драгоценностями, ваши дед

с бабкой сидели с голым задом в углу и плакали». Помещик и правда, был человеком отвратительным, но к чему брат вспомнил о нем? Я смутно чувствовала, что брат не просто выражает социальное недовольство, а добивается признания себя среди друзей.

Через месяц отец выписался из больницы. Некоторое время он пребывал в подавленном настроении из-за конфликта с сыном, но скоро воспрянул духом. Отец был не из тех, кто легко сдается. Он опять начал «обрабатывать» брата, постоянно спорил с ним и ссорился. В конце концов, отец, в состоянии аффекта, упал перед братом на колени. Перед таким не устоит и толстокожий. Брат не выдержал и согласился возглавить бизнес. Я часто думала, будь я на месте отца, стала бы я любыми способами добиваться от своего сына того, что он упорно не желает делать? Что же заставляло отца так унижаться? Очевидно, причина здесь одна — деньги. Отец стал очень жадным.

Так мой брат вынужден был стать предпринимателем. Он уже знал, что в мире бизнеса нельзя быть искренним, нельзя говорить: «Пусть все будут счастливы». Подавляя внутреннее отвращение, брат вел дела с этими жирными, как свиньи, и жадными до денег людьми. И хотя он изо всех сил пытался перебороть свою слабохарактерность, он все же продолжал жить по инерции. Для того чтобы стать успешным бизнесменом, ему не хватало знаний, остроты реакции и дипломатичности. Брат как будто зашел не в ту дверь. Он не умел отличать друзей от врагов. Чем больше он чего-то не понимал, тем сильнее хотел в этом разобраться, а в результате запутывался окончательно. А ведь ему предстояло решать многочисленные головоломки, возникающие в любом бизнесе.

Был у него один знакомый предприниматель, назовем его господин А. Он выпивал семь бутылок пива за раз и, не стесняясь в выражениях, начинал ругать компартию, своих партнеров и себя самого. Мой брат считал его прямым и честным.

Как-то господин А сказал брату: «Из города N хочет приехать господин Б, чтобы заказать на моем заводе большую партию товара. Мне эта партия обошлась дорого, и сбросить цену я не могу. У вас, я знаю, такой же товар стоит гораздо дешевле, чем у меня. И он, конечно же, захочет купить товар на вашем заводе и при этом будет просить опустить цену еще ниже. Ты с ним поторгуйся, но не позволяй этому собачьему сыну сесть себе на шею. Дешевле ему все равно не купить».

Брат был бесконечно благодарен господину А за добрый совет. Он оказал хороший прием господину Б. Несколько дней брат развлекал его и водил по ресторанам. Постепенно брат уступал в цене, но, дойдя до определенной суммы, больше цену не снижал. На пятый день господин Б вспылил: «Какой же ты упрямый!» И ушел, хлопнув дверью.

Оказалось, что господин А тайно связался с господином Б. Господин А свел брата с господином Б, чтобы брат оплатил все его затраты во время приезда. Узнав, что брат заморозил цену, господин А сказал господину Б: «Я могу скинуть еще больше, чем этот мальчишка». Господин Б купил у него товар и удалился.

Когда брат понял, что на самом деле произошло, он, разозлившись, опять совершил промах: пришел к господину А и попытался вывести его на чистую воду. Тот во всем признался. Но обвинил господина Б, утверждая, что он всеми способами уговаривал снизить цену, и господин А поддался, а теперь сожалеет. Господин А даже потащил брата в бухгалтерию и показал ему счета, чтобы брат увидел, какую баснословно низкую цену выжал из него господин Б. В глазах господина А стояли слезы. Он сказал: «Братишка, у меня сейчас тяжелые времена. Только кажется, что мои дела идут хорошо. На самом деле приходится делать хорошую мину при плохой игре. Продав эту партию, я ничего не заработал, только пустил деньги в оборот».

После такого признания брату стало неудобно продолжать разбирательства, но злость осталась. Он больше не ве-

рил господину А. И вновь допустил промах: прервал с ним отношения, а при каждой случайной встрече демонстрировал ему свое презрение.

Отец решил, что наступил момент вмешаться. Он объяснил брату, как ему следовало вести себя в этой ситуации: «Во-первых, узнав о таких обстоятельствах, главное — ничего не делать. Нельзя укорять господина А, это ему дает возможность оправдаться. А если он это сделает, он будет тебя презирать. Если бы ты оставался невозмутимым, то он бы сидел и ломал голову над твоим следующим шагом. Во-вторых, если он во всем признался, нельзя прерывать с ним отношения. Ты больше не веришь ему, он об этом знает. Что следует в этом случае делать? Он станет извиняться, а ты в ответ должен изображать прощение. Нужно его завлечь, чтобы потом при случае он мог тебе пригодиться. В бизнесе это называется принципом взаимной выгоды. Если ты с ним порвал отношения, то в убытке остался только ты, потому что у тебя стало на один выход меньше».

Брат недоумевал.

— Я уже всем раструбил об этом случае,— сказал он отцу.— Неужели после этого кто-то будет ему доверять и иметь с ним дело?

Отец ответил:

— Дурачок! Тем, что ты всем об этом рассказал, ты навредил лишь себе. Над тобой все будут смеяться. Когда люди занимаются бизнесом, у них есть только одно понятие — прибыль.

Вдруг отцу надоело говорить, он никогда не был так многословен. Он посмотрел на стоявшего перед ним сына и подумал: «Если мне придется разжевывать ему каждый шаг, то скоро я превращусь в болтливую тетку».

После долгой паузы отец произнес:

— Напоследок я тебе скажу вот что. Я никогда не смогу вложить в твою голову свои мысли. Только если усердно учиться, дело пойдет в гору.

— Чему учиться? — воскликнул брат с негодованием.— Как стать злым и коварным? Я бы предпочел быть бедняком. Иметь честных друзей, жену и ребенка и жить на зарплату.

— Друзья? Жена? Ребенок? — переспросил отец удивленно, после чего, как ни в чем не бывало, лег и заснул.

С тех пор он перестал обращать внимание на брата. Он перевел себе некоторую сумму со счетов своих предприятий, пояснив, что отложил себе на старость.

После истории с господином А брата снова обманули. Как-то раз к нему пришел с чертежами в руках один инженер, уволившийся с государственного завода, и сказал, что только что разработал новый продукт. Брат посмотрел чертежи и решил, что продукт можно запустить в производство. Он купил у инженера права на продукт и подписал с ним соответствующий договор. Когда брат приступил к организации производства, он обнаружил, что чуть ли не с десяток заводов выпускают этот же продукт. Оказалось, что инженер продал свои чертежи сразу нескольким компаниям. Брат позвал своих друзей с тем, чтобы пойти к инженеру домой и потребовать вернуть деньги. Прознав об этом, инженер в ту же ночь сбежал в Шэньчжэнь. Говорят, что там дела его тоже шли очень хорошо. Брат с отвращением сказал мне, что у этого инженера была одна излюбленная фраза: «Ради денег не жалей ни отца, ни матери». Такой человек уважаем в мире бизнеса. Когда он станет миллионером, он наверняка будет с увлечением вспоминать, как, надув кучку идиотов, сколотил свой первоначальный капитал.

Предприятие, созданное отцом, под твердолобым управлением моего брата быстро пошло под откос. Во второй половине 1994 года обнаружились большие убытки. Брат неожиданно покинул офис и бесследно исчез. Через три дня он позвонил мне и сообщил, что находится в Тибете. Я сказала брату, что отец ни в чем его не винит, и вся семья просит его вернуться. Вдобавок ко всему я скоро должна родить. Врачи

определили, что будет девочка. Я услышала, что брат всхлипывал. Судорожно вздыхая, он пытался объяснить, что сбежал вовсе не потому, что испугался наказания. «Когда моя племянница вырастет,— продолжил брат заплетающимся языком,— пусть она занимается чем угодно, хоть проституцией, только не бизнесом и коммерцией! Это самое грязное занятие в мире. Дело не в том, что я не умею хорошо работать, а в том, что я совершенно не хочу себя принуждать». Я поняла, что брат пьян, и бросила трубку. Хотя мне и хотелось сказать брату, что проституция — это тоже коммерческая деятельность. Повесив трубку, я подумала, что в Тибете наверняка очень чисто и светло. Но потом мне стало страшно за брата: его душевная травма оказалась гораздо глубже, чем я предполагала. Войдя в мир бизнеса, он словно оказался в аду. Здесь ему не суждено было встретить столь любимые им гармонию, спокойствие, верность. Его душа терзалась, принимая сыпавшиеся отовсюду насмешки и издевательства. Брат оказался настолько хрупким, что не выдержал и первого удара. Он сбежал куда глаза глядят, лишь бы не сойти с ума. Тибет был хорошим местом для этого. Но сможет ли Тибет излечить брата?

Отец слушал наш разговор по параллельному телефону, иногда вздыхая и покашливая, но ничего не говоря. Когда я положила трубку, он, оцепенев, продолжал сидеть на кровати. Сердце его бешено колотилось.

Наступила зима, холодные потоки воздуха поглотили город. Во всех домах включили обогреватели, толстые ковры из бараньей шерсти распространяли приятные запахи. Когда слышишь, как северный ветер ломает ветки за окном, кажется, что дом становится уютнее и теплее, словно ты завернут в ватное пальто. Брат все еще жил на Тибете, так далеко от родного очага. Я помогла отцу лечь в кровать, стараясь не отвлекать его от мыслей. Я была уверена, что в этот момент он думал не о брате, а о своем предприятии, но я ошибалась.

Когда он улегся, он сказал, грустно улыбнувшись: «Если даже давить на него сильнее, все равно ничего не получится». Я молча подоткнула отцу одеяло. Мне стало грустно — отец сдался.

В полночь ветер утих. Я открыла занавески. Наступило затишье после бури, лунный свет был чист, как вода, земля покрылась тонкой ледяной корочкой, которая слегка поблескивала при свете луны.

Я подумала — там, в Тибете, луна наверняка выглядит чище. Но я бы не могла сбежать в Тибет ради чистой луны. Умение сделать этот непростой выбор показывает уровень зрелости человека. Настоящее взросление заставляет жертвовать некоторыми мечтами и убеждениями, меняет составляющие внутреннего равновесия. Только тогда это будет трезвый выбор, который являет собой всю торжественность и трагичность человеческой жизни. Но брат непреклонно пытался дотянуться до цветка в зеркале или луны в воде. В детстве мой брат был смышленым мальчишкой, таким же, как все дети: ради конфетки становился менее щепетильным, а, разбив вазу, мог и приврать. Я не понимала, почему он так изменился.

Мне вспомнился один случай.

Осенью 1971 года нашу семью отправили на работу в одну из деревень уезда Субэй. Брату исполнилось тогда шесть лет. Административной единицей на селе в то время была народная коммуна, затем отряд и бригада. Бригада, в свою очередь, делилась на базовые ячейки — «деревни». В названиях этих деревень использовались фамилии членов коммуны, географические признаки и даже виды деревьев. Там, где мы жили, теснилось больше десятка семей. А так как в деревне росло много больших ив, она называлась Большие ивы.

Вечером наша семья добралась до деревни, и нас разместили у одной вдовы. Она была не из местных, старше сорока и высокого роста. Ее второй сын работал в уездном городе на

гидроэлектростанции. В общем, семья без сомнения была приличная. Когда глубокой осенью идут дожди, жители деревни Большие ивы обычно сидят без дела, они собираются вместе и ждут прихода зимы; пережив зиму, ждут весны, и к ним вновь приходит надежда. Им становится уже неважно, что они голодны, главное, что нет больше леденящего северо-западного ветра. Деревня Большие ивы считалась не самой бедной. Хотя она и пережила три года стихийных бедствий, здесь никто не побирался и не умирал от голода. Жители деревни три раза в день ели жидкий кукурузный суп, добавив в него пару клубней таро. Если кто-нибудь раздобывал риса, то непременно, наложив рис в миску, относил его соседям в подарок. И если в рис добавляли свиного сала, то получался настоящий деликатес. Наша семья сразу приняла этот обычай. Если нам случалось достать риса, мы посылали брата с подарком к соседям. Сначала мать отправляла к соседям меня, но под напором брата передала это задание ему. В те времена брат еще тянулся к общению с людьми. Став посланцем риса, он сразу же превратился в любимчика деревни Большие ивы. Часто он надолго застревал в гостях и, усевшись на кровать вместе со всей семьей, серьезно рассуждал: «Почему луна не падает на землю?» или: «Сколько потребуется времени, чтобы съеденный рис превратился в кал?» И на следующий день жители коммуны, работая в поле с заступом в руках, с неподдельным восхищением обсуждали его слова.

Наверняка атмосфера, окружавшая брата в деревне Большие ивы, повлияла на его эстетическое восприятие мира. Когда несколько лет спустя брат, вращаясь в отвратительном мире обманов и предательств, жил на все готовом, он наверняка вспоминал деревню как идеальный прекрасный мир человеческих отношений. Он мысленно превратил деревню Большие ивы в землю обетованную и изо всех сил ее оберегал. Летом 1992 года отец с братом снова поехали в деревню. Намерения отца были очевидны. Он сидел за рулем собственного лимузина,

карманы его костюма были до отказа набиты новенькими купюрами в десять юаней. Эффект от его появления не сравнить даже с приездом секретаря провинциального комитета партии. Отец заходил в каждый знакомый дом, садился, слушал жалобы и излияния, наслаждаясь оказываемым ему уважением и полной беспомощностью деревенских бедняков. Прищурив глаза, отец благодушно улыбался и сочувственно кивал. Но брат назвал его поведение игрой в кошки-мышки: только тогда, когда бедняки рассказывали истории о тяготах и страданиях до конца, отец не спеша доставал из кармана заранее приготовленные деньги.

Всю обратную дорогу домой брат ругался с отцом. Он, иронизируя, говорил:

— Тебе следовало бы вместо десяти юаней давать банкноты в один юань или один цзяо, так было бы еще эффектней.

— Эти деньги заработаны мною упорным трудом. Как хочу, так и трачу.

— Неужели ты не понимаешь, что твои действия называются подаянием?

— Что же тут такого? Конечно, это подаяние. Им и нужно подаяние.

— Ты мог бы помогать им по-другому.

Отец, не выдержав, закричал:

— Неужели я, отдавая собственные деньги, должен еще и заботиться о достоинстве тех, кто их получает? Сын, если бы ты был на моем месте, ты поступил бы точно так же.

Брат замолчал, он смотрел в окно и представлял себя на месте отца. Он вновь и вновь думал, взвешивал, искал разумное оправдание поступку отца хоть с какой-нибудь точки зрения. Наконец он решительно сказал:

— Нет, я бы не смог их так унизить, как ты.

Когда-то брат пообещал себе отблагодарить жителей деревни Большие ивы за их заботу, но до сих пор так и не выполнил своего обещания. Возможно, потому что отец тогда

попал в точку — брат не смог найти лучшего способа. Когда маленький брат, делая слабые шажки и неся тяжелую миску риса, переступал порог дома бедняков, он приносил самую настоящую пользу. Поэтому все жители деревни любили его, относились к нему как к взрослому и разговаривали с ним на равных. Когда брат вырос, он так и не понял, что если бы не эта миска риса, к нему не относились бы с такой теплотой. Брат по-прежнему идеализировал деревню Большие ивы. Под влиянием этого приукрашенного образа формировалось его мировоззрение. И этот образ он сделал эталоном для восприятия настоящего мира. Так постепенно мой брат отдалялся от реальности и окружал себя прекрасным, но вымышленным внутренним миром.

Когда брат в панике бежал из омерзительного для него мира бизнеса (все вещи в его комнате были разбросаны, он даже забыл взять очки), я задумалась, почему он выбрал Тибет, а не деревню Большие ивы? Путь к Тибету был сложнее и полон невзгод. Почему брат отказался от того, что под рукой, от легкого пути? И я вдруг поняла: мой брат — очень умный человек. Он сторонился всего, что вредило его внутреннему миру. Когда брат увидел, как отец одаривал жителей деревни деньгами, а те выражали ему искреннюю благодарность, не замечая унижения, он, наверное, испытал сильное потрясение. И, конечно же, мой брат сожалел о тщеславном поступке отца, его ранил этот поступок, именно поэтому он, разозлившись, поссорился с отцом. Впрочем, брат всегда был умным. Свой необыкновенный ум он показал уже лет в пять. Маленький мальчик обладал качествами, столь необходимыми для предпринимателя: практичностью, легкостью и независимостью решений.

В связи с этим стоит упомянуть еще один случай из детства брата. Наша хозяйка матушка Юй очень его любила. Вдовам нельзя было ходить по гостям, поэтому она по вечерам усаживалась на кровать, затягивалась смолящей трубкой, бранила

внука и слушала моего брата, сидящего рядом с ней. Однажды в мерцающем свете керосиновой лампы брат заметил в ухе матушки Юй какой-то желтый блеск. Наклонив голову, он уставился на ее ухо. Позднее матушка Юй, описывая вид брата в этот момент, сказала: «Мне даже стало не по себе».

Матушка Юй невольно прикрыла ухо под пристальным взглядом брата. Он погрузился в раздумья, склонив голову и болтая ножками. А затем спросил:

— Что это такое?

Матушка Юй объяснила, что это золотая сережка.

Мальчик еще раз внимательно посмотрел на ее ухо. Что побудило его сделать то, что он сделал потом? Впоследствии брат стал не способен совершать такие поступки. Он поднялся с кровати, подошел к матушке Юй и сжал ее ухо так крепко, что она боялась пошевелиться.

— Больно,— выдавила она.

В тот вечер ему не удалось отобрать сережку. На следующий день брат принес для обмена следующие вещи: пять сэкономленных глистогонных конфеток «Драгоценная пагода», новую зубную щетку и мужской носовой платок в клетку. Даже в период дефицита это были самые обыкновенные предметы. Однако ценность конфет «Драгоценная пагода» заключалась не в их глистогонных свойствах, но в том, что они были сладкие. А ценность зубной щетки была в том, что ее вчера вечером отец привез из Шанхая, вернувшись из командировки. Конфеты тут же достались внуку матушки Юй. Затем, подумав немного, матушка Юй взяла зубную щетку и платок, вынула сережку из уха и положила брату на ладонь. Наверняка лет через шесть матушка Юй сожалела о своем поступке. Но тогда в золоте не было никакой пользы. Благоухающий платок она спрятала в шкаф. А зубная щетка пригодилась, когда второй сын матушки Юй передал через других, что приедет через несколько дней. Перед приездом сына матушка Юй заставила трех невесток поочередно почистить зубы с соленой водой.

Заполучив золотую сережку, мой маленький брат совершил первую в своей жизни коммерческую операцию — обмен. Брат до сих пор хранит эту сережку, он как-то раз упомянул о ней в разговоре со мной, рассуждая в очередной раз о доброте жителей деревни Большие ивы. Он, как всегда, игнорировал суть дела, для него, образно говоря, в воде не было камней, но на поверхности всегда цвели лотосы.

Зная о любви к воспоминаниям и приукрашиванию прошлого, легче понять душу моего брата. Идеализация вытесняла истинное содержание события, и это стало для брата нормой.

В 1992 году отец провел в деревне Большие ивы несколько дней. Для столь занятого человека выкроить так много времени было очень сложно. Но отец очень хотел стереть из памяти неприятные воспоминания. В 1977 году его посадили на три года за воровство. Когда его арестовали, вся деревня была потрясена.

Рядом с Большими ивами находилась деревня Сюй, между ними протекала река. В деревне Сюй один молодой интеллигент по фамилии Юэ, направленный туда на работу, взял в жены молодую интеллигентку по фамилии Хуан из соседней коммуны. Оба они родились в уезде Сунань. Он был слабым, она — ленивой, жили трудно. Их земельный участок зарос травой. Странно даже, что дети у них рождались один за другим. Пока Юэ с унылым видом сидел с четырьмя детьми и вздыхал, его жена решила изменить свою жизнь в лучшую сторону: она стала встречаться с секретарем бригады. Это было выгодно им обоим: секретарю нравилось проводить время с молодой женщиной, у нее же вдруг появлялись дополнительные пайки, а иногда одежда и даже какая-нибудь свиная нога. Из-за этого они с мужем постоянно ссорились, даже дрались, он колотил ее изо всех сил, она ревела во всю мощь. Дети выли, как волчата ночью. Всякий раз Хуан пыталась повеситься, и всякий раз Юэ вынимал ее из петли. В этом заключалась для них своеобразная радость семейной

жизни. Потом Хуан прекратила попытки суицида, а муж поклялся обеспечить жене и детям счастливую жизнь. Юэ был честным человеком, но у него не было выбора. Он украл станок, разобрал его на части и спрятал дома в соломе. Юэ собирался продать его в пункте сбора металлолома.

Мой отец тогда отвечал за сбыт станков в коммуне, хотя на нем был ярлык «правого элемента» из-за того, что он получил высшее образование. Но так как сокурсник отца работал где-то в правительстве, к отцу относились с почтением и даже называли «господином».

Спустя несколько дождливых дней молодой интеллигент Юэ раздвинул солому и обнаружил, что станок покрылся ржавчиной. Он не знал, что делать. Ржавчины было пока немного, но Юэ слышал, что она может разъесть железо. И он опрометчиво обратился за помощью к моему отцу. Они пошли посмотреть на станок, отец сразу почуял неладное. Он долго молчал, глядя на станок, думал о нем на обратном пути и, придя домой, не мог себе найти места. Отец решил продать станок цеху, ведь там как раз такой требовался. Его побудили помочь две причины: сострадание и выгода. Конечно, второе было сильнее. Как тогда говорили, «не бывает беспричинной любви, как не бывает и беспричинной ненависти». Отец работал в отделе сбыта, он прекрасно понимал, откуда этот станок: с государственного завода. Но все же отец пошел на риск. По низкой цене он купил станок у Юэ, а потом продал по государственным расценкам заводу. Юэ был бесконечно благодарен отцу за то, что тот одним махом разрешил его финансовые проблемы. Их ситуации были схожи, им обоим приходилось кормить семью. Брат и я тогда ходили в школу, мать так и не смогла привыкнуть к крестьянской жизни, поэтому была домохозяйкой.

Вскоре отца вызвали в милицию на допрос. Поняв, что станок краденый, отец тем не менее решил не выяснять у Юэ подробности. Юэ же пообещал, что никому и никогда не расскажет об участии отца в этом деле. В милиции отцу предложили

помочь следствию. Если бы отец тогда сознался, он бы не пострадал. Но он не собирался ни в чем признаваться и наотрез отказывался сотрудничать с органами. По-видимому, он слишком серьезно относился к обещанию Юэ. С тех пор отец больше не верил ничьим обещаниям, даже заверенным нотариально. Он часто говорил: «Слова — это обман, в бизнесе им доверять не надо».

Если отец перестал верить обещаниям, значит, он тоже мог обманывать других, давая ложные клятвы? Может быть, самым первым импульсом, приведшим брата к очень наивному идеализму, послужили мысли о том, что отец нарушил законы нравственности?

Молодой интеллигент Юэ очень быстро во всем сознался, и отца как соучастника посадили на три года. Когда Юэ вышел на свободу, отец уже работал привратником в школе, наслаждаясь самыми спокойными днями своей жизни. Юэ с трудом нашел наш новый адрес. Когда Юэ пришел к нашему дому, он, не говоря ни слова, упал на колени перед входом. Так он простоял на коленях минут пять и потом сказал, что непременно отблагодарит отца в следующей жизни, даже если переродится в животное. А в этой жизни, горько продолжил Юэ, он утратил надежду и поэтому больше ничего не сделает для осуществления каких-либо своих желаний.

Чтобы снять груз с души, Юэ опять дал обещание, которого не сможет выполнить, и ушел. Мы все молчали, и только брат вдруг неожиданно расплакался. Отец никогда не рассказывал о годах, проведенных в тюрьме. И брат придумал свою историю, чтобы на поверхности его души опять расцвели прекрасные лотосы. Брат стал рассказывать друзьям историю, похожую на детскую сказку. В ней отец был героем, который помог человеку в беде и пожертвовал собой, а через десяток лет спасенный отцом человек пришел к нему и упал на колени. В этой истории были благородство, верность, грусть, чувство прекрасного. Но сцена пятиминутного стояния на коленях

превращала драму в фарс. Брат так детально и торжественно описывал встречу отца и Юэ после долгой разлуки, что эта сцена становилась уморительной. С помощью выдуманной истории брат еще глубже погрузился в прекрасный мир, существующий исключительно в его воображении. Суть человеческих тягот была не важна брату, для него значение имела лишь красота момента, а все остальное не играло никакой роли.

Как мне кажется, я уже объяснила основную причину, по которой брат сопротивлялся отцу. Он слишком оберегал и лелеял свои идеалы. Если человек находится перед выбором, то у него всегда есть два варианта: либо отвергнуть, либо принять. Как я говорила, брат постепенно уходил из мира реального во внутренний. Первоначальной причиной этого стала идеализация деревни Большие ивы и истории про отца и Юэ. Поэтому брат не принимал мир коммерции и наживы. Слово «бизнес» было для него синонимом слова «уродство». Неправильные концепции и неверные выводы привели брата к бегству от общества. Но помимо всего этого, была еще одна причина. И тут непременно следует рассказать о нашем прадеде по отцовской линии.

Прадед был крестьянином из уезда Цзяннань, потом перебрался в Шанхай и разбогател, причины и способ нам доподлинно неизвестны. Говорили, что он не брезговал грязными методами и именно поэтому быстро разбогател и стал знаменит. Он был похож на классических отрицательных персонажей вроде Цзян Мэньшэня, Си Мэньцина и мясника Чжэна из «Речных заводей» [1]. В тридцать пять лет он решительно порвал с женой, с которой прожил много лет, и окружил себя послушными певичками. А потом поехал в родную деревню,

[1] «Речные заводи» («Шуйху чжуань») — авантюрно-героическая эпопея, основанная на народных сказаниях и драмах, воспевающих крестьянское восстание под руководством Сун Цзяна (XII век); наибольшее распространение роман получил в обработке Цзинь Шэн-таня (XVII век).

где выбрал себе молодую, здоровую жену. Она не разочаровала его и родила прадеду восемь детей. В пятьдесят лет она родила еще одного. В семьдесят она по-прежнему выглядела свежей и здоровой. В семьдесят один она подала в суд на старшего сына: она нарочно разбила кирпичом себе голову и обвинила сына в непочтительности к родителям. На суде она рыдала так, что никто не мог остаться равнодушным. И когда ей по суду передали, отняв у старшего сына, право управления имуществом семьи, она ни слова не проронила. Я видела у родственников их семейную фотографию. У прадеда свирепое лицо, он стоит, подбоченясь, поставив ногу на табуретку. Прабабка — рядом, взгляд леденящий, лицо злое. Она явно подражает своему мужу, вид у них грубый, лица самодовольные и порочные. Фотография оставляла ощущение вопиющей пошлости. Прадед с прабабкой были простыми крестьянами. Когда они покидали деревню, за ними не числилось никаких злодеяний. Из поколения в поколение предки отца были скромными людьми и не позволяли себе лишнего. Зато потом они стали наводить ужас на окружающих. Говорят, что в бизнесе прадед и прабабка вели себя жестоко и несправедливо. Вряд ли их изменила эпоха, причиной их глубокого нравственного падения стала жажда богатства.

Образ жизни прадеда и прабабки развратил их детей. После того, как прадед умер и прабабка захватила власть в свои в руки, все восемь детей стали биться за наследство, разрывая имущество на куски. Большая когда-то семья вмиг распалась, и все, что создал прадед, находилось в упадке. Разумеется, мой отец ничего хорошего в такой семье получить не мог. Был только один человек, достойный светлой памяти,— его мать. Но она, родив моего отца, заболела родильной горячкой и через неделю умерла. От нее даже не осталось ни одной фотографии, поэтому мой отец знал о ней только по рассказам тети — что мать была доброй, красивой и трудолюбивой. Конечно, он идеализировал мать, но разве можно

винить в этом сироту? Он с радостью говорил о матери с тетей, и от этого ему становилось спокойно на душе. Эта ранняя потеря объясняет некоторые душевные изъяны отца.

Когда моя бабушка умерла, ее муж сразу же отправился к проституткам. Для важных, по его мнению, событий он одевался с особой тщательностью: на шее сияла золотая цепь, из кармана костюма свисали часы на цепочке, еще одни часы были на руке, и на каждом пальце — по золотому перстню. Он врал, что отправляется в деревню за арендной платой, или что-нибудь вроде этого, и исчезал на пару месяцев. А когда он возвращался домой, на нем была одна рубашка.

Мой отец всегда избегал разговоров о своем отце. Возможно, он не хотел тревожить нас грязными историями из прошлого. Но однажды, выпив, он неожиданно вспомнил о своем отце: «Давно дело было. В новогодний вечер я сидел дома один, голодный, и ждал, когда же придет отец. Вся большая семья жила уже порознь. Из-за раздела имущества все друг друга ненавидели. Поэтому некому было присмотреть за сиротой». Мой брат ужаснулся, а отец продолжил: «Мой отец собирался обменять пару перстней на рис и другие продукты. Я ждал его в темноте, сидя на лестнице». Я заметила, что брат с трудом скрывал отвращение.

Представьте себе несчастного, голодного ребенка! Представьте, какие чувства он испытывает, сидя в одиночестве на темной лестнице! Его чувства обострены до предела, он мечтает о том, что папа скоро придет и даст ему поесть.

В полночь дверь открылась, и вошли двое: отец и незнакомая женщина. Она спросила: «Что это за бедняжка сидит у тебя на пороге?» Тот пнул мальчика так, что он скатился с лестницы вниз, и заорал: «Вон!»

Мы были уже далеко не маленькие, когда отец рассказал нам эту историю, и она заставила нас задуматься. После этого отец стал нам другом. Оказалось, что в его жизни было много горестей и трудностей. Бывают люди, в жизни которых

ничего хорошего не случается, но в этом нет их вины, возможно, небесные силы просто не обращают на них внимания.

Дослушав рассказ, брат растерянно огляделся по сторонам, словно в воздухе еще стоял крик «Вон!» Брат встал, потом опять сел, лицо его вдруг стало очень недовольным, и он пробурчал: «Зачем об этом рассказывать? У всех жизнь несчастная». Родители оцепенели от этих жестоких слов, потом переглянулись, глаза их были полны печали. Отец даже протрезвел, они с матерью отодвинули бокалы и ушли из столовой. Это произошло в 1992- м, на Китайский Новый год, брат учился на втором курсе в институте. Именно тогда отец принял решение заставить сына заняться бизнесом. Отец считал, что, только трудясь, его сын сможет повзрослеть и достичь успеха.

После того, как родители покинули столовую, брат отправился гулять. Уходя, он опять спросил:

— Зачем об этом рассказывать? Ну, скажи мне, что такого особенного в этой истории?

— Конечно, в ней нет ничего особенного,— признала я,— но для отца это возможность выговориться. Он же очень закрытый человек, и мы должны только радоваться тому, что он хоть чуть-чуть приоткрыл свою душу.

— Ага, ты тоже стала моралисткой? Поздравляю! Что ж, больше не буду раздражать тебя своей мерзкой физиономией.

Брат ушел. Так неприятно закончился новогодний вечер. Страдания отца оставили брата равнодушным, его собственные переживания были для него важнее. В Китае редко встретишь нормальную семью, а среди богатых таких и подавно нет. То, что брат от души ненавидел,— жадность и безразличие — поглотили все другие человеческие качества в семьях богачей.

Взросление брата до сих пор происходило медленно и с трудом. Препятствий оказалось слишком много, и брат не хотел их преодолевать. Взросление было для него так же мучительно,

как смена кожи у животных. Внутренние и внешние причины тесно переплелись в его душе. Она походила на цыпленка, наконец-то вылупившегося из яйца, но еще не готового к самостоятельному существованию.

Когда брат уехал в Тибет, я все ждала, что он вдруг вернется домой. В 1991-м, на Новый год, он так же внезапно исчез. Это случилось из-за тех парных надписей учителя Чжуна. Брата, единственного, ранили эти надписи. Тогда он ушел из дома на месяц и в течение этого времени размышлял о социальном устройстве. Он пришел к выводу, что истоки мировой мерзости — в несправедливости и неравенстве, вопиющей разнице между богатыми и бедными. Мао Цзэдуна брат стал воспринимать как самого великого в мире идеалиста, потому что созданные им народная коммуна и общий стол давали людям ощущение справедливости и равенства.

Отец безжалостно высмеял его идеи: «Да, конечно, все сидят с голым задом, питаются ветром, чем не дружная семья! Семья-то семья, а и за поварешку готовы убить. Я знаю, о чем говорю. Мне уже за шестьдесят, и я много чего повидал». Брат лишь холодно улыбнулся.

Я не сомневалась в том, что брат не выдержит вдали от дома больше двух лет. Он был человеком непрактичным. Никогда не знал, каким должен быть следующий шаг, а, сделав этот шаг, не был уверен в его правильности. Каждый раз ему приходилось взвешивать за и против, но все его идеи оказывались кратковременными и одноразовыми.

Когда моей дочке исполнился годик, брат вернулся. Он скитался ровно год и два месяца. Наверняка, для возвращения он специально выбрал день рождения племянницы.

Брат позвонил с вокзала домой и закричал в трубку: «Это я! Я вернулся. Выходи меня встречать». Я побежала сообщить родителям новость, мама сразу зажгла благовония перед бодхисаттвой Гуаньинь и стала молиться. Потом она поклонилась богу богатства, мать вкладывала в это особый смысл. Я, не об-

ращая внимания на недовольство отца, взяв дочь, пошла на улицу. Через четверть часа подъехало такси, и оттуда вылез брат, именно вылез — он сильно вырос и растолстел. Разряженный воздух Тибета пошел ему на пользу. У него отросли бакенбарды. Брат устал с дороги, но выглядел таким спокойным, словно в Тибете очистил свою душу. Мне не терпелось узнать, к каким умозаключениям он пришел на этот раз. Мы встретились, обменялись приветственными фразами, а потом я спросила, по-прежнему ли он считает, что неравенство богатых и бедных является первопричиной всего зла. Он прикрыл глаза, почувствовав подвох в моем вопросе, но не ушел от ответа и сказал со всей серьезностью: «Да».

Ничего не изменилось, все осталось по-прежнему!

Брат подарил всем одинаковые тибетские сувениры и только отцу — связку старинных медных денег. Отец безразлично положил подарок у раковины на кухне, он лежал там несколько дней. Я даже думала, что отец выкинет подарок. Когда брат вручал отцу связку медных денег, он сказал: «Папа, ты любишь деньги, поэтому я тебе их дарю». В его словах была плохо скрытая ирония, но отец ничего не сказал. Он не отрываясь смотрел, как его сын отправился в ванную. Только когда мой брат помылся и вышел, отец отвел застывший взгляд. Брат сел за стол, стал рассказывать, что он видел. Лицо его светилось от радости, он без умолку говорил о тибетцах, об их грубой и простой жизни и крайней набожности. Закончив есть и говорить, брат потер свежевыбритое лицо и спросил самого себя: « Зачем я приехал?»

Он надел футболку и брюки, собираясь выйти. Натягивая носки, он опять задался вопросом: «Зачем я сюда приехал?» У отца вдруг затряслись руки и лицо вытянулось.

Сначала брат отправился на работу к Чжун Цяньмэй и выяснил, что она там больше не работает. Цяньмэй уволилась полгода назад, ушла работать в ресторан, а в какой — неизвестно. Брат стоял на улице в осенних сумерках и словно в

полудреме смотрел на суетящихся вокруг людей. Ему вспомнились слова «ценятся вещи, не ценятся люди» из надписи учителя Чжуна. Брату стало грустно, он подумал, что самое большое ощущение безысходности возникает именно тогда, когда вокруг «ценятся вещи, не ценятся люди».

Следующим пунктом остановки на пути брата был ресторанчик «Старый гость», где его дружки устроили ему встречу. Кто-то из них оставался холостяком, кто-то недавно женился, но все пили и вели себя раскованно, обмениваясь свежими познаниями в области общения с женщинами. Брат обнаружил, что он ни слова не понимает в их новом жаргоне, но ему не хотелось отставать от друзей, поэтому он поднял бокал и сказал: «Я последний девственник двадцатого века старше восемнадцати лет». Все захохотали, а потом продолжили разговор о женщинах. Тем временем брат попытался у Чжун Цяньли разузнать о Цяньмэй, но тот, холодно посмотрев, сказал, что здесь не место вспоминать о сестре.

— Смотрите, какой разборчивый! — сказал брат.

— В отличие от некоторых — да,— презрительно бросил Цяньли.

— Ты чего добиваешься? — ударил по столу брат.

— А ты? — встал Цяньли.

Брат тоже встал и рассердился:

— Я и в Тибете дрался с другими, но с другом — еще никогда.

Глаза его налились кровью, он больше не мог спокойно смотреть на Цяньли. Тот же не скрывал своего презрения:

— Изволь объяснить, чем ты лучше других? Зачем ты вернулся?

Брат не выдержал и схватил Цяньли за воротник:

— Я всего лишь хотел узнать про твою сестру.

Поднялся шум, посетители ресторана закричали: «Ну-ка, хватит! Напились!» — и их растащили. Когда брат пришел в себя, он обнаружил, что стоит на улице. Брат не помнил, кто его

вытолкал, но был уверен в том, что это сделали не его друзья. Он считал, что его отношения с друзьями по-прежнему оставались самыми чистыми и искренними. И не придавал особого значения поступку Цяньли. Он решил, что тот просто защищал свою сестру. Покинув ресторан, брат позвонил по уличному телефону подруге Цяньмэй. Та сообщила ему, что Цяньмэй работает в ресторане «Ланьюнь» администратором, и добавила, что если у брата будет время, он может с ней встретиться.

Брат еще выпил пива, ноги у него уже подкашивались, голова гудела. И тут он понял, что ресторан совсем недалеко отсюда. Брат решил пойти пешком, чтобы хмель выветрился. Таким образом он намеревался выказать уважение к Цяньмэй. Брат долго шел, пошатываясь, пока вдруг не сообразил, что решение было неверное. Он поймал такси, сказал адрес, но не успел отъехать, как опять вспомнил об уважении к Цяньмэй. Брат попросил шофера остановиться, спросил, куда надо идти, и пошел пешком. Когда он дотащился до ресторана, было уже больше восьми вечера, ему казалось, что он протрезвел. Брат сразу же увидел Чжун Цяньмэй. К его удивлению, ее губы были ярко накрашены, а глаза были холодны и надменны. Брат разозлился, схватил Цяньмэй за рукав и закричал: «Как ты могла пойти работать в кабак? Это же неприличная профессия. Неужели здесь так много платят? Смотри, у меня есть деньги, они твои!» И он бросил ей под ноги те деньги, которые отец дал ему на карманные расходы.

Цяньмэй сохраняла спокойствие. Почувствовав запах алкоголя, она решила, что столкнулась с очередным пьяным поклонником. Но когда Цяньмэй поняла, что это — мой брат, она позвала официантку, а сама поспешила удалиться по роскошному коридору ресторана. Ей совсем не хотелось и дальше подвергаться назойливым приставаниям брата. Официантка уложила моего брата на диване в углу, где он быстро уснул. На мгновение проснувшись, он не на шутку испугался, решив, что спит в какой-то отвратительной гостинице

в Тибете (они там и в самом деле отвратительные). Но когда он увидел красивые светильники на стенах, его страх испарился. Брат ощутил спокойствие, тепло и уют. Он видел сны о любви. Его больше не тревожили видения Тибета. На следующий день он позвонил Цяньмэй и предложил встретиться. Положив трубку, он словно очнулся ото сна. Он испытал наслаждение, не сравнимое с удовольствием от тайно подаренной чайной розы. Это чувство точно передают слова поэта:

Вдруг взглянул... она —
На балконе,
В фонаря догорающем свете! [1]

В голове брата уже возникали радужные картины. Они поговорили с отцом, и тот отнесся с уважением к его решению. Отец пообещал, что позволит моему брату жить так, как он хочет, и больше не будет принуждать его заниматься бизнесом. Брат решил, что у него будут любимая работа, верная жена, и станут они жить ни богато, ни бедно, изо дня в день без ссор и потрясений, наслаждаясь маленькими семейными радостями.

Такие планы на будущее строил мой брат.

Цяньмэй, согласившись на свидание, уже через минуту засомневалась, но брат был настойчив. Решили встретиться в парке у пруда. Цяньмэй попросила моего брата дома о встрече не рассказывать, так как это слишком незначительное событие.

В октябре 1993 года мы продали свой шикарный дом, и с тех пор я больше не видела семью Чжун. По-моему, тот случай с надписями стал последним проявлением страдания учителя Чжуна. Отношения между нашими семьями были очень сложные. Связь моего брата с Цяньмэй снова подлила

---

[1] Из стихотворения Синь Цицзи «В ночь на праздник фонарей». *Перевод М. Басманова.*

масла в огонь. Семьи все еще сводили старые счеты, и каждая из семей поочередно то проигрывала, то брала верх.

Соседствовать с семьей Чжун мы стали, когда мне исполнилось два годика. Чжуны занимали две больших комнаты, а мы жили в маленькой комнате за ними, которая раньше была кухней. Перед тем, как въехать в комнату, мать оклеила газетами закопченные стены. Она рассказывала, что, когда они заселялись, жена учителя Чжуна, учительница Мо, приоткрыла занавеску смежного окна и осмотрела нашу убогую мебель. Ее недобрый взгляд прошелся по всем предметам, и с тех пор между двумя женщинами возникла неприязнь. Мать сказала, что, по справедливости, наша семья заслуживает лучших жилищных условий, хотя учитель Чжун был образцовым преподавателем литературы и любимчиком директора, а мой отец — простым учителем географии. Но мать не унималась: у Чжунов еще не появились дети, а нам втроем приходилось ютиться в маленькой комнате. Хотя обе женщины видели друг друга каждый день, они никогда не разговаривали. Каждый раз, когда жена учителя Чжуна подглядывала за нами, мать с упреком смотрела на отца. Ей надоели эти газеты на стенах, она была просто в отчаянье.

Когда родился брат, у нас в семье жила рыжая кошка. Она часто недоедала, поэтому втихомолку подворовывала, где придется. Однажды она залезла в соседский буфет и съела кусок мяса на косточке, и, когда, не помня себя от радости, вцепилась во второй кусок, ее схватила учительница Мо. Кошке был всего год, ей недоставало прыти и смелости, поэтому она только растянулась и замерла. Учительница Мо непринужденно вошла в нашу комнату, держа в одной руке кошку, а в другой мясо. На столе в нашей комнате стояли тарелки от только что съеденного ужина, мать кормила грудью брата. Учительница Мо бросила мясо к ногам матери, а за ним и кошку. Кошка вскочила, схватила мясо и запрыгнула под потолок. Мать не поднимала глаз, пока учительница Мо

не ушла, и только потом посмотрела на отца. Он спокойно лег на кровать.

Среди всех видов презрений самое сильное — на почве денег. Учительница Мо работала в архиве при отделе образования, поэтому наверняка знала о происхождении моего отца. Она не переставала насмехаться над родом торгашей. Если учесть, что Мо и Чжун вышли из интеллигентных семей, то презрение учительницы вполне понятно. Странно другое — она подчеркивала свое превосходство тем, что могла позволить себе, в отличие от нас, питаться деликатесами. На дворе стоял 1968 год, а тогда пропагандировалось выкорчевывание буржуазной идеологии из населения, и бедность становилась почетной.

Во время Культурной революции на учителя Чжуна надели колпак. И это как-то приободрило мою мать. Она хмыкнула: «Ругают вас, и правильно. Компартия собирается исправить таких людей, как вы. Что тут говорить? Были интеллигентами в третьем поколении, стали „вонючей девяткой“». Но вскоре и моего отца объявили правым элементом. Под завывания осеннего ветра вся наша семья отправилась на работу в деревню. Мы вернулись обратно в комнату с газетами на стенах через десять лет, но неприязни между двумя семьями не убавилось. Только из-за почтенного уже возраста родители не бряцали оружием, как раньше. Обе семьи испытали немало трудностей, пережили взлеты и падения, стали гораздо прагматичнее. И тут брат впервые влюбился. Брат говорил, что они с Цяньмэй как Ромео и Джульетта. Для него причина враждебного отношения двух семей заключалась только в исторической ситуации.

Брату скоро надоели встречи тайком. Он с детства играл с Цяньмэй, они вместе смотрели кино, гуляли, встречались с друзьями, в общем, были близки друг другу. Брат заметил, что Цяньмэй стала проявлять нетерпение. Он подумал, может быть, надо стать еще ближе? Но Цяньмэй никак не показывала

своих чувств, поэтому брату ничего не оставалось, кроме как тихонько гладить ее по руке и, подавляя клокочущее желание, со щемящим сердцем думать: «Смотри, как я дорожу тобой. Таких воспитанных, как я, теперь мало. Как бы мне хотелось, чтобы ты тоже мной дорожила!» Каждый раз, когда на встречах с друзьями речь заходила о сексе, брат оставался только слушателем. Его удивляло, как горят глаза у его дружков, которые обычно краснели перед девушками. Женщины служили доказательством их мужественности. Например, сначала они изобрели способ проверить девственность. Потом, назначив свидание, вдруг говорили, что у них нет времени сегодня, «встретимся в другой раз». Могли, разозлившись, и избить девушку. А если она говорила, что мама не разрешает, и постоянно плакала, то запросто с ней расставались. Изумлению брата не было предела. Для него даже подобная мысль, не то что поступок, была оскорбительной.

Брат словно находился меж двух огней. Он хотел, чтобы любовь к Цяньмэй оставалась чистой, но ее тело становилось все желаннее для него. У Цяньмэй же все время менялось настроение. Она то смеялась, то грустила, то могла прижаться к брату, то вдруг отпрянуть. Ее поступки приводили брата в полное замешательство. Цяньмэй как будто стояла на сцене, ее ослеплял падающий на нее свет, но чем лучше ее видел зритель, тем более расплывчатым становился зал. Брат думал, что она переживает из-за противоречий между нашими семьями. Он предлагал ей в шутку вместе покончить с собой или сбежать в Тибет. Цяньмэй не отвечала на его слова, лишь изредка холодно улыбалась. Брат, не зная, что делать, стал ругать своих родителей, утверждая, что они навредили многим людям, в том числе и ему. Но Цяньмэй на это сказала: «Я преклоняюсь перед твоими родителями. Мои родители совсем не такие благородные, как ты думаешь. Сейчас они бедные и безобидные. Но они бы тоже наносили вред окружающим, если бы у них были деньги и власть».

Брат оторопел от ее жестоких слов, они говорили о ее практическом уме, а девушки от этого перестают казаться милыми. Романтические отношения между моим братом и Цяньмэй длились до тех пор, пока не случилось несчастье. Учитель Чжун покончил с собой. Вскоре после этого его сын Цяньли бросил работу на государственном заводе и сбежал на юг заниматься бизнесом. А Цяньмэй неожиданно проявила решительность и попросила моего брата больше не искать с ней встреч.

Все считали, что смерть учителя Чжуна неким образом связана с моей семьей. Хотя нам казалось, что после возвращения из деревни между семьями установилось некоторое перемирие. В последний год своей жизни учитель Чжун мог вспылить без причины. Презирая стремление окружающих к материальным ценностям, он отказывался давать частные уроки, из-за чего происходили частые ссоры с женой. Учитель Чжун запирался в спальне, откуда выходил только поесть. В своем укрытии он сладко отсыпался. А проснувшись, отодвигал занавеску и смотрел на наш дом, как когда-то его жена. Он мог долго стоять у окна, уставившись на наш дом бессмысленным взглядом, словно полоумный. Жена кричала ему: «Эй, старый олух, хватит так смотреть! Ты пугаешь меня!» Но учитель Чжун не обращал на нее никакого внимания. Как-то раз, потеряв терпение, учительница Мо заорала: «Чтоб ты сдох!» И пошла на рынок. Пока она была на рынке, учитель Чжун проглотил полбанки ее снотворного и умер.

Мой брат пришел на похороны. Он затерялся в толпе и скорбел об учителе Чжуне. Потом он увидел, что Цяньмэй, одетая в траурную одежду, встала на колени перед алтарем. Брата до глубины души поразило ее искреннее горе. Он вдруг почувствовал, что та, мечущаяся Цяньмэй,— ненастоящая. Вот она, истинная Цяньмэй, с осунувшимся лицом и побелевшими губами. Брат погрузился в воспоминания, перед его мысленным взором проплывали сцены детства и юности, где Цяньмэй была сама собой. Он даже вспомнил, что когда Цяньмэй было пять лет, она часто

носила голубые шортики. Каждый раз, когда брат видел, как она, одетая в голубые шортики, изучает муравьев под деревом, он невольно смотрел на занавески дома Чжунов, потому что занавески и шортики были сделаны из одной и той же ткани.

Возвращаясь домой, он понял, что открыл в себе любовь. От этого чувства щемило сердце и хотелось плакать. Все плыло перед глазами, время останавливалось, но душа была исполнена блаженства.

После похорон учителя Чжуна Цяньмэй стала избегать моего брата. Просьбы о встрече она отклоняла под предлогом, что должна помочь матери. Из-за нерадостных предчувствий каждый день казался брату годом, он постоянно напивался, играл в азартные игры, мог из-за пустяка устроить драку. Часто видели, как он лежит на улице пьяный. Три месяца спустя Чжун Цяньмэй позвонила моему брату и предложила встретиться. Она прямо сказала ему, что выходит замуж. Ее прямота внезапно помогла брату понять, что Цяньмэй никогда не любила его.

Он остолбенел. Потом спросил с горечью: «Кто он? Надеюсь, хотя бы не идиот?»

Цяньмэй ответила, что выходит замуж за предпринимателя из Тайваня.

Брат стал расспрашивать о его возрасте, внешности, благосостоянии, затем воскликнул: «Но у меня есть перед ним преимущество — возраст. Почему ты выбрала его, а не меня?» Брат предположил, что причиной решения Цяньмэй стал раздор между нашими семьями. Она холодно усмехнулась:

— Когда же ты, наконец, поумнеешь?..

— Тогда почему ты играла с моими чувствами?

— Может быть, хватит? Даже девчонки уже так не выражаются,— вспылила она.

Брат вскочил и схватил ее за волосы:

— Почему? Говори!

Цяньмэй пыталась вырваться, но мой брат держал крепко. Чтобы ослабить боль, ей пришлось положить голову ему

на грудь. Со стороны в сумраке могло показаться, что это влюбленная пара.

Цяньмэй заплакала:

— Отпусти меня, и я объясню тебе причину.

— Сначала скажи,— настоял брат.

— Я хотела любить тебя,— пронзительно сказала Цяньмэй.

Брат еще крепче сжал ее волосы:

— Еще раз подумай. Незачем говорить о любви!

— Я сделала это ради денег, у него их больше, чем у тебя,— всхлипывала она.

Брат отпустил Цяньмэй:

— Вот это, наконец, правда.

Она вырвалась и побежала, брат погнался за ней. Ему хотелось выместить злобу, заставить мучиться обидевшую его женщину. Брат преследовал Цяньмэй, она же, словно напуганный заяц, то бежала, то останавливалась. Под покровом темноты брат то обнимал ее, то, как безумный, трогал ее тело, хотел насильно затащить ее в угол и надругаться над ней. Его сердце было переполнено гневом и желанием, его трогательная нежность и священный трепет по отношению к возлюбленной бесследно исчезли. Преследуя Цяньмэй, брат почувствовал облегчение. Через некоторое время они оказались возле ее дома. Тяжело дыша, Цяньмэй прислонилась к воротам во двор. Она стояла напротив брата, держа в руках приоткрытую сумочку, но ключи не доставала. И тут брат опомнился. Он посмотрел на дом, который построила наша семья, все такой же высокий и величественный. На его фоне дом Цяньмэй казался старым и убогим, его некогда сероватые стены почернели от грязи. Брат сразу же простил ее. Он извинился перед Цяньмэй и с тяжелым сердцем исчез в ночи. На душе его было пусто. Брат возвращался домой, ругая себя за мерзкое поведение. Потом он проспал три дня и три ночи.

Брат не был ни оживлен, ни подавлен, он не грустил и не радовался. Его одинокая душа как будто парила где-то в вы-

шине, ему все стало безразлично, брат с головой погрузился в прекрасные воспоминания. Голубые шортики Цяньмэй стали точкой отсчета для бесконечного путешествия в прошлое. Брат вспомнил, как однажды с Цяньмэй случилась беда. На улице ссорились мужчина и женщина, она была очень слабой, а он — очень злым. Цяньмэй стояла в толпе зевак, держа пакетик с попкорном. Вытянув шею, она иногда бросалась попкорном в голову злого мужчины. За спиной у Цяньмэй садилось зимнее солнце, поэтому ее действия нельзя было не заметить. Хладнокровность и уверенность, с которыми она кидала попкорн, ее изящество и грациозность, с которыми она вытягивала шею,— все это до сих пор вызывает умиление брата. Мужчина наконец-то заметил, что делала Цяньмэй, взревел и набросился на нее. Она растерялась, выронила попкорн и опрометью бросилась в женский туалет. Мужчина остановился перед дверью, выругался, но тоже зашел в туалет. Оттуда сразу раздались крики. Брат помчался спасать Цяньмэй. Потом она, прислонившись к брату, всю дорогу хихикала. Тогда Цяньмэй еще не умела холодно усмехаться.

Предавшись воспоминаниям, брат не хотел возвращаться к реальности. Воспоминания успокаивали его. Тогда я пошла к Цяньмэй. Она сказала мне, что ей действительно хотелось полюбить моего брата, но она не смогла. Да, мой брат скоро будет обладать огромным состоянием, но у него абсолютно отсутствует инстинкт соперничества, поэтому положиться на него нельзя. А Цяньмэй нужен богатый и надежный муж. Мой брат принадлежит к золотой молодежи, но он не сможет обеспечить ей счастливое будущее. Я возразила: «Мой брат очень любит тебя, и только это важно». Она посмотрела на меня. Ее лицо цвета персика украшали темные холодные глаза. «Я знаю, что надо делать, чтобы мой муж любил меня так же, как твой брат»,— сказала она. Я иронично спросила: «А если он не будет тебя любить?» — «Что ж, тогда мне не о чем будет сожалеть — меня уже любил один человек. И этого достаточно»,— ответила Цяньмэй.

Ее слова были словно конец длинного тоннеля. Мне стало горько. Передо мной сидела твердая, самоуверенная, очень прагматичная женщина, у которой все учтено и продумано, и которая ни от чего просто так не откажется. По сравнению с ней мой брат казался слабым и смешным. Я попрощалась. Я знала, что брату не о чем говорить с Цяньмэй, между ними нет ничего общего. Они были неравными соперниками.

Цяньмэй быстро подготовилась к замужеству. Перед свадьбой она переехала из своего убогого жилища в шикарный отель, где ожидала своего тайваньского бизнесмена. Цяньмэй попросила моего брата прийти к ней, чтобы поговорить перед отъездом. Он пришел, тая в душе смутную надежду. Свет был приглушен, по комнате разливался аромат. Цяньмэй встретила брата в белой шелковой ночной рубашке, которая колыхалась, смутно показывая очертания ее тела. Она соблазнительно прошлась перед братом, затем села за туалетный столик и стала расчесывать волосы. Брат внезапно понял ее намерение, тлеющая надежда загорелась с новой силой, желание поглотило его. Дрожащими руками брат прикоснулся к ее груди. Когда он уже был не в силах сдерживать желание, ему пришло в голову, что таким образом Цяньмэй, возможно, пытается раскаяться и искупить свою вину. Есть ли у него право взять это тело? Брат отпрянул от Цяньмэй, присел рядом и закурил. Потом, не прощаясь, ушел из гостиницы.

Выйдя замуж, Цяньмэй переехала с мужем на Тайвань, с тех пор они с братом не виделись. На следующий день после случая в гостинице он, все еще переживая, познакомился с одной девицей, которую прозвали Безотказной. Уже само ее прозвище настораживало, но брат тут же с ней переспал, чтобы заглушить желания, которые пробудила в нем Цяньмэй. Безотказная была простой и вульгарной девицей. Своим симпатичным, острым и хитрым личиком она напоминала лисичку. Кокетничая, она прикрывала глаза. Безотказная не имела никаких предубеждений в отношении мужчин и обладала

жизнерадостным характером. Без сомнения, она была очень грубой, но ее прямота, пусть непристойная, выглядела невинной, что лишь усиливало сексуальное желание моего брата. Она дала ему ощущение ничем не обремененной легкости. Пока брат видел красивое лисье личико, он не мог вспомнить лицо Цяньмэй, как ни пытался. В голове брата прочно засела мысль о том, что, выйдя в тот вечер из отеля, он сразу пошел искать туалет, чтобы справить нужду. Он думал, что на самом деле он не желал плоти Цяньмэй, ведь тогда его естественная потребность не была бы столь резко ощутимой.

Глаза брата стали влажными. Их история с Цяньмэй закончилась, душа вновь очистилась.

После этого он расстался с Безотказной.

Брат больше не допускал того, чтобы женщины становились смыслом его жизни. Познав их дух и плоть, он решил, что видит теперь женщин насквозь, и вернулся к своим друзьям. Но друзья уже не были его опорой, как раньше. Все они занялись бизнесом. Кто-то открыл магазин одежды, кто-то водил такси, кто-то торговал рисом, кто-то открыл кафе. Собираясь вместе, они обсуждали, как больше заработать, как в рис незаметно примешивать песок или как сделать обаятельными официанток в кафе. Они наверняка знали, что брату не нравились такие беседы, но их нисколько это не волновало. Разговор был оживленным, бойким, они пускали пыль в глаза друг другу и хвастались. Брату оказывали холодный прием, его это обижало и возмущало. Он не мог горячо изображать одобрение, слушая про песок в рисе или что-нибудь подобное. У него вызывали неприятие и отвращение методы, используемые друзьями в бизнесе. В общем, брат снова вел себя как ребенок. Он пытался поддерживать беседу, но все, что он говорил, казалось его друзьям скучным. Слушая, как они обмениваются жизненным опытом, он с горечью понял, что в мире бизнеса он

был слабаком, как, впрочем, и в жизни, в течение всех двадцати восьми лет.

Брат решил поговорить с отцом. Он убедил отца еще раз доверить ему управление предприятием. Но, как и прежде, он не знал, чего на самом деле хочет. И уже скоро, начав работать, опять почувствовал отвращение к бизнесу. Настроение у него было вялое, он бесцельно шатался изо дня в день, ненавидел любовь друзей к наживе, его тошнило от их восторгов по поводу грязных делишек. Некогда искренняя дружба, которая дарила ему «счастье», испарилась.

В конце концов, брат распрощался со своими друзьями. Мне не хочется детально описывать тот вечер в ресторане «Старый гость», но придется. Они пили в «Старом госте», друзья как всегда начали обсуждать интересующие их темы, брат попросил:

— Давайте поговорим о чем-нибудь другом!

Тогда один из них, хозяин магазина риса по кличке Верблюд, сказал:

— Хочешь говорить о чем-нибудь другом, иди отсюда к бабам.

Началась ссора, Верблюд возмущался:

— Тоже мне, барин нашелся! Мы говорим, о чем хотим! У тебя же есть деньги, иди, развлекайся, где хочешь! Нечего тут свои манеры показывать. Чем ты лучше нас? Кто ты такой, чтобы указывать, о чем нам говорить!

Брат окинул всех взглядом, он встретил лишь неприязнь и подчеркнутое безразличие. Показывая на Верблюда, он спросил:

— Вы все с ним согласны?

Друзья молчали. Брат все понял: он остался в одиночестве. Брат горестно воскликнул:

— Я ведь пришел сюда только ради вас!

Верблюд процедил:

— Нам не нужна твоя жертва.

Так брат поссорился с друзьями. Эта нелепая ситуация была неизбежна, рано или поздно это случилось бы. Но мне хочется рассказать о том, что произошло накануне последней встречи с друзьями в «Старом госте». Брат сидел в ресторане с клиентами, как вдруг заскучал по своим друзьям. Позвонив им, он узнал, что друзья собрались в «Старом госте». Брат незаметно сбежал от клиентов. Он был нетрезв, поэтому не сел в лимузин, а решил поехать на старом, разваливающемся велосипеде. К тому же брат считал, что будет некрасиво с его стороны приехать на лимузине, он должен был заботиться о достоинстве друзей. Семья Чжун перевернула для него мир, он долгое время корил себя за смерть учителя Чжуна. Брат помогал друзьям переезжать, помогал устраивать свадьбы и организовывать похороны, искал им работу, дрался из-за них. Он помнил даты дней рождения не только всех друзей, но и их детей. Если заболевала мама друга, он спешил на помощь, как к своей маме. Брат делал все это бескорыстно, ничего не жалея, ради любви к друзьям. Эта любовь была сильнее любви к родителям, для них он ничего сделать не мог. Брат изо всех сил помогал друзьям, обожал все их шутки и поступки. Сколько у него было приятных воспоминаний! Веселый смех, слезы растерянности, тишина при луне, истеричные ссоры, глубокомысленные разговоры всю ночь... Их дружба была исполнена чистосердечности и доверия. Последние годы брат целиком отдавал себя друзьям, но сейчас они как будто оказались за стеклом — тянешься и не можешь достать.

По дороге у велосипеда отвалился звонок, два раза срывалась цепь. И так как брат был нетрезв, то на повороте он упал. Наконец, весь вспотев, брат добрался до «Старого гостя», поставил велосипед в ряд с мотороллерами его друзей и беззаботно зашел внутрь. Он и не мог предположить, что его здесь никто не ждет. Брат никак не мог взять в толк, почему Верблюд оскорбил его и все молча поддержали Верблюда. Брат разбил две бутылки пива и спросил с упреком:

— Так вот, значит, как вы теперь ко мне относитесь?

Но вдруг понял, что не нужно показывать свои эмоции, и замолчал, приняв безразличный вид. Друзья один за другим вышли, брат в одиночестве выпил пол-литра водки, разбил еще несколько стоявших на столе бутылок и на увещевания хозяина лишь смеялся:

— Не беспокойся, я за все заплачу. Я беспомощный, но у меня есть деньги.— Он бросил деньги ему в лицо, бормоча: — Есть ли что-нибудь настоящее в этом мире?

Хозяин, собирая купюры с пола, ответил, что настоящие на этом свете только деньги, а затем вытолкал брата из ресторана.

Брат стоял на улице, задрав голову, ему казалось, что звезды хотели упасть на него. Они пугали брата, он лег на землю и смотрел, как звезды кружились над ним в танце. Брат лежал и представлял: он сейчас собака или гусеница, ему не надо ни о чем думать и можно делать все, что захочется. Брат, расслабившись, лежал посреди улицы, как вдруг услышал детский голос: «Мама, посмотри на этого человека». Брат сразу сел и закричал: «Я не человек». Он снял маникюрные ножнички с ключей и попытался перерезать себе вены. Брат почувствовал сильную боль в запястье, ему стало холодно, и перед ним открылись новые просторы, тогда он, довольный, лег обратно. В полузабытьи ему вспомнились два события. Первое — его преследование Цяньмэй, второе — его безудержный секс с Безотказной. Брату показалось, что его нынешнее, очищенное, состояние похоже на те события. Ему это понравилось.

Мой брат походил на старую и бесполезную вещь, которая тем не менее обладала смыслом и силой. Хотя вещь уже старая, с годами она изысканнее блестит. Хотя вещь бесполезная, она вызывает у своего владельца какие-то воспоминания. К сожалению, теперь люди не нуждаются в подобных

вещах. Современные люди торопятся, им необходимо все самое новое, они, словно песчинки, несутся вперед по воле ветра, но впереди только черная дыра...

После попытки перерезать вены брат в отместку друзьям стал выставлять напоказ свое богатство. Он разъезжал в лимузине, носил одежду дорогих марок, на руке у него неизменно были швейцарские часы. Приходя к друзьям в гости, брат делал дорогие подарки, что всегда заставляло жен друзей предаваться воспоминаниям и мечтам и сердиться на своих никчемных мужей. Брат видел в глазах друзей сдавленный гнев, уязвленное самолюбие и безысходность. Он достиг своей цели и был бесконечно этому рад. Друзья прятались от него, как мыши при виде кошки. Однажды брат сказал мне, что ему очень «уютно» от таких действий. Мне сразу вспомнилась поездка отца в деревню Большие ивы. Наверное, судьба заставляла брата пройти путь отца. То, что случилось дальше, подтверждает мои слова.

Брат никуда не ходил — не осталось людей, равных ему по духу, чтобы принимать его. Он вернулся домой, словно блудный сын,— родители всегда без каких-либо условий принимают детей обратно. Брат стал смирным, как овца, послушно ел, спал, работал, не пьянствовал, не ругался, не дрался, во всем соглашался с родителями. За завтраком брат рассказывал им, что ему снилось. Чтобы увидеть хорошие сны, а не кошмары, он с глубокомысленным видом слушал перед сном песни, декламировал стихи, читал юмористические произведения. Брат любил поспать долго, и родители часто по утрам слышали, как он смеялся во сне. Из-за того, что брат много спал и никуда не ходил, он сильно похудел. Мать спрашивала отца: «Может быть, он болен?» Отец смотрел на сына и молча качал головой. И хотя в доме стал часто раздаваться смех брата, атмосфера оставалась нерадостной.

Брат начал приводить в порядок вещи, разбирая книги, фотографии, дневники, письма, словно желая подвести итог.

Но вид у него был скорбный, как будто он нарочно бередил раны. Брат перебирал каждую вещь, в комнате стояла пыль столбом. Вдруг он позвал меня. Брат держал в руках фотографию, на ней был толстый мальчик лет тринадцати, с задумчивым выражением лица. Брат заставил меня угадать, кто это, но я не смогла. У брата в детстве было огромное количество друзей, поэтому в его альбомах хранилось много таких фотографий. Все его детские друзья выглядят одинаково: искренние, упитанные, в одежде, которая им велика. Брат сказал: «Еще раз подумай. Самый толстый мальчик. Он всегда ждал меня снаружи в дождь под зонтиком». Он перевернул фотографию, и я увидела красиво выведенную надпись: «От младшего брата на память. Желаю счастья и здоровья. В дар старшему брату». Посмотрев на почерк, я вспомнила одного первоклассника. Обычно он не решался к нам заходить, и тогда, в дождь, ждал брата на улице под зонтиком. Может быть, он так делал, чтобы брат не брал с собой зонтик и не утруждал себя. А может быть, помогал брату перейти через дорогу. Когда мы только вернулись из деревни, брат боялся переходить улицу. Он останавливался на обочине, трясясь от страха, с застывшим взглядом и открытым ртом.

— Это Афу,— сказала я.

Брат вдруг заплакал, он судорожно искал платок, но не нашел и стал вытирать слезы рукавом. Афу умер в пятнадцать лет от опухоли мозга, у его родителей не было ни гроша. Те дождливые дни, искренняя привязанность, чистота отношений — все это больше никогда не вернется. После смерти Афу мой брат часто сидел на его месте в классе, терзаясь воспоминаниями. Но это было в прошлом. Афу давно умер, и брат вскоре забыл о нем. Он не имел душевной потребности в страдании, как сейчас. Глаза брата покраснели, он проплакал весь день. Мне стало не по себе при мысли, что мертвец смог возродить брата. Он в точности повторял путь отца. Тот так же скорбел о матери, которую никогда не видел, и был разочаро-

ван в живых людях. Умерший Афу продолжал помогать брату. Он его воодушевил. Благодаря ему брат простил всех своих обидчиков, его больше ничто не беспокоило. Так люди с богатым внутренним миром не обращают внимания на насмешки по поводу их нищенской одежды. Брат словно очнулся от долгого сна, он приободрился, его лицо порозовело. Он выбрался из безвыходного положения и был воодушевлен, словно изголодавшийся голубь, нашедший дорогу домой.

Но я понимала, что брат опять наступал на те же грабли. Его душа была полна, он вновь обрел веру в людей. Афу стал для него чем-то вроде талисмана. Брат постоянно вспоминал о нем, рассказывал, что у Афу была бедная семья, ему приходилось везде брать с собой младшего брата, который тащил за собой собачку. Воспоминания брата растрогали меня. Я представила мальчика, который заботливо ведет за собой младшего брата и его собачку. Наверняка, это был добрый мальчик. В то же время меня восхищало эстетическое чувство брата. Из всех воспоминаний он выбрал именно это, что говорило об особенной утонченности. У брата была природная страсть к прекрасному. Они часто вместе с Афу сидели во дворе его дома. Там рос большой клен. Осенью, когда краснели листья, они сидели вдвоем под деревом и молчали, окружающий мир как будто исчезал. Иногда что-то слетало с дерева, то ли птица, то ли лист, и время, словно прилив, то двигалось, то замирало. Брат чувствовал медленные, легкие колебания мечты и нежности. После смерти Афу брат, страдая, пришел к клену. Это случилось в начале зимы. Листья стали опадать, пропитанные холодными дождями, они набухли и пожелтели, как лицо Афу перед смертью. Брат безрадостно смотрел, как падают листья, ему хотелось плакать, но слез не было. Он словно сошел с ума.

После того, как брат обнаружил в своей комнате фотографию Афу, он нашел себе подругу, чтобы делить с нею воспоминания о своем «младшем братишке». Он упивался своим страданием. Девушка была кроткая и послушная, она смотре-

ла на брата мигающими чистыми глазами и слушала его лирические излияния, а в голове у нее крутилась одна мысль — как выйти за него замуж. Но у брата были другие цели, поэтому он не позволял себе никаких вольностей, лишь иногда прикасался к ее руке. Девушка была оскорблена до глубины души. Брат объяснил ей, что не собирался вступать с ней в интимную связь. Она же требовала от него действий. Брат не на шутку перепугался. «Так я и жениться могу! — подумал он.— Но люблю ли я ее?» Брат решил поделиться этой проблемой с одним старым приятелем, которого он великодушно простил за причиненную боль, глядя на фотографию Афу. Выслушав брата, приятель посоветовал переспать с девушкой. Брат заметил, что в таком случае ему придется жениться.

Приятель похлопал его по плечу:

— Ты и впрямь честный. Сможешь от нее отделаться — хорошо. Не получится — женись.

Брат грустно сказал:

— Брак без любви — несчастливый брак.

Приятель вздохнул и принялся объяснять:

— Ну, ты и болван! Никто уже давно с этим не считается, один лишь ты такой. Три года назад все стремились к чистым девушкам, а сейчас? Ни одной девственницы. А что делать? Вешаться, что ли? Ты должен это принять и делать, как все. Ведь сейчас героем считается тот, кто идет в ногу со временем. Переспи с ней.

Брат холодно улыбнулся. Он пожал руку и сказал:

— Я смотрю, вы постепенно становитесь настоящим стадом.

Приятель застыл с открытым ртом. А когда пришел в себя, заорал:

— Думаешь, никто не знает, что вы там вытворяли с Безотказной? Вы занимались сексом даже на кухне! А еще мораль читаешь!

Брат покраснел, строго и громко ответил:

— Я сожалею об этом. И уже давно с ней не общаюсь.

Брат решил объяснить девушке — единственное, что их может связывать сейчас, это воспоминания об Афу.

— Если она добрая, то не должна питать отвращения к Афу,— подумал брат.— А если так, то, черт побери, женюсь. Плевать, любовь это или нет. Нравственность важнее любви.

Однако девушке надоели романтические излияния брата. Услышав его объяснение, она плюнула брату в лицо:

— Думаешь, я позволю тебе уйти первому? Да если бы не твои деньги, я бы не тратила на тебя столько времени! Придурок!

Брат жаловался мне:

— Разве чистая девушка может так ругаться? У нее такие красивые глаза и улыбка, но в душе нет мечты о прекрасном. Ей лишь бы с кем-нибудь быстренько переспать, чтобы выйти потом замуж. Да, сложно найти честную девушку...

Расставшись с этой особой, брат ничуть не грустил. Он увеличил фотографию Афу и повесил на стену. На его губах играла неясная улыбка, он все чаще выглядел задумчивым. В нашем доме эта фотография была самой странной вещью, если не сказать — страшной. Ночью при лунном свете она могла испугать до смерти. Отец возмущался. Он говорил, что эта фотография не сулит ничего доброго и вредит здоровью его и матери. Но брат отвечал:

«Не надо меня раздражать. Кроме вас он мне самый близкий человек».

Отец, разозлившись, сорвал фотографию и порвал на кусочки, но брат вынул из ящика новую, сказав, что предвидел это, поэтому сделал много экземпляров.

Отец считал, что его отношения с сыном стали похожи на игру, и чем дальше, тем эта игра комичнее. Поэтому он махнул рукой. Отец уже давно в душе разочаровался в сыне и, смирившись, решил положиться на судьбу. Однако время от времени все же давал наставления сыну.

— Рынок сейчас в очень плохом состоянии, поэтому надо быть более предприимчивым,— сказал он однажды сыну.—

После того, как ты удрал в Тибет, состояние компании стало нестабильным. Вчера с завода ушли два специалиста, некоторые требуют повышения зарплаты. Со склада украли много материала. Никто никому не платит. Конкуренты перехватили несколько каналов сбыта.— Отец ворчал, он был очень расстроен.— Мне больше всего в этой жизни хочется выращивать розы, поливать их и ловить червячков,— продолжал он.— И не нужно никаких химических средств... Мне уже немного осталось. Когда я окажусь там, на небе, все будет неважно. Ты бы лучше подумал о том, что ведешь себя как ребенок.

Отец попросил сына натереть его маслом, что тот и сделал. Хотя отец заработал огромное состояние, на нем были кожа да кости, и масла для натирания требовалось совсем немного.

Проблема брата теперь заключалась не в том, что он не хотел, а в том, что не мог. Такое положение дел душило его. Натирая отца, он серьезно задумался. Если бы Афу был жив, вряд ли ему понравилось бы такое поведение брата. Ради Афу он должен измениться. Но тут брату пришла в голову другая мысль: смог бы Афу бросить его, как нынешние друзья? Если бы Афу занялся бизнесом и стал бы, допустим, продавать рис, подмешивал бы он в рис песок? Все же в смерти есть свои плюсы. Смерть дает ощущение неизменного постоянства, поэтому дела прошлого, неважно, когда вспоминаешь о них, невозможно подвергнуть сомнению.

Стояла зима, на улице завывал ветер, раскачивая деревья. Думая об Афу, брат вдруг осознал, что Афу был самым обыкновенным человеком. Ветер оторвал от земли душу брата и понес на небо. Все рушилось. Мир оказался ненадежным, смысл жизни был утрачен. Афу молча смотрел на него со стены с бледным и растерянным видом. Постепенно брат успокоился.

Он стал усерднее работать, и это очень радовало отца.

В 1996 году, за месяц до Праздника весны, брату по межгороду позвонил Чжун Цяньли. Сначала он упомянул о женщинах,

рассказал, что в городе слишком много красоток, так что иногда у него во рту пересыхает, и он не может заснуть. Но Цяньли к женщинам не пристает, потому что у него есть принципы. Внезапно у него стал заплетаться язык, но он взволнованно сообщил, что намечается большая сделка. Цяньли предложил моему брату купить партию электроники.

Брат сменил тему. Всю неделю Цяньли названивал ему, то говорил, что пьян и хочет плакать, то сообщал, что читает «Сон в красном тереме». Потом звонки прекратились, все-таки беседовать о том о сем по межгороду дорого. Но спустя какое-то время Цяньли возобновил телефонные разговоры. Он откровенничал о том, что ему так одиноко и грустно в чужом городе, особенно по праздникам, что он сильно скучает по дому. Жаловался на гостиницу, в которой жил: там постоянно шумят, все пьяные, везде бардак, грязные красные ковры, мутные желтые лампы в коридоре. Везде творятся грязные делишки. Люди таинственно появляются и исчезают — каждый вечер в номере новое лицо. Но никого ничего не волнует.

В результате брат, взяв деньги, отправился в город, где жил Цяньли. Он собирался подписать липовый договор на миллион юаней. Что Цяньли врет, брат понял еще во время первого их телефонного разговора. Остается полной загадкой, почему же брат все-таки поехал. Цяньли потом всем рассказывал, что он просто хотел подшутить над моим братом. И когда неожиданно открылась дверь его гостиничного номера и на пороге возник мой брат, в голове Цяньли появился план. Он решил во что бы то ни стало использовать этого пижона на потеху себе и своей семье.

Перед отъездом брат не находил себе места, он был в странном состоянии. Почему он посетил могилу Афу? Для чего он спрятал фотографию Афу как талисман во внутреннем кармане? Мне кажется, он боялся. Но перед Цяньли брат предстал спокойным и уверенным. Он поставил в угол чемодан, снял кожаный плащ, умылся в ванной, сходил в туалет,

затем сел на кровать, снял ботинки и надел тапочки Цяньли. Он сделал все это без спешки. Цяньли, не двигаясь, лежал в одежде под одеялом. Он ничего не понимал, и вид у него был дурацкий. В конце концов самообладание к нему вернулось, и он думал: «Мой одноклассник еще глупее, чем я думал».

Брат зажег сигарету и, глядя на Цяньли, произнес:

— Я приехал.

Брат казался немного унылым. Цяньли подумал: «Вот так выглядят все слабаки»,— и заносчиво сказал:

— А ты не такой противный, как раньше.

— Я во многом изменился. Отец стар, нельзя же его все время огорчать.

Цяньли засмеялся, вынул из пачки сигарету грязными пальцами. Его очень рассмешила серьезная интонация брата. Наконец перестав смеяться, он достал из-под кровати бутылку водки: «На, выпей, чтобы развеселиться! Не зря же отец растил тебя, балбеса». Хлебнув водки, Цяньли начал рассуждать:

— По правде говоря, я тебе завидую. Такой честный, искренний, наивный. И вдобавок у тебя такой хороший папа. Для чего твой отец проделал столько махинаций и сколотил состояние? Чтобы у тебя в жизни было все. А у меня? Мой добрый папа мог только наесться снотворного.

— Твоя мать одна, ты должен вернуться.

— Не надо об этом,— перебил Цяньли и сменил тему.— Я все знаю про тебя с сестрой. Хорошо, что ты не поддался. Эта девчонка играла с тобой.

Он коварно взглянул на брата в надежде, что тот переменится в лице. Брат лишь слегка покачал головой, то ли в знак согласия, то ли наоборот. Цяньли встал и нарочито подбоченился:

— Все, не пью больше. Совсем пьяный, несу какой-то бред.

Затем Цяньли перестал обращать внимание на брата, стал кому-то звонить, почти полчаса не выпуская трубку из рук.

Потом сообщил, что связывался со своими партнерами и уже завтра поведет брата на переговоры, чтобы он успел подписать все до праздников. Цяньли спросил, сколько мой брат привез денег. Тот честно ответил: «Тридцать тысяч юаней». Цяньли брезгливо посмотрел на него и сказал:

— Сколько есть, столько есть. Посмотрим, удастся ли тебе заключить договор.

Ночью он спросил брата: «Может, девушка нужна? Их тут много в гостинице, по сто юаней за одну». Брат ничуть не рассердился, спокойно ответив, что не надо.

На следующий день они приступили к делам. Цяньли таскал за собой моего брата, словно барана на привязи. Водил по гостям, знакомил с деловыми партнерами и делал им подарки. Партнеры Цяньли были самой разной масти: чиновники, военные, милиционеры, уличные торговцы, безработные и мафиози. Цяньли водил их по дискотекам, где они лапали девиц, а брат за все платил. Цяньли требовал купить то дорогие часы, то заграничное вино, и брат все беспрекословно выполнял. Он был послушен и тих, его волю словно парализовало. Брат безучастно слушал, как Цяньли, издеваясь, представлял его своим партнерам:

— Это хороший человек, не то что я. У его семьи очень много денег, поэтому ему незачем беспокоиться о будущем. Но ему не хватает жизненного опыта. Именно поэтому он до сих пор остается таким хорошим и радостно относится к жизни. Давайте он нам расскажет, как, пожертвовав собой, его отец сидел в тюрьме, очень трогательная история. Или про деревню Большие ивы, тоже очень интересно.

Через неделю брат сообщил Цяньли, что у него осталось только три тысячи юаней. Тот развел руками:

— Я ради тебя старался, всех ублажал, ведь договор подписать очень сложно! Но если ты готов тратить деньги, то все получится. Так что отправляйся домой, привези денег, а я тебя буду здесь ждать.

— Не подпишем договор — плевать. Поехали завтра домой отмечать Китайский Новый год.

— Мы? Домой? Мой отец умер, мать вышла замуж, каждый сам по себе. Теперь мать, наверно, опять себе кого-нибудь подыскивает, все надеется найти богатого старика.

— Не надо так говорить. Там твой дом.

Цяньли взял брата за плечо, вздохнул:

— Как ты навострился говорить ерунду. Сегодня последний вечер, пойдем выпьем, я угощаю.

Цяньли привел брата в незнакомый бар. Брат очень сильно напился, он не помнил, как ушел Цяньли, и как на его коленях оказалась какая-то женщина. Брату было плохо, он оттолкнул женщину, приказав ей сесть на соседний стул, затем начал ее поглаживать. В это время к нему решительно подошел мужчина, представился, что он из милиции, и попросил пройти с ним. Брат посмотрел на сидящую рядом женщину и с трудом произнес: «У меня нет...» Милиционер не дал ему договорить и увел брата в участок.

На носу был Новый год, никто не хотел разбираться в деле брата, его посадили в камеру, где он провел неделю. Сначала ему приходилось постоянно сидеть и даже спать на корточках, потому что его руки были связаны за спиной. Поесть давали грубый рис, который застревал в горле, и похлебку, напоминающую суп с китайской капустой. Кто-то из сокамерников плакал, кто-то ругался. Только мой брат хранил молчание. После того как ему развязали руки, он часто доставал фотографию Афу и смотрел на нее украдкой. Он совсем перестал спать и все время вспоминал отца. Тот тоже сидел в тюрьме, где нет забот, как у младенца, но где нет и ни малейшей надежды. Наверняка отец так же вспоминал всех, кого знал, чтобы найти опору в этой бездонной пустоте. Но единственным, кто мог действительно поддержать отца, была его мать, которую он никогда не видел. В бесконечной же череде разочарований и поражений брата его последней опорой

стал Афу. Брат начал верить, что именно Афу позволил ему попасться в ловушку Цяньли. Теперь он принял это с благодарностью. Душа брата полностью исцелилась, он обрел покой.

Через неделю брата выпустили, он зашел в гостиницу, где жил Цяньли. Того, как брат и думал, уж след простыл. Брату пришлось заплатить за Цяньли по счету в гостинице. На последние деньги он купил билет на поезд домой.

Как только брат переступил порог родного дома, отец сказал ему:

— Опять ты натворил дел.

— Это в последний раз.

Отец очень обрадовался. Летом 1996 года он заболел и умер, но он умирал со спокойной душой. Брату все уже было по плечу: от подписания договора до удержания сверхурочных. У него все шло, как по маслу, подобно тому, как в шесть лет он выменял золотую сережку у вдовы. Брат изменился до неузнаваемости. Того человека, который ненавидел мир бизнеса и противопоставлял реальность красоте, больше не существовало. Жизнь брата стала благополучной, он пребывал в расцвете сил, его всегда окружали друзья и красавицы, и он мог получить все, что хотел.

Да, все закончилось хорошо. Наконец брат проявил характер, выбрал верный путь, вырос. Я уверена, что в будущем наш капитал увеличится в его руках. В ходе мучительного взросления он нашел истину. Понял, что человеческая жизнь словно катится с вершины горы, и если нет травм и ушибов, то это и есть счастье. В душе его все еще жила безысходная, но не слабеющая тяга к прекрасному, о чем свидетельствовала фотография Афу, которая по-прежнему висела на стене в нашем доме. Но брат понимал, что в жизни есть дела, которые необходимо совершить. Избегать их — это погибель, а принять их неизбежность — это мужество.

抬头老婆低头汉

Фэн Цзицай

СЕСТРИЦА ЮЙ И ЕЕ ЗАМУХРЫШКА-МУЖ

1

Дела на этом свете обстоят так, что если скажешь: «Это сложно»,— то, действительно, можешь запутаться в клубке хитросплетений. А если считаешь что-то простым, так в результате и окажется. В нашем мире достаточно сложных вещей: чего стоят бесконечные трансформации бесчисленных видов животных и растений, невероятные экзотические диковинки и неразгаданные тайны!

Но если уж заявлять, что все просто, то нельзя не вспомнить высказывания наших древних предков, знавших в этом толк. Используя всего лишь два иероглифа, они смогли предельно ясно — буквально на пальцах — объяснить все, существующее на свете. Этими двумя иероглифами были инь и ян.

В древности говорили, что солнце, небо, огонь и мужчина — это ян, а луна, земля, вода и женщина — инь. Разумеется! Судите сами. Днем во всю мощь светит солнце, жара — в самый раз работать, закатав рукава. Глубокой ночью светит тусклая луна, на улице промозгло и холодно, на человека наваливается усталость. Остается только накрыться одеялом и

лечь спать. Что же касается неба и земли, воды и огня, мужчины и женщины, то здесь различия между инь и ян еще более разительны. Ян — это сила, твердость, стойкость; инь — слабость, мягкость, нежность. Тот, у кого в характере преобладает энергия ян, отличается твердостью и стойкостью, а тот, кто заряжен энергией инь,— мягкостью и нежностью. Однако ничего хорошего не получится, если в тебе сосредоточена лишь одна из этих энергий. Инь и ян должны находиться в гармонии друг с другом, в некоем согласии. Скажем, когда мужчина и женщина становятся супругами, он кормит семью, а она ведет домашнее хозяйство, он передвигает тяжелые вещи, а она занята более легкими делами. При неожиданном стуке в дверь вне сомнения встанет и пойдет открывать дверь мужчина. Где ж это видано, чтобы вперед посылали женщину? Священный долг мужчины — охранять ее. Нельзя, чтобы было наоборот. Так заведено с древнейших времен как у китайцев, так и у людей других национальностей. Такова непреложная истина.

Однако в мире часто все развивается по иному сценарию. Иногда женщина становится значительно сильнее своего мужа, они как будто меняются местами. Северные китайцы даже придумали образное выражение, емко обрисовывающее такую ситуацию. Они называют это «с гордой осанкой жена и ее замухрышка-муж».

2

Эта супружеская чета проживала в двухкомнатной квартире на первом этаже дома № 8 по улице Пинъаньцзе. Обоим было по сорок пять лет.

Расскажу сначала про жену с гордой осанкой по фамилии Юй. Работала она заведующей отделом на чулочно-трикотаж-

ной фабрике. Никто не обращался к ней официально. И сотрудники фабрики, и соседи по дому звали ее сестрицей Юй. Все к этому привыкли. Даже полицейский, ведавший регистрацией жильцов. Сестрица Юй была смелой и предприимчивой женщиной, в ее умелых руках и работа спорилась. Ее одежда всегда гармонировала с внешностью. Юй было уже за сорок, а на голове — ни единой сединки. Ее чуть на выкате глаза напоминали два ярких фонарика. Черные волосы с красивым отливом, тонкие губы, худые, но крепкие руки, прямые ноги... Она и ходила быстро, и на велосипеде ездила как молния, причем, когда садилась или слезала с него, закидывала ногу через сидение, как заправский всадник. Говорила Юй внятно, прямо, без обиняков. Она не закончила даже полной средней школы, тем не менее никто не относился к ней с пренебрежением. Если судить по работе, то на фабрике только одна Юй и была настоящим мастером. Благодаря ее стараниям, смекалке и неимоверным усилиям более ста работников фабрики были обеспечены средствами на питание и лечение.

Замухрышка-муж по фамилии Гун сильно уступал своей жене. Его не знали не только по фамилии, но даже по имени. Все знакомые да и жена звали его просто Хлюпиком.

Он производил впечатление человека скучного. Этакий неказистый, осунувшийся и несколько затюканный слюнтяй. Создавалось впечатление, что его долго держали взаперти где-нибудь в банке, коробке или сундуке. Разглядеть человека со смуглым лицом и так довольно трудно, ну, а если маленькие глазки еще и спрятаны за солнцезащитными очками-зеркалками, то тем более невозможно понять, о чем такой человек думает. Он никогда громко не смеялся, широко не улыбался, поэтому какого размера у него рот, также являлось тайной. И хотя, как говорят, он ничем не болел, во всем его теле все же чувствовалась какая-то слабость. Даже стоял Гун кривовато. В течение многих лет он, как школьник, ходил на работу, перекинув через плечо черную сумку-портфель из

искусственной кожи на длинной лямке. Хлюпик работал бухгалтером в универмаге, что на улице Дагулу. Некоторые утверждали, что он носит сумку через плечо, потому что в ней лежат бухгалтерские документы, которые небезопасно нести в руках — можно потерять, или их, не дай бог, выхватят. Ходил он медленно, на велосипеде ездить не умел и потому ежедневно тратил массу времени на дорогу. Почему он не научился крутить педали? Невозможно постичь житейские правила, которых придерживается человек, если он вообще не склонен разговаривать...

Ступал он мягко и передвигался почти беззвучно, никогда никому не мешая. Встретив соседа, он в лучшем случае улыбался, слегка скривив рот. Не то что его жена, ходившая, громко стуча каблучками. Она могла завести разговор даже с незнакомым человеком, и ей было все равно, что по этому поводу думает ее собеседник. Когда она просила людей помочь в чем-то, казалось, будто она распределяет у себя на фабрике задания. Раз — и знакомые уже выполняли для нее какую-нибудь работу. А вот Хлюпик так не мог. Когда ему приходилось о чем-то просить, казалось, что его рот заклеен пластырем. В связи с этим все домашние заботы, требовавшие общения с внешним миром, ложились на плечи жены.

Когда жена открывала дверь, он стоял позади, она вела переговоры — он переминался в сторонке, не пытаясь вставить ни словца. Тем не менее, главой семьи считался Хлюпик.

Дела по дому тоже лежали на жене.

Иначе и быть не могло, ведь она была холериком, а он флегматиком. Жена умела работать, а он нет. Активные люди обычно хватаются за работу по собственной инициативе. Как правило, они боятся поручать свои дела другим. Вот почему все на этом свете находится в руках у людей расторопных, в руках умельцев.

Со временем в этой семье сложилось весьма своеобразное разделение труда. Жена готовила еду, а муж мыл посуду;

она карабкалась на стремянку, чтобы поменять лампочку или вылетевшую пробку, а он придерживал ее, чтоб не упала; она таскала угольные брикеты, а муж подметал оставшиеся от них крошки. Правда, сестрица Юй всегда считала, что он плохо это делает, поэтому выхватывала у него из рук веник. В этой семье лишь одно занятие было целиком предоставлено Хлюпику — занятия с сыном по математике. Неудивительно, что жена часто говорила людям: «Я — мама двоих детей». В семье, где жена была мастером на все руки, у Хлюпика просто не находилось достойного места. Но ведь быть зависимым — печальная участь. Не потому ли он постоянно тосковал и ходил, пригорюнившись?

Люди, проживавшие на улице Пинъаньцзе, нередко могли наблюдать забавные сценки с участием жены с гордой осанкой и ее замухрышки-мужа. Сестрица Юй всегда гордо шагала впереди. Привыкшая к абсолютному авторитету в семье, сама того не замечая, она постепенно приобретала мужские черты. По дороге ее сияющий взгляд выхватывал всё, что она видела вокруг. Юй громко и тепло здоровалась со знакомыми. Хлюпик же молча следовал за ней, как тень. Иногда жена оборачивалась, чтобы крикнуть: «Возьми корзину! Тяжело ведь!»

В такие мгновения он мечтал лишь об одном — провалиться в какой-нибудь люк со сдвинутой крышкой.

Ситуация изменилась однажды ночью. Жена вдруг громко закричала, отчего Хлюпик в страхе проснулся. Он с трудом открыл сонные глаза и только тогда понял, в чем дело. В комнату влетела огромная летучая мышь. От испуга она не могла найти путь к спасению и носилась со свистом по помещению как истребитель, грозя стукнуться о чью-нибудь голову.

Жена хоть и была человеком не робкого десятка, но боялась животных — от собак, кошек и крыс до ящериц, тараканов и навозных жуков. Но больше всего она пугалась этих пищащих и беспорядочно летающих мышей. Сын крикнул: «Учитель говорил, что если укусит летучая мышь, то можно

заболеть бешенством!» После этих слов жена накрыла голову одеялом, схватила за руку ребенка, соскочила с кровати, толкнула дверь и бросилась босиком в другую комнату. Уступавший ей в проворности муж тоже собрался было выскочить за ней, но Юй с силой оттолкнула его и закрыла за собой дверь. Оставшись в комнате один, Хлюпик услышал, как жена крикнула из-за стены: «Так тебе и надо. Мужик, а боишься летучей мыши! Пока не убьешь ее, не вздумай выходить!»

В этот момент он лежал, распластавшись на полу, и дрожал. Слова жены, как иголки, воткнулись ему в спину. И тогда вдруг его бросило в жар, щеки раскраснелись, он схватил швабру, которая стояла за дверью, и с боевым кличем бросился на летучую мышь. Размахивая ею, он кричал, правда, больше от страха, желая тем самым изгнать вселившийся в него ужас.

В какой-то момент сестрице Юй надоело пребывать в неведении, и она, заглянув через узорчатое стекло в дверях, увидела силуэт своего мужа, размахивающего шваброй. Движения его хоть и были неуклюжими, но подобной храбрости прежде он никогда не проявлял. Приятным дополнением к комической позе Хлюпика была метавшаяся по комнате тень обезумевшей летучей мыши. И вдруг жена услышала звон разбившегося фарфора, затем что-то тяжелое рухнуло на пол, и все затихло. Сестрица Юй, беспокоясь, что с мужем что-нибудь случилось, терялась в догадках, когда в комнате раздался истошный вопль: «Я ее убил! Я победил, я победил!»

Жена и сын, толкнув дверь, вошли в комнату и увидели, что весь пол усыпан осколками битых чашек, кусочками конфет, книгами. Хлюпик лежал посреди всего этого добра на полу и рукояткой от швабры прижимал что-то к стене. Нечто черное, похожее не то на крысу, не то на птицу, было намертво пригвождено к стене, причем настолько сильно, что из зубастой пасти существа вылезли окровавленные внутренности.

Юй удивленно проговорила: «Послушай, ты, кажется, и в самом деле ее прикончил». Она протянула руку, чтобы поднять мужа с пола. Обезумевший от радости сын кричал: «Мой папа молодец, мой папа просто гигант!»

Хлюпик был весь в пыли, потный, его очки свалились с носа, но дрожащая рука по-прежнему крепко сжимала рукоятку швабры. От чрезмерного напряжения и возбуждения он выглядел очень необычно. Таким его еще не видели.

— Я справился! — воскликнул он, взглянув на жену, словно ожидая от нее поощрения.

Юй впервые услышала от мужа такие слова, в душе ее что-то шевельнулось, и она даже прослезилась. Срывающимся голосом жена произнесла:

— Да, да! Ты справился, ты просто молодец!

3

В первый месяц двадцать первого века на Хлюпика обрушилась полоса черных неудач, в результате чего ему пришлось уйти со своей работы.

Дело в том, что фирма несла убытки, и дальнейшее ее существование стояло под вопросом. В итоге ее продали владельцу одного частного предприятия. Тот начал с сокращения штатов, решив оставить самых достойных, что было вполне логичным. Однако хозяин думал лишь о пользе дела, не считаясь с людьми. С персоналом поступили жестко, сократив штат наполовину, и Хлюпик оказался в числе этих невезучих.

Сложившаяся ситуация требовала какого-то решения. Подсуетившись, супруги попросили знакомых помочь подыскать Хлюпику работу. Они просматривали объявления в газетах, обращались в бюро по найму, вывешивали на улицах

листочки. В принципе, потребность в бухгалтерах была, но в мало-мальски приличных учреждениях при виде Хлюпика менеджеры по подбору персонала начинали улыбаться и «делали ему ручкой». В небольших магазинчиках и лавочках имелись вакансии, но здесь был совсем другой мир, другие люди и другие правила игры. Один из сослуживцев сестрицы Юй сообщил, что в трех торговых точках требуются бухгалтеры. Эти магазинчики были небольшими, финансовых дел там было немного, да и оклад предлагался неплохой. Хлюпик должен был зайти во все три, чтобы доказать администрации, что лучше него претендента на должность не найти. Юй боялась, что муж не сможет правильно себя подать и испортит все дело, поэтому отправилась вместе с ним. Когда они друг за другом вошли в магазин, то со стороны могло показаться, что мама привела с собой послушного ребенка.

Во время переговоров с представителями всех трех магазинов стало ясно, что в каждом из них единственным «бухгалтером» был лишь потрепанный арифмометр, который к тому же сильно врал и стоял больше для виду. В первых двух откровенно заявили, что совершенно неважно, будет ли Хлюпик откручиваться от налогов, тратить средства не по назначению и представлять фиктивные финансовые отчеты. Лишь бы он мог гарантировать, что в конце месяца «дебет сойдется с кредитом» — и все. Хозяин, смеясь сквозь желтые зубы, говорил: «Вы — дока в этих делах, человек, повидавший многое на своем веку. Для вас эти дела — семечки, верно?» От его слов Хлюпика бросило в холодный пот.

Третьей точкой оказался филиал магазина, который находился под покровительством государственной торговой компании. Левый глаз хозяина магазина слегка косил, отчего лицо его выглядело несколько странно. Он говорил еще непонятнее, чем администрация первых двух магазинов: «Наша торговля предназначена для обслуживания руководящих работников. Расходы на прием и подарки для них цели-

ком должны быть втиснуты в рамки счета.— Он полистал бухгалтерскую книгу.— Твоя работа будет заключаться в том, чтобы выкопать своеобразный колодец».

Несмотря на то, что слова хозяина были обращены к Хлюпику, смотрел он в это время на его жену. Хлюпик ничего не понял, хотел задать вопрос, но сестрица Юй опередила его:

— Что это за колодец? Говорите, как есть, не темните!

Хозяин поглядел на них и засмеялся:

— Что ж, вы даже этого не понимаете? Маленькая дополнительная казна! Ведь в колодце, каким бы он ни был, вода всегда появится.

От этих слов даже сестрицу Юй бросило в холодный пот. Выйдя из магазина, она сказала мужу:

— Заниматься этим все равно, что засадить самих себя в тюрьму!

С тех пор она перестала суетиться в поисках работы для мужа. Тем временем Хлюпик сидел дома без дела.

В глазах посторонних он только и делал, что наслаждался жизнью.

Бездельничаешь себе, а тебя кормят — вот красота! Только вот красота в жизни держится на поверхности, и ее может увидеть каждый. А людские беды все спрятаны в глубине души, и знаешь о них лишь ты один. Чтобы показать, что он чего-то стоит, Хлюпик взял на себя некоторые заботы: отводить и встречать сына из школы, покупать продукты, мыть посуду, делать уборку в квартире. Дважды в день он влажной тряпкой протирал до блеска стол, стулья и табуретки.

Однако жене это вовсе не приносило удовлетворения. Она считала, что руки человека, сидящего без дела, начинают сами по себе вытирать то, что кажется не очень чистым и вызывает определенный дискомфорт. Да и с точки зрения Хлюпика таким образом он демонстрировал свою никчемность.

Втайне от Юй он попросил своих немногочисленных знакомых найти ему работу. Сосед Вань тоже ушел с работы и

теперь проводил время, торгуя арахисовыми орешками. Он их сам подсушивал, добавлял какие-то специи, отчего они становились более ароматными. Торговля у него шла неплохо. Иногда он даже зарабатывал не только на пропитание, но и на сигареты, вино и разную приятную мелочь.

Вань сказал Хлюпику:

— Где это видано, чтобы мужик находился на иждивении у женщины? Давай, будешь со мной продавать арахис! Если и не накормишь семью досыта, то хоть сможешь заткнуть рты людям, которые судачат о тебе!

И соседи решили поэкспериментировать: отправились на улицу, где был расположен супермаркет, чтобы поторговать в ее разных концах. Только вот Хлюпик все время боялся столкнуться лицом к лицу со знакомыми, поэтому не поднимал головы, а когда все-таки делал это, не осмеливался зазывать покупателей. Он больше походил на человека, который кого-то ждет, а не торгует. Время клонилось к вечеру, когда в поле его зрения появился улыбающийся Вань с сигаретой в зубах и болтающимся в руке пустым мешком. Он все продал, а у Хлюпика орешков сколько было, столько и осталось.

После этого сосед Вань уже не проявлял благородства по отношению к непутевому соседу.

Однажды Хлюпик отправился на улицу, чтобы купить овощей. Его окликнул какой-то парень. Как выяснилось, лет семь-восемь тому назад он проходил практику по бухгалтерскому делу в универмаге, где раньше трудился Гун. Хлюпик даже вспомнил его фамилию. Парень выразил сожаление по поводу того, что, потеряв работу, Хлюпик оказался в сложном положении, и решил развеять его печальное настроение. Он сказал, что самое прибыльное дело в торговле сегодня — продавать пиратские копии дисков. Предупредил, что это немного рискованно, но зато гарантирует стабильный заработок. Бывший стажер рассказал, что, торгуя такими дисками, не только не нужно никого зазывать, но лучше вообще этого

не делать, так как чего доброго можно накликать на свою голову свору борцов с порнографией и контрафактной продукцией. Достаточно сесть на ступеньки магазина, вынуть пять-шесть дисков, положить их у своих ног — и покупатели сбегутся как миленькие. На каждом диске можно заработать два юаня. Остальные же диски нужно будет сунуть в сумку и перекинуть ее через плечо, чтобы быстренько испариться, когда увидишь, что идут члены инспекторской проверки. Если же проверяющие появились внезапно, рви когти и плюй на то, что осталось на земле,— не так уж дорого стоит это добро.

Не дожидаясь, когда Хлюпик сообразит, что к чему, парень повел его к входу расположенного поблизости магазина. Тот собственными глазами увидел, как человек за полчаса продал шесть дисков, и банкнота в десять юаней спокойно легла ему в карман.

Хлюпик находился в критическом положении и решил рискнуть. Для начала вечером он попробовал занять денег у жены. В доме финансами всегда командовала она. Узнав, чем собирается заняться муж, она чуть не рассмеялась. Не сделала это только потому, что сегодня он вел себя необычно. Несмотря на возражения жены, он продолжал настаивать на своем. Казалось, что в нем вновь появился тот азарт, которым он удивил семью в сражении с летучей мышью. С некоторой опаской жена все же дала ему триста юаней. На следующий день Гун отправился на базар и стал ждать, когда придет парень. Тот обещал помочь раздобыть и отобрать нужный товар. Хлюпик достал деньги, оставил себе сотню, а остальное вручил парню. Спустя час тот притащил пластиковую сумку, наполненную разноцветными дисками, и сказал:

— Вам сильно повезло. Я как раз попал на партию новых американских фильмов — в ней есть даже фильмы Хичхока! Товар получили только что. Гарантирую, что все разойдется за полдня!

Хлюпик запихал все диски в черный портфель, в котором в прежние времена носил финансовые документы, перекинул его через плечо и поспешил к ближайшему магазину, где и уселся на ступеньки прямо у входа. Затем достал пять поблескивавших дисков и положил их перед собой. Но не успел он это сделать, как перед его глазами возникло несколько пар черных кожаных ботинок. Инспекторы, пресекающие незаконную торговлю пиратскими дисками, схватили его прямо на месте. Хлюпик принялся спорить с ними, умолять, просить прощения, но ничего не помогло. Те уже успели конфисковать все его диски вместе с портфелем. Они произнесли только одну фразу: «Похоже, ты новичок. Решай сам, заплатишь штраф или пойдешь с нами». Хлюпику показалось, что их голоса звучали подобно рыку тигров.

Ноги у него затряслись, и он не смог даже сдвинуться с места. Оставалось достать из кармана оставшуюся сотню. Получив деньги, инспекторы серьезно его пропесочили и отпустили, даже не выписав квитанцию за штраф. Все, что у него осталось,— это пустые руки и душа, ушедшая в пятки.

Вечером щеки жены от негодования так надулись, что стали похожими на красные воздушные шарики. Она долго не могла вымолвить ни слова, а потом ее веки вздрогнули, глаза засверкали, и она спросила:

— Как ты можешь быть уверен, не имея квитанции на руках, что это были люди из отдела по борьбе с контрафактной продукцией? Они что, были в форме? Наверняка это подставные лица!

Хлюпика охватила тревога, и он буквально застыл в онемении. Жена же быстро сообразила, в чем дело:

— Я поняла. Эти двое и твой парень — одна шайка. Они просто заманили тебя в ловушку. Эх, ты, Хлюпик!

В этот раз сестрица Юй не сердилась и не ругалась, напротив, эта ситуация так ее рассмешила, что она долго не могла успокоиться.

Хлюпика будто ударили палкой — да так, что добили его окончательно. Больше он не пытался заниматься сомнительным бизнесом.

4

В один из вечеров полгода спустя младший брат сестрицы Юй привел в ее дом толстяка по фамилии Цао. Выглядел он забавно: его лысина блестела так, словно на нее вылили черпак растительного масла. В прошлом этот человек был коллегой брата Юй, оба работали поварами на кухне какого-то предприятия, причем их ценили как мастеров своего дела. Они могли приготовить еду в большом котле так, что на вкус это походило на порционное блюдо в дорогом ресторане. В последнее время предприятие не сводило концы с концами, поэтому чудо-поварам пришлось уволиться. Однако брат Юй не растерялся — у него пустовала комната-развалюха, которую он решил превратить в кухню ресторанчика под открытым небом. В жилище он задумал установить плиту, а на тротуар выставить несколько столиков со скамейками, натянув над ними брезентовую крышу. А еще брат сказал, что на этой улице бывает много народу и потому не будет недостатка в клиентах, проголодавшихся после походов по магазинам. В свое дело повара собирались пригласить и Хлюпика.

— А чем ты собираешься людей кормить? — спросила толстяка Цао сестрица Юй.

Тот до такой степени оброс жиром, что его живот смахивал на перевернутый таз. Сразу было видно, что этот парень целыми днями не отходит от плиты, постоянно пробуя на вкус дело своих рук. Он загадочно произнес всего два слова, которые явно всем понравились:

— Котел радости.

— Сроду не слыхала такого названия,— заинтересовалась сестрица Юй.

Ее брат решил вставить словечко. Сказал, что слышал, будто в прежние времена на юге страны существовало место, где ютилось много нищих, питавшихся объедками с чужого стола. Этого хватало лишь на то, чтобы заполнить желудок. Но среди нищих нашелся один особо сообразительный, который придумал правило: каждый бедняк должен принести в общий котел все, что ему удалось раздобыть. И пусть с виду это было очень неаппетитно, но в груде объедков попадались рыбьи хвосты, головы креветок, пленка, снятая с мяса, куриные крылышки и утиная шея. Сваришь — и такой аромат. А главное, получалось очень вкусно. Нищие-то и назвали это блюдо «котел радости».

— Не городи ерунду! Никак, сам придумал,— засмеялась сестрица Юй.

Толстяк Цао подхватил разговор:

— Это всего лишь название. Есть ведь и блюдо «Потроха Ли Хунчжана»! [1] Это не что иное, как тушеные обрезки мяса и рыбы с овощами в соусе. Главное — сварить так, чтобы в результате получить нужный букет запахов.

— Если все это смешать и долго варить, по идее, действительно должно получиться что-то ароматное. К тому же на куриные шейки, рыбьи головы и свиную шкуру денег много не потребуется, их себестоимость невелика,— заметила сестрица Юй.

— Ваша правда! — обрадовался толстяк Цао.— По существу, такое блюдо — это «счастье бедняка», и заказывать его будет рабочий люд. Тут тебе и супчик, и гуща, да если еще добавить пару лепешек с кунжутом, то можно наесться.

---

[1] Ли Хунчжан (1823—1901) — государственный деятель при цинской династии.

— А как продавать будем? — продолжала расспрашивать сестрица Юй.

— Я разложу продукты в специальные горшочки, которые поставлю на угли, чтобы блюдо тушилось на медленном огне. Чем дольше оно будет томиться, тем наваристее получится «Котел радости». Посетитель не успеет сесть за стол, а ему уже несут еду. И ждать нисколько не придется. Маленький горшочек на одного человека будет стоить пять юаней, средний, рассчитанный на двоих,— восемь, а большой на троих — пятнадцать. За добавку бульона денег брать не будем, а за лепешки с кунжутом — плата отдельная.

Видно было, что толстяк Цао все уже продумал.

Сестрицу Юй сказанное сильно порадовало. В ее глазах можно было прочитать, что она не сомневается в успехе предприятия. Когда стали уточнять детали, все согласно кивали головами. Сестрица Юй и толстяк Цао были по характеру людьми прямыми, поэтому быстро обо всем договорились. Продавать решили лишь одно блюдо и только по вечерам — с шести до одиннадцати. Что же касается разделения труда, решили установить правило: каждому — по способностям, каждому — по возможностям. Семья Хлюпика предоставила помещение, а у толстяка Цао имелся набор кухонной утвари. Каждая семья внесла наличными по пять тысяч юаней на закупку всего необходимого. Толстяк отвечал за дела на кухне, а Хлюпик взял на себя обязанность подносить еду и получать деньги по счету. При разговоре на эту тему у Хлюпика на лице появилась озабоченность, что не прошло мимо внимания брата сестрицы Юй. Он знал, что муж сестры по профессии бухгалтер и не пристало ему выписывать мелкие счета, общаясь с посетителями, поэтому он сказал:

— Во всяком случае, в вашем ресторанчике будет только ужин, и если я буду свободен, обязательно тебе помогу.

Сестрица Юй глянула исподлобья на мужа и добавила:

— Я как уложу ребенка спать, тоже буду приходить.

Хлюпик облегченно заулыбался. Рядом с женой ему все было нипочем.

Эта сценка не ускользнула от взгляда толстяка Цао, и когда сестрице Юй пришло в голову возложить на мужа еще и закупку продуктов, толстяк просто обалдел. Неожиданно для всех Хлюпик откликнулся немедленно: «Покупать продукты я готов».

Заметив некоторое недовольство жены, он таким образом решил сгладить впечатление от своей нерешительности. Толстяк Цао — человек ушлый — прекрасно все понял. Он быстро сообразил, как нужно действовать дальше.

— Ладно, я на все готов, чтобы «Котел радости» всем понравился! — сказал он и громко рассмеялся, отчего все его жирное тело затряслось.

В вопросе распределения благ сестрица Юй была чистосердечна и великодушна. Она предложила подсчитывать выручку раз в десять дней, а прибыль делить пополам: половину семье, другую — Цао. Об этом толстяк даже и думать не смел, ведь помещение и мебель не его! Но такой расклад ему понравился.

— Так ведь я тогда оказываюсь в выигрыше?! — заулыбался он.

Затем компания придумала для новорожденной забегаловки благозвучное название «Радость», которое, безусловно, должно было принести удачу.

Таким уж человеком была сестрица Юй: только дай немного солнечного света — и она тут же засверкает, дай ей сценическую площадку — и состоится яркое зрелище. Если сказала, что будет действовать, значит, так и произойдет! На следующий же день она отправилась в банк за деньгами, нашла штукатуров, чтобы отремонтировать комнату, заехала в налоговую, пообщалась с блюстителями порядка на улице

Янхоцзе, приобрела красный кирпич для кладки плиты, купила известь, песок, лопатку для угля, трубу, а также электрические лампочки, счетчик, свечи, чан для муки, корзинку под овощи, горшочки, бамбуковые палочки, масло, соль, сою, уксус, бухгалтерскую книгу, салфетки, мухобойки, ведра, чайники, термосы, шланги, метлы для уборки улицы, розетки, вилки и т. п. Приобретать то, без чего можно обойтись, сестрица Юй не стала. Столы и стулья привезли из столовой при фабрике. Когда там меняли мебель, все старье свезли на склад. Сестрица Юй наведалась туда и взяла восемь комплектов в аренду. Это добро она собственноручно привезла на тележке в новоявленный ресторанчик на улице Янхоцзе. И всю дорогу Хлюпик следовал за ней, как надсмотрщик.

Сестрица Юй попросила замдиректора фабрики — прекрасного каллиграфа — написать название ресторана. Затем эту надпись нанесли на вывеску. Потом кто-то заметил, что один иероглиф был написан с ошибкой. Что делать? Толстяк Цао иероглифов вообще не знал, поэтому помахал своей мясистой рукой и сказал, что сойдет и так, и уж лучше одной точкой больше, чем одной меньше. В разговор вмешалась школьная учительница, объяснившая, что такого иероглифа вообще не существует. А сестрица Юй, как обычно, расставила все на свои места. Она схватила кисть, влезла на табуретку и одним мазком перенесла лишнюю точку чуть пониже так, чтобы она сравнялась с горизонтальной чертой. Любопытствующая публика по этому поводу выразила свое восхищение, радовался и Хлюпик, постоянно повторявший:

— Ну, ты молодец!

Стоявший в сторонке толстяк Цао сказал:

— Если бы ты хотя бы наполовину был таким, как твоя жена, вот было бы здорово!

Хлюпик не знал, что на это ответить. А сестрица Юй лишь сердито посмотрела на Цао. Когда она была недовольна своим

мужем, она позволяла себе выражаться как угодно, но другим не разрешала и полслова дурного сказать в его адрес. Ей вдруг взгрустнулось, но неимоверный грохот прервал ее мысли. Затрещали, распуская вокруг себя дым, две связки праздничных хлопушек, предназначенных для торжественного открытия ресторана. С поздравлениями пришло немало уличных торговцев и лавочников.

Как и предполагалось, «Котел радости» умел успех.

Достаточно было рассказать об открытии нового заведения всем знакомым — и через десять дней о «Котле радости» знали уже и за пределами квартала. А затем словно порывом ветра разнесло весть о «Радости» и по разным районам города. Каждый день в забегаловку заглядывали наслышанные о вкуснейшем блюде люди, которые с головой окунались в густой свежий аромат, так притягивавший любителей поесть. Естественно, под видом посетителей захаживали и хозяева конкурирующих заведений, желавшие выведать секреты успеха. Однако никто из них так и не смог угадать, из чего же толстяк Цао варил свое сказочное блюдо.

Хлюпик впервые оказался в таком людском водовороте. Самые разные характеры и лица посетителей напомнили ему пятьсот архатов, увиденных однажды в Храме Лазоревых Облаков, что в парке Сяншань под Пекином. Он оказался там на первое мая десять с лишним лет тому назад вместе с коллегами на организованном выезде. Прежде он не то что голову, но и веки-то свои редко поднимал. Каково же было ему теперь держать натиск этой толпы посетителей! Стоило ему разволноваться от этого, как он тут же звал на помощь толстяка Цао.

Тот, весь мокрый от пота, суетился у плиты в одной майке, словно только что выловленной из воды. На плите стояли горшочки, из которых струился пар, не позволявший ему открыть глаза. И когда в особо горячие минуты до него

доносились непрерывные крики Хлюпика, он недовольно и сердито отвечал:

— Я тут занят приготовлением еды. Если хочешь, зови свою жену.

Все свидетели подобных диалогов смеялись от души.

Поначалу толстяк Цао относился к Хлюпику очень вежливо, но как-то раз невзначай резко оборвал его, а тот никак на это не отреагировал, отчего нарвался на еще одну грубость. С тех пор во время обычной беседы Цао стал чаще подшучивать над Гуном, а на работе — покрикивать на недотепу. Особое недовольство его было вызвано тем, что именно он изначально рассчитывал получить право на приобретение продуктов, но это дело поручили Хлюпику, который не собирался уступать Цао потому, что раньше много лет работал бухгалтером. И вот недовольство толстяка достигло такой концентрации, что он стал втайне ненавидеть мужа Юй. Сначала это выражалось в различного рода словесных выпадах, унижавших достоинство бывшего бухгалтера и бивших по его самолюбию. Затем Цао перешел на банальную грязную ругань, причем постоянно терялся в догадках, почему этот Хлюпик ни на что не реагирует. Неудивительно, что со временем он принялся экспериментировать с прямыми оскорблениями. И все бы ничего, но однажды дело дошло до рукоприкладства. Теперь, когда толстяк входил в раж, он начинал отталкивать Хлюпика. Тот по-прежнему не произносил ни звука. Максимум, что он делал,— вытягивал перед собой худые слабые руки, чтобы защититься от тяжелых мясистых клешней Цао, и говорил: «Ой-ой, не надо, не надо так». Он был слаб, труслив и не осмеливался, да и не умел ругаться и драться. Ему не хотелось конфликтовать, ведь он подозревал, что если жена узнает об этом, обозлится и может разрушить так удачно начавшийся бизнес.

В свою очередь, когда толстяк Цао задирался и устраивал скандал, его больше всего беспокоило то, что Хлюпик может

пожаловаться Юй. Однако ему везло — на следующий день после скандала сестрица Юй, встретившись с ним, как ни в чем не бывало дружелюбно здоровалась, болтала и смеялась. И он понял, что Хлюпик не рассказывает ей о скандалах. От сознания безнаказанности у толстяка Цао прибавилось храбрости, и он опрометчиво подумал, что эта супружеская чета на самом деле не представляет собой единого целого.

Не только Гун, но и публика, проживавшая на улице Янхоцзе, предпочитала не болтать лишнего. Никто не рассказал сестрице Юй о том, как обижают ее мужа. Но многие стали подозревать, что она намерена сойтись с этим толстым поваром, мастером своего дела, убежденным и неисправимым холостяком. А раз возникло подозрение, завсегдатаи «Радости» начали внимательно наблюдать за троицей. Дошли до того, что принялись обсуждать, насколько интимно Юй улыбается и здоровается с толстяком Цао. Но у каждой ситуации есть кульминация... В тот день после закрытия ресторанчика отдыхавшие Гун, Юй и Цао сидели вместе и ели «Котел радости». Кто-то из клиентов заметил, что сестрица Юй села не с мужем, а рядом с толстяком. Пока пили да ели, толстяк положил свою пухлую с засученным рукавом руку на спинку стула, на котором сидела жена неудачника. Издали казалось, что он ее обнял. Однако Хлюпик, когда ему чуть ли не в лицо заявили, что он теперь рогат, был невозмутим и продолжал есть.

Народ про себя посмеивался и сплетничал. Один сказал: «Получается, что толстяк Цао его обижает, а жена принимает его за рогоносца, а не человека».

Другой ухмыльнулся:

— На восемьдесят процентов мужик он никудышный. И в тесном общении с женой он наверняка предпочитает находиться снизу.

— Ждите, еще не то будет! В какой-нибудь денек после закрытия ресторанчика она отправит Хлюпика домой и закроется с Цао на кухне,— добавил первый.

— И тогда «Котел радости» превратится в брандахлыст! — захохотал второй.

С того дня люди негласно стали называть блюдо по-новому. Казалось, все были уверены в исходе этой истории...

Но жизнь человеческая полна сюрпризов. Однажды, закрыв ресторан, Хлюпик стал убирать со столов, в то время как Цао стоял в сторонке и попивал вино. И вдруг толстяк взъелся — ему показалось, что напарник работает медленно. Тот как всегда молчал в ответ, отчего Цао распалялся еще больше. Кончилось все тем, что спьяну он ударил Хлюпика прямо в лицо. Гун не ожидал удара и, словно дырявая корзинка, отлетел в сторону, упав прямо на стол. Стол накренился, и перевернутые на нем скамейки полетели прямо на Хлюпика. Из его головы ручьем потекла кровь, но пьяному толстяку все было нипочем. Цао продолжал пить прямо из бутылки, когда Хлюпик поднялся с пола и отправился домой.

Прошло немного времени, как вдруг в «Радость» заявилась сестрица Юй и без лишних слов, схватив палку, с размаху стала дубасить толстяка. Пьяный Цао уже ничего не соображал. Обхватив голову обеими руками, он свернулся калачиком на полу, как большая мясная тефтелина, получая удар за ударом. И никто на улице Янхоцзе не стал этому препятствовать. Свидетели наблюдали за происходящим, пытаясь понять, всерьез ли Юй мочалит повара, или все это инсценировка. Когда, окончательно устав, она решила перевести дух, люди услышали, как она изо всех сил крикнула:

— Не думайте, что у нас в доме нет хозяина!

Слова эти были достойны настоящего мужчины.

С того дня ресторан «Радость» закрыли на десять дней. В полдень одиннадцатого дня толстяк Цао снял с двери ставни и принялся прибирать кухню, выгребая наружу золу. И вскоре из трубы показались клубы черного дыма. Очевидно, ресторан «Радость» возобновил свою деятельность...

Чуть позже появились сестрица Юй и Хлюпик. Она шла впереди — гордая и радостная, а муж с двумя корзинами мяса и овощей плелся сзади. Глаза у лоточников повылезали из орбит, и не было у них лучшего развлечения, чем внимательно следить за происходящим. К удивлению зевак, все трое, как и раньше, разговаривали и смеялись. Они не верили глазам своим, но все пришли к выводу, что теперь события десятидневной давности больше всего похожи на миф.

5

Продавщица чулок тетушка Чэн слышала, что сестрица Юй отказалась от своей должности на фабрике и занялась ресторанным делом. Спрашивается, ради чего? Чтобы поддержать своего драгоценного мужа или же для того, чтобы каждый день «радоваться»? Если второе, то истинная картина знаменитого ресторанного побоища такова: Цао побил Хлюпика, чтобы видела сестрица Юй, а та отдубасила толстяка, чтобы оценили окружающие. Спектакль оказался захватывающим, и его можно было еще долго пережевывать и смаковать!

Однако поведение сестрицы Юй полностью спутало карты зевак. Встречая людей, она здоровалась, общалась с ними, если надо, помогала. Например, увидит, что у кого-то велосипед может упасть,— подойдет, поправит. И самое главное, что в своих речах и делах она была искренна. Невозможно было ошибиться — ее отзывчивость шла от самого сердца, поэтому очень скоро она стала всеми уважаемым человеком на улице Янхоцзе. Такое чувство, что топливом для энергии сестрицы Юй было общение с людьми — чем больше народу приходило в «Радость», тем больше она прилагала усилий. Ее руки, данные ей природой, чтобы работать, никогда

не отдыхали. От пола до столов, от кастрюль до бамбуковых палочек для еды — все всегда было как будто только что вычищено, вымыто и вытерто. Хлюпик выслушивал ее указания, находясь на улице, а толстяк Цао — на кухне. Теперь внутри и снаружи ресторана царила гармония. С тех пор, как здесь стала работать сестрица Юй, никто больше не замечал, чтобы толстяк Цао ругался, вымещая зло на ее муже. Что удивительно, со смуглого лица Хлюпика теперь не сходила улыбка.

Через три месяца количество столов на тротуаре увеличилось до десяти, и все равно мест не хватало — некоторые посетители пристраивались с едой в сторонке у невысокой стены. Еще через месяц сестрица Юй наняла для толстяка Цао помощника. Через полгода толстяк Цао приобрел подержанный мотоцикл, Юй и Хлюпик — по мобильнику, а к концу года они смогли арендовать три комнаты на первом этаже здания, расположенного неподалеку. Раньше здесь была вполне процветающая аптека, но однажды инспекторы произвели там проверку, и оказалось, что половина лекарств — подделка. Товар конфисковали, а аптеку закрыли. И вот как-то раз сестрица Юй сказала толстяку Цао:

— Я уже установила контакт с хозяином. К тому же позавчера послала ему «Котел радости». Проблем с арендой не будет.

Солнечного света день ото дня становилось все больше и больше, все сверкало в лучах, что поднимало людям настроение. Троица из «Радости» и не подозревала, что над нею сгущаются тучи.

6

С наступлением прохлады в ресторане под открытым небом стало тихо и безлюдно. В этом районе росло немало тополей, и теперь по ветру летали сухие желтые листья. Не успеешь

подмести, как они снова устилали землю, нередко залетая в горшочки с едой. Сестрица Юй собиралась пригласить рабочих, чтобы они из еловых шестов и плотной ткани соорудили большой тент над столами. Пора было укрыть клиентов от ветра. Продавцы соседней лавочки по продаже одежды тоже собирались поставить навес, и их прилавок засыпало сухими листьями. Это же никуда не годится!

Шесты можно было купить в магазине стройматериалов в западном предместье города. Только там продавались прямые, упругие и более дешевые, чем бамбуковые. Владельцы соседней лавочки уже заказали десять штук и собирались послать за ними грузовик. Сестрица Юй сказала мужу, чтобы он съездил вместе с ними и узнал, какую скидку можно получить, если купить сразу пятьдесят штук. Вечером подъехала машина с кузовом — старая развалюха с тарахтящим двигателем. Машина продолжала грохотать даже после того, как ее выключали.

Продавцы одежды предложили Хлюпику сесть в кабину, а сами собирались ехать в кузове, накрывшись одеялом. Тот не соглашался — ни за что не хотел занимать самое хорошее место, поэтому забрался в кузов. Тем временем сестрица Юй готовила ребенку ужин. Когда пришла в «Радость» и узнала, что Хлюпик уже уехал, сердце ёкнуло у нее в груди, она почувствовала неладное. «Стоило ли его посылать?» — подумала она в этот момент, ведь особого толку от этой поездки ждать не приходилось — Хлюпик вообще не умел торговаться. Юй прислушивалась к своим ощущениям и не могла понять, что ее одолевает — беспокойство, сожаление или сомнение. Ее охватил такой озноб, что даже несколько раз передернуло. Тогда она подумала, что, наверное, слегка простыла.

В тот день было очень холодно и темно. После закрытия ресторана дальние и ближние огни казались особенно ярки-

ми. Сестрица Юй, толстяк Цао и его помощник домывали посуду и ворчали, что пора бы Хлюпику уже и вернуться. И вдруг на их головы, как гром, обрушилась страшная новость. Прибежал, задыхаясь, продавец чемоданов из соседней лавки и сообщил, что грузовик, в котором ехал Хлюпик, столкнулся лоб в лоб с автобусом дальнего следования, после чего оба рухнули с моста. Это произошло на виадуке, ведущем к западной окраине города!

У сестрицы Юй подкосились ноги, она упала. Толстяк Цао срочно вызвал такси и сам отвел ее к машине. Когда они подъехали к месту аварии, увидели лишь груду металла, и трудно было разобрать, где какая машина. Жуткую картину, открывшуюся перед их глазами, невозможно было описать. Везде кровь, как на бойне, раскиданные повсюду тела, которые было невозможно опознать. Толстяк сообразил, что можно позвонить на мобильный телефон Хлюпика. Где-то неподалеку в куче кровавого месива раздался звонок... Сестрица Юй бросилась туда, но толстяк Цао ее удерживал, пытаясь помешать ей увидеть это страшное зрелище. Он кричал, уговаривал, прилагая огромные усилия, и только с чьей-то помощью удалось оттащить ее от места катастрофы и привезти обратно. Понимая, что ее растрепанные волосы и остекленевший взгляд могут напугать сына, Цао сначала отвез Юй на улицу, где находился ресторан. Увидев вывеску «Радости», она неожиданно для всех бросилась на кухню и стала, как сумасшедшая, разбивать глиняные горшки, выкидывая их из помещения.

— Это я его погубила! Это я его погубила! — кричала она в истерике.

Ее вопль, заполнив в глубокой ночи пустую темную улицу, буквально раздирал души тех, кто его слышал.

Вдруг толстяк Цао побежал в кухню, схватил большой железный котел, вынес его наружу и с размаху грохнул о землю.

На следующий день ставни на дверях ресторана «Радость» снова оказались плотно закрытыми. Как считали люди, проживавшие на этой улице, сестрица Юй наверняка теперь выйдет замуж за толстяка Цао и вместе с ним продолжит начатое дело. Однако все получилось иначе. Через месяц сестрица Юй перестала здесь появляться, передав хозяйство в руки толстяка Цао. Напоследок она велела ему снять с ресторана доску с названием и выбросить ее. Еще через несколько дней в помещении ресторана объявились двое незнакомцев, которые повесили у входа обод от велосипедного колеса, шину, установили тески с ключами и отвертками и открыли велосипедную ремонтную мастерскую. Тот, что ростом поменьше, рассказал любопытствующим, что купил это помещение за двадцать тысяч юаней. Только теперь жителям улицы Янхоцзе стало ясно, что ни ароматный «Котел радости», ни трудолюбивая чистосердечная женщина больше здесь не появятся.

Потом, правда, ходили слухи, что она не вышла замуж за толстяка Цао, потому что у него была жена и тринадцатилетняя дочь. А еще говорили, что владельцы просто перенесли ресторан в другой конец улицы, покинув тревожившее душу место и укрывшись от посторонних глаз и ушей.

Но реальное положение вещей знали только соседи сестрицы Юй. По их словам, она вернулась на чулочную фабрику. Не то чтобы вдова сама этого добивалась, а просто пришли люди с ее бывшей работы и из самых добрых побуждений вернули ее назад. Только теперь она занималась вопросами статистики, но не потому, что прежнее место было занято, а потому, что Юй уже не хотела мотаться с утра до вечера словно белка в колесе, как в прежние времена.

Потеряв мужа, сестрица Юй стала другим человеком. Соседи с удивлением замечали, что она утратила свою гордую осанку и больше не смотрит по сторонам, лишь время от времени здороваясь со знакомыми. Она теперь ходила, молча

опустив голову, а рядом семенил сынишка. Соседи судачили, что теперь она стала больше походить на женщину.

Поначалу все думали, что смерть мужа нанесла ей тяжелейший удар, поэтому ей трудно быстро оправиться. Позднее обнаружилось, что ее мощная энергия значительно ослабла. Неужели эта сила была у нее не от природы? Разве только слабость и мягкотелость Хлюпика вынудили ее выйти на авансцену, гордо распрямив плечи?

Вопросы эти легко было задавать, но никто не мог на них ответить. Получить же ясный ответ от самой сестрицы Юй было бы еще труднее. Хотя, быть может, она ответила бы, что когда кто-то говорит о людях дурно, он имеет в виду себя.

19.01.2006. 11 часов вечера

波湖谣

Чэнь Шисюй

НАПЕВЫ ОЗЕРА ВОХУ

Сестрица и братец

В то время городок Гутанчжэнь [1] стал потихоньку хиреть. Глубокая, надежно защищенная от ветра излучина Гутанвань являлась естественной надежной гаванью, и суда, проплывавшие в сторону озера Поянху или к реке Янцзы, всегда останавливались здесь на ночлег, пережидали бурю, иногда разворачивали торговлю. В древности здесь пролегал путь из долины реки Хуанхэ в южную область Линнань [2], и оттого городок процветал. У причалов вздымался целый лес мачт, а кровли домов на берегу теснились, как зубья гребешка, и издали напоминали рыбью чешую. Сохранилось предание, что император Цяньлун [3] по пути в Цзяннань [4], прослышав о

---

[1] Гутанчжэнь — городок провинции Цзяньсу, уезда Цзюцзян. Расположен на берегу озера Поянху, у места слияния с рекой Янцзы.

[2] Линнань — древнее название земель на юге Китая, соответствует территории совр. провинции Гуандун, Гуанси-Чжуанского автономного округа, и части провинций Хунань и Цзянси.

[3] Цяньлун — годы правления 1736—1795.

[4] Цзяннань — общее название земель, лежащих к югу от реки Янцзы.

Гутанчжэне, посетил эти места. Первое, что он сделал, вступив на берег, это с большим удовольствием помочился. Местные чиновники узнали об излившейся на них милости только после отъезда государя и, движимые чувством благодарности, собрав деньги, воздвигли на памятном месте каменную стелу высотой в один чжан и восемь чи, поддерживаемую легендарной черепахой биси. На стеле были выбиты слова: обширно разлилась императорская милость. Говорят, история эта весьма достоверна, а стела существует и по сей день. Сначала она сберегалась закопанной в землю во дворе одной богатой семьи, но во время культурной революции ее извлекли на свет и непременно бы разбили вдребезги, если бы ночью кто-то тайком не перенес ее и не вделал в основание плотины, обеспечив, таким образом, ее сохранность на века.

В общем, Гутанчжэнь некогда знал период настоящего расцвета. Но именно процветание было для него источником бед. На побережье озера Боху, протянувшемся на сотню верст в длину, оставалось немного мест, обойденных вниманием речных разбойников. Все богатые дворы в городишке держали у себя на службе мастеров кунгфу. Но вовсе не каждый из них в совершенстве владел ремеслом, да и поручиться, что он не замышляет предательства, никто не мог, поэтому раздобыть нужного человека считалось делом нелегким. Одно семейство изобрело весьма надежный способ: хозяин взял девушку из Цзянбэя, обученную боевым искусствам, к себе в наложницы. Известие об этом, мгновенно разнесшееся повсюду, против ожидания, весьма возбудило любопытство лихих людей, и вскоре в дом к тому человеку наведались гости, якобы поучиться мастерству.

Незваные гости не стали рисковать и явились сразу целой бандой. Они представились торговцами, хотя все до единого имели вид крайне разбойничий. Хозяин принял их с деланной приветливостью и велел «жене» принести чаю.

Когда чай был подан, разбойники так и вытаращили глаза: подставкой под чайные чашки в этом доме служил жернов, какими в деревнях размалывают бобы. Молчаливая расторопная девушка, в одной руке крепко сжимая рукоять жернова, другой осторожно подносила чашки гостям, мягко и весело улыбаясь при этом.

Разбойники переглянулись и сочли за лучшее тактично удалиться. Хозяин с «женой» проводил гостей за ворота и, когда те уже отошли на порядочное расстояние, прокричал им вдогонку напутствие: «Легкой дороги!» Те обернулись, чтобы ответить приветливому хозяину, и увидели, что стоящая рядом с ним девушка, прислонившись спиной к створке двери, висит в воздухе, ногами не касаясь земли, и все так же весело и приветливо улыбается. Разбойники втянули головы в плечи и убрались восвояси.

С тех пор ворота этого дома стали надежней железной крепости.

Через несколько лет в городок Гутанчжэнь пришел некий бродячий торговец веревками. Вид он имел изможденный и одет был в потрепанные лохмотья. Присев на корточки, он тихонько затянул песню нищих попрошаек:

Луна в облаках, луна в облаках
То проглянет, то спрячется снова.
Мой отец был богатым и знатным,
Он насыпал мне риса пригоршню,
Насыпал в холщовый мешок.
Да дорогой набрел я на пегого пса.
Этот пес разорвал мой мешок.

Любопытное зрелище привлекло целую толпу зевак. Когда же его окружили, он начал расхваливать свой товар неожиданно бойко и хвастливо, повторяя, что такие пальмовые веревки не разорвать и паре буйволов.

Эти слова заинтересовали одного мастера кунгфу, охотника совать нос в чужие дела. Для забавы он подхватил связку веревок со словами:

— Только не гнилые ли они у тебя?

— Дерево срублено в этом году, а веревка свита вчера.

— Проверить можно?

— Можно.

Веревки, в палец толщиной каждая, при плетении скручивались косицей наподобие булочки махуар, и каждая связка выглядела никак не тоньше руки. Мастер выбрал из связки одну, обвязал вокруг пальца, слегка потянул за другой конец — и веревка оборвалась. Взял другую, снова потянул, лопнула и эта. В мгновение ока вся связка превратилась в обрывки, усеявшие землю у его ног.

— Ну вот, ведь веревки-то гнилые!

Мастер упивался аплодисментами и одобрением толпы.

Продавец веревок помрачнел и смерил шутника взглядом:

— Мы ведь оба кормимся в чужих краях. Зачем ты так?

— Добывать пропитание нужно честно, народ обманывать нельзя.

— Да ты и вовсе непонятливый. Так получай же!

С этими словами он снял со своего коромысла связку веревок. Они поблескивали на солнце и пахли свежей корой. Торговец с двух концов взялся за эту, толщиной в предплечье, связку и легонько ее скрутил. Весь пучок аккуратно разорвался пополам. Он взял другую связку, снова скрутил и снова разорвал все до единой. Вскоре весь его товар лежал на земле кучей обрывков.

Вся улица притихла. Мастер кунгфу позеленел от страха — он знал, что в таких случаях, по негласному правилу, виновник в девяти случаях из десяти платил за ошибку собственной жизнью.

Разрешила этот спор та самая девушка, что некогда так напугала разбойников. Она убедила своего хозяина выступить

посредником. Незадачливого мастера обязали устроить богатое застолье в честь гостя и созвать всех видных людей городка. Кроме того, он должен был целый день устраивать на улицах фейерверки, а после того, собрав все свои пожитки, покинуть Гутанчжэнь. Его место занял тот самый продавец веревок.

И только спустя долгое время в городке узнали, что эти двое — ученики одного мастера, названые брат и сестра. Когда-то жена учителя, польстившись на деньги (а горный хребет Дабешань в Цзянбэе, откуда они происходили,— место, известное своей бедностью), заставила дочь пойти в наложницы. Названый брат девушки, ученик мастера, тогда же покинул дом, чтобы разом со всем покончить. Он, отправившись в неведомые дали, даже не предполагал, что его все равно потянет обратно.

В старых песнях и народных преданиях таких называют — суженые.

И конечно, потом случилось то, что должно было случиться. Названые сестра и брат, находчиво выдумывая правдоподобные предлоги, частенько нанимали лодку, и лодка уносила их на самую середину озера.

Перед ними расстилалась водная гладь, над головой светила полная луна. В бескрайнем небе постепенно появлялась легкая дымка, и тогда луну окружало нежное светящееся гало. Ровная, как зеркало, поверхность озера слегка колыхалась. Вдалеке поблескивали и дрожали тусклые огни рыбачьих лодок. Из каюты их джонки свободно и бесстрашно лилась песня, смешанная с ароматом вина.

На стене висит фонарь, красный фонарь.
Милый обнимает любимую сестрицу.
Он подобен солнышку, а она — луне.
Сестрица — как ивушка, а он — ветерок.

Милый позовет ее — она задрожит.
Так трепещет карп, попавшийся в садок.
Карп, играя, заплывает в садок.
Заплыть туда легко, да не выбраться никак...

Неподалеку высилась гора, издали силуэтом своим напоминавшая женский башмачок. Есть предание о том, что этот расшитый башмачок обронила в спешке сестра небесного духа Эрлана [1], Сань Шэнгу, убежавшая в мир людей. Сейчас сие молчаливое свидетельство ее ослушания вздымается над водой, снова и снова воскрешая старую мечту о свободе, воспетую в этой легенде, одной из многих ей подобных, удивительно похожих между собой и давно устаревших.

В эти вечера подкупленного хозяина джонки отделяла от влюбленных только тонкая деревянная стенка. Лодочник, видимо, тронутый их чувствами, все минувшие годы хранил тайну. О запретной любви никто так и не узнал на протяжении нескольких лет.

Об их тайной связи объявил сам названый братец. После того, как хозяина сестрицы репрессировали, он сдал рабочей группе по земельной реформе сверток с золотом и драгоценностями. То было личное имущество названой сестры, которое она утаила и велела ему сохранить про запас — на эти деньги предполагалось жить в будущем. Сестрицу причислили к помещичьим элементам и обвинили в сокрытии движимого имущества, а ее братец стал освобожденным партработником.

Та, кого впоследствии презрительно нарекли теткой Цао, и являлась некогда названой сестрицей.

---

[1] Эрлан (Ян Эрлан) — небесный дух, культ которого, как и область влияния, весьма неопределенны и расплывчаты. Совместил в себе черты нескольких различных мифических и исторических персонажей. Весьма почитаем и популярен в Китае, выступает героем нескольких средневековых романов (особенно известен по «Путешествию на Запад»).

Теперь, по прошествии многих лет, волосы ее сохранили свой насыщенный цвет, а лицо — прежние очертания; так что человеку, с ней незнакомому, трудно с первого взгляда определить ее настоящий возраст. Ее прошлое, а также все удивительные истории, связанные с ее именем, никогда не предавались забвению. Их не смогли затмить и вытеснить из памяти людей никакие новые рассказы и сплетни. Ныне тетка Цао целыми днями сидит у обочины дороги, соломенная шляпа на ее голове посерела от времени. В ясную погоду эта шляпа защищает хозяйку от солнечных лучей, в ветреную — закрывает лицо от пыли, во время дождя служит зонтом. Если Цао долго сидит под дождем, вода начинает просачиваться между соломинками, и на внутренней стороне шляпы повисают крупные капли, а на затылке струйки воды собираются и тоненьким ручейком падают на прямую, как и прежде, не согнутую годами спину старухи. Тогда на свет извлекается большой и добротный, видимо, приобретенный после долгих раздумий кусок полиэтилена, которым она прикрывает лоток со всякой снедью. Благодаря этому торговля не прекращается и в сильный дождь. Она провела на этом месте долгие годы, без особой радости на лице, но и без единого намека на печаль.

Так как тетка Цао все-таки представляла собой поднадзорный элемент, и нельзя было допустить, чтобы ей жилось легче других, лоток в конце концов решили свернуть. Ей пришлось разводить свиней, потом ее отправили в удаленную от города местность у холма Луаньфэньпо поднимать целину, и все же жила она в общем-то сносно. Иногда даже слышалось, как она тихонько, как бы про себя, напевала такую песенку:

На палочке из бамбука не прокатишься, как на лошади.
Если заяц возьмется пахать поле — он не утянет плуг.
Трудно переплыть реку, если вместо весла коромысло.
Любимая сестрица все же не жена.
Пройдет время — и милый ее оставит.

Наступило время, когда в городке перестали ее третировать. Нельзя же вовсе оставлять ее без пропитания. К тому же, случалось, что волей-неволей, но приходилось просить тетку Цао о помощи.

В тот год зима выдалась необычайно холодная и снежная. В производственной бригаде, приписанной к городишку, пало много тяглового скота, денег на приобретение нового не имелось, и весенняя вспашка казалась несбыточной мечтой. И именно в это время самый сильный и свирепый, самый нужный в хозяйстве вол упал в канаву на склоне холма и сломал ногу, как назло — бедро. Огромное животное жалкой неуклюжей грудой лежало на дне неглубокой канавы, из которой лишь наполовину выступала могучая спина. От боли его огромные глаза переполнились слезами.

Кроме нескольких стариков, сокрушенно вздыхавших в сторонке, все остальные члены бригады столпились вокруг и непрестанно громко галдели: «И не вылечить теперь. А если и вылечат, так все равно, куда он теперь сгодится. Это уже не вол будет людям служить, а люди — волу. Проще взять его, да и зарезать, чтоб долго не мучился»,— всем очень хотелось отведать мяса. В голодное весеннее время такая трапеза уподобилась бы пиршеству почище новогоднего.

В это время бывший секретарь партячейки производственной бригады, уже отстраненный от дел, неизвестно откуда прослышав о случившемся, весь в поту примчался на место происшествия. Он мгновенно спрыгнул в канаву и заорал столпившимся наверху людям: «Что ж вы стоите, несите шесты!»

Увидев, что никто и с места не двинулся, секретарь ячейки взорвался и, выбрав в толпе тех, кто помоложе, приказал им: «Вы за старших, поняли?»

Глаза у него при этом налились кровью, и работники, к которым он обращался, поняли, что секретарь и впрямь не на шутку сердит, и сочли за лучшее повиноваться.

Когда вола подняли из канавы и придумали, как доставить его в город, время уже близилось к полуночи. С большим трудом достучались до дежурного городской больницы, все же открывшего им и заявившего: «Прочитайте повнимательней, что на дверях написано. Народная больница. Для людей, значит».

И тут же захлопнул дверь. Слышно было, как дежурный, недовольный тем, что его сон потревожили, все продолжал бурчать: «Вот люди, ну дают! Это ж не человек, а вол, скотина рогатая!»

Секретарь ячейки уж и не знал, что предпринять, когда внезапно вспомнил про бывшего бригадира, направленного к ним в деревню из этого городка.

Бригадир вышел в ватнике, кряхтя и откашливаясь. Стоя на холодном полуночном ветру посреди двора, никак не мог справиться с сильной дрожью.

— Разве что позвать тетку Цао.

— Можно ли? — Секретарь ячейки тоже не мог сдержать дрожь.

— Ничего не поделаешь. Вам ведь вола срочно спасать нужно,— сказал бригадир и крепко стиснул зубы, скорее всего, от холода.

Они, как воры, прокрались в темноте, на ощупь нашли дверь теткиного дома и тихонько попросили открыть.

Тетка Цао, выслушав их рассказ, без лишних слов пошла следом. Присев на корточки, она прощупала сломанную ногу животного и сказала:

— Ничего страшного.

Потом поднялась и велела всем отойти от вола подальше. Сама же встала ровно и медленно подняла руки до уровня груди. Темнота скрыла выражение ее лица, но слышно было, как она, глубоко вздохнув, стремительно опустилась, издала негромкий, но преисполненный внутренней силы выкрик, и

вол, неподвижно лежавший до этого на земле, вслед за ее выкриком тихонько застонал и вдруг поднялся на ноги.

— Отвезите его обратно, пусть два дня отдохнет и будет здоров,— сказала тетка Цао спокойно, без всякого выражения, и удалилась так же беззвучно, как только что пришла.

Несколько взрослых сильных мужчин, потрясенные произошедшим на их глазах, еще долго стояли в темноте. Кто бы мог подумать, что у могучего животного оказался простой вывих бедра, а вовсе не перелом. Пятидесятилетняя женщина, почти уже старуха, вправила волу кость так легко, как будто хлопнула в ладоши. Похоже, легенды, окружающие имя этой тетки Цао,— не пустые россказни.

Но никакой благодарности к ней никто не испытывал. Такая с виду послушная и скромная, она была себе на уме. С названым братцем ее все еще что-то связывало. В этом она напоминала лотос с переломленным корневищем, волокна которого вытягиваются, но не рвутся. Брат ее к тому времени уже стал травматологом в больнице большого города, говорили даже, пребывал на должности завотделения. Весной каждого года он тайком приезжал в городок Гутанчжэнь, чтобы повидаться с теткой Цао. Он появлялся ночью и исчезал до рассвета, и, вероятно, думал, что делает это втайне от всех, да только не учел, что в маленьких городках жители очень наблюдательны.

Когда в городке создавался кооперативный медпункт, заместитель главы Гутанчжэня, тот самый, что служил некогда бригадиром в подведомственной производственной бригаде, предложил воспользоваться необычными способностями тетки Цао и позволить ей поработать травматологом — лечить ушибы, вывихи и растяжения. Но из-за мистических слухов, постоянно окружавших ее, никто с этим предложением не согласился. Говорили, что она только с виду смирилась с новыми порядками, а в душе затаила обиду, и брать ее на работу в такое место, как больница, где речь идет о челове-

ческой жизни, нельзя: а ну как она вздумает выместить на крестьянах — бедняках классовую ненависть, с кого тогда спрашивать?

На это заместитель главы городка ничего сказать не смог.

И только через много лет жители городка узнали, что единственным, кому решила отомстить тетка Цао, был ее названый брат.

Для того чтобы гарантированно попасть в партийные работники, он когда-то записал ее в помещичьи элементы. Потрясенная вероломством девушка хотела только одного — убить «названого братца». Но с присущей женскому характеру мягкостью и нерешительностью она лишь легонько толкнула его в грудь — тогда он вовсе ничего не почувствовал. Только через год, когда у названого братца стало теснить в груди, а потом начался озноб и перехватило дыхание, он вспомнил, как его с безразличным лицом оттолкнула сестрица, и понял, что в тот момент она нанесла смертельный удар [1], и если срочно ее не найти, то ему не протянуть и нескольких дней. Так как он, к счастью, еще мог самостоятельно передвигаться, позабыв про всякий стыд, братец тайком отправился в маленький городок на поиски «сестрицы», пребывавшей ныне под надзором властей. Он стоял на коленях, бился лбом о землю и просил пощадить его, ничтожного.

Сестрица выслушивала все это холодно и молча. И только когда он разбил себе лоб до крови и сорвал голос до хрипоты, она протянула руку и легко провела по больному месту. В мгновение ока братец снова оказался здоров, как будто

[1] Речь идет об общем для всей китайской культуры представлении — существовании акупунктурных точек на теле человека. Среди этих точек есть несколько жизненно важных, правильно нанесенный удар в такую точку может оказаться смертельным или вызвать отсроченный болевой эффект.

и не хворал никогда. Но так продолжалось только до следующего года, когда в то же самое время братцу, ощутившему знакомое недомогание, пришлось снова приехать, снова стоять на коленях и биться об пол головой, снова срывать голос до хрипоты, умоляя сестрицу пощадить его. Даже донести куда следует он не мог — стоило ему это сделать, и дни его были бы сочтены. Из года в год он подвергался мучительной пытке в течение нескольких десятков лет. Сестрица его давно стала «теткой Цао», и самого его уже называли не иначе как «уважаемый начальник отделения».

До выхода на пенсию, исключительно из-за зависимости от названой сестры, начальник отделения много сделал для городка. Он даже ухитрился организовать там небольшой заводик по производству лекарств. После выхода на пенсию он был приглашен городским начальством занять должность директора этого завода. Лекарства его всегда пользовались большим спросом. И только когда одна из проверок обнаружила, что завод несколько лет подряд выпускал фальшивый товар, пришлось его закрыть.

Когда на следующий год весной у него вновь обострилась болезнь, названый брат в последний раз приехал в Гутанчжэнь. Сколько он ни катался по земле и как ни умолял, тетка Цао на этот раз отказалась ему помочь. Ничего не оставалось, как возвращаться к себе в город и наведаться в больницу, но болезни у него никакой не обнаружили и отправили на осмотр в Шанхай, где вскрыли ему грудь и взяли образец ткани на анализ. Результат анализа не оставлял надежд — рак желудка. Рану зашили и велели возвращаться домой, готовиться к похоронам. Когда братец умер, его семья отправила извещение о смерти и в маленький городок Гутанчжэнь, названой сестрице, тетке Цао: при жизни, каждый раз отправляясь туда, он говорил дома, что едет ее навестить. Тетка Цао внимательно прочла телеграмму до конца, а потом подожгла ее на спиртовке и

смотрела, как бумага сворачивается в черный обгорелый комочек — свидетельство того, что сложные чувства, связывавшие их всю жизнь, навсегда ушли в прошлое. Так сама собой разрешилась загадка, которую много лет тщились разгадать жители городка.

Искусный сыщик Лао Е

Конец дня — это время, когда от переутомления уже никакими силами не заставить себя работать, и, тем не менее, на душе становится радостно и легко — кажется, вот-вот освободишься от усталости, накопленной за долгие годы. С приближением вечера все сложнее и сложнее пережидать оставшиеся до конца смены минуты. Кровавые мозоли на ладонях, содранная кожа на плечах, натруженная поясница и ноги начинают ныть одновременно, точно сговорившись, да так, что сил никаких нет. И именно в эти минуты сельский староста, будто назло и себе, и другим, тянет и не дает команды свернуть работы.

Если терпеть так приходится долго, и становится вовсе невмоготу, Мао Гоу, подначиваемый товарищами, затягивает песню.

Закатилось солнце за горизонт,
И хозяину пора прокричать отбой.
Путешественники отдыхают на постоялых дворах.
Лодки уже причалили к берегу.
Ноют ноги, не слушаются руки, и не поднять головы.

Это старая батрацкая песня. Мао Гоу знает еще немало таких. Его отец, а также отец его отца прославились подобным умением.

Во время земельной реформы и позже, когда организовывалась сельхозкооперация, при коммунах, когда выплавляли

сталь и ели из общего котла, они пели свои песни, переделывая старые слова на современный лад, сначала в деревне, потом в уездном городке, а затем и в большом городе, в центре провинции. Когда же подряд случились три года стихийных бедствий и неурожая, и от голода забурчало в животе, им стало не до песен. Только Мао Гоу многое запомнил. Те, что передали ему дед и отец, были старыми песнями, новые слова к которым выдумывали партийные работники, но всем казалось, что неисправленными они звучали лучше.

Конечно, если внимательно послушать «старые» песни Мао Гоу, то можно найти немало неточностей и ошибок, но докапываться никому не хотелось.

Услышав пение Мао Гоу, сельский староста вспомнил, что пора заканчивать смену. И в ту же секунду рабочие как оглашенные устремились прочь со стройплощадки. Добежав до бараков, люди не успевали даже смыть грязь, приставшую к рукам и ногам, и, похватав миски и палочки для еды, устремлялись на кухню. Они яростно, как голодные духи, хватали наполненные до краев миски и осторожно несли их на свое место, чтобы насладиться там самым счастливым за весь день мгновением.

Вдруг по бараку разнесся леденящий душу жуткий вопль, как будто где-то резали свинью. От этого ужасного крика Ланьяня, стоявшего у печи на раздаче, так передернуло, что большой черпак выскользнул из его рук и с грохотом упал в котел. Звук этот и впрямь казался невыносимым.

Это вопил Мао Гоу.

Вернувшись, он обнаружил пропажу деревянного ящика из-под удобрений, который он всегда держал запертым в изголовье своей лежанки.

Сначала он решил, что кто-то по рассеянности или из озорства его переставил, и обыскал весь барак, но среди нескольких десятков коек ящика нигде не оказалось. Тогда-то

он и испытал настоящий ужас. Когда же Мао Гоу, привыкший к ежедневному пению, завопил во всю силу своего зычного голоса, звук получился оглушительный.

Работа по созданию полей на отвоеванных у озера территориях должна была завершиться до конца этого года, и Мао Гоу по возвращении домой предстояло, наконец, жениться на давно просватанной за него девушке. Поэтому, когда он покидал дом, родители дали ему с собой этот ящик и четыреста юаней — все наличные сбережения, чтобы на обратной дороге, проезжая через уездный город, сын купил невесте приличную одежду на свадьбу. Ящик Мао Гоу всегда аккуратно запирал и, придя вечером с работ, первым делом проверял, на месте ли он. Когда все удалялись в столовую, он открывал его и, только убедившись, что все в порядке, успокоенный, вновь замыкал свое богатство на ключ и отправлялся на кухню. Спал он, подложив свою сокровищницу под голову. Внутри этого ящика лежали не просто деньги — в нем скрывался тот сладкий сон, который нисходил на Мао Гоу по ночам, несомненное обещание грядущего счастья. И пел-то он целыми днями оттого, что всегда помнил об этом твердом обещании.

В бараке мгновенно все стихло, люди замолчали с каменными лицами. Для каждого из них четыре сотни юаней могли стать вопросом жизни и смерти, и когда четыре сотни неожиданно исчезли, подозрение пало на голову каждого.

Староста велел никому не покидать своих мест до прихода людей из деревни.

Вскоре, прихрамывая и подрагивая в темноте ручным фонариком, на место происшествия пришел ответственный за охрану правопорядка из центра управления строительными работами, начальник участка Лао Е.

В деревенском участке работало два участковых: выпускник училища, недавно прибывший по распределению, и Лао Е. Лао Е вовсе не числился начальником. Просто начальника на

этот участок не прислали, да и Лао уже настала пора подумать о пенсии. Вот все, справедливо полагая, что Лао Е заслужил это право, почтительно именовали его начальником участка.

А ведь с первого взгляда и черти бы не признали в нем охранника правопорядка. Поверить же, что он когда-то верховодил местными хулиганами, был бандитом и вором, сидел в тюрьме или проходил трудовое перевоспитание, напротив, не представляло сложности.

Вид у него и впрямь отталкивающий.

Лао Е темнокожий, тощий, с перекошенными плечами, шеей и лицом. Посаженные неровно маленькие, острые глазки вечно полуприкрыты, как у спящего. Но если он их открывает — под недобрый пронзительный взгляд лучше не попадать. Стоит ему так взглянуть, как сердце замирает, а по телу пробегает холодок, словно от соприкосновения со змеей.

Тем не менее, Лао Е ни на кого не смотрит внимательно, а высказывается всегда, посмеиваясь: «Хэ, черт!», «Хэ-хэ, привет!», «Хэ, да катись отсюда!» Он с любым сходится с первого знакомства, а в следующую минуту будто никого и не узнает. Говорит он много, но верить ему нельзя — соврет, недорого возьмет.

Играя в карты, он всегда берет, когда должен бить козырем, черви может назвать пиками, а когда приходит очередь тасовать колоду, он раза два перемешивает карты на столе, собирает их в кучу, и дело с концом. Конечно, он вечно проигрывает. Проиграв, без лишних слов выворачивает карманы, раскладывает на столе все извлеченные оттуда мелкие вещи: ручку, сигареты, зажигалку, мелкие деньги, и, признав себя проигравшим и крепко выругавшись, велит все забирать. Если отдавать долг нечем, ему остается только проползти под столом. Он проползает ровно столько раз, сколько ему назначат, и никогда не торгуется. «Совсем без штанов оставили! Теперь только ползать!» — заявляет он. При этом он вовсе не думает о том, с кем он играет, с партийным ли

работником или с простым крестьянином. Распластавшийся на земле, похожий на тощего пса Лао Е вызывает у собравшихся приступы хохота, а вслед за остальными начинает гоготать и сам. Но отшутиться никогда не пробует и, только доползав до конца, поднимается, отряхивается и вновь берется за карты со словами: «Ну-ка поглядим, сколько мне еще ползать!»

И черти бы не поверили, что он — сыщик.

А ведь он и впрямь служил в милиции. И даже прославился в свое время, и получил прозвище «искусный сыщик Лао Е». Про него рассказывали, что не случалось такого дела, которое бы он не смог раскрыть. Сколько прогремевших на всю страну бандитских налетов, крупных мошенничеств, случаев насилия и убийств долгие годы оставались нераскрытыми, пока Лао Е, отправившись лазутчиком, не помогал захватить всю банду. Преступники до последнего отказывались верить, что этот человек с лицом отъявленного злодея может работать на правительство. Несколько раз он чрезвычайно отличался, и его направили в народную коммуну особым уполномоченным по охране общественного порядка. А когда был создан участок, Лао Е назначили его начальником.

Ошибку он совершил в шестидесятом году, когда коммуна сильно завысила отчетные данные по урожаю зерна. Из города приехали сборщики, и все хозяйства сдали-таки положенную норму. Только одна производственная бригада утаила часть урожая. Селение, где обреталась эта бригада, находилось в глубине гор, вдалеке от побережья, и из-за того, что «горы высоки, а император далеко», туда крайне редко наезжали с проверками. А Лао Е поехал, созвал все местное население, от мала до велика, на гумно, где они уселись вокруг него на корточки прямо на земле. В центре, тоже на корточках, расположился Лао Е. Бригадира, сидящего напротив, нос к носу, отделяло от него расстояние длиной в одну сигарету.

Сначала Лао Е в нескольких словах объявил о цели своего приезда: «Поступил донос, что вы утаиваете часть урожая. Сдайте зерно сами. Не сдадите по-хорошему, начну арестовывать». Договорив, он опустился на корточки и больше не проронил ни звука. Его неровно посаженные глаза закрылись, будто у спящего. Через какое-то время и впрямь донеслось неровное похрапывание.

Солнце в период летней жары саньфу [1] палит нещадно. Над раскаленной землей дрожало марево. Люди, сидя на корточках и не двигаясь, будто бы жарились в печи. Кто-то не выдерживал, начинал стонать, пробовал сменить позу, сесть поудобнее или подняться. Но стоило хоть немного пошевелиться, как Лао Е мгновенно открывал глаза, являя свой недобрый пронзительный взгляд. Всякое движение тут же замирало.

Время перевалило за полдень. Люди начали терять сознание, кто-то уже лежал ничком на земле, и никто не осмеливался ему помочь. Вдруг Лао Е вплотную приблизил лицо к лицу сидящего напротив бригадира, ткнул ему прямо в грудь дуло неизвестно откуда взявшегося пистолета и заорал:

— Где зерно?

Бригадир сразу опрокинулся навзничь, лицо его побелело, рот задергался, бедняга долго пытался что-то выговорить, но так и не смог, и только, вытянув руку, указал на что-то пальцем и снова ее уронил.

Это означало, что зерно все-таки есть.

Только тогда Лао Е гаркнул: «Разойтись!»

Потом поднял с земли бригадира и велел ему указывать дорогу.

Эта бригада и впрямь утаила часть урожая и спрятала зерно. Так люди надеялись прокормиться остаток года и следующую

[1] Саньфу — три декады летней жары. Их наступление и завершение рассчитывается с помощью китайского традиционного сельскохозяйственного календаря.

весну. Позднеспелый рис в том году не посеяли, потому что занимались выплавкой стали, и собранный урожай был единственным за весь год.

Последствием подвига Лао Е стала голодная смерть десятка человек, умерших в той бригаде весной следующего года. Когда провели дознание, его исключили из партии и сняли с должности начальника участка. Правда, потом дело пересмотрели, и его оповестили о восстановлении в партии и на посту. Но Лао Е ответил, что в партию вернуться готов, а вот пост ему не нужен, пусть его оставят при своих обязанностях и платят такое жалование, чтобы хватало на жизнь.

Убедившись, что он упорно отказывается, назначение отозвали. Но нового начальника на участок так и не прислали.

С тех пор Лао Е сильно сдал и очень постарел. Только его беспокойная натура и не давала ему сидеть на месте. Он мог с любым завести дружбу и никогда не напускал на себя строгости и начальнического вида. Кое-кто его одергивал, но он неизменно отвечал: «А что, есть предписания, какими должны быть кадровые работники? Вот такими, как ты, что ли? Умника из себя строить? Мал ты еще, к черту тебя!» И сейчас, на строительстве, он редко отсиживался в командном центре, а больше слонялся по стройке и по баракам. В какой барак забредет, там и ест, и спит, и говорит непристойности. Так он со многими перезнакомился.

Как только зашла речь о настоящем деле, вид его стал и впрямь страшен. Лицо, похожее на перекошенную тыкву, нахмурилось, глаза сузились, уголки губ опустились. Из-под полуприкрытых век то и дело сверкал острый взгляд, от которого у человека все внутри замирало, а по спине пробегал холодок, как от соприкосновения со змеей.

На потолке посреди барака к балке привесили керосиновый переносной фонарь, керосина в нем почти не осталось, и в бараке, сотрясаемом порывами ночного ветра, трепетал и,

казалось, вот-вот собирался погаснуть тусклый, мутный свет. Этот слабый свет освещал мрачные лица собравшихся внизу людей. Все они ждали, затаив дыхание. Время от времени раздавался приглушенный кашель, тут же, впрочем, смолкавший.

— Все вы знаете, что четыре сотни юаней — это немало. Я, Лао Е, никому лично вреда не желаю, но и власти, и народ такого простить не могут. Если преступник кое-что разумеет, то пусть сам придет и сдаст. Если здесь отдавать несподручно, то пусть сделает это завтра, тайком. Я обещаю хранить тайну и задерживать его не стану. Любой может совершить ошибку, с кем не бывает. Если же завтра никто не объявится, то к вечеру, то есть в пределах двадцати четырех часов после случившегося, все вы, барак за бараком, сдадите кровь на анализ, и тогда уж пусть преступник пеняет на себя.

Договорив, Лао Е взмахом руки распустил собрание. А потом повторил то же самое рабочим в соседних бараках.

В этот вечер стояла мертвая тишина. Все обитатели барака, в обычное время по вечерам пившие вино без меры и игравшие в кулачки, в покер или в шахматы, просто слонявшиеся без дела или перебрасывавшиеся шуточками и рассказывавшие смешные истории, сегодня оставили обычные занятия и очень рано улеглись на свои места. Сначала еще слышно было, как несколько приглушенных голосов ругали того негодяя, который заварил эту кашу и испортил весь вечер, рассуждали, насколько действен этот метод — анализ крови, и что виновнику наверняка несдобровать — в течение двадцати четырех часов кровь-то точно будет необычного цвета, и несли прочую ерунду. Но наконец смолкли и они. Слышалось только, как всхлипывал под одеялом Мао Гоу, да как свистел снаружи ветер.

Вскоре весь барак угомонился и крепко уснул. Даже Мао Гоу, устав плакать, что-то неразборчиво бормотал во сне.

И только Ланьянь, раньше всех забравшийся под одеяло, так и не смог сомкнуть глаз. За полночь, убедившись, что

отовсюду доносится дыхание и похрапывание спящих, он встал с постели и в потемках, на ощупь, выбрался из барака. Снаружи оказалось даже светлее — из просветов в облаках проглядывали звезды. Он помочился, постоял на холодном ветру, но в барак не вернулся, а пошел прямо на кухню. Нащупав в темноте огарок свечи, он зажег его, наполнил плошку чистой водой и поставил ее на стол. А затем, засунув палец в рот, изо всех сил сомкнул зубы.

Кровь сочилась темными густыми каплями, и они тяжело падали в воду и растворялись. Ланьянь безучастно смотрел, как вода в плошке постепенно становится ровного красноватого цвета.

Прошло уже немало времени, когда он вдруг обнаружил, что напротив, на другом, неосвещенном конце стола неизвестно откуда появился еще кто-то. Незнакомец, очевидно, просидел там уже некоторое время и даже успел задремать, полуприкрыв глаза.

— Не бойся, я не причиню тебе вреда,— неожиданно сказал Лао Е, все еще с опущенными веками. Так, не открывая холодных и пугающих глаз и не глядя на Ланьяня, он и продолжил, будто сквозь сон: — Ответь мне только на один вопрос. Где тот ящик с деньгами?

Ланьянь на другом конце стола вжался в спинку стула и потер воспаленные, гноящиеся глаза. А потом тонко, жалобно захныкал:

— У матери уже много лет язвы на ногах, вы ведь знаете. Уже показалась кость, нужно в город везти, в больницу, иначе умрет. А без денег туда не берут...

— И ты украл деньги у другого. А ему жить не надо?

Ланьянь ответил:

— У меня не было другого выхода.

Лао Е вздохнул и поднялся со стула:

— Я знаю, что причина в этом. Денег я тебе дам. Если еще когда будет невмоготу, сначала зайди со мной поздороваться. Будут деньги — дам и в другой раз.

— Вы мне как отец родной! Деньги я обязательно верну, обещаю! — Ланьянь упал ему в ноги.

Лао Е, уже не замечая его, направился прямо к выходу.

На следующий день утром, перед выходом на работы, сельский староста объявил:

— Можете быть спокойны. Анализ крови отменяется. Начальник участка Е за ночь раскрыл это дело. Вор не из местных. Бродяга. Ящик нашли под насыпью, в борозде, вещи и одежда оказались на месте, деньги тоже обнаружены и сейчас будут переданы Мао Гоу.

Отдавая деньги, староста попутно залепил Мао Гоу хорошую затрещину и сказал:

— Теперь береги, как зеницу ока. Потеряешь опять, и невеста за другого пойдет.— А потом прибавил: — Да не забудь поблагодарить начальника участка Е.

Мао Гоу весь залился краской, губы его задрожали, он все повторял:

— Не забуду, ни за что не забуду.

Все собравшиеся разразились хохотом. В тот день только и разговоров было, что про незадачливого Мао Гоу да про Лао Е. Сошлись в одном: искусным сыщиком Лао Е прозвали неспроста.

Лао Сы

Перед тем, как окончательно стемнело, несколько человек подожгли запал последней партии динамитных шашек. Когда, добежав до укрытия, они уселись там на корточки в ожидании взрыва, на душе у всех было легко и весело. До конца этой чертовой службы оставалось не более двух дней. За прошедшие полмесяца в других бригадах на каменоломне случались и ра-

неные, и погибшие. Только в третьей бригаде все как один уцелели. Да что там! Если бы не приходилось так старательно отмываться от грязи после рабочего дня, может статься, ни у кого бы и впрямь даже волоса с головы не упало.

Каждую зиму, когда начинался ремонт дамбы, защищающей прибрежные поля, самым незавидным делом считалась добыча камней для укрепления насыпи. Людей на каменоломни набирали так же, как создавали бригады рабочих, отбирали руководящие кадры или вербовали солдат, только руководствовались совершенно другим принципом: кроме бригадира, обладавшего полной властью над подчиненными, там не попадалось ни единого хоть сколько-нибудь стоящего человека. То было сборище разного сброда, людей, чья жизнь недорого стоила, и которые, как никто другой, подходили для этой тяжелой и опасной работы.

Из общей массы как-то выделялся только Лао Сы. Недаром говорят: «Как придет твой час, так ложись и помирай, а пока не пришел, живи хоть до ста лет». Лао Сы являлся тому примером. Сам он полагал, что зажился на свете, и частенько в свободную минуту сокрушенно вздыхал, будто и впрямь был опечален тем, что все никак не умрет.

На каменоломни рабочих набирали временно из разных бригад, поэтому о Лао Сы знали немногое. Слышали, что в старом обществе он служил офицером гоминьдановских войск и имел какой-то небольшой чин. А в третьей бригаде, кроме богатого крестьянина-середняка, на которого не спешили одевать колпак контрреволюционера, оказался собран один разношерстный сброд, и среди них единственным настоящим представителем «четырех контрреволюционных элементов» [1] был Лао Сы, за что он, кстати, и получил свое прозвище.

---

[1] Четыре контрреволюционных элемента: помещики, богатые крестьяне, контрреволюционеры и преступные элементы.

Каждый вечер перед сном, ощупав руки и ноги и убедившись, что еще цел, каждый из них думал лишь о том, что плохо ли, хорошо ли, но протянул еще один день, и мысленно благодарил старика Янь-вана [1]. В это время Лао Сы безнадежно бормотал что-нибудь в таком духе: «Нечему тут радоваться! Если уж не везет, так и соль зачервиветь может». На такое карканье никто не отвечал. Правда, исключительно из лени. Но слова его оказались пророческими.

В тот день одна из шашек не разорвалась. Такое нередко случалось и раньше, но прошло уже полмесяца, и все привыкли к мысли, что на этот раз им повезло невредимыми выбраться из переплета. И вот оказалось, что это не так.

Когда взрывы отгремели, они все с тоской уставились на темные склоны далеких гор.

Начинало смеркаться. Бригадир третьей бригады считался человеком мягким и уступчивым, не чета другим. Обычно он держался от своих подопечных подальше, будто боялся, что к нему пристанет какая-нибудь зараза, однако никогда их сильно не притеснял. И сегодня, когда случилась беда, он вместе со всеми тоскливо уставился на далекие горные склоны. Другой, нравом покруче, уже начал бы распоряжаться, что тому-то и тому-то следует немедленно демонтировать шашку. А он долго молчал, смотрел куда-то отрешенным взглядом, потом проговорил еле слышно: «Какого ни есть, а человека загубить придется».

Он велел всем возвращаться на ужин, а сам отправился в управление участка строительства с докладом, в надежде разузнать, нельзя ли подождать до завтра и заняться шашкой при свете дня.

---

[1] Янь-ван — в китайских традиционных верованиях — главный управляющий ада. Образ заимствован из буддийской мифологии.

Во время еды, конечно, все говорили только о случившемся. Выяснилось, что кому-то сегодня ночью приснился кошмар, а кто-то сказал, мол, не удивительно — с утра правое веко так и дергается, похоже, и впрямь быть беде. На душе у всех кошки скребли: никто не знал, над чьей именно головой разразится беда.

Лао Сы слушал с неподдельным интересом, стоя у печи с большим черпаком в руках. Потом поскреб стенку котла, поднес черпак ко рту. За прошедшее время он со всеми успел перезнакомиться и начинал говорить все более гладко, все более многословно. Он был старше всех в бригаде и тощ, как креветка, так что нипочем бы не поднял большого молота, да к тому же сам хвастался, что отлично готовит. Вот его и назначили кашеваром. Нашлись такие, которым тоже не хотелось в горы, они стали протестовать, задаваться вопросом, не отравит ли он всех, на что старик ответил, что у него рука не поднимется: все они ядовитые тыквы с одной лозы, когда они перемрут, ему будет одиноко. Но готовил он и впрямь отменно. Если отсутствовало масло, он мог и на соевом соусе обжарить соевый сыр доуфу до золотистой корочки. Корзина репы в его руках могла превратиться в несколько разных блюд. Во время еды и по вечерам он говорил без умолку, и все о том, что повидал за годы работы в «заведении» (то есть в публичном доме: Лао Сы проработал там поваром много лет, отсюда и его незаурядные кулинарные способности). От таких рассказов у всех начинали течь слюнки. В те дни, полные изнурительной работы и тревожного ожидания, это считалось одной из немногих радостей, согревавших их. Старика все полюбили. Однажды, когда он отправился в деревню за рисом и пробыл там целую ночь, всем показалось, будто чего-то недостает.

— Шашка не разорвалась? Это не удивительно, странно было бы, если бы все сошло гладко. На кого жребий выпадет, тот и пойдет, ничего не поделаешь. Если пришел твой

час, так падай навзничь, а если не пришел, может, и до ста лет доживешь.

— Легко тебе говорить! На тебя-то точно не выпадет, да? Ты, старикашка, еще посмотришь, как лодочки по Поянху ходят, смерти на тебя нету! — злобно огрызались те, кто сегодня закладывал последнюю партию. Теперь, когда одна из шашек не разорвалась, демонтировать ее, естественно, предстояло кому-то из них.

Лао Сы не рассердился, он вообще никогда не сердился. Сухо хохотнув, он пристыженно опустил голову и, выводя черпаком узоры по жиже на дне котла, заговорил снова:

— Я не то хотел сказать, у меня не было таких дурных мыслей. Просто каждому человеку отмерен свой срок, кому умереть не суждено, тот и шашку динамитную разрядит без последствий. Я по молодости тоже все смерти боялся, а сколько мне пули в грудь ни метили — все равно жив остался. Пока срок не пришел, Янь-ван не приберет. Сколько я прожил, сколько всего перевидал — зря говорить не стану.

И он начал долгий и многословный рассказ о том, как сам столкнулся со смертельной опасностью. Торжественный и загадочный вид его впечатлял, но правду ли он говорил, черт его разберет, да никто и не хотел допытываться. Всех тяготило глухое, томительное ожидание, как будто та злосчастная шашка вот-вот должна была разорваться. В такой момент послушать Лао Сы представлялось даже полезным — немного отлегало от сердца.

Язык Лао Сы молол беспрестанно, а хитрые глазки то и дело пробегали по лицу собеседника. Если рассказ нравился, то он воодушевлялся, а если слушателям становилось скучно, тут же прекращал повествование. Этой истории от него еще никто не слышал. Внезапно ему показалось, что рассказ этот не ко времени. Только он начал говорить: «На двадцать седьмом году республики...», как приостановился, окинул взглядом свою аудиторию и, только увидев, что все они за-

стыли с безучастным выражением лиц и вроде бы готовы слушать дальше, успокоился и продолжил:

«На двадцать седьмом году республики, в июне, японские войска пошли в наступление из Аньцина [1], и Мадан [2] располагался как раз у них на пути. Городок этот нельзя было терять, им навстречу бросили две армии, но японцев они так и не смогли удержать и бежали обратно, в Мадан. Эти горе-вояки относились к числу уже дезорганизованных, разбитых войск. Они оказывали слабое сопротивление, каждый день теряли по несколько сотен убитыми, а подкрепление им все не присылали, в конце концов оно все же подошло, но слишком поздно. Все защитники городка пали в бою до последнего. И японцы оказались на берегу озера. Наша двадцать шестая дивизия как раз сменяла на оборонительных рубежах двадцать седьмую, но только те выступили на марш, как с японцами завязалась перестрелка. Двадцать седьмой дивизии приказали вернуться нам на помощь, но дорогу им преградили японцы, и нас отрезали друг от друга. Наша дивизия формировалась в Сычуани и представляла собой так называемый „отряд охраны спокойствия“ [3]. Все мы были новобранцами, вооруженными чуть ли не граблями (нас даже не удосужились укомплектовать хотя бы одним станковым пулеметом). Но с командиром нам повезло, а потому японцев мы удерживали двое суток, и по истечении этого срока людей осталось меньше трети. Под конец в ход пошли даже такие, как я,— повара, разнорабочие... На направлении удара из провинции Аньхой японцы впервые столкнулись с таким упрямым китайским отрядом.

---

[1] Аньцин — город в провинции Аньхой.

[2] Мадан — город в уезде Пэнцзэ провинции Цзянси.

[3] Отряды охраны спокойствия — название реакционных гоминьдановских войск.

На войне человеческая жизнь ничего не стоит, прогремит пушка, и уцелеть тебе или нет — не от тебя зависит. После очередной стычки глядишь, как рекой льется кровь, как лежат горами трупы, и понимаешь: ты, оставшийся в живых, подобен крошечному муравью,— кто знает, может, в следующую секунду и ты будешь раздавлен.

На второй день командир роты вызвал меня, одуревшего от выстрелов, из окопа и велел отнести письмо в штаб дивизии.

Штаб располагался в уездном городе неподалеку. Городок почти пустовал. Минуло уж несколько дней, как все его население разбежалось, словно ласточки из разоренного гнезда. Кроме военных, там оставались только беспомощные старики, инвалиды, лишившиеся ухода, да грабители, которые, пользуясь случаем, чинили безобразия.

Доставив письмо, я бегом бросился обратно. Но стоило выйти за ворота, как мне в ноги неожиданно бросилась какая-то старуха. Она была невероятно худа, а редких седых волос на макушке явно не хватало, чтобы собрать их пучок. Старуха подняла голову, и я увидел, что она слепа. Она валялась на земле, крепко обхватив меня за ноги, и с громкими причитаниями билась лбом о каменные плиты мостовой, да так, что кровь с разбитого лба, стекая по лицу, собиралась в пустых глазницах. Это оказалось страшнее, чем вид мертвого тела. Облик ее настолько ужасал, что, несмотря на звуки выстрелов со стороны реки, звучавших все чаще и громче, я не смог пинком отшвырнуть старуху.

Выяснилось, что ее обобрали мошенники. Когда она бежала из дома, спасаясь от подступавшей „смуты“, то захватила с собой все, что могло представлять хоть какую-то ценность, а позже, в уездном городе, поменяла свое имущество на деньги в менной лавке. Там ей всучили фальшивый серебряный юань. На вырученные средства она хотела нанять лодку, но монета дала трещину, стоило хозяину лодки бросить ее оземь. Когда же старуха вернулась в поисках злополучной

лавки, владельцы ее уже давно удрали. Деньги ей понадобились, чтобы отправиться в Цзюцзян [1] на поиски дальнего родственника, занимавшегося там торговлей. Без этого юаня серебром ее ждала верная смерть.

Обстоятельства сложились так, что перед моим уходом мать зашила мне в подкладку одежды два серебряных юаня и наказала во что бы то ни стало сохранить деньги, пока не придет пора возвращаться домой. Один я еще в Сычуани отдал девице из опиекурильни, а оставшийся хранил, как оберег, врученный мне на счастье матерью.

Ныне же, когда биться, скорее всего, предстоит до конца, рассудил я тогда, и жизнь мне уж не сберечь, и домой возвращаться не придется, так зачем его хранить? Разве что на потребу тем, кто приберет мое тело. Так если все равно умирать, то схоронят меня или нет — все едино. Лучше уж сделать доброе дело, может, и зачтется. И я обменял свой серебряный юань на старухин фальшивый.

И если уж в этой истории есть что-то удивительное, так вот именно это. Ведь моя-то монета всегда хранилась зашитой в поясе, специально для этого изготовленном матерью. Я достал свой юань, отдал его старухе и попутно забрал ее, фальшивый, но почему-то не положил на прежнее место, а, словно шепнул мне кто-то, сам не знаю почему, опустил в левый нагрудный карман. Тогда в голове у меня все перемешалось, и, ни о чем больше не успев подумать, я со всех ног бросился обратно в лагерь.

В небе уже полыхало зарево от разрывов снарядов. Стоило добраться туда, как в глазах все потемнело, я уж ни о чем не рассуждал, ничего не помнил. Снова всю ночь велась перестрелка, а наутро ротный командир приказал нам идти в контратаку. Когда мы бросились вперед, в меня попало больше десяти пуль, но только одна могла стоить мне жизни. Эта

[1] Цзюцзян — город в провинции Цзянси.

единственная пуля, как будто кто ей дорогу указал, метила прямо в грудь и наверняка пронзила бы сердце, если бы не застряла, как гвоздь, в том самом фальшивом юане. Когда контратака завершилась, мы сняли лагерь и на одном дыхании добежали до Цзюцзяна. Там только я и свалился. Уже на носилках я нащупал в нагрудном кармане монету с застрявшей в ней пулей. А потом, в больнице, когда у меня было время спокойно обо всем поразмыслить, я сообразил, что все в мире предрешено заранее. Тот, кто выжил, не мог умереть, а погибшие не могли выжить. Даже очень странные, на первый взгляд, вещи и события — результат этого всеобщего плана. Вот ведь взять меня, например: почему я родился именно в тех краях, почему пошел служить, почему именно в двадцать шестую дивизию? Почему нашей дивизии пришел черед выйти на передовую, и как случилось, что ротному командиру вздумалось отправить с письмом меня? Почему старуха бросилась в ноги именно мне, а у меня как раз оказалась с собой та серебряная монета? И зачем я взял старухину? Почему положил ее в нагрудный карман? Наконец, почему та самая пуля, что могла стоить мне жизни, ударила именно в эту монету... Странно! Стоило хоть в одном звене произойти малейшей ошибке, и все сложилось бы совсем по-другому. Почему этой ошибки не произошло? Видимо, во всем этом существовал какой-то заранее продуманный план, и жизнь моя еще не подошла к концу. Да только, по правде говоря, незачем человеку так долго жить».

Последние слова Лао Сы прозвучали, как жестокая издевка, он будто хвастался перед всеми своим долголетием да радовался, что на этот раз дело обойдется без него.

— Ах ты, старый мерзавец, контрреволюционер старый, ты теперь тоже в герои записался! Если тебе и впрямь жить невмоготу, так я тебя сейчас до смерти и забью, благо ты сам начал свое дело пересматривать!

Гоуши прыжком поднялся с земли и уставился на Лао Сы красными от гнева глазами. Из тех, кто сегодня готовил злосчастную последнюю партию, у него был самый крутой нрав. Он происходил из богатых крестьян, и его родичи давно сговорились с семьей из середняков обменяться невестами. А в той семье жених оказался немой, и сестра Гоуши ни в какую не соглашалась. Невеста из той семьи также все медлила, ее тоже принуждали всем домом, вместе с немым братом, и только недавно все-таки приняли решение сыграть свадьбу в следующем году. А жизнь Гоуши вдруг повисла на волоске.

— Ты, подлец, уже свое отжил, всего на своем веку успел попробовать. Помирай теперь хоть сто раз, и не жалко.

Гоуши орал, а на глазах его выступали слезы. Перепачканный и нечесаный, одетый в рванину, вид он все равно имел бравый, как солдат рабоче-крестьянской армии с пропагандистских плакатов, просто в жизни ему чуть меньше повезло. Он еще не приблизился к тому возрасту, когда человек устает, вдоволь отведав тягот и горестей, и, конечно, вовсе не хотел умирать. Совсем не то, что Лао Сы, преднамеренно плевавший на последствия. После той битвы, когда он получил ранения, Лао Сы вышел из больницы хромым и вынужден был оставить военную службу. Домой он вернуться не мог и устроился разнорабочим в одно из местных «заведений», а потом, благодаря освоенному в армии ремеслу, стал там же работать поваром. После образования КНР он никогда не упоминал о своей службе в армии. Но тот самый серебряный юань, который спас ему когда-то жизнь, чуть не стал причиной его гибели.

Как-то раз он спьяну рассказал свою историю, брызжа слюной и похваляясь невероятной удачливостью. А кто-то эту историю запомнил и, как только началась «культурная революция», донес. При обыске у него действительно обнаружили ту самую монету, которая и послужила доказательством того,

что Лао Сы — скрытый враг народа, за что его тут же до полусмерти избили. В конце концов, его квалифицировали как бывшего контрреволюционера и отправили в сельскую местность на перевоспитание. Жена его когда-то подвизалась девицей в том же заведении, и здоровье ее к тому времени оказалось окончательно подорванным. Не прошло и года после приезда в деревню, как она умерла, а так как детишками они не обзавелись, Лао Сы после ее смерти остался один-одинешенек, всеми презираемый, как бездомный пес. Может, и впрямь следовало бы ему однажды закрыть глаза, протянуть ноги и заснуть себе спокойно в земле. Тот серебряный юань он с самого приезда в деревню ни разу не упоминал. И то, что он сейчас сам об этом заговорил, ясно свидетельствовало — ему действительно все равно.

— Общий сбор! — неожиданно поднялся и произнес бригадир. Он вошел давно и некоторое время молча сидел в толпе слушателей. Обычно он крайне редко говорил со своими подчиненными. И разговоры эти начинались со слов «общий сбор».

Собрания у него всегда проходили предельно просто: «В центре управления строительством сказали, что шашку необходимо демонтировать сей же час. Этой ночью все как один выйдут на трудовой бой. Демонтировать пойдет один из тех, по чьей халатности случились неполадки, пусть остальным это послужит уроком. Ну, кто из вас идет?»

Те, к кому он обращался, молча сидели на корточках, опустив головы в колени, и не проронили ни звука.

— Ну же! — бригадир повысил голос. А потом добавил, уже тише: — Здесь уж я ничего не могу поделать.

И будто бы он уже не приказывал, а просил.

— Тянуть жребий! — снова заорал Гоуши.— Хоть мы все и собачье отродье, а помирать кому-то одному придется.

— Точно, тянем жребий,— вяло согласились остальные.

Тянули с помощью покерной колоды, предварительно перетасованной каждым из работников. Очередной участник

снимал карту, и тот, кому попадалась самая меньшая, тянул первым. Несчастному, вытянувшему джокера, и предстояло отправиться дергать волосы на макушке дедушки Янь-вана.

Они вытянули по одной карте. По другой. По третьей... По четвертой...

Лица их все больше бледнели, все больше дрожали руки. С каждым туром они все ближе подходили к завершению игры, как будто шаг за шагом приближаясь к смерти. Где-то на середине жеребьевки один из них не выдержал, ноги у него подкосились, задрав голову и тяжело дыша, он простонал:

— Не буду тянуть, не буду. Лучше уж сразу пойти да умереть.

— Что значит «не буду». Тяни! — мрачно осадил его Гоуши, и вдруг его рука застыла в воздухе, а лицо мгновенно окаменело. Он молча уставился на новую карту в своей руке, долго и внимательно ее изучал. Потом вдруг стремительно поднялся и неровными шагами пошел к выходу. На полпути остановился, обернулся, окинул своих товарищей потерянным взглядом, глухо, сдавленно застонал и, обхватив голову руками, вновь опустился на землю.

Брошенная карта плавно, как осенний лист, упала к его ногам.

То был джокер.

Оставшиеся трое облегченно вздохнули. И все мгновенно преисполнились сочувствия к Гоуши.

Самый крепкий и сильный, но довольно простоватый, он никогда не умел вовремя увернуться, и на его долю всегда приходилась самая тяжелая и черная работа.

Крупный и свирепый с виду, на самом деле он старался скрыть в себе робкого, тихого и добрейшего человека.

Сочувствие сочувствием, а заменить собой Гоуши никто не захотел. В такой ситуации оставалось только повторить вслед за Лао Сы: «Как придет твой час, так ложись и помирай, а пока не пришел, живи хоть до ста лет», и посмотреть, сколько же лет отмерено этому парню.

— Я не хочу умирать, мне нельзя умирать...

Этот большой взрослый человек, плача, всхлипывал, как малый ребенок.

Его плач раздавался в общей тишине.

— Время не ждет, нужно докладывать в центр управления работами... — Голос бригадира был тоньше комариного писка.

— Ах ты, дрянь такая, жребий вздумал тянуть, какой тебе еще жребий понадобился... — Гоуши изо всех сил колотил той самой рукой, вытащившей джокера, по земле и, наверное, очень хотел избавиться от нее и заменить на другую.

К нему подошел Лао Сы и, похлопав по плечу, сказал:

— Не плачь. Слезы — плохая примета. Еще ведь ничего не случилось. Ты, может, и не умрешь вовсе.

Он сказал это и замолк в ожидании, но Гоуши никак не прореагировал.

Тогда он повторил еще раз. Гоуши повернулся боком, искоса на него взглянул, потом вдруг вскочил и так толкнул Лао Сы в грудь, что тот, не устояв на ногах, рухнул на землю.

— Ты, мерзавец! Мне умирать, а ты жить будешь! Почему ты будешь жить, а? — Гоуши на секунду замер, в глазах его промелькнула какая-то мысль.— Точно, ты же здесь, в нашей бригаде, единственный представитель вражеского класса.

Гоуши, обычно медлительный и туповатый, вдруг словно преобразился. Он, обернувшись к бригадиру, заорал:

— Бригадир! Зря мы жребий тянули. Среди нас есть классовый враг. Если он не пойдет, почему должен идти я? Я ведь, как ни крути, все-таки свой.

Его слова всем показались справедливыми: и впрямь, если уж кого и посылать на верную гибель, так это его, Лао Сы. Если все они — собачье отродье, то Лао Сы — собака, прихвостень контрреволюции.

Лицо Лао Сы, не успевшего оправиться от удара и все еще сидевшего на земле, вдруг сделалось пепельно-серым, а жидкие крысиные усики задрожали. Он затравленно огляделся по

сторонам, но понял, что заступиться за него некому, и больше уже ни на кого не смотрел, уставившись в одну точку.

Снаружи донесся чей-то голос:

— Эй, что там у вас? Человек уже вышел демонтировать шашку?

Это пришли из управления.

Бригадир забеспокоился:

— Ну что, Лао Сы...

Лао Сы поднялся с земли, отряхнулся, издал глубокий вздох и сказал:

— Придет твой час, так ложись и помирай, а пока не пришел, живи хоть до ста лет. Так ведь. Что ж я, жить не боюсь, а смерти испугаюсь?

— Так что, согласен?! — Бригадир от волнения начал заикаться.

Все снова притихли. Легкость, с которой Лао Сы согласился, заставила их почувствовать некоторую неловкость, как будто они даже сподобились провиниться перед ним. Собачье ли отродье, собака ли, а все-таки живой человек.

Гоуши, наконец, поверив в то, что опасность окончательно миновала, прямо с корточек бухнулся перед ним на колени, обхватив его ноги руками:

— Лао Сы, прости меня, я не виноват. Я не хочу умирать, мне нельзя. Я и не жил-то еще вовсе. Скажи только, как тебя отблагодарить, кроме жизни, я все, что хочешь, отдам.

Лао Сы сухо засмеялся:

— Ну, так-таки и все. А если я невесту твою попрошу, только что просватанную, не пожалеешь? Ты, если и впрямь такой добрый, так дай мне сигарету.

Раньше у Лао Сы было две вещи, с которыми он никогда не расставался: тот самый серебряный юань и сигареты. А когда он стал контрреволюционным элементом и оказался в деревне, то разом лишился обеих. Монету изъяли как вещественное

доказательство, а на сигареты у него не нашлось денег. Ему, полуживому, едва хватало на пропитание, и оставалось только подбирать за другими брошенные окурки. Увидев у кого-то в руках сигарету, он сидел в сторонке на корточках и жадно, не мигая, смотрел. При этом он походил на бродячую собаку, дожидающуюся, когда человек выльет помои. Брошенный окурок он ловил еще на лету, тут же совал в рот и быстро затягивался. Здесь, в каменоломнях, эта его привычка особенно раздражала именно Гоуши. Как-то раз он нарочно бросил окурок подлиннее, и стоило только Лао Сы протянуть руку, чтобы его схватить, как Гоуши с силой наступил на него и растоптал. От окурка осталась лишь смешанная с пылью табачная крошка, а Лао Сы чуть не лишился руки и с тех пор никогда уже больше не заглядывался на чужое курево. Когда ему становилось совсем невмоготу, он скатывал цигарку из войлока, надерганного из одеяла, и курил ее.

Теперь же, когда он попросил сигарету, каждый норовил предложить ему курево, как человеку, идущему на казнь. Растроганный, Лао Сы промолвил:

— Большое всем вам спасибо. Подождите-ка немного. Если мой срок еще не настал, так я заберу ваши подарки, когда вернусь. А если настал мой час, то и одной сигареты довольно, не стоит тратить лишние.

Когда-то он выменял жизнь на серебряный юань, а сейчас готовился пожертвовать ею за одну сигарету. Он взял ту единственную, которую протянул ему Гоуши, поджег ее и несколько раз затянулся, а затем вышел за дверь с керосиновым фонарем в руке. Вся бригада столпилась у входа, глядя ему вслед.

Снаружи давно наступила ночь. Неподалеку высились темные склоны гор, и в небе над ними тускло светили редкие звезды. Горы походили на маленького симпатичного зверька и словно ждали того, кто их приласкает.

Лао Сы шел, прихрамывая и не оглядываясь. Дорога была ухабистой и неровной, а он торопился, и издали казалось, что он идет, пошатываясь. Вскоре его силуэт растворился в окружающей тьме, и мерцал только приплясывающий вдалеке огонек фонаря. Все работники, не отрываясь, смотрели на эту светящуюся точку. Неожиданно она исчезла. Люди издали приглушенный стон в ожидании чудовищного грохота. Но сияющая точка вдруг снова запрыгала вдалеке, а вокруг, в бескрайнем ночном просторе, притаилась все та же мертвая тишина...

系在皮绳扣上的魂

Таши Дава

ДУША, ПРИВЯЗАННАЯ НА КОЖАНОМ ШНУРКЕ

Сейчас редко уже можно услышать ту протяжную, искреннюю перуанскую песню о кондоре *1... Она сохранилась у меня на кассете. Каждый раз, когда я ставлю эту запись, перед глазами открывается чудесная картина.

Изумрудная долина на высоком нагорье. Меж больших темных валунов бегают веселые овечки. У подножья горы нарезанные ровными лоскутками поля покрыты разреженными посевами. На берегу журчащего ручья вертится крошечная мельница. На холме сгрудились низенькие сельские домики, сложенные из круглых камней. Смуглые крестьяне заняты работой. Поют медные бубенчики, привязанные на шеях у коров. Нежный ветерок гуляет по долине. Ослепительное солнце заливает все вокруг...

Но это не Перу... Дивный пейзаж у меня перед глазами — вовсе не на плоскогорье в Андах... Слушая эту мелодию, я вижу перед собой горный район Пабнайган в Южном Тибете. Мне трудно сказать, бывал ли я раньше в Пабнайгане или же

* См. комментарии на с. 445.

этот волшебный край привиделся мне только во сне. Не могу вспомнить — слишком много я за свою жизнь перешел горных долин... И лишь потом, когда я действительно приехал туда, я понял, что Пабнайган из моего воображения оказался идиллическим пейзажем юго-востока Англии начала XIX века — полотном Джона Констебла.

Сегодня Пабнайган по-прежнему остается горным оазисом тихой и размеренной жизни. Но достижения современной цивилизации мало-помалу становятся доступными и для местных жителей. Недавно здесь появился пункт гражданской авиации, и теперь вертолеты выполняют по пять рейсов в город еженедельно. Неподалеку от взлетной площадки построили электростанцию, работающую на солнечной энергии. На краю деревни Чжэлу, рядом с заправкой, есть маленький ресторанчик. Однажды мне довелось там брать интервью у интересного собеседника: это был статный, болтавший без умолку бородач — исполнительный директор прославленной компании «Трансгималайские перевозки», которая раньше всех в Тибете закупила мощные немецкие контейнеровозы. Когда я посещал местный ковровый завод, то с изумлением обнаружил, что дизайнеры разрабатывают узоры с помощью компьютерных программ. Спутниковая антенна принимает теперь пять телеканалов, и местным зрителям предоставлено целых тридцать восемь часов телевещания в сутки.

Натиск современной материалистической цивилизации разрушил уже многие патриархальные традиции. Но ничто, тем не менее, не может заставить жителей Пабнайгана отказаться от стародавней манеры общения. Например, разговаривая со мною, деревенский староста, докторант Сельскохозяйственной академии, то и дело шумно втягивает ртом холодный воздух, вибрируя при этом языком и издавая самоуничижительное «ло-ло». Когда люди здесь о чем-то друг друга просят, то они, по привычке, поднимают руку и шевелят оттопыренным большим пальцем, а иногда даже продолжают

еще бормотать свою просьбу, повторяя ее раз по семь-восемь. Некоторые старики, завидев в деревне городских, как в древности, снимают с головы шапки и, прижав их к груди, почтительно отступают к обочине. Хотя в Китае уже давным-давно ввели единую систему мер и весов, местные жители привыкли считать по старинке. Показывая длину, они вытягивают перед собою левую руку, а правой ладонью отмеряют на ней расстояние: до запястья, до локтя, до плеча...

Живой Будда [2] Саньедапу собирался вскоре уйти из этого мира. Он был двадцать третьим перерождением Живого Будды монастыря Тато. В этом году почтенному монаху исполнилось девяносто пять лет. Он сказал, что после него прекратятся земные перерождения и наследника главы монастыря Тато не будет. Я захотел написать об этом специальный репортаж. Мне доводилось уже беседовать с ним раньше, и я спросил у Живого Будды:

— Если в мистическом и непостижимом буддизме Тибета закончатся перерождения глав школ и, следовательно, не станет никаких духовных лидеров, не будет ли это означать, что тибетский буддизм движется к своему закату? Ведь эта мистическая форма во многом определяет религиозное сознание.

Живой Будда покачал головой, не соглашаясь с моими словами.

Вдруг его зрачки стали расширяться:

— Шамбала [3],— он медленно шевельнул губами.— Война уже началась.

В древних священных книгах записано: на севере есть рай среди людей — «Чистая Земля» [4], идеальная страна Шамбала. По легенде, именно там появилось учение йогического тантризма. Именно в Шамбале ее первый правитель — царь Сучандра внимал проповеди Будды Шакьямуни, а позднее стал распространять мудрость «Калачакры-тантры» [5]. В этой легенде сказано, что однажды в Шамбале, стране, окруженной снежными горами, разразится страшная война. В «Завете

Шамбалы» есть красочное описание доблестных подвигов последнего, двадцать пятого царя Шамбалы, Славного воителя Чакравартина [6] — Рудры-Чакрина: «Ты поведешь в бой двенадцать Небесных армий, ты будешь сражаться плечом к плечу со славными воинами и бессмертными генералами. Невозмутимый и бесстрашный, помчишься ты на врагов. И проткнешь ты копьем грудь ужасному чудовищу, и повергнешь ты его — предводителя врагов Шамбалы. И исчезнут вслед за этим все злобные демоны...»

Живой Будда Саньедапу рассказывал мне однажды об этой страшной многовековой войне. Когда кровожадные демоны будут уничтожены, раскроется могила Цзонхавы [7] в монастыре Гандэн [8], и распространится тогда учение Будды Шакьямуни по всему свету, и продолжаться будет так одну тысячу лет. Через тысячу лет обрушатся ужасные бедствия — ураганы и пожары. А затем потоп накроет всю землю. В конце мирового периода боги спрячут нескольких уцелевших людей в Небесном дворце. А когда вселенная сформируется вновь, учение Будды, благодаря этим людям, опять возродится.

Живой Будда лежал на кровати, он находился в состоянии транса и обращался к невидимому своему собеседнику:

— Когда перейдешь через Гремящую снежную гору Калон и будешь стоять в центре земли, где отпечаталась ладонь Падмасамбхавы [9],— Учителя, Рожденного в лотосе,— оставь суетные стремления, не ищи, не пытайся сам выбраться... Молись, и сознание твое прозреет. А когда прозреешь, будет тебе дано видение... В лабиринте линий ладони только одна тропинка ведет в Чистую Землю...

И я, словно в тумане, видел, как Падмасамбхава покидает мир людей: с небес спускается колесница, две прекрасные девы возводят на нее Драгоценного Учителя, они взмывают в ясную синеву и уносятся к далекой южной стороне.

— Двое молодых кампа [10] отправились искать путь в Шамбалу,— продолжил Живой Будда.

Я поднял на него уставшие глаза:

— Вы хотите сказать, что в 1984 году сюда приходили двое кампа, юноша и девушка?

Он закивал головой.

— И юношу сбило машиной? — не мог поверить я.

— Ты сам все знаешь...

Он закрыл глаза и стал вспоминать о прибытии двух кампа в Пабнайган. Живой Будда то и дело останавливался, припоминая, что именно те двое поведали ему о своем путешествии. И я услышал, как уста Живого Будды пересказывают историю, придуманную когда-то мной самим. Этот рассказ я никому ранее не читал, а, поставив последнюю точку, сразу положил в коробку. Теперь же я слышал почти дословное воспроизведение моего сочинения. Рассказ излагал обстоятельства долгого перехода с востока к Пабнайгану, в селение, которое называлось «Первая деревня». Действие происходило в 1984 году. Героев рассказа было двое — юноша и девушка. Единственная причина, отчего я не давал никому читать эту историю, заключалась в том, что я и сам не знал, куда отправится мой главный герой. Лишь теперь, благодаря подсказке Живого Будды, мне, наконец, стало все ясно.

Повествование Живого Будды отличалось от моего только одним моментом. В конце моей новеллы главный герой сидит в кабачке, слушая рассказ старика, и потом этот старик указывает юноше путь. Я не сообщал, что это за путь и куда он ведет,— просто тогда еще я этого сам не знал. А Живой Будда, напротив, утверждал, что это óн в своем доме описывал обоим путникам дорогу. Впрочем, и здесь было удивительное совпадение: и старик из моей истории, и Живой Будда оба рассказывали о том крае, где отпечаталась ладонь Падмасамбхавы, Учителя, Рожденного в лотосе...

Комната стала наполняться людьми. Они обступали ложе Живого Будды, сидевшего с открытыми глазами и постепенно впадавшего в бессознательное состояние.

Кто-то уже стал готовить похоронную церемонию. Тело Живого Будды собирались предать огню. Я знал, что местные наверняка сохранят его шарира [11] как драгоценную реликвию. Уже по дороге домой, простившись в последний раз с Живым Буддой, я все размышлял об истоках литературного творчества...

Дома я открыл коробку, на крышке которой красовалась наклейка «Мои брошенные детишки». Внутри аккуратно расположилось свыше сотни веленевых конвертов. В эту коробку я складывал все сочинения, казавшиеся мне неудачными или недостойными публикации. Я вытянул конверт с индексом 840720 [12], где лежал рассказ о том, как двое камба шли в Пабнайган. Название я пока еще не придумал. Вот что там было написано.

Цюн сгоняла вниз свое небольшое стадо в две дюжины овец. Она остановилась на середине склона и заметила крошечную, похожую на муравья, точечку, ползущую у подножья далекого хребта по широкому, усыпанному камнями руслу высохшей реки. Девушка вроде бы разглядела в этой точке приближающегося к ее дому мужчину. Цюн взмахнула плетью и спешно погнала стадо дальше вниз.

Прикинув расстояние до высохшего русла, она решила, что путник сможет добраться сюда только к ночи. Во всем бескрайнем высокогорье только на этом холме стояли людские жилища — пара низеньких домиков из округлых булыжников, а дальше располагался загон для скота. Тут находилось только два хозяйства: одно принадлежало Цюн и ее отцу, другое — немой женщине, лет пятидесяти с небольшим. Отец был известным сказителем «Гесера» [13]. Посланцы из далеких селений часто приезжали к отцу и приглашали его рассказывать «Гесера» к себе, в весьма отдаленные места. А иногда отца зазывали даже в другие уезды, за сто с лишним километров от дома. Когда отец уезжал недалеко, то возвращался уже через дватри дня, но если путь предстоял дальний, он оставлял Цюн на

целые месяцы. Те, кто приглашал отца, приезжали верхом и вели за собой еще одну лошадь. Отец вешал себе за спину шестиструнный цинь с длинным грифом, садился на коня, и они с чужеземцем удалялись. А на безлюдном высокогорье долго-долго еще звенели в такт цоканью копыт медные бубенчики. И пока всадники не скрывались за крутым поворотом хребта, Цюн все стояла на холме, провожала их взглядом и гладила большого черного пса, тоже взиравшего на горную долину, прислонясь к ее коленям.

Под музыку бубенчиков и стук лошадиных копыт Цюн росла с самого детства. Перекличка бубенчиков в такт бегу коней стала для девушки чудесной песней без слов. Часто, выпасая овец, она в одиночестве сидела на камне, погруженная в свои невеселые мысли. Но стоило Цюн только услышать эту волшебную песню, летящую к ней из далекой-далекой горной долины, и ей становилось легче. Бубенчики пели о продолжении жизни на бескрайнем нагорье, и в одинокой душе девушки воскресала мечта о счастье.

Немая соседка целыми днями ткала пулу [14]. Каждое утро она выходила на гребень холма, бросала по ветру горсть цзамба [15] и взывала к бодхисаттве Гуаньинь [16]. Затем она начинала вращать свой замасленный молитвенный барабанчик [17] и, обратившись лицом к югу, что-то мычала. Иногда посреди ночи отец поднимался и шел в домик к немой. Когда начинало светать, отец в высоко подоткнутом халате опять проскальзывал на свою лежанку, покрытую овечьими шкурами. С наступлением утра доили коров, готовили чай [18] и размазню из цзамба [19]. После завтрака Цюн вешала за спину маленький закопченный котелок и мешок из ягнячьей кожи с порцией зерна на день и шла за дом открывать загон. Она взмахивала несколько раз плетью и выгоняла овец пастись в горы. Так проходила ее жизнь.

Цюн приготовила ужин и горячий чай, а затем прилегла сверху на одеяло, ожидая гостя. Во дворе залаяла собака. Девушка выскочила наружу — луна только-только поднялась.

Цюн схватила пса за цепь, но пока не могла никого рассмотреть. Через минуту из-под склона появилась шляпа путника.

— Заходи. Не бойся, я держу собаку.

Гость оказался рослым красивым юношей.

— Нечай устал с дороги, братец,— сказала Цюн, приглашая молодца в дом.

Из-под шляпы у него на лоб свешивалась кисточка из длинных ярко-красных нитей. Отца не было дома, он уехал рассказывать «Гесера». Из-за стены раздавался стук колотушек — соседка ткала пулу. Уставший путник съел ужин и, поблагодарив, завалился спать на отцовскую лежанку.

Цюн вышла во двор. На темном небе ярко горели звезды, природа вокруг погрузилась в мертвое молчание. Под лунным светом пустынная горная долина окрасилась бледно-зеленоватым цветом. Черный пес, посаженный на цепь, топтался вокруг одного места. Цюн подошла и, присев рядом на корточки, обняла мохнатую шею. Она вспомнила свое детство и юность, проведенные на этих пустынных и безрадостных холмах, вспомнила молчаливых людей, что приезжали приглашать отца, вспомнила путника, что сладко спал в доме, путника, который только пришел и завтра уйдет отсюда навсегда... Девушка заплакала, опустилась на колени и, уткнувшись лицом в ладони, тихонько попросила у отца прощения. Затем она вытерла слезы о густую черную собачью шерсть, встала с земли и вернулась в дом. В темноте, лихорадочно дрожа, она беззвучно проскользнула на лежанку к гостю.

Венера только поднялась на востоке, а Цюн при неровном свете масляной лампы уже собиралась в дорогу. Она скрутила свое тонкое войлочное одеяло, засунула в холщовую сумку немного сушеной говядины, кожаный мешочек муки цзамба, пригоршню соли грубого помола и кусок сливочного масла, потом еще повесила себе за спину закопченный котелок, в котором обычно варила чай на пастбище... Все, что должна захватить

женщина в дорогу, Цюн собрала. Она еще раз оглядела темную комнатку.

— Ну, вот и все. Я готова.

Мужчина сделал последнюю затяжку, отряхнул с ладоней крошки нюхательного табака и встал. Цюн смотрела на него снизу вверх в немом ожидании. Он погладил ее по макушке и помог подняться. Потом они вдвоем, наклонив головы, выскользнули наружу. Они отправились на запад, все еще погруженный в ночную тьму.

Цюн набрала с собой много вещей, и по дороге ее скарб беспрестанно бренчал «бамдан, бам-дан». Ей было все равно, куда они направляются, она не хотела спрашивать об этом. Единственное, что имело значение для Цюн,— она навсегда покидала надоевший безжизненный край. У мужчины в руках не было ничего, кроме длинной нитки буддийских четок из сандалового дерева. Он, высоко подняв красивую голову, размашисто и энергично шагал впереди, словно совершенно не сомневался в избранном пути.

— Зачем тебе этот кожаный шнурок на поясе? — спросил Табэй.— Ты как собака на поводке, потерявшая хозяина.

— Я так считаю время,— объяснила Цюн.— Ты взгляни, здесь сверху я уже завязала пять узелков. Значит, уже прошло пять дней, как я ушла из дома.

— Пять дней, это еще что! Вот у меня никогда, сколько себя помню, не было дома.

День за днем она все шла и шла вслед за Табэйем. Иногда они ночевали прямо на пшеничном поле, иногда останавливались в загоне для овец или укрывались в полуразрушенных стенах опустевшего буддийского храма, иногда спали в горных пещерах. Если им везло, то путников пускали переночевать в прихожей деревенского дома или в палатке скотовода.

Каждый раз, заходя в буддийскую кумирню, они оба простирались ниц и били несколько поклонов перед каждой статуей будды или бодхисаттвы. Если где-нибудь у храма или у

дороги, на берегу реки или на горном перевале Табэй и Цюн замечали валы мани [20], то непременно выискивали на земле несколько белых камешков и укладывали их сверху на пирамиду.

В пути им однажды встретились буддийские монахи. Монахи-странники делали шаг, потом падали ниц и простирались на земле во весь свой рост, поднимались, воздевали руки к небу, снова делали шаг и снова падали ниц... На них болтались длинные защитные передники из плотной холстины. На груди и коленях передники изорвались, и в этих местах виднелось несколько слоев заплат. Все лицо, кроме глаз, у них было темно-серым от пыли. На лбу из-за постоянных ударов о землю выступили огромные, размером с яйцо, шишки, покрытые спекшейся кровью вперемешку с грязью. К ладоням у них крепились дощечки, подбитые жестью, и каждый раз, когда они падали в поклоне, на земле оставались две глубокие колеи от движения их рук. Табэй же и Цюн просто шли, не простираясь в земных поклонах, поэтому быстро обогнали монахов.

Один за другим тянулись хребты Тибетского нагорья, становясь все выше и выше. Один за другим оставались селения на востоке, и следы обитания людей появлялись все реже и реже. Иногда путники могли идти целый день, так и не увидев ни одного человека, не говоря уже о деревне или стойбище скотоводов. Из горных долин веяло прохладным ветерком. Когда Табэй и Цюн стояли на вершине склона и, запрокинув головы, смотрели в небесную высь, им казалось, что ноги отрываются от земли и невесомое тело, подхваченное ветром из долины, взмывает в воздух. На кобальтовом небе горело ослепительное солнце, и земная твердь раскалялась под его немилосердными лучами. Накрытые полуденным зноем горные хребты, казалось, погрузились в тысячелетний беспробудный сон.

Сильный от природы и закаленный долгими странствиями Табэй быстро взбирался в гору, легко перепрыгивая с камня на камень. Он одним махом добегал до какого-нибудь большого плоского выступа и только потом оборачивался

назад и замечал, что Цюн сильно отстала. Тогда он садился на камень и ждал ее. В пути они всегда молчали. Когда Цюн становилось совсем невыносимо в давящей тишине, она вдруг затягивала песню и нарушала вековой покой гор. Это ее пение больше походило на завывание голодной волчицы. Табэй не оборачивался и не останавливался, а продолжал идти дальше. Вскоре и Цюн замолкала. И горы снова погружались в мертвенное молчание. Только на коротких привалах они разговаривали друг с другом.

— Кровь, вроде, перестала уже идти?

— Да, уже совсем не болит.

— Давай я посмотрю.

— Ты лучше найди мне пауков, я раздавлю их и намажу рану, тогда все быстро заживет.

— Тут не бывает пауков.

— Сходи, поищи хорошенько. Ты в щелях между камней поищи. Непременно должны быть пауки.

Цюн стала откатывать камни, стараясь отыскать насекомых. Вскоре ей удалось поймать с полдюжины. Зажав их в кулачке, она подбежала к Табэйю и высыпала пауков ему на раскрытую ладонь. Табэй давил двумя пальцами одного паука за другим и намазывал образовавшейся кашицей укус на голени.

— Ну и злющая там оказалась псина! Я все бежала-бежала, а котелок за спиной подскакивал и колотил мне по затылку, подскакивал и колотил, подскакивал и колотил... У меня аж в глазах зарябило.

— Надо было мне с самого начала прирезать эту злобную тварь.

— А тетка та, знаешь, что мне показала? — Цюн изобразила весьма непристойный и оскорбительный жест.— Ужас просто.

Табэй захватил пригоршню земли, залепил ею собачий укус и выставил ногу на солнце подсыхать.

— А где у нее лежали деньги?

— Там, в пивной, в шкафу. Вот такая толстенная пачка,— он отмерил ладонью.— Я взял только с дюжину бумажек.

— Ты что хочешь на эти деньги купить?

— Что я хочу купить? Там впереди есть древняя кумирня, я бодхисаттве отдам. Ну, и себе надо немного оставить.

— Ладно. Тебе сейчас полегче стало? Больше не болит?

— Больше не болит. Знаешь, у меня в горле так пересохло, что сейчас дым пойдет.

— Ты что, не заметил? Я уже котелок установила, сейчас, подберу только сухого кустарника.

Табэй лениво растянулся на камне, надвинул, загораживаясь от солнца, на глаза широкую шляпу и стал неторопливо пожевывать соломинку. Цюн опустилась на живот перед очагом, который соорудила из трех белых камней. Она касалась подбородком земли и, набирая полный рот воздуха, изо всех сил дула, заставляя огонь разгораться быстрее. Пых! — пламя вдруг взметнулось острым жалом. Цюн вскочила и начала яростно тереть глаза, обожженные едким дымом. Потом она потянула вниз челку и стала внимательно разглядывать неровный обгоревший край.

На вершину далекой горы взобрались две черные крапинки. Это были, наверное, скотоводы — один высоченный, а второй коротышка, издалека они походили на двух нахохлившихся грифов, занявших наблюдательный пост на пике скалы. Они сидели совершенно неподвижно.

Цюн их заметила и, протянув вверх правую руку, нарисовала в воздухе окружность в знак приветствия. Один из людей на далекой вершине зашевелился, встал на ноги и тоже замахал рукой ей в ответ. Их разделяло огромное расстояние. И даже если бы они кричали, надрывая голос, то все равно ни за что не смогли бы услышать друг друга.

— А я думала, что мы тут одни,— Цюн, обрадованная, повернулась к Табэйю.

— Я жду, когда ты приготовишь чай,— он закрыл глаза.

Вдруг Цюн встрепенулась, словно что-то вспомнила, достала из-за пазухи тоненькую книжечку и, довольная собой, протянула Табэйю свой трофей. Эту книжечку она достала вчера вечером, когда они искали ночлег,— стащила ее из заднего кармана у одного парнишки, который шептал ей на ухо слащавые комплименты, да и вел себя не то чтобы совсем уж пристойно. Табей взял, пролистал несколько страниц. Он не знал таких букв и не понимал схем механизмов. На обложке был нарисован трактор.

— Эта штуковина совершенно бесполезна,— он бросил книжечку обратно Цюн.

Девушка сильно расстроилась и, раскладывая в следующий раз костер, вырывала странички одну за другой, используя их для розжига.

Они молчаливо шли, пока не начало смеркаться. Поднявшись на очередной горный перевал, они увидели перед собой деревушку, окруженную со всех сторон зеленым лесочком. Тут Цюн приободрилась и снова затянула песню. Размахивая палкой, она суматошно плясала у тропинки, на куче высохшей травы. Одновременно она тихонечко тыкала Табэйя этой самой палкой в подмышку и в бок, стараясь защекотать его. Табэй оставался абсолютно невозмутим. Вдруг он схватил посох за кончик, вырвал его из рук девушки и отшвырнул подальше. При этом он дернул его так сильно, что Цюн пошатнулась и свалилась прямо в ворох сухих пучков касатиков.

Когда они добрались до деревни, Табэй в одиночку пошел выпить, а может, отправился по каким-то другим делам. Они договорились, что будут ночевать рядом со школой, в пустом домике, который только недавно достроили, но еще не успели поставить окна и двери. Этим вечером на площади в центре селения показывали кино, и уже кто-то поднимал экран на высокий деревянный столб. Когда Цюн собирала хворост в рощице рядом со школой, вдруг прибежала стайка мальчишек. Они спрятались за забором и стали бросать в нее камнями. Один

камешек попал Цюн в плечо. Девушка не оборачивалась, стараясь не обращать на мальчишек внимания. А они все кидали в нее камнями, пока не пришел молодой парень в желтой шапке и не разогнал их. Этот в желтой шапке подошел и улыбнулся:

— Они бросили в тебя восемь камней, один даже попал,— он протянул на ладони электронный калькулятор, на табло высветилась арабская цифра «8».— А ты откуда пришла?

Цюн только молча смотрела на него.

— Ну, ты помнишь хотя бы, сколько дней шла сюда?

— Не помню,— она приподняла кожаный шнурок.— Сейчас сосчитаю. Поможешь мне посчитать?

Он присел рядом на корточки.

— Так, один узелок — это один день, да? — догадался парень в желтой шапке.— Как любопытно... Девяносто два дня.

— Правда?!

— Ты что, ни разу не считала?

Цюн покачала головой.

— Так, девяносто два дня, в один день, будем считать, двадцать километров,— он потыкал кнопки на калькуляторе.— Получается «одна тысяча восемьсот сорок километров».

Такие большие числа были за пределами ее понимания.

— Я местный бухгалтер,— пояснил парень,— и эта штуковина помогает мне решать всякие задачки.

— А что это такое?

— Это электронный калькулятор. Классная игрушка. Он даже знает, сколько тебе лет,— парень набрал число и показал Цюн.

— Так сколько же?

— Девятнадцать.

— Мне в этом году исполнилось девятнадцать лет?! — поразилась Цюн.

— А сколько же, по-твоему, тебе лет?

— Ну, я не знаю...

— Раньше у нас, тибетцев, никогда не высчитывали свой возраст. Но калькулятор, он все знает. Вот, погляди, вверху написано «19».

— Не похоже на «девятнадцать».

— Да что ты? Дай-ка гляну... Ну, это только вначале немного непривычно. У него, понимаешь, особенные, странные такие цифры.

— А он может узнать, как меня зовут?

— Конечно.

— Так как же меня зовут?

Он нажал на клавишу «8» несколько раз подряд, и «восьмерки» заполнили все табло,—

— Ну, как тебе? Ведь знает-таки!

— Как меня зовут?

— Ты что, глупенькая, собственного имени прочитать не можешь?

— А откуда смотреть нужно?

— Вот так читай,— он протянул калькулятор вертикально.

— Это разве «Цюн»?

— Ну, конечно, Цюн. Вот «цэ», «ю» и «эн».

— Ух, ты! — воскликнула девушка.

— Чему тут удивляться, за границей давно уже такими машинками пользуются. Я как раз сейчас разбираюсь с одной задачкой. Вот мы денно и нощно вкалывали, не покладая рук. Экономическим языком говоря, затраченная рабочая сила должна быть прямо пропорциональна произведенной стоимости,— парень сел на любимую лошадку и, то и дело нажимая на кнопки, стал беспорядочно и увлеченно рассказывать о подсчете трудодней, о стоимости рабочей силы, о товарной стоимости... На табло снова что-то высветилось.

— Вот ты погляди, после подсчетов выходит отрицательное число! Значит, в результате к концу года нам приходится самим снова закупать зерно у государства, выпрашивать пропитание у правительства. Это не подходит ни под какие

экономические законы... Чего это ты на меня так смотришь? Хочешь меня съесть, что ли?

— Если ты не ужинал, так можешь здесь поесть. Я вот как раз хворосту набрала, еду буду готовить.

— Ой, мамочки рóдные! Ты что, из средневековья пришла? Или ты... ты, может, какая-нибудь инопланетянка?

— Да, я издалека пришла, я шла ... — Она снова подняла шнурок.— У тебя давеча сколько узелков получилось?

— Сейчас вспомню... Восемьдесят пять дней.

— Вот, я шла восемьдесят пять дней... Нет! Неправильно! Ты же говорил — девяносто два дня! Обмануть меня хотел! — захихикала Цюн.

— Ой-ей, будда помоги! Я сейчас сойду с ума,— парень закрыл глаза и пощелкал языком.

— Так ты будешь здесь ужинать? У меня есть с собой еще немного сушеного мяса.

— Слушай, красавица, пойдем-ка тут в одно местечко, там ребят много веселых, музыка есть, пиво... дискотека еще будет. Да брось ты эти гнилые ветки! Пойдем со мной.

Табэй с трудом протиснулся наружу из темной толпы зрителей. Он не был пьян от выпитого вина, но у него кружилась голова от всех этих разноцветных, то больших, то маленьких человечков на экране, которые бегали туда-сюда по совершенно удивительным домам и улицам. Табэй устал донельзя и, еле волоча ноги, возвратился к пустому домику рядом со школой. Закопченный котелок покоился на камнях, но они неожиданно оказались холодны как лед. Пожитки Цюн лежали кучей в углу комнаты. Табэй выпил несколько глотков холодной воды прямо из котелка, сел, прислонившись в стене, поднял голову к звездам и глубоко задумался. Селения, где они останавливались ночевать, сохраняли все меньше изначального, природного ночного спокойствия. Чем дольше он шел, тем ужаснее шумело и грохотало все вокруг: лязгали машины, разносилось громкое нестройное пение, повсюду слышались оглушительные крики и

ругань. Он совсем не собирался идти через эти гудящие большие города... Нет, он туда не пойдет, он пойдет...

Цюн, шатаясь из стороны в сторону, наконец, вернулась. Она остановилась, прислонившись к каменной стене с зияющей пустотой входа. Даже на расстоянии Табей почувствовал, что от Цюн несет выпивкой. И этот винный запах казался ароматнее того, что источал он сам.

— Здорово, они там такие заводные, веселые! — Цюн собиралась то ли плакать, то ли смеяться.— Они такие веселые, ну, просто волшебные! ... Милый, давай мы уйдем отсюда после... не... послепослезавтра?

— Нет! — Они никогда не останавливались в одной деревне на две ночи.

— Я устала, у меня совсем сил нет,— Цюн раскачивала отяжелевшей головой из стороны в сторону.

— Ты даже представить себе не можешь, что такое усталость! Со своими толстыми ляжками ты выносливее, чем як! Никогда тебе не почувствовать, что такое усталость...

— Нет, ты меня не понял. Я не телом устала,— она несколько раз ткнула себя в левую грудь.

— Ты пьяна. Спи, давай,— Табэй потянул Цюн за плечо и уложил на пыльную землю. Потом он нехотя завязал на ее шнурке один узелок...

Цюн все больше наскучивало странствовать вместе с Табэйем. Теперь каждый раз, когда они останавливались на привал, она ложилась набок и отказывалась дальше идти.

— Вставай! Нечего тут разлеживаться, как псина ленивая!

— Братец, милый, я больше не хочу идти,— Цюн лежала под солнцем и, щурясь, смотрела на него.

— Что ты сказала?!

— Ты один дальше иди. Я больше не хочу день за днем гнаться и гнаться следом за тобой. Ведь даже ты сам не знаешь, куда направляешься. И будешь ты всю жизнь странствовать по горам...

— Женщина! Ты ничегошеньки в этом не понимаешь.— Табэй все-таки знал, в какую сторону ему надо идти.

— Да! Да! Я ничего не понимаю! — Она закрыла глаза и свернулась калачиком.

— Немедленно вставай! — Он сапогом легонько наподдал Цюн по заднице и, замахнувшись рукой, сделал вид, что хочет ударить ее наотмашь.— Шевелись, давай! Иначе я тебя поколочу.

— Ты злобный чертяка! — пробурчала Цюн, поднимаясь на ноги.

Табэй пошел вперед, а она, опираясь на палку, угрюмо поплелась за ним.

Когда настал подходящий, по ее мнению, момент, Цюн сбежала. Они вдвоем спали в горной пещере, а посреди ночи девушка тихонько встала и, прихватив свой закопченный котелок, на цыпочках прокралась наружу. Под ярким светом луны и звезд Цюн побежала вниз по склону в обратном направлении, на восток. Она чувствовала себя свободной, словно птичка, вырвавшаяся из клетки. Но назавтра, когда она присела в полдень отдохнуть у валуна на склоне глубокой долины, неожиданно на противоположном гребне горы появилась черная точечка. Точечка, слишком похожая на ту, что несколько месяцев назад Цюн увидала на родных холмах, возвращаясь домой с пастбища. Табэй перехватил ее в пути и теперь поднимался к ней по склону. Цюн затряслась от злости. Она изо всех сил замахнулась котелком, чтобы стукнуть Табэйя по голове, и с таким ожесточением нанесла удар, что могла бы расколоть череп даже дикому буйволу. Табэй не ожидал нападения, но успел уклониться, выбросив вверх руку и резко отбив страшное оружие. Котелок полетел в горную долину, звеня о камни «динь-дан», «динь-дан», «динь-дан». Они несколько минут стояли, уставившись друг на друга, а металл все продолжал стучать о камни. Потом Цюн, всхлипывая, полезла вниз, и лишь через пару часов ей удалось найти котелок. Все его бока были покрыты вмятинами.

— Ты должен мне новый! — заявила Цюн, возвратившись, наконец, к валуну.

— Дай, взгляну,— Табэй взял посудину.

Они вдвоем внимательно осмотрели котелок со всех сторон.

— Тут только одна трещинка. Я смогу тебе его запаять.

Табэй опять двинулся в путь. Девушка, понурив голову, обреченно пошла следом.

— О-о-о... — Цюн неожиданно громко затянула песню, да так, что эхо загудело по всей горной долине.

Вскоре наступил момент, когда и Цюн стала надоедать Табэйю. Он думал: «В прошлой жизни я совершал добрые дела и не творил зла, и мне удалось накопить добродетель и мудрость. Поэтому мне повезло родиться в теле человека, в серединном мире, а не в теле демона [21], вероотступника, голодного духа [22] или безумца где-нибудь в преисподней. Но ведь женщины и богатство — соблазны суетного мира, они только создают преграды на пути к просветлению и избавлению от страдания».

Минуло немало дней, прежде чем они вдвоем подошли к селению, называвшемуся «Первая деревня». Шнурок на поясе у Цюн был уже весь покрыт узелками. К удивлению путников, все жители деревни вышли за ворота и, ударяя в гонги и барабаны, радостно приветствовали Табэйя и Цюн. По обеим сторонам дороги стояли почетным караулом дружинники. У каждого из них за спиной висела полуавтоматическая винтовка. В дула, на всякий случай, засунули кусочки красной ткани, чтобы показать, что винтовки не заряжены. Четверо крестьян попарно нарядились в яков. И теперь эти озорные яки весело отплясывали в узеньком проулочке. Раздвигая толпу, навстречу путникам вышли староста и несколько девушек. На вытянутых руках они держали шелковые платы хадак [23] и серебряные чайнички, к носикам которых крепились яркие цветы из масла яка [24].

Оказывается, здесь случилась засуха. На днях устроили гадание и получили пророчество, что сегодня к вечеру в деревню придут двое с востока. Чужеземцы принесут с собой благодатный, как божественный нектар, дождь, предназначенный спасти высыхающие посевы, и завяжется богатый урожай. Табэй и Цюн действительно пришли, и люди посчитали это добрым предзнаменованием. Гостей радостно усадили на «Железного бычка» [25], увешанного шелковыми хадак. И трактор, медленно пробираясь сквозь оживленную и шумную толпу, проследовал к центру деревни. Стар и млад, мужчины и женщины — все нарядились в праздничные одежды. Повсюду над крышами построек развевались новые полотнища священных флагов [26] всех пяти цветов.

По внешности Цюн, по ее манере держаться и говорить кто-то из местных определил, что она похожа на земное перевоплощение Белой Тары [27]. О Табэйе поэтому сразу совершенно забыли. Он, впрочем, отлично знал, что Цюн никак не может быть воплощением Белой Тары. Табэй заметил, что во сне выражение лица у Цюн невообразимо противное, кожа некрасиво отвисает, а из уголка полураскрытого рта текут слюни.

Угрюмый Табэй в одиночестве направился в кабачок, чтобы выпить стаканчик вина. Ему хотелось устроить какую-нибудь потасовку или скандал. Лучше всего, если бы ему удалось разозлить или задеть побиднее кого-нибудь из местных. Вот тогда бы Табэй нашел, чем ему заняться! Было б здорово на кулаках подраться, а еще лучше на ножах силой померяться!

Внутри сидел только один посетитель — старик, медленно потягивающий вино. Над головой у него кружила надоедливая муха. Табэй вошел и с вызывающим видом уселся за столик прямо перед ним. Крестьянская девушка в цветочном венке поставила перед Табэйем стакан и наполнила его вином. Табэй отпил глоток и заявил на весь зал:

— Это не вино, а конская моча!

Никакой реакции не последовало.

— Так как, по-твоему, моча это или нет?! — стал он провоцировать старика.

— Конская моча, говоришь? Конскую мочу мне в юности доводилось пробовать — пить, подставив рот прямо под самую эту конскую штуковину.

Табэй самодовольно расхохотался.

— Чтобы вернуть свое стадо, я преследовал банду Амилир аж до Такла-макана [28].

— А кто такой Амилир?

— О, так это атаманша, из казахов. Лет сорок тому назад нагрянула сюда из Синьцзяна [29]... И в Нгари [30], и на севере Тибета все ее боялись. Однажды ночью она угнала огромное стадо овец и коров, что принадлежало десятитысячнику [31]. Когда я на следующее утро вышел из шатра, передо мною только степь бескрайняя расстилалась. Лишь миллиарды копыт в пыли отпечатались. За этой Амилир даже Кашагские власти [32] войска посылали, но поймать так и не смогли.

— Ну, а потом?

— Ты давеча сказал про конскую мочу. Так вот, я схватил двустволку и поскакал верхом догонять свое стадо. Ну, а в пустыне только благодаря этой моче и остался в живых.

— А потом? Потом что сталось?

— Потом атаманша оставила меня у себя, сделала своим...

— Мужем?

— Пастухом! Это меня-то, сына десятитысячника! Она, чертовка такая, хороша была собой донельзя, ну, просто краше солнышка ясного! Никто на нее даже прямо взглянуть не решался. Ну, я и сбежал оттуда... Скажи-ка теперь, где я еще, кроме ада и рая, не побывал?

— Там, куда я хочу попасть, ты точно не был,— сказал посерьезневший Табэй.

— А куда ты направляешься?

— Я, я... не знаю,— Табэй, кажется, впервые почувствовал неуверенность относительно своей цели, он не знал, куда именно ему следует дальше идти.

Старик, похоже, понял, о чем думает юноша. Он указал себе за спину, где вдали, через раскрытую дверь, виднелась одинокая гора.

— Туда еще никто не ходил. Раньше у нас здесь, в «Первой деревне», лошадей да ослов меняли — во все стороны разъезжались отсюда караваны, но вот только туда, к горе, никто ни разу не хаживал. Когда в 1964-м,— вспоминал старик,— тут учреждали народную коммуну, то всё рассказывали про путь к коммунизму. Да вот только не мог никто объяснить толком, что же такое «коммунизм» этот. Мол, рай это, да и все. А где он, этот коммунизм,— не знают. Спрашивали «защитников Тибета» [33] — у них дома нету. Спрашивали тех, кто приходил из Нгари,— у них тоже нету. Кампа говорят, что в жизни не видывали. Вот только за Гремящей снежной горой Калон никто коммунизм не искал. Несколько наших селян распродали тогда хозяйство, набрали в мешки цзамба и пошли в коммунизм. С тех пор, как перевалили за Гремящую снежную гору, никто из них до сих пор не возвращался. Потом уже никто из нашей деревни больше не осмеливался пойти туда — вдруг жизнь за горой окажется еще горше.

Табэй прикусил край стакана зубами и медленно перевел взгляд на собеседника.

— Но я знаю одну тайну про то, что там, у подножья Гремящей горы,— хитро подмигнул Табэйю старик.

— Расскажи.

— Ты что, собираешься туда пойти?

— Не исключено.

— Когда поднимешься на вершину, услышишь странный плач, словно бы мать бросила младенца незаконнорожденного, и теперь он, несчастный, слезами заливается. Не волнуйся, это ветер задувает из расселин. Ты будешь карабкаться

семь дней, а когда доберешься до вершины — будет еще светло. Не спеши идти вниз: солнце, отражаясь от снега, может тебя ослепить. Как настанут сумерки, только тогда начинай спускаться.

— Никакая это не тайна!

— Верно, это еще не тайна. Я вот что хочу сказать... Спускаться будешь два дня, а потом, внизу, у подножия, увидишь в земле мириады расщелин. Искривляясь, они расползаются во все стороны, до самого горизонта. Когда сойдешь на дно расщелины, то считай, что попал в лабиринт... Да, да, это тоже никакой не секрет. Не перебивай меня... Ты знаешь, почему у подножья этой горы расщелин в разы больше, чем у подножья других гор? Это — линии правой руки Падмасамбхавы, Учителя, Рожденного в лотосе. Некогда сражался он там со страшным чудовищем. Бились они сто восемь[34] *дней и сто восемь ночей, но, как ни старался Учитель, не мог он заставить чудище сдаться. Потом хитрый демон превратился в вошь, чтобы противник не мог его заметить. И тогда Рожденный в лотосе воздел божественную десницу и, громогласно прочитав магическое заклинание, впечатал ладонь в землю, продавив демона прямо в преисподнюю. С тех пор и остались на земле линии его руки. Говорят, что стоит простому смертному попасть в тот край, как он сразу перестает ориентироваться. А еще говорят, что среди мириад расщелин только из одной можно найти выход, а все остальные — дорога к смерти. Но на той, единственной, нет никакого обозначения.*

Табэй сосредоточенно смотрел на старика, ожидая продолжения.

— Вот такая легенда. А что там будет, когда выйдешь этой верною расщелиною, я и сам не знаю,— пробурчал старик, качая головой.

Табэй совсем уж собрался идти за гору, как вдруг старик высказал неожиданную просьбу: он хотел, чтобы Табэй оставил

Цюн в деревне. У старика вырос сын, недавно они еще трактор купили... Теперь все хотели иметь трактор. И по утрам гул моторов заглушал извечное петушиное кукарекание. Оттесненные железными машинами, телеги и ослы шли теперь только по обочине. А в чистейшей и прозрачнейшей воде из ручейков, бегущих со снежных вершин, чувствовался едва уловимый запах дизтоплива... Старик сейчас держал мельницу на электрическом двигателе, а его старуха занималась полем размером где-то около гектара. Недавно он ездил в город участвовать в съезде передовиков под лозунгом «Избавимся от бедности и придем к процветанию!» Там ему призов много дали, а еще почетную грамоту... А потом в газете напечатали его большую, пятнадцатисантиметровую фотографию! За столько веков никогда еще не доводилось им жить в таком достатке. И никогда еще, за сколько веков, не приходилось им крутиться в такой спешке. Им требовалась невестка, чтобы было кому смотреть за домом.

Пока старик все это рассказывал, в кабачок вошел его сын и достал из кармана пачку пестрых банкнот, желая покрасоваться перед дальним гостем. На запястье у него поблескивали электронные часы, на поясе висел миленький крошечный плейер, а в ушах виднелись яркие наушники. Он двигался танцующей походкой вслед ритму, слышному ему одному. По всему видать, что он выучился замашкам городских модников и теперь щеголял ими в родной деревне. Табэй оставался совершенно безучастным ко всему этому спектаклю. Он обратил внимание лишь на тарахтение мини-трактора, оставленного стариковским сынком перед дверью в кабачок с незаглушенным двигателем.

Табэй встал из-за стола, подошел к трактору и ощупал ручки рулевого управления.

— Ну, хорошо, оставлю Цюн тебе.

Услышав это, парень заулыбался, и глаза его заволокло от удовольствия: словно он уже получил что от девушки.

— Можно мне сесть на эту твою игрушку? — спросил Табэй.

— Конечно! Не пройдет и получаса, как ты сможешь на ней ездить,— парень подошел и научил Табэйя основам управления: как добавлять газу, как переключать скорости и врубать сцепление, как стартовать и как тормозить...

В сгущавшихся сумерках Табэй медленно-медленно повел мини-трактор и направил его по узкой грунтовой дороге. Вместе с несколькими зрителями Цюн стояла на обочине и смотрела на Табэйя. Она останется здесь! Слезы радости текли по щекам девушки... Вдруг они увидели, что на дороге, позади Табэйя, на большой скорости несется трактор «Железный бычок» с широким прицепом. Табэй не знал, что в этом случае ему нужно делать. Сбоку от грунтовки тянулась неглубокая канава. Парень на «Бычке» громко кричал, чтобы он съезжал в канаву. Табэй спрыгнул прямо на середину дороги, а минитрактор продолжал катиться сам по себе и медленно соскользнул в кювет. Водитель «Железного бычка» не успел затормозить, прицеп задел Табэйя и сбил его с ног. Все подбежали и столпились вокруг пострадавшего. Юноша поднялся с земли и стал отряхиваться от пыли. Ему сильно зашибло поясницу, но он, тем не менее, сказал, что всё в порядке и ничего страшного не произошло. Обступившие его люди вздохнули с облегчением.

Табэй хотел уйти отсюда побыстрее. Единственный раз он попробовал приручить машину, и она тут же его укусила. Юноша обнял Цюн, и они простились, ткнувшись лбами [35]. Табей отправился к Гремящей снежной горе Калон.

К ночи действительно начался дождь, и по всей деревне понеслись звуки веселых песен. А Табей был уже далеко от «Первой деревни», он в одиночестве поднимался на гору. Вдруг он закашлялся и выплюнул сгусток крови — железная машина исковеркала его нутро.

Здесь мой рассказ обрывался...

И я решил вернуться на Пабнайган, перебраться за снежную гору Калонг и найти Табэйя в том краю, где отпечаталась ладонь Падмасамбхавы.

Путь от «Первой деревни» через Гремящую снежную гору к земле Линий руки оказался гораздо длиннее, чем я предполагал. На полпути мул, которого я взял в деревне, свалился от усталости. Он лежал на земле, изо рта у него шла белая пена, бедное животное глядело на меня словно перед самой смертью. Тогда мне пришлось развьючить мула, а мешок взвалить себе на плечи, потом я раскрошил перед самой его мордой несколько сухарей и стал подниматься дальше. Только я взобрался на Гремящую гору, уши сразу заложило от страшного гула, словно при приближении тайфуна, снежные наносы внизу горы клубились, словно облака, а кристаллики льда под ногами скользили, подобно речному потоку. Но при этом я совершенно не чувствовал движения ветра. Воздух словно бы застыл на морозе, как иногда бывает зимней ночью в безветрие.

Глаза мои защищали темные очки, поэтому я мог двигаться вниз, не дожидаясь заката солнца. Покатый склон, укрытый толщами снега, был абсолютно гладким, и я не замечал никаких выступов или расселин, которые могли бы встретиться мне при спуске. Поправив заплечный мешок, я стал медленно и осторожно спускаться «зигзагом» по снежному склону. Тяжелый мешок постепенно сползал со спины, и я начал выпрямляться, приподнимая плечи, чтобы переместить его повыше... Но как раз в этот момент я неожиданно потерял равновесие, оступился и кувырком полетел вперед. Я понял, что уже не смогу остановиться и встать на ноги, и стремительно скользил вниз по склону. Свернувшись в клубок, я продолжал катиться к подножию горы. К счастью, мне еще удалось не свалиться в заснеженную впадину. Когда я очнулся, то обнаружил, что лежу уже на плоском мягком снегу у подножья горы. Посмотрев вверх, я замер — глубочайшая расселина

разверзала склон и поднималась к самой вершине, исчезая там под снежным туманом.

Еще находясь на вершине горы, я смотрел на часы, тогда было 9:46. Сейчас стрелки показывали 8:03. Снега остались наверху, и я попал сначала в тундру, потом в зону лугов и морозоустойчивых кустарников, вслед за этим очутился в огромном лесу. Лес закончился, и вместе ним исчезли все другие растения. Постепенно вокруг оказалась лишь бесконечная каменистая пустыня. Пока я шел, несколько раз смотрел на часы, сверяя свои представления о времени с показаниями стрелок. Вскоре пришлось признать: после перехода через Гремящую гору время стало течь назад. Автоматические электронные часы «SEIKO», закрепленные на правом запястье, отсчитывали время вспять. Ролики с месяцем, днем недели и днем календаря поворачивались в обратную сторону, стрелки крутились «против часовой стрелки», причем крутились они быстрее обычного хода раз в пять.

Чем дальше я шел, тем сильнее изменялась природа вокруг. Появились баньяны с большими овальными листьями и бело-желтыми ветвями. Неисчислимые корневища баньянов, все совершенно ровные и гладкие, словно произведенные на конвейере, проплывали мимо меня стройными колоннами. Недалеко лежали руины какого-то древнего монастыря. Вдруг на бескрайней равнине появился слон с ногами, длинными, как пожарные лестницы. Высоконогий слон в пустыне напомнил мне «Искушение Святого Антония» Сальвадора Дали. Стараясь, на всякий случай, держаться подальше от всех этих диковин, я прибавил шагу и больше не оборачивался, чтобы взглянуть еще раз. Только дойдя до гейзера, над которым поднимался горячий пар, я, наконец, прилег немного передохнуть. Я действительно страшно устал, но не решался заснуть, поскольку понимал, что если закрою глаза, то никогда уже не проснусь. Сквозь водяной пар я мог разглядеть впереди оставшиеся невесть с какого времени седла,

луки, железные пики, шлемы и доспехи, молитвенные барабанчики и длинные буддийские горны, а еще здесь лежали полуистлевшие полотнища желтых знамен. Тут, похоже, было место какого-то древнего сражения. Если бы я не так устал, то наверняка пошел бы туда и внимательно все рассмотрел, быть может, даже обнаружил бы, что здесь произошла какая-нибудь битва из «Гесера». Но сейчас я мог только сидеть и издалека разглядывать раритеты. За многие годы металл от тепла гейзера стал плавиться и сейчас словно расстилался по земле. Металл потерял видимую твердость, некоторые предметы уже изменились до неузнаваемости. Материя, ставшая жидкой, расползалась по поверхности, сохраняя геометрически правильные формы, и превращалась в запутанные символы, похожие на знаки майя. Сначала я заподозрил, что от долгого одиночества заболел шизофренией и стал неверно воспринимать объективные изменения внешнего мира. Но я тут же отбросил это предположение: мой мозг продолжал мыслить логически, свою память я пока не растерял и сохранял способность анализировать происходящее...

Проснулся я перед рассветом. Оказалось, что я лежал у основания огромного валуна красного цвета. Я находился в точке, откуда начинались лучи бесчисленных расщелин. Пробудился я, верно, от холода и сырости, к тому же со всех сторон по дну теснин сквозил ледяной ветер, от чего у меня зуб на зуб перестал попадать. Я спешно выбрался наверх из ущелья, карабкаясь по неровным выступам в почти отвесном склоне. Передо мною раскрылся бесконечный горизонт — это уже была земля Линий руки. Сотни и тысячи чернеющих впадин, словно когти чудовищ, расползались во все стороны, насколько хватало зрения. Поверхность казалась похожей на растрескавшуюся в жуткую засуху землю. Но эти трещины тянулись на гигантские расстояния, а в некоторых даже не просматривалось дна — настолько глубоко они рассекали скалистую твердь.

Ни одного деревца или травинки на десятки миль вокруг. Только бесконечная каменная пустыня... Я вспомнил кадры в финале одной ленты про атомную войну: после апокалипсиса. Пепелище мира, справа и слева в кадре он и она. Герой и героиня приходят в себя и из последних сил ползут навстречу друг другу. Наконец, они, единственные, кто уцелел на Земле, встречаются и сжимают друг друга в объятьях. Невыносимое зрелище. Все. Стоп-кадр. Они станут новыми Адамом и Евой...

Тело Живого Будды давно уже предали огню. Кто-то наверняка выхватил из догорающих углей кусочки драгоценных шарира... Живой Будда навсегда покинул мир людей, а я все не мог отыскать своего героя.

— Та-бэй! Где-е ты-ы? Та-бэй! — закричал я изо всех сил.

Мне думалось, что он не мог уйти из этого края. Мой голос разлетался на огромное расстояние, но никакого отклика не было.

Прошло немало времени, и я заметил нечто удивительное. Впереди, в полутора километрах, появилась крошечная черная точечка. Я понесся туда, мчась вдоль края расщелины и выкрикивая имя героя своего рассказа. Когда же я смог приблизиться, то остолбенел от изумления,— это оказалась Цюн! Такого поворота сюжета я никак не мог предположить.

— Табэй умирает,— она, всхлипывая, подступила ко мне.

— Где он?

Вслед за Цюн я спустился на дно сопредельной расщелины. Табэй лежал на земле, изможденный и мертвенно-бледный, дыхание его то и дело прерывалось. Из трещин в скальной породе, поросшей мхом, капала вода и собиралась в маленькую лужицу на самом дне. Цюн опускала свой кушак в воду и потом отжимала его в полураскрытый рот Табэйя.

— О, наставник! Я жду... Сознание мое прозревает... Боги скоро просветят меня... — Глаза у юноши были широко раскрыты от волнения.

— Его сильно ударило по пояснице, теперь ему нужно все время пить,— прошептала мне Цюн.

— А почему ты не осталась в «Первой деревне»?

— А с чего мне было там оставаться? — спросила она в ответ.— Я вовсе и не собиралась. Да и он тоже никогда не соглашался отдавать меня. Он привязал мою душу себе на пояс: я вдали от него жить не могу.

— Ну, это не факт,— усомнился я.

— Он все хотел узнать, чтó это такое,— Цюн показала мне за спину.

Я обернулся: глубокая расщелина, на дне которой мы находились, тянулась прямым лучом до исходной точки — огромной красной глыбы, как раз туда, где я сегодня ночевал. Но только сейчас я разглядел, что на этом кроваво-красном валуне, похожем по форме на сердце, вырезан белоснежный слог «гун». Надпись различалась только издалека, а если стоять подле камня, то она оставалась совершенно невидимой. Этот слог «гун» обычно выкрикивают, повторив сотню раз чудодейственную мантру — «ом мани падме хум» [36]. Исполинский «гун» был выгравирован на этом камне. Что бы это могло значить? Насколько я знаю, или здесь являлись боги с демонами, или же тут могила великого героя. Такой вот «гун» есть на скале у речки Джоймишанго, что течет от Паро к Гьянцзе [37]. Ту надпись вырезали в память о дабэне [38] Ладинсе, погибшем в 1904 году, сопротивляясь британскому вторжению [39]. Однако сейчас Табэй, по-моему, совершенно не нуждался в таком вот разъяснении. И лишь в эту минуту я постиг очевидную истину: всем-всем «моим брошенным детишкам» дарована собственная воля и судьба. Позволив Табэйю и Цюн снова явиться на свет из веленевого конверта, я, кажется, совершил грубейшую, непростительную ошибку... И почему я до сих пор для новой эпохи не сотворил «нового человека»? Это, пожалуй, еще более страшная моя ошибка. После того как я создал этих персонажей, каждый их поступок сразу же

стал превращаться в факт объективной реальности. И если меня спросят, отчего я разрешил им существовать в нашу великую современную эпоху, что я смогу ответить?

Цепляясь за последнюю, стремительно догоравшую надежду, я склонился над Табэйем, стараясь говорить понятными ему словами, я силился убедить его, что страны, которую он искал, не существует на Земле, что эта страна, как «Утопия» Томаса Мора... Но — слишком поздно. Казалось невозможным, что в последние минуты своей жизни Табэй откажется от веры, поддерживавшей его долгие годы. Он повернулся набок, опустив голову прямо на землю.

— Табэй,— я чуть не плакал,— ты встанешь, ты сможешь... Подожди, я сейчас, мой рюкзак наверху остался, там есть аптечка...

— Наставник, погоди! — Табэй остановил меня. Ухом он прижимался к холодной и влажной скальной поверхности.— Слушай! Слушай внимательно!

Я прислушивался довольно долго, но различал лишь биение своего сердца.

— Поднимите меня наверх! Я должен подняться наверх! — Табэй кричал и размахивал руками, пытаясь сесть.

Мне не оставалось ничего другого, как взять его под руки. Цюн первая вылезла из расщелины наверх. А я поддерживал юношу под мышки: он оказался на удивление тяжелым. Аккуратно обхватив Табэйя одной рукой за пояс, я другой рукой уцепился за острый край скалы и стал потихоньку подтаскивать его вверх, переступая с выступа на выступ. Ладонь, которой я опирался на камни, исцарапалась. Сначала я ничего не почувствовал, но потом руку стало саднить от боли, а по предплечью в рукав потекла обжигающая кровь. Цюн лежала на животе над краем обрывистого склона, вытянув руки вниз и обхватив Табэйя под мышками. Она тянула сверху, а я подталкивал снизу. Наконец, с огромным трудом, мы все-таки вытащили его на поверхность.

Солнце вот-вот должно было взойти над горизонтом, на востоке уже загорались первые яркие отблески. Табэй жадно вдохнул утренний воздух. Глаза его напряженно осматривали все вокруг, словно бы он силился что-то отыскать.

— Что, что Он говорит? Наставник, я не могу разобрать... Умоляю тебя, объясни мне скорей, ты ведь все услышал! — Табэй повернулся на живот, касаясь моих ног, и прижался к земле. Его уши на несколько минут раньше, чем мои, уловили шум... Вскоре и мы с Цюн тоже услышали абсолютно реальные звуки, доносившиеся с небес. И мы все обратились в слух...

— Это бубенчики на крыше храма! От ветра звенят,— первая закричала Цюн.

— Нет, это бьют в церковные колокола,— заспорил я.

— Это лавина сходит. Ужас какой! — снова предположила Цюн.

— Да нет же, это барабаны и трубы в оркестре, и еще хор из миллиона голосов,— я опять прервал ее. Цюн глянула на меня с недоверием...

— Боги заговорили,— сосредоточенно произнес Табэй.

Тут я не осмелился возражать.

Микрофон транслировал мужской голос, вещавший по-английски. Как я мог растолковать Табэйю, что сейчас происходит церемония открытия XXIII Олимпийских игр в Лос-Анджелесе? И что телевидение и радио через спутник разносят весть об этом событии во все уголки планеты? Чувство времени, наконец, возвратилось ко мне. Стрелки и календарь на моих часах замерли. Электронные «SEIKO» сообщали мне: сейчас 7 часов 30 минут утра Пекинского времени, 29 июля 1984 года нашей эры.

— Нет, это не божественное откровение. Это люди бросают вызов Вселенной, и оттого поют они хором, оттого звонят они в колокола и дуют в трубы... — вот что я ему сказал. Я не мог объяснить иначе.

Не знаю, услышал ли он меня, или, может, он всё сразу понял... Табэй съежился в клубок, словно от холода, и закрыл глаза, как будто засыпал. Я отпустил его, присел рядом на корточки, расправил его потрепанную одежду и уложил его тело в форме лука. Кровь с моей правой ладони испачкала его рубашку. Меня стала мучить совесть: это я погубил его, собственноручно убил свое дитя. Быть может, уже и раньше я неоднократно приводил других моих персонажей к гибели... Я обязан, просто обязан внимательно пересмотреть всё, что когда-либо написал.

— Теперь я осталась совсем одна,— Цюн стояла и жалобно смотрела в землю.

— Не бойся, Цюн, ты не умрешь здесь. Тебе пришлось вынести немало страданий, и я смогу сделать из тебя «нового человека»,— я поднял голову и увидел, как на ее по-детски наивном лице загорается надежда.

Шнурок, прикрепленный к поясу Цюн, болтался у меня перед носом. Я взял этот кожаный шнурок в ладонь — хотел узнать, сколько же дней прошло с начала ее странствия. И стал добросовестно считать узелки, начиная с самого верхнего: «пять... восемь... двадцать пять... пятьдесят семь... девяносто шесть...»

Самый нижний узелок оказался сто восьмым: ровно столько же бусинок было в четках, что висели на запястье у Табэйя.

В этот момент медленно и величаво взошло над горизонтом новое солнце, озаряя небо и землю золотистым сиянием.

Я заменил Табэйя. Цюн шла за мной следом, и мы вдвоем возвращались обратно. Время снова пошло с начала.

1985 год

Комментарии

[1] El condor pasa (Полет кондора). Народная инкская мелодия, записанная в 1916 году перуанским композитором Даниэлем Робле,

всемирно известна по песне Simon And Garfunkel El Condor Pasa (If I Could): I'd rather be a sparrow than a snail... (1970).

[2] Живой Будда — в Тибете почтенный и заслуженный буддийский монах. Сейчас в Тибете известно несколько сотен Живых Будд.

[3] Шáмбала (Шамбхáла) — страна всеобщего благоденствия, с которой в ваджраяне связано учение о космических циклах (калачакра). Сегодня популярны специальные молитвы о перерождении в Шамбале и «путеводители», описывающие дорогу в эту страну. Но среди более просвещенных последователей ваджраяны Шамбала — это, скорее, внутренняя реальность, трансформация сознания, достигаемая самосовершенствовáнием в системе калачакры.

[4] Чистая Земля, Шукравати,— рай в буддизме.

[5] Калачáкра (санскр. «колесо времени») — в ваджраяне отождествление вселенной с человеком. Согласно калачакре, все внешние явления и процессы взаимосвязаны с телом и психикой человека, поэтому, изменяя себя, человек изменяет и мир. С калачакрой связано представление о цикличности времени. Идеи калачакры переданы в «Калачакра-тантре» (VI век).

[6] Чакравáртин (санскр. «тот, кто поворачивает колесо») — идеальный царь, устанавливающий во всем мире торжество справедливости.

[7] Цзонхáва (Цоканпа, 1357—1419) — крупнейший деятель тибетского буддизма, основатель ламаизма.

[8] Монастырь Гандэн — один из самых знаменитых в Тибете, в 50 км к востоку от Лхасы. Главная святыня монастыря — золотой субурган (ступа) с прахом Цзонхавы. После смерти Цзонхава не был сожжен, как большинство буддийских святых.

[9] Падмасамбхáва (от санскр. «возникший из лотоса») — Драгоценный Учитель (Гуру Ринпоче), проповедник из Индии, способствовавший распространению буддизма в Тибете (VIII век). Падмасамбхава превращал местных божеств и демонов в защитников буддизма.

[10] Кáмпа — «тибетцы из области Кам». Кам (Кхам) — бывшая административная область на востоке исторического Тибета, территория запада соврем. Сычуани, юга соврем. Юньнани и юго-запада соврем. Тибетского АР (район Чамдо).

[11] Шарира (санскр. «тело») — прах Будд, святых монахов, оставшийся после кремации. Один из наиболее ценных объектов поклонения в буддизме.

[12] В Китае даты записываются в следующем порядке — год, месяц, день, час и т. д.

[13] Гессе́р — герой эпических сказаний и поэм, распространенных в Тибете и Монголии.

[14] Пулу — плотная ткань из овечьей шерсти, изготавливается на ручных ткацких станках. Из пулу в Тибете шьют обувь и одежду. Обычно пулу красят в черный, красный или зеленый цвет.

[15] Цзамба — мука из прожаренного голозерного ячменя у тибетцев.

[16] Гуаньинь — бодхисаттва, которая выступает в Китае в женском обличье, перевод с санскрита имени бодхисаттва Авалокитешвара (олицетворение сострадания, один из главных бодхисаттв махаяны и ваджраяны).

[17] Молитвенный барабанчик. Многие буддисты Тибета неграмотны. Они вращают цилиндры (мельницы) со священными текстами внутри: один оборот цилиндра считается равным прочтению всех текстов, помещенных в нем.

[18] Чай по-тибетски: кирпичный чай заваривают в воде, добавляют масло яка, соль и пряности, после чего тщательно перемешивают.

[19] Каша из цзамба готовится с добавлением масла яка, чая, специй и соли.

[20] Пирамиды (или валы) мани, мэньдон (от «мандала») — плоские светлые камни, часто с выгравированными священными знаками, сложенные в пирамиду. Вертикальная (наряду со ступой) модель мандалы.

[21] Перерождение в мире демонов (асуров) и богов (противников и победителей асуров) считается несчастливым, поскольку они проводят десятки тысяч лет, не помышляя о накоплении добродетели, и тем самым готовят себе неблагоприятное следующее перерождение.

[22] Голодные духи (преты) — перерождение скупцов: окруженные горами пищи, они никогда не могут насытиться.

[23] Хадак, «плат счастья»,— длинный шелковый шарф, обычно белого цвета, около полутора метров длиной. Хадак держат, перекинув

через вытянутые вперед руки. С хадак встречают гостей. Хадак преподносят как подарок.

[24] Цветы (фигурки) из сливочного масла — вид тибетского национального прикладного искусства, известен уже более 600 лет, изготовление фигурок и целых картин из сливочного масла яка с добавлением красителей. Напоминает восковые фигуры на Западе. Вылепливают «сливочные цветы» преимущественно зимой.

[25] «Железный бычок» — марка средне- и многомощных тракторов производства КНР.

[26] Священные флаги тацяо, «развевающиеся на ветру»,— прямоугольные полотнища ткани одинакового размера, часто с магическим символами. Флаги прикрепляются один рядом с другим на веревку (как при просушке белья). Длинные веревки с флагами развешивают между крыш двух домов, между столбов на противоположных концах площади и т. п. Флаги бывают пяти цветов: голубого (цвет неба), белого (облака), красного (огонь), желтого (земля), зеленого (вода).

[27] Белая Тара (Спасительница) — милостивая женская богиня.

[28] Такла-макан — пустыня на западе КНР, на юго-западе Синьцзяна; начинается недалеко от северо-западных границ ТАР.

[29] Синьцзян, кит. «Новая граница»,— обширная территории к северу от ТАР, граничит с современными Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Монголией; с 1955 года — Синьцзян-Уйгурский АР.

[30] Нгари — провинция исторического Тибета, сейчас — область на северо-западе ТАР.

[31] Десятитысячник — дворянский титул в историческом Тибете; в Китае — богатый и знатный человек.

[32] Кашаг — правительство Тибета (начало XVIII — середина XX веков).

[33] Защитники Тибета — отряды Народно-освободительной армии Китая (НОАК), осуществлявшие реальную власть в Тибете в 1959—1966 годах, они занимались «защитой народа», «подавлением мятежа», организацией местного самоуправления и проведением аграрной реформы.

[34] 108 — священное число буддизма, полученное в результате следующих действий: 1 х 2 х 2 х 3 х 3 х 3 = 108.

[35] Обряд столкновения лбами — тибетский обряд, который возможен только между близкими родственниками, обычно исполняется перед долгой разлукой: два человека трутся щеками, или бьются легонько лбами, или бьются головой о грудь родственника.

[36] «Ом мани падме хум» — самая популярная мантра у буддистов ваджраяны, так называемое «сокровище мудрости» или «краткое учение». «Мани» значит ваджра — символ Просветления, «падме» — лотос, мудрость. Слоги «ом» и «хум» — восклицания. Мантры произносят циклами 108 раз, отсчитывая их число на четках.

[37] Паро (Пагри) — поселок на границе КНР и Бутана, недалеко от горы Джомолунгма. Гьянцзе (Джангдзе) — крупный населенный пункт на юге ТАР (область Шигацзе).

[38] Дабэнь — должность в армии Тибета, до середины XX века, командир полка в 500 солдат.

[39] В 1903—1904 годах произошло II вторжение англичан в Тибет. Британские войска встретили ожесточенное сопротивление регулярных тибетских войск и ополчения. В марте 1904 года, в ходе парламентских переговоров, британские отряды расстреляли несколько сотен безоружных тибетцев, в том числе и их командира Ладинса.

热也好冷也好活着就好

Чи Ли

МЕРЗНИ ИЛИ ЖАРЬСЯ, ЖИВИ — И НЕ ПАРЬСЯ

Примерно четыре часа после полудня. На старом велосипеде едет мужчина с обнаженным торсом. Он со скрипом тормозит у канавы перед входом в небольшой аптечный ларек. С велосипеда он не слезает. Чуть опираясь ногами о землю, мужчина сворачивает в комок влажную денежную купюру и щелчком пальцев отправляет ее прямехонько на прилавок.

— Эй, Кот, мне градусник.

Кот весело отозвался и пошел за градусником.

Ханьчжэнь, сидящая на кассе, отсчитала сдачу:

— Кто это?

— Не знаю.

— Как это не знаешь, когда он тебя Котом называет?

— Так на улице Цзянханьлу это каждому известно.

— Смотрите-ка, какая знаменитость.

— Просто это факт.

Ханьчжэнь открыла было рот, но, не найдя подходящих слов, закрыла его и направила на себя вентилятор. Воздух со всех сторон дул на ее ресницы, из-под которых она бросала рассеянный взгляд на улицу.

Кот подошел к канаве, чтобы отдать клиенту градусник. Под палящим солнцем с мужчин градом лил пот. Вдруг оба подпрыгнули от испуга и тут же рассмеялись:

— Мать твою!

Кот снова пошел за градусником.

— Что случилось? — спросила Ханьчжэнь.

Кот знай себе продолжал громко смеяться, протягивая ей деньги еще за один градусник.

— Что произошло?

— Угадай.

— В такую жару заставляешь меня гадать? Ах ты!

— Ну, так же интересней. Ни в жизнь не угадаешь.

— Вот скажу Яньхуа, чтобы не выходила за тебя замуж. Нет в тебе, черт возьми, ничего мужского.

— Что ты знаешь о настоящих мужчинах? Мелко рассуждаешь! Ладно уж, скажу тебе. Градусник-то, чпокс — и лопнул, ртуть зашкалила!

Ханьчжэнь выпучила глаза:

— Не верю!

— Не веришь? Вот так: чпокс! — Кот весьма красноречиво прожестикулировал.

— Чудеса.

Кот бросил на Ханьчжэнь презрительный взгляд и, подражая чистейшей дикции Цзян Куня, ведущего передачу «Великие достижения в искусстве», изрек: «Чудеса!» — после чего оба, держась за животы, расхохотались. Оставшееся время рабочего дня пролетело быстро. Обойдясь без послеобеденного сна, они какие только темы ни перебрали, в общем, было не скучно.

После работы Кот сначала думал вернуться домой, но в последний момент вдруг решил пойти к Яньхуа. В такую жару, которую даже градусники не выносят, он должен был ей помочь. Раз уж они дружили, ему следовало проявить заботу.

Яньхуа жила в трех минутах ходьбы от аптеки. В дом старой застройки вела маленькая дверь. Внутри здание казалось

внушительных размеров, и было не совсем ясно, сколько же квартир расположено в его запутанных коридорах. От самого входа наверх вела крутая и узкая деревянная лестница. Семья Яньхуа жила на втором этаже. Там они занимали две комнаты: одну — она, а другую — ее отец, итого пятнадцать квадратных метров. Для улицы Цзянханьлу города Уханя это были более чем хорошие условия. Это обстоятельство добавляло шарма Яньхуа. Кот рассуждал так: «По части привлекательности Яньхуа ни с кем не сравнится. Миловидная внешность при ней, квартира имеется, профессия уже есть, да и в деньгах ей как единственной дочери отказа нет. Варианта лучше Яньхуа не сыскать».

У порога на низенькой деревянной скамеечке сидела тетушка Ван с первого этажа и лущила стручки фасоли. Каждый день она выходила чистить овощи ровно в шесть часов вечера.

— Здравствуйте, тетушка. Ну и жара.

— Да уж, Кот, жарко.

Кот протянул тетушке Ван коробочку с лечебными леденцами:

— Вот вам, тетушка, сосите, если будет жарко невмоготу.

— Э-хе-хе! Какие уж тут леденцы, старая я, от меня уже один только вред, жду не дождусь, когда последний дух испущу.

— Ну, нашли, о чем говорить.

Тетушка Ван отсыпала несколько ярких леденцов и положила их в рот, затем небрежно заметила:

— Кот, у Яньхуа завтра утренняя смена, будь осторожнее.

Кот мог обойтись и без напоминания, он прекрасно знал, что его ждет. Яньхуа работала водителем автобуса. Раз в неделю ей выпадала утренняя смена с выездом в четыре утра, то есть в самое сонное время. В день перед утренней сменой она все свое недовольство выплескивала на Кота. Поэтому-то Кот сперва и хотел пойти к себе домой.

Яньхуа мыла на кухне овощи. На ней были женская маечка мужского фасона и хлопчатобумажные брюки. Со спины вся ее одежда, включая верхнюю часть брюк, была мокрой от пота и прилипла к телу. Кухня была общей, и на ней хлопотали сразу несколько женщин, все они вспотели не меньше Яньхуа. Кот про себя подумал, что здесь не хуже, чем в бассейне.

— Ох и жарко, девчата.

— Ах, ты, Кот-сладкоуст.

— Яньхуа.

Девушка с плеском мыла овощи, не обращая на Кота внимания.

— Давай я помою.

Яньхуа продолжала его игнорировать.

Кот жестами попросил помощи женщин. Они сразу откликнулись:

— Вот противная девчонка, счастья своего не замечаешь.

— Вот-вот,— поддержал Кот.

Яньхуа подняла палец и смахнула с лица капли пота:

— Иди отсюда. Говорил, не придешь, а сам заявился, что-то стряслось? Ты ж говорил, что у тебя мама заболела, ей так быстро полегчало?

— Ты даже не представляешь, что сегодня случилось. Я специально пришел тебе рассказать.

Яньхуа смерила его взглядом.

Женщины наперебой обрушились на Кота:

— Что? Что произошло?

— Я продавал градусник, вышел на улицу, чтобы отдать его покупателю. Только на градусник попало солнце, как чпокс — ртуть зашкалила, и он лопнул.

Женщины защелкали языками:

— Черт бы побрал эту уханьскую жару! Это же сколько градусов!

— Враки! — откликнулась Яньхуа.

— Чтобы я врал? Я что, похож на вруна?

— А то нет? Девять из десяти мужиков — вруны.

— Ну уж пусть сестрицы по справедливости рассудят.

Женщины вступились:

— Никакой Кот не врун. Яньхуа, зачем ты его понапрасну обвиняешь?

— Чего это вы на меня одну, как восемь держав на Китай? нападаете? [1] — тут она не сдержалась, рассмеялась и, крутанувшись, выбежала вон.

Кот снял с себя футболку и, уже никого не спрашивая, стал мыть овощи. Потом их порезал и стал жарить. Работа у него кипела, только звон стоял, от его энергии, казалось, небу было жарко.

— Эх ты, подкаблучник.

— Ну и что в этом плохого? Это тенденция современного общества. На самом деле, я просто очень люблю ее. Работать в раннюю смену нелегко.

— Кот и вправду образцовый кавалер, и заботливый, и трудолюбивый, на деньги не играет, по девкам не ходит.

— Вы же клиентов не принимаете, откуда вам знать, что не хожу?

Одна из женщин подбежала к Коту и закрыла его рот руками. Остальные прыснули, стиснув зубы:

— Вот сукин сын!

Кот во весь рот расхохотался.

Только был сготовлен ужин, как вернулся домой отец Яньхуа. Седовласый, с поседевшими бровями, он напоминал бога долголетия Шоусина. Выйдя на пенсию после работы поваром в ресторане «Лаотунчэн» [2], он и дня не успел отдохнуть,

---

[1] Имеется в виду подавление восстания ихэтуаней в 1900 году. Объединенной армией восьми иностранных держав.

[2] Известный уханьский ресторан (был открыт в 1931 году), славящийся приготовлением соевой запеканки. Два раза ресторан посещал председатель Мао Цзэдун, который особо отметил мастерство поваров этого заведения.

как его вернули, соблазнив высокой зарплатой. Говорили, что в свое время он был одним из поваров, готовивших соевую запеканку «доу пи» [1] для самого председателя Мао. Уважение к нему со стороны окрестных жителей основывалось, в том числе, и на этом факте.

Все присутствующие на кухне разом поприветствовали отца Яньхуа:

— Вернулись, дядюшка Сюй?

— Вернулся, вернулся. Ну и жарища сегодня.

— Да, что жарко, то жарко.

— Кот, ты тут запарился совсем, пойди в комнату к вентилятору проветрись,— предложил Сюй.

— Да все без толку. Он все равно горячим воздухом дует.

Яньхуа ополоснулась прохладной водой и появилась на кухне. Теперь на ней были черная майка и белая юбка-шорты. Этот наряд откровенно вырисовывал ее грудь и ноги. Выглядела она более чем бодро. Кот подлетел к ней и оценивающе прищелкнул пальцами. Яньхуа развернулась, собираясь уходить.

— Яньхуа! Ну-ка, помоги Коту накрыть ужин,— велел отец.

Солнце как раз стало скрываться за домами на западной стороне улицы, хотя его красные отблески по-прежнему били в глаза. Взад и вперед, с шумом разбрызгивая воду, ездила поливочная машина, отчего над дорогой повисала туманная завеса, а уже в следующую минуту все высыхало. Сумерки еще не спустились, установился полный штиль. Черт бы побрал это уханьское лето!

Яньхуа вынесла на улицу два ведра с водой. Одно за другим она выплеснула воду на дорогу перед подъездом, отчего та сразу почернела. Не успела Яньхуа разогнуть спину, как

[1] Известное уханьское блюдо, состоящее из нескольких слоев, покрытое хрустящей корочкой, нежное внутри. Готовится из множества ингредиентов, среди которых яйцо, рис, соевые бобы.

появились многочисленные соседи, выносящие бамбуковые лежаки.

— Кот,— позвала Яньхуа.

— Иду,— послышалось сверху.

Кот все не появлялся, Яньхуа проявила недовольство и теперь уже крикнула:

— Кот!

Наконец он спустился, прихватив лежак.

— Где ты там застрял, все места уже заняли.

— Потише говори, ладно? Ну, что ты за человек, каждый ставит кровать там, где и всегда. Спать всем нужно, если придется потесниться — потеснятся.

Яньхуа стала говорить тише, но все еще не сдавалась:

— Ты у нас такой разборчивый, такой честный, всем соседям готов угодить, добродетель из тебя так и прет!

— Я практичный,— заметил Кот.

Молодые люди продолжали шушукаться и обустраивать местечко. Они поставили бамбуковый лежак и два кресла. С одной стороны кровати разместили вентилятор «Хунъюнь», а с другой — телевизор. То и дело задевая антенну, туда-сюда проносились закопченные, словно угри, подростки.

— Кыш, кыш,— словно мошек, отгоняла их Яньхуа.

Кот находил это забавным:

— Это же дети.

Вниз, обмахиваясь веером, спустился дядюшка Сюй. Он успел помыться и переодеться в просторные старые трусы голубого цвета. Погрузившись в кресло, он с весьма довольным видом наблюдал за Яньхуа и Котом.

По центру бамбуковой кровати были расставлены кушанья: суп и четыре закуски. И пусть они не включались в ресторанные меню, однако были любимой летней едой уханьцев. Во-первых, это были тонко нарезанные белоснежные пластины корня лотоса со свежим красным перцем; во-вторых, тонкая-претонкая соломка жареного мяса с кусочками

горькой тыквы; в-третьих, длинные, размером с палочки для еды, пластики угря, обжаренные до золотистой корочки в соусе из лука, имбиря, сои и уксуса; в-четвертых, на блюдечке возлежали узорчатые тонкие ломтики заливного из свиных ушей. Кроме того, был легкий прозрачный супчик с мелко порезанным огурцом и яичными нитями, на его поверхности плавали капельки ароматного кунжутного масла.

Яньхуа наполнила стаканы отца и Кота водкой «Хуанхэлоу» [1]. По всей улице разлился аромат спиртного и выставленных кушаний. Соседи приветствовали дядюшку Сюя:

— Приятного аппетита.

Подправляя палочками блюда, дядюшка Сюй отвечал:

— Присоединяйтесь, выпьем по глоточку.

— Да спасибо, пейте сами.

— Ну, не хотите — как хотите.

Яньхуа холодно усмехнулась и пробормотала: «Слушать тошно».

— Ну, что со старика возьмешь! — отозвался Кот.

Противоположная сторона улицы также сплошь была уставлена лежаками. Кто-то, деря глотку, изо всех сил прокричал:

— Будьте счастливы, дядюшка Сюй.

— И вам того же.

Яньхуа включила телевизор, сразу же раздались громогласные звуки гимна. На кроватях по обеим сторонам улицы приступили к вечерней трапезе. Куда ни глянь — повсюду жующие физиономии. Дядюшка Сюй ел с аппетитом, Кот тоже. На плече у каждого мужчины наготове висело мокрое полотенце, потому как во время такого нахрапистого поглощения пищи тотчас проступал пот. Яньхуа налила себе небольшую чашку жиденькой гороховой каши и нехотя хлебала ее. Время

---

[1] Название водки переводится как «Пагода желтых журавлей» — известная достопримечательность г. Уханя.

от времени ее палочки с полным равнодушием тянулись к блюдам с закусками.

— Яньхуа, я ведь здорово готовлю, а? — спросил Кот.

— Самодовольства тебе не занимать.

— Дядюшка Сюй! — обратился за поддержкой Кот.

— Очень здорово! Молодец, Кот.

— А у меня нет аппетита. Как можно есть в такую жару? — откликнулась Яньхуа.

— Это из-за недосыпания, ведь в такую рань работать очень сложно. Именно поэтому я не домой пошел, а сюда, хотел помочь приготовить ужин.

Дядюшка Сюй от такого заявления пришел в полный восторг, а Яньхуа заметила:

— Да он изворотлив, как лис. Сначала заявлял, что пришел из-за случая с градусником.

Кот вдруг с силой ударил себя по ляжкам. Как это он до сих пор не рассказал сегодняшнюю новость своему будущему тестю!

— Дядюшка Сюй, сегодня такое чудо произошло. У меня градусник на улице лопнул, ртуть зашкалила, и стекло не выдержало.

Сюй наклонил голову и крепко задумался, после чего изумленно воскликнул:

— Да, чего только в жизни не бывает! А какая на градуснике самая высокая отметка?

— 42 градуса по Цельсию.

— Ну и жара, черт побери!

Яньхуа отставила чашку:

— Жара невыносимая, не могу больше.

— Пусть жара, но есть-то надо,— сказал Кот.

— Дурак ты.

— Вот не поешь, а к ночи снова проголодаешься.

— Вот дурень. Кто же сейчас с голоду помирает? Будто не знаешь, сколько еды на ночных рынках.

— Хорошо, пойдем тогда в полночь на рынок.

— Ты у нас смазливый, с тобой любая пойдет, а я уже кое с кем договорилась.

— С кем, с кем это?

— Ты что, инспектор с большими полномочиями?

— Кот, не обращай на нее внимания! — вступился дядюшка Сюй.— Яньхуа словно красный перец. Она кого угодно поперхнуться заставит. Чего с молодой девушки взять.

— А какой же должна быть молодая девушка, какой? — спросила Яньхуа.

— Спокойной, знающей свое место, кроткой и послушной,— ответил отец.

— Боюсь, это старые представления,— заметила Яньхуа.

— Не стоит вам с ней спорить, дядюшка Сюй,— вмешался Кот.

— Ну и оставим ее.

И мужчины, стар и млад, решили посмотреть телевизор. А Яньхуа пару раз фыркнула, отвернулась и уставилась на улицу. Выражение ее лица постоянно менялось. Обычно девушки себя так вели, только отвернувшись. Поэтому прохожие, глядя на нее, пугались.

Людей на улице становилось все меньше, однако куда они девались, было непонятно. В Ухане на каждый квадратный километр в среднем приходится по четыре тысячи человек. А улица Цзянханьлу была самым оживленным торговым районом города. Спрашивается, куда же рассасывались прохожие? На дорогах по-прежнему были пробки, но солнце близилось к закату, и с появлением на улицах лежаков весь транспорт смещался к самому центру дорог. У местных жителей считалось абсолютно в порядке вещей разгуливать по дорогам наряду с машинами и велосипедами, что в свою очередь немало удивляло приезжих. Неспешно прогуливаясь, уханьцы растягивались на всю улицу, куда ни глянь — сплошные руки и ноги без особых

половых различий, все одно — лоснящаяся от жары плоть. Вот такой он, город Ухань!

По телевизору начали передавать зарубежные новости.

Кот во всеуслышание объявил:

— Эй, новости, новости из-за рубежа.

После того как иракские войска оккупировали Кувейт, Кот по собственной инициативе взял на себя обязанность предупреждать соседей о начале международных новостей. Подбежало несколько мужчин с чашками.

В новостях сообщалось, что Ирак захватил Кувейт и намеревался взяться за Саудовскую Аравию.

— Черт бы побрал этот Ирак, ненасытный какой.

Мужчины горестно вздохнули:

— Вот сучье отродье!

Кто-то заметил:

— Они, твою мать, сорвут наши Азиатские игры. Уж дождались бы открытия, а потом бы творили, что хотят.

— Как говорил Мао Цзэдун, захватчики по своей воле со сцены не сходят. Как вы думаете? — вступил в разговор дядюшка Сюй.

— Я согласен. Богатые державы всегда первые распускают руки, рано или поздно их проучат,— ответил Кот.

— Это как сказать,— откликнулись окружающие,— Лига арабских государств на самом деле недолюбливает Америку. Вот если Китай выставит солдат, то сможет на этом и подзаработать, и немного решить свою проблему с перенаселением, а заодно и за справедливость постоит. На этом деле нескольких зайцев убить можно. Интересно, председатель Цзян [1] об этом не задумывался?

— Ну, современная молодежь, зачем вы так рассуждаете?

---

[1] Имеется в виду председатель КНР и генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь.

— А как же нам рассуждать, дядюшка Сюй, мы же не вооружены идеями Мао Цзэдуна, как вы.

Сюй понял, что над ним подшучивают, и добродушно улыбнулся.

После неприятных новостей про Ирак последовало не менее неприятное сообщение об аномально высокой температуре в Ухане. Потом пошла рекламная заставка, и народ постепенно стал разбредаться.

Как только Кот поставил свою чашку, дядюшка Сюй обратился к дочери:

— Яньхуа, убери посуду.

— Я жду Ханьчжэнь.

— А, так это Ханьчжэнь. Что это вы обе скрытничаете, ничего мне не говорите? — спросил Кот.

— А что ты за важная персона, чтобы обо всем тебе докладывать?

— Яньхуа, убери посуду! — повторил отец.

— Да я уберу,— сказал Кот.

— Нет, Кот. На нас все соседи смотрят, порядок в доме должен соблюдаться. Яньхуа все приберет.

Яньхуа неохотно встала и принялась убирать чашки и палочки, Кот ей помогал.

Тетушка Ван и кое-кто из женщин, глядя, как Яньхуа и Кот направились в дом, сказали Сюю:

— Вы правильно поступили, нрав у Яньхуа еще тот, избалованная она. А Кот уж очень хороший парень. Если Яньхуа другого выберет, то счастья ей не видать.

— Да,— согласился Сюй,— сейчас трудно найти такого доброго парня, как Кот. У современных девушек в моде парни, похожие на иностранцев. Но вопрос в том, сможет ли такой парень приготовить для своего тестя горькой тыковки? Если Яньхуа откажется от Кота, я ей ноги повыдергаю.

Яньхуа была в полной уверенности, что Кот сам начнет мыть посуду. Она и подумать не могла, что он поставит сковородку и направится к выходу.

— Кот!

— Чего тебе?

— Ну, хорошо, хорошо! Я же тебя насквозь вижу!

— Сегодня даже ни разу не взглянула на меня нормально.

— А как это, нормально? — спросила, улыбаясь ему, Яньхуа.

— Да вот так. Если люди дружат, то нужны конкретные действия.

Кот разом придвинул к себе Яньхуа и обнял.

— Ну, и так жарко,— сказала Яньхуа, однако ее руки невольно обхватили Кота у пояса.

Не расцепляясь, молодые люди, спотыкаясь, прошли в комнату. В комнате было душно, как в парилке: стены, пол, мебель, к чему ни притронься — все обжигало. И когда они уже покидали комнату, то было похоже, что оба получили тепловой удар.

Ханьчжэнь пришла в половине девятого. Яньхуа надела модную расклешенную юбку-солнце и ушла вместе с подругой:

— Бай-бай,— прохихикали они на прощание Коту.

К этому часу дом опустел. Все его жители расположились на сон по обеим сторонам улицы. Бамбуковые кровати сливались в сплошное пространство, которому не было видно ни конца, ни края. Здесь очень быстро формировались всевозможные группы по интересам.

Дядюшка Сюй привык перед сном раза два сыграть в мацзян. Вот подошел повар Ван, с которым они недавно познакомились. Ван был уханьцем. Тридцать лет он проработал на океанском лайнере, а недавно вышел на пенсию и вернулся в родные края. Будучи кулинаром, он нашел Сюя для бесед об изысках уханьской кухни. В качестве их преданной слушательницы выступала тетушка Ван, которая уже больше половины своей жизни слушала рассказы Сюя об уханьских блюдах.

Одна из женщин стала уговаривать Кота сыграть в мацзян.

Дядюшка Сюй тоже подначивал:

— Кот, давай сыграем.

— Я не играю в мацзян.

— А что тут такого,— отозвалась женщина,— надо же во что-то играть.

— Я лучше пойду поболтаю,— сказал Кот.

— Чего хорошего в болтовне? Дурачок! Не слышал, наверное, как говорят: «Из одного миллиарда китайцев восемьсот миллионов играют, двести миллионов танцуют. А все остальные — дураки [1]».

— Дурак так дурак, современные люди ярлыков не боятся.

Малыш, которого женщина оставила с мужем, начал ползать по кровати, тут же с нее свалился и громко заплакал. Муж издалека закричал:

— Ты что, твою мать, оглохла! Ребенок упал!

Женщина схватила ребенка:

— Чего ты, сукин сын, вытворяешь!

— Ты чего такое, черт возьми, говоришь, если он — сукин сын, то кто тогда ты? — вмешался Кот.

Женщина, смеясь, шлепнула Кота по щеке:

— А как тут еще скажешь? Это просто ругательство такое. Что ты притворяешься, прямо как не уханец.

Кот взял на руки малыша и отнес его на кровать к отцу. Тот протянул Коту папиросу.

— Дядюшка Ван, я вам сейчас такое расскажу.

— Что, черт возьми?

— Сегодня, прямо сегодня, в четыре часа после полудня, как я вынес градусник из аптеки на солнце, через две минуты ртуть в нем зашкалила и стекло лопнуло.

Мужчина поднял брови, задумался и, наконец, спросил:

— Правда?

---

[1] Следует заметить, что используемое здесь автором слово «дурак» в дословном переводе также означает число 250, что усиливает стилистическое единство данного выражения.

Кот радостно выпустил колечко дыма.

— Ну скажи-ка, ну не ужас ли, такая жарища стоит! Как тут выжить! — воскликнул мужчина.

Кот задорно засмеялся:

— Тут, твою мать, и не выживешь!

— Кот, иди сюда,— позвали откуда-то спереди.

Кот подошел. Впереди сидела группа людей, они разговаривали и смотрели телевизор. Кот выключил телевизор и в красках описал сегодняшнее происшествие с градусником. Народ пришел в крайнее возбуждение. Кто-то предложил позвонить на горячую линию мэру, мол, как можно в такую жару заставлять людей работать целый день? Получив пищу для рассуждений, другой заметил, что это все проделки правительства, которое не разрешает телестанции сообщать фактический прогноз погоды, дабы не сеять среди людей панику. Тут же кто-то возразил, сказав, что измерение атмосферных показателей — дело серьезное, научно-обоснованное, и ученые бы врать не стали. А когда один парень высказал предположение, что проблема тут вовсе не в температуре, а в качестве градусников, то в спор вступил Кот. Он крайне возмутился, поскольку это был его личный товар, и товар первоклассный.

В это же время дядюшка Сюй также стал центральной фигурой разговора. Его слушателями, кроме тетушки Ван, сплошь были бритые под ноль старики.

Было видно, что у Сюя сердце заходится от радости. Он рассказывал про то, как, откушав соевую запеканку, председатель Мао зашел на кухню и лично пожал руку каждому повару ресторана. А потом он похлопал Сюя по плечу и заметил: «Ты готовишь вкуснейший „доу пи“!»

Слушающие рассказ Сюя старики радовались, как дети. А Сюй сам себе усмехнулся:

— Ну, прямо как в рекламе «Нескафе».

— А расскажи еще историю про то, как глава Кореи ел блюдо «роскошь четырех сезонов»,— попросила тетушка Ван.

И Сюй стал рассказывать, как однажды во время визита в Ухань их ресторан посетил Ким Ир Сен, которого угощали сочными томленными на пару пельменями «роскошь четырех сезонов» [1]. После этого он сразу же отправился в Пекин. А когда спустя десять с лишним дней Ким Ир Сен отправлялся на родину, то прежде чем сесть на поезд, он вдруг обратился к провожающим его представителям ЦК: «Есть у меня один маленький вопрос, который до сих пор меня мучает». Когда его попросили изложить суть, Ким Ир Сен спросил: «В Ухане были пельмени с супом „роскошь четырех сезонов", как же этот суп в пельмени заливают?»

Слушатели развеселились пуще прежнего, прямо не зная, какая из историй была им более по душе. В руках они держали банки с чаем, из которых то и дело шумно отхлебывали, это уже давно вошло в приятную привычку.

Тут слово взял повар Ван:

— Вот недоноски, уж я-то по миру помотался, сколько стран объездил. Взять тот же хворост, везде он какой-то мягкий, только у нас в Ухане хворост хрустящий, рассыпчатый, что надо.

— Да уж и не говорите,— поддержал его Сюй.— Вот, например, Шанхай. Европеизированный город, а на завтрак жидкую рисовую кашу на воде едят. Разбавляют кипятком вчерашний рис и едят с соленьями, и вот это Шанхай! Пекин — столица, а там на завтрак или лепешки с лапшой, или лапша с лепешками. А что творится в таких открытых городах, как Гуанчжоу и Шэньчжэнь? Там едят крыс, змей, в общем, всех тварей, от которых нормальных людей тошнит. Ну, какой из городов сравнится с Уханем? Взять, к примеру, только один завтрак. Давайте-ка, перечислим только сколько-нибудь известные блюда...

---

[1] Особый вид приготовленных на пару пельменей, внутри которых, кроме мясной начинки, также содержится бульон.

Тетушка Ван выставила пальцы и начала перечислять:

— В «Лаотунчэне» — соевая запеканка «доу пи», в «Ипиньсяне» — пирожки, в «Цайлиньцзи» — лапша без бульона, в «Таньяньцзи» — пельмени, в «Тяньхэнци» — рисовая лапша, в «Хоушэнли» — суп с соевым творогом и овощами, в «Лаоцяньцзи» — прессованный соевый творог с говядиной, в столовой «Миншэн» — миниатюрные рисовые галушки, в «Уфанчжае» — галушки с кунжутной начинкой, в «Тунсинли» — круглый хворост, в «Шуньсянцзюе» — жаренная в рафинированном масле слива, в «Минчжун тяньши» — рисовая бражка, в «Фуцинхэ» — говядина в крахмале.

Зубы у тетушки Ван уже не смыкались, изо рта то и дело брызгала слюна. Она сконфуженно закрыла рот рукой:

— Позорище-то какое...

Окружающие захлопали в ладоши.

— А что уж тогда говорить о Ханькоу! [1] Вот где народ умеет поесть! — воскликнул повар Ван.— Мне нравится покушать на улице все вперемешку. Возьмешь на завтрак пампушку, рисовую лепешку, хрустящие пельмени, орехи в рисовом крахмале, курицу с клейким рисом, всего понемногу, вкуснотища!

— Охотно верю,— поддержал дядюшка Сюй,— никакое место ни в мире, ни в Китае не сравнится с Уханем в плане завтрака.

— Верно, верно,— горделиво подхватили старики.

За этими разговорами время постепенно подбиралось к ночи. Автобусы уже умерили свой дневной пыл и полупустые, пофыркивая, появлялись все реже. Стали звонче слышны звуки от костяшек мацзяна. Из-за жары люди никак не могли уснуть и постоянно ворочались на своих бамбуковых лежаках. В ушах, на шеях, запястьях и пальцах женщин поблескивали от уличного освещения золотые украшения.

---

[1] Город Ухань образовался из трех городов: Ханькоу, Учана и Ханьяна.

Бамбуковые дощечки, пропитываясь потом, незаметно оставляли на коже людей красные следы.

Яньхуа возвращалась домой.

Вместе с Ханьчжэнь они гуляли еще с двумя бывшими одноклассницами. Все четверо девушек вырядились по последней моде. Над их лбами высоко возвышались залитые лаком начесанные челки, на лицах красовался яркий макияж. Они вышагивали кошачьей походкой топ-моделей, чем приковывали к себе взгляды прохожих. Одного этого им было достаточно в качестве хорошего развлечения.

Они не ходили на танцы или в кино, а просто гуляли по городу. Сначала они прогуливались от улицы Цзянханьлу до моста Людуцяо, а затем возвращались в обратном направлении. По дороге они ели мороженое или соевый творог, сегодня угощала одна, в следующий раз — другая.

Ханьчжэнь рассказала про случай с градусником.

Яньхуа вспомнила про перепалку кондукторши Сяо Ме с одним из пассажиров автобуса. Суть была в следующем. Двое приехавших с Севера Китая мужчин проехали на одну остановку больше, чем заплатили, и Сяо Ме потребовала с них штраф. Мужчины не согласились платить деньги, еще и обиделись. А Сяо Ме возьми да и скажи: «Мужики называется, зря у вас отросток между ног болтается».

Видя перед собою совсем еще молодую девушку, мужчины не могли поверить своим ушам и громко переспросили:

— Что?

— Хрен, а то не понятно?

Мужики покраснели до корней волос и поспешно вынули деньги.

Четверо девушек грохнули от смеха. Яньхуа первая обрела дар речи:

— Твою мать, у меня дома один — папаша, другой — парень, тут захочешь про такое рассказать, а не сможешь, ой, держите меня, сейчас помру со смеху.

— Так ты выходи замуж, станешь женушкой. Я смотрю, Кот уже дождаться не может,— подначивала Ханьчжэнь.

— Яньхуа просто боится, будет ли в таком случае Кот таким же душкой? — вмешались бывшие одноклассницы.

Яньхуа шутя бросилась на девушек, и они расшумелись, сверкая нарядами под неоновыми огнями.

Прогуливаясь, девушки обсудили киноактеров и певцов, стоимость и фасоны украшений из золота, обсудили каждого из своих парней, поговорили и про убитых бандитом Цзюаньлань и Лянлань, повздыхали о них.

— А что бы сделали вы, если бы повстречали бандита? — спросила Ханьчжэнь.

— Я бы не испугалась! — заявила Яньхуа.— На каком это основании надо отдавать деньги? Что, они нам легко даются? Мы из-за них без продыху за рулем вкалываем. Зло не может победить добро, а чем больше будете бояться, тем быстрее беду накличете.

— Говорят, чего боишься, от того и погибнешь,— согласились девушки.

Наконец, нагулявшись, подруги распрощались.

Купив еды на ночном рынке, Яньхуа возвращалась домой.

Ее отец, закрыв глаза, отдыхал на кресле.

— Папа, выпей бражки. А где Кот?

— Да где-то впереди развлекается,— откликнулся Сюй.

Яньхуа приподнялась на цыпочки и стала вглядываться в впереди стоящие кровати, Кота не было видно.

Между тем Кот в этот момент находился в поле зрения Яньхуа, просто он лежал на кровати у Четвертого. А у кровати Четвертого были низенькие ножки, из-за чего ее не было видно за остальными.

Четвертый был холостяком уже скорее зрелого возраста. В их квартале говорили, что он — писатель, сам он на этот счет определенного ответа не давал. Четвертый — было его детское прозвище. Многим претила его манерность, однако

Коту он был симпатичен. С ним он мог болтать о всякой ерунде.

— Четвертый,— обратился к нему Кот,— хочешь, дам тебе кое-какой материал для твоих сочинений?

— Валяй.

— У нас сегодня в аптеке градусник лопнул. Что скажешь, круто?

— Ого.

— Ну что? Используешь где-нибудь?

— Да иди ты.

— Четвертый, твою мать, ты под каким псевдонимом печатаешься?

Четвертый запел:

— «Не спрашивай, откуда я пришел, мой дом в краях далеких. Не спрашивай, почему я странствую в такой дали. Странствую и все» [1].

— Четвертый, ты чересчур увлекся.

Четвертый вскинул голову к небу, всмотрелся глубоко в звезды и спросил:

— Вот тебя зовут Котом?

— У меня есть и ученое имя, Чжэн Чжихэн.

— Тебя им разве называют?

— Конечно,— сказал Кот.

Потом Четвертый стал пересказывать Коту сюжет одного задуманного произведения, надеясь до слез его растрогать. Но на половине рассказа Кот уснул, а Четвертый, понизив голос, продолжал повествовать, пока не закончил.

Яньхуа ополоснулась, надела майку с шортами и пошла вдоль улицы, тихонько зовя:

— Кот! Кот!

Четвертый услышал, но не прореагировал. «Пусть мужики будут свободнее»,— подумал он.

[1] Цитируются слова из популярной песни.

Был уже час ночи. Яньхуа вернулась к своей кровати и решила вздремнуть. У ее уха раздался возглас тетушки Ван:

— Кот — парень, что надо.

— Знаю,— откликнулась Яньхуа.

— Мужчины боятся ошибиться с профессией, а женщины — с женихом! — снова запричитала тетушка Ван.

— Знаю, знаю.

Тетушка Ван глубоко вздохнула и наконец замолчала.

Яньхуа на какой-то момент забылась в полусне, потом вся мокрая проснулась от нестерпимой жары. Полчетвертого, пора на работу.

Первый рейс автобуса Яньхуа отправился ровно по расписанию в четыре утра. Ее напарницей была по-прежнему Сяо Ме. Когда их автобус проезжал по Цзянханьлу, то обе обнаружили там Кота. Несколько в непристойной позе, широко раскинув ноги, он спал на кровати у Четвертого. Яньхуа терпеть не могла Четвертого:

— Вот подлец, чтоб его бессонница одолела.

— О, да у Кота между ног шатер поднялся,— заметила Сяо Ме.

— Ах ты, хулиганка,— ответила Яньхуа.

— Черт возьми, он тут прилюдно шатры поднимает, а мне что, глаза выколоть?

— Сучье отродье!

— Выходи лучше за него замуж, чтобы не потерять такого человека,— сказала Сяо Ме и от всей души рассмеялась.

— Эй, напарница, потише. Сейчас в Ухане самый час для сна.

Сяо Ме прикрыла рот, не в силах сдержать смех.

Сидя за рулем автобуса-гармошки, Яньхуа осторожно прокладывала путь между бамбуковыми кроватями. Она старалась практически не давить на газ, чтобы автобус уподобился бесшумно идущему пешеходу.

受戒

Ван Цзэнци

ОБЕТ

Ему стукнуло уже тринадцать.

Название этой местности было весьма любопытным — обитель деревеньки Чжао. Чжао — оттого, что большинство жителей этого поселения носили фамилию Чжао. А деревенькой называлось оно потому, что дома располагались очень свободно и разрозненно — два-три здесь, два-три там. Выйдешь за порог — взором можно окинуть всю далекую округу, а вот если нужно куда-нибудь дойти, то приходилось пробираться извилистыми тропинками между огородов — здесь совсем не было центральных широких дорог. Почему обитель? Совсем просто: потому, что здесь была обитель. Обитель Боддисатвы, но обычно в шутку и по созвучию ее именовали обитель Болотницы. Да и сами здешние монахи назвали ее так же. «Где у вас тут буддийский храм?» — «В обители Болотницы». Считается, что в обителях чаще всего поселяются монашенки. Монашеский монастырь и женская обитель. Только вот в обители Болотницы насельниками

были одни лишь монахи. Быть может, так прозвали место из-за скромных размеров, более крупные считались монастырями, поменьше — обителями...

У себя дома Мин Хая называли Мин-цзы. Он еще с детства был обещан в монахи. В этих краях это чаще так и говорили: вместо «оставить семью» — «стать монахом».

Бывают, например, места, известные своей свининой, другие — плетеной обувью, некоторые — соломенными ведрами; есть такие, которые славятся выделкой хлопка, иные — картинами, иные — девицами легкого поведения — так вот, эти места были известны на всю округу своими монахами. Часть выходцев из здешних мест оказалась в Ханчжоу в монастыре Лининь сы, часть — в шанхайском Цзинань сы, часть — в Чженцзяне в Цзиньшань сы и Янчжоу — Тяньнин сы. Если семьям посчастливилось иметь нескольких сыновей, то одного отдавали в монахи. Но даже чтобы попасть в монастырь — даже тут нужны были связи и знакомства.

Мин-цзы был четвертым ребенком в семье. Когда ему исполнилось семь лет, его родной дядюшка-монах навестил их дом. Он посоветовался с родителями малыша и решил забрать его с собой в монастырь. Сам Мин-цзы тогда как раз оказался поблизости, и, надо сказать, что ему подобное решение не показалось сколько-нибудь странным, все в порядке вещей, и незачем было перечить. В монашеской участи деревенские видели много плюсов и преимуществ. Во-первых, это всегда свежеприготовленная пища. Во всех монастырях этому уделялось огромное внимание. Во-вторых, можно было скопить денег. Стоит только выучить несколько предложений из обрядов йоги, и уже можно просить подаяния. А подкопив небольшую сумму и достигнув определенного возраста, можно было подумать и о женитьбе; а если не захочешь обратно в мирскую жизнь, то просто прикупить несколько му земли.

Стать монахом — дело непростое. Первое из того, что необходимо иметь,— это круглое, словно луна, лицо, второе — звучный голос, подобный барабану, третье — хорошая память и еще незаурядные способности. Дядюшка погадал мальчику по чертам лица, попросил его сделать несколько шагов вперед и несколько — назад, еще потребовал громко кликнуть стадо коров и привести его обратно в поле: «Вполне годится! — заключил он.— Из Мин Хая выйдет славный монах, могу поклясться!» Но для этого предстояло еще немало потрудиться и вложить немало сил. Где это видано — неграмотный монах?

Так Мин-цзы и приступил к обучению. Он одолел «Фразы из трех иероглифов», «100 фамилий», «Четырехсловные предложения», «Лес для юношества», «Лунь юй» и «Мэнцзы», всякий день ему приходилось что-нибудь писать. Все в деревне хвалили его почерк — разборчивый и аккуратный...

Дядюшка явился за ним в назначенный срок. Он принес свою собственную короткую рубаху с монашеским воротничком и попросил мать Мин-цзы немного его ушить под размер шеи племянника. Мин-цзы надел эту рубашку, из-под которой до сих пор оставались видны его прежние фиолетовые с рисунком штаны, зато на босых ногах появились новые матерчатые туфли.

Он поклонился отцу и матери и ушел вслед за дядюшкой.

Его именем в ученичестве стало Мин Хай — Светлое море. Дядюшка заметил, что ему и впредь не придется его менять, ведь оно согласуется с буддийским учением и станет его монашеским прозвищем...

Дорога пролегала вдоль озера. Такого бесконечно огромного озера! Затем путь следовал через город. Это был, можно сказать, уездный центр, поэтому там оказалось так шумно и людно: соляные дворы, налоговые управы, мясные лавки с развешанными тушами свиней, ослик, перемалывающий

кунжут,— по всей улице разносился аромат свежеотжатого масла. А еще лавка тканей, всякие пестрые торговые ряды, где продавали жасминовый порошок и мазь для волос, лавки, торгующие пухом и пуховой пряжей, умельцы, выдувающие сладости, заклинатели змей — на все это он жадно смотрел. Дядюшке даже пришлось его поторопить: «Живее давай! Живее!»

Наконец путники добрались до реки, где их ждала лодка. На веслах сидел тощий мужчина лет пятидесяти, а в носовой части на корточках притулилась девочка примерно одного возраста с Мин-цзы, она ела семечки, выбирая их из лотосового соцветия. Только лишь Мин-цзы с дядюшкой устроились в лодке, посудина тут же и отчалила.

Мин-цзы показалось, что к нему кто-то обращается. Это была та самая девочка.

— Это, наверное, ты должен стать монахом обители Болотницы?

Мин-цзы утвердительно кивнул в ответ:

— Чтобы стать монахом, надо пройти посвящение.

— Ну как, страшно?

Мин-цзы даже не знал, что и ответить.

— Как тебя звать?

— Мин Хай.

— А среди домашних как называют?

— Чаще всего Мин-цзы.

— Мин-цзы! А меня — Ин-цзы младшая! Теперь будем соседями. Мой дом как раз возле обители Болотницы. На, вот!

И маленькая Ин-цзы протянула Мин Хаю оставшийся кусок лотоса с семенами, к которым она еще не приступила. Мин-цзы тоже начал чистить их и щелкать одно за другим.

Старик гнал лодку вперед и вперед. Был слышен лишь плеск от ударов весел по воде: «Пли-плю, пли-плю».

Обитель Болотницы расположилась в очень удачном месте, на отдельной возвышенности. Это оказалось одно из тех многочисленных высоких мест, которые нужно было подбирать заранее еще до устройства обители — вот уж действительно прежние геоманты разбирались в планировке зданий на местности. Перед самым входом в монастырь протекает река. У ворот расстилалось широкое поле, засеянное злаками. Со всех остальных сторон росли высокие могучие ивы. А в стенах монастыря находился Проходной (или Сквозной) храм с двумя сквозными выходами. Там прямо напротив входа в зале восседал Будда Майтрейя. И рядом неизвестно кем выведенные строки:

«Толстобрюхий лишь улыбается всем житейским делам и невзгодам,

Весь расплывается в улыбке, глядя на смешных мирян этой бренной земли».

Позади Майтрейи — Веда. Если пройти через этот зал, то окажешься во внутреннем дворике с двумя древними высокими деревьями гингко. С двух сторон дворик ограничен павильонами в три комнаты. Пойти по нему вперед — окажешься как раз прямо пред главным храмом, храмом Трех Будд. Статуя Будды, даже сидящего, все равно достигает в высоту целых четырех чи. В восточной части зала — помещение настоятеля обители, а на западе — хранилище и кладовая. В восточной части еще устроена шестигранная дверь, белая с зелеными иероглифами:

«В одном цветке — целый мир,
Абсолютное познание всех истин».

Далее, если проследовать вперед, то можно выйти в следующий продолговатый внутренний дворик с двумя искусст-

венными горками, несколькими кадками цветов и небольшим строением в три кельи.

День юного послушника был довольно свободным. Надо рано утром встать, отпереть ворота монастыря, вымести дорожки. Земля внутри стен монастыря была вымощена квадратными каменными плитами диаметром не больше дна плетеной корзины, как раз очень удобно подметать. Затем следовало воскурить связку благовонных свечей у статуи Майтрейи и еще одну связку возжечь в главном храме, три раза поклониться и трижды произнести имя Будды, трижды ударив в барабан.

Затем нужно было принести воды, накормить свиней. После чего дождаться монаха, который учил читать буддийский Канон — этим как раз занимался его дядюшка.

Учить канону — это совсем не то, что учить простой грамоте. Перед учителем — текст Канона, и перед учеником — текст Канона, учитель читает нараспев предложение, а за ним и ученик то же предложение. Да, да, именно нараспев! Дядя читает нараспев канон и отбивает ударами по столу такт. Один удар — один такт. Хлопает он звонко, так что удары раздаются очень гулко. Все так же, как при обучении народному песенному сказу. Да, да, совсем в точности так! Даже слова употребляют похожие. Дядюшка говорил, что при чтении Канона на счет раз — один такт пропускаешь, а на счет два — вступаешь. Кроме этого он замечал, что у настоящего монаха должны быть хорошие связки. А потом припомнил, что на двадцатый год установления республики случилось страшное наводнение, на реке проломались дамбы! Тогда утонуло множество людей и устраивался по ним большой поминальный молебен. Молебен возглавляли тринадцать крупных буддийских наставников, они же и располагались во главе церемонии на тринадцати центральных местах, это были настоятели всех значительных монастырей в округе, а остальных монахов различных уровней — более сотни. Кто же был заглавным в обряде? Долго выбирать не пришлось,

конечно же, Ши Цяо — настоятель монастыря Шаньинь сы! Он восседал на центральном месте, там же, где и Владыка Подземного Царства, но не стоит об этом; и только прозвучало: «Воскурите благовония!» — как все вокруг замерли в одно мгновение...

Вот дядюшка и говорил, что голос надо тренировать и летом, и зимой, денно и нощно. Говорил, что надо не страшиться трудностей и только тогда из тебя может что-то получиться. Также он повторял, что среди монахов тоже существует своя иерархия: свои чжуанюани (высшее место, которого можно было достигнуть в императорском Китае, выдержав государственные экзамены), свои списки лучших, свои награды! Во все нужно вкладывать душу, а не относиться к служению спустя рукава! Все, что дядюшка рассказывал касательно буддизма, Мин-цзы впитывал как губка и, можно сказать, преклонялся перед этими знаниями, вот почему он так беззаветно вслед за дядюшкой продолжал выпевать фразы из Канона:

«Благовония, сейчас же зажгитесь...»
«Благовония, сейчас же зажгитесь...»
«Наполните ароматным дымом сей мир...»
«Наполните ароматным дымом сей мир...»
«Все нынешние воплощения Будды...»
«Все нынешние воплощения Будды...»

После того, как Мин Хай заканчивал свой «утренний Канон», ему предстояло вечером перед сном заучить еще один отрывок из Канона. Это называлось «вечерним Каноном» — что заставляло просыпаться попеременно всех наставников обители Болотницы.

Населения в обители было не густо, всего шесть человек. Помимо Мин Хая еще пять монахов.

Был один старый монах, которому уже перевалило за шестьдесят. Еще прежний наставник дядюшки, его буддийское имя было Пу Чжао, но об этом знали немногие и очень редко

его употребляли, чаще к нему обращались, называя «старым монахом» или «старшим наставником». Мин Хай называл его «дедушкой-наставником». Старик вел уединенный образ жизни затворника, целый день сидел, не выходя, закрывшись в келье; вот уж действительно — «в одном цветке целый мир». Никто не видел, как он молился Будде, ибо он просто неподвижно сидел, не произнося ни слова. Затворник постоянно соблюдал пост, исключение составляло лишь празднование Нового года.

Чуть ниже его по положению считались три «брата-наставника». Их записали под фамилией Жэнь (человеколюбивый): Жэнь Шань (море человеколюбия), Жэнь Хай (горы человеколюбия) и Жэнь Ду (переправа человеколюбия). В обители и за ее пределами первых двух зачастую называли Главным наставником и Вторым наставником. Иногда еще величали Наставником Хаем (моря) и Наставником Шанем (гор). И только Жэнь Ду не называли Наставником Переправы — Наставником Ду, потому что звучало это как-то неудобно и двусмысленно. Чаще всего к нему обращались прямо по имени Жэнь Ду. В этом случае только такой вариант обращения и казался наиболее подходящим, ведь монах был еще совсем молод — чуть старше двадцати лет.

Жэнь Шань и был дядюшкой Мин-цзы. То, чем он занимался, трудно было назвать «являться наставником» или «быть настоятелем», скорее — просто «вести хозяйство». И это очень точно определяло круг его занятий и обязанностей. У него в келье стоял письменный рабочий стол, а на столе всегда лежали непременные канцелярские книги и счеты. Таких книг было всего три: первая — книга прихода и расхода, вторая — долговая книга (с именами всех должников) и третья — книга учета собственных долгов обители. Монахи вели буддийские службы, исполняли обряды и моления: за ведение любых служб полагалось брать плату. Если бы не это, как же тогда жить монахам?

Наиболее часто заказываемыми службами были молебны за упокой и отпевание. В отпевании согласно буддийским правилам должно было принимать участие десять монахов. Один впереди, один за барабаном и еще по четыре с каждой стороны. Если людей не хватало, то достаточно и восьми, вместо восьми — лишь шестеро по сторонам, так тоже вполне сойдет. В обители Болотницы — выходило лишь по одному крайнему монаху.

Четырем служителям, чтобы проводить обычную полную поминальную службу, надо было объединяться с монахами из соседних монастырей. Но такие времена, когда это соблюдалось в точности, остались в прошлом. Теперь это называлось «обряд поминовения наполовину». Один монах стоял впереди, другой — за барабаном и двое — по бокам. Все оттого, что, во-первых, обращаться к монахам близлежащих монастырей было делом хлопотным. А во-вторых, в последнее время нигде в округе не заказывали полных поминальных молебнов. Теперь, если у кого-нибудь в семье кто-то и умирал, приглашали одного или нескольких монашков почитать Канон, помолиться, сделать несколько ударов в буддийский барабан — этим и ограничивались. Большинство людей вносили плату за проведение обряда не своевременно, а рассчитывались лишь осенью. И все это надо было учитывать и записывать...

Кроме этого, были еще подаяния монахам во время службы. Это совсем то же самое, что и «денежные подарки» артистам при исполнении песенных сказов. Под первым номером всегда шел служитель центрального места. Так было потому, что он вел службу; более того, иногда и сам запевал в один голос. Существует целый отрывок «Воздыхания черепа», во время исполнения которого все монахи откладывают ритуальные принадлежности и отдыхают, лишь стоящий в центре отбивает такт и медленно декламирует нараспев текст молебна.

Следующий одариваемый находится за барабаном. Вы думаете, это так просто — бить в барабан? Э, один только «зачин» в начале службы чего стоит — если нет мастерства, то удары не будут четкими и звонкими!

Еще здесь надо было отметить: какого числа, какого года, в чьей семье совершался обряд наполовину, кто был в центре, кто за барабаном...

И все эти записи для того, чтобы к концу года не возникло никаких недоразумений. К тому же община этой обители владела еще десятью му земли, которые они могли сдавать за плату внаем. В обители к тому же могли давать денежные суммы в долг. Что касалось платы за аренду или одолженных денег — все это было делом беспроигрышным; ведь кто посмеет не возвратить в срок взятое взаймы у Будды и тем самым накликать на себя несчастье!

И все эти три книги учета полностью вел Жэнь Шань. Помимо канцелярских журналов, на стене у стола висела доска для записей, и над ней красным лаком были начертаны следующие слова: «Будь старателен в записях, и не придется все держать в голове».

Что касается провозглашенных им трех необходимых условий, чтобы сделаться достойным монахом,— сам Жэнь Шань ни одному из них не соответствовал. Внешность его можно было наилучшим образом охарактеризовать всего двумя словами: желтизна и полнота. Голос тоже отнюдь не сравним со звучанием «колокола», скорее, наоборот,— напоминал поросячий визг. Способности? Сложно сказать, но в мацзян и карты он всегда проигрывал. В обители никогда не носил рясы, даже короткой монашеской рубахи и той ему удалось миновать. Обычно на нем была какая-то небрежно наброшенная короткая накидка, из-под которой лукаво выглядывало на свет божий желтое пузо. Ходил он в простых монастырских туфлях на босу ногу — даже новую пару умудрялся тут же стаптывать. Так

целыми днями день и слонялся туда-сюда, издавая свиноподобные звуки «хм-хм».

Второй наставник — Жэнь Хай. Этот был женат. Супруга его поселялась в обители на несколько месяцев летом и осенью: за монастырскими стенами в отличие от других мест было гораздо прохладнее. Впрочем, в общее число членов общины входила и она в качестве «жены монаха». Жэнь Шань и Жэнь Ду называли ее невесткой, а Мин Хай — матушкой наставницей. Эта супружеская чета более всего любила чистоту, целый день они все мыли и чистили. И только к закату усаживались во внутреннем дворике, чтобы насладиться вечерней прохладой. Днем же, в духоту, они так и сидели в своей келье безвылазно.

Третий наставник был смышленый и толковый малый. Иногда, разбираясь в счетах, Главный наставник целый день безрезультатно мог ломать голову над какой-то цифрой, а Мин Ду достаточно было одного взгляда для того, чтобы во всем разобраться. Он и выигрывал в различные игры чаще других. Имея на руках больше двадцати фишек, он уже знал, чем, примерно, могли располагать его противники. Когда он играл в мацзян, было невероятно интересно стоять у него за спиной. Если его хотели зазвать в какой-нибудь дом на партию мацзяна, это так и называли: «хотим пожертвовать тебе некоторую сумму денег». Он не только имел обширные познания в области исполнения разных молебен (к тому же в небольших монастырях лишь изредка заказывали какие-нибудь службы), но владел еще одним необыкновенным мастерством — был искусен в так называемых «парящих тарелках».

В некоторых местах в июле проходили особые буддийские празднования, где на широких пространствах устраивались разные ритуалы и церемонии: более десяти монахов в праздничных буддийских одеяниях запускали ввысь тарелки.

Что же означало увеселение «парящие тарелки»? Это летающие тарелки, по пять килограммов каждая, подбрасывались

высоко вверх и словно парили в небесной выси. На какое-то время все буддийские музыкальные инструменты замолкали, и только лишь десять огромных парящих тарелок постукивали друг о друга с невероятной скоростью в полной тишине. Внезапно вскидывали руки и подхватывали летящие и вращающиеся тарелки перед самым их падением на землю. Способы, какими удавалось схватить тарелки на подлете к земле, имели всякие странные названия. Какое уж тут чтение молебного Канона? Только одно название, что «буддийский ритуал», нет, это самое настоящее увеселительное представление! Скорее всего, боддисаттва Владыка Подземного Царства любил смотреть подобное, но теперь этому веселью предаются по большей части простые люди, особенно женщины и дети. Юный, приятной наружности монах, действительно, был в таком случае бесподобен. И после вышеописанной буддийской церемонии, словно после удачного акробатического представления, немало девушек, как правило, теряло голову и пускалось любезничать с монахами. Однако Жэнь Ду свято чтил заповеди и к женскому полу относился весьма целомудренно.

Кроме того, он был очень искусен в исполнении разных мелодий. Жэнь Ду один мог читать молитвы нараспев или напевать всю ночь напролет, ни на секунду при этом не смыкая глаз. Несколько лет Жэнь Ду странствовал в миру и лишь последние два года постоянно пребывал в обители.

В монастыре совсем не считались с буддийскими заповедями и запретами, этих слов никогда даже не произносили.

К примеру, Жэнь Шань употреблял табак, он, даже покидая дом ради монашеского пути, не преминул прихватить с собой мешочек сухого табаку.

Монахи частенько предавались всяким азартным играм. Здесь имелось вполне удобное место для настольных игр. Большой обеденный стол выносили из главной залы и ставили

его по диагонали от входа, это монахи и называли игральным столиком. Установив его, Жэнь Шань выносил из своей кельи разные фишки и карточки и с гулкими шлепками разбрасывал их по столу. Чаще играли в «камень—ножницы—бумагу», реже — в мацзян. Кроме монашеской братии из трех человек, частенько к ним присоединялись торговец гусиным пухом и еще один — зайцелов и курокрад в одном лице,— все, в общем, люди очень порядочные. Торговец утиным пухом ходил с бамбуковой корзиной на плече по деревням и селам и протяжно кричал: «Продается утиный пух! Утиный пух!»

У курокрада был непростой инструмент — медная «стрекоза». Взяв на примету какую-нибудь курицу, он делал вид, будто случайно выронил стрекозу, глупая птица хватала ее клювом. Но, лишь стоило ее заглотить, как упругая пружина медной стрекозы выпрямлялась и застревала у клуши в горле так, что та даже кудахтать не могла. И такую обалдевшую, пребывающую в недоумении птицу он враз хватал и уносил, как лис.

Мин-цзы иногда брал у этого приличного господина стрекозу посмотреть. Приносил испытывать ее у ворот дома Ин-цзы, действительно ли все так, как рассказывали? Как-то за этим занятием мальчика заметила ее мать и стала ругать на чем свет стоит:

— Ах ты! Мальчишка! Чего это ты явился сюда баловаться с медной стрекозой?!

Тут подбежала и маленькая Ин-цзы: «Дай мне! Дай мне!»

Ей тоже хотелось попробовать: как здорово — большая черная кура лишь взяла игрушку в клюв, как тут же ошалела — ни звука выдавить не может!..

В пасмурные дни этих двоих мирян всегда с радостью принимали в обители Болотницы, где они нередко и проводили свой досуг с утра до самого вечера.

А когда никто не приходил, трое наставников сами играли друг с другом, и когда игра заканчивалась, от этих представи-

телей монашеской общины только и слышались раздраженные ругательства: «Чтоб их...! Черт! Опять продул! Да чтобы я в следующий раз!»

Мясо монахи ели, никого не стесняясь. Даже в конце года тоже забивали свинью — в главном зале. Все в точности как у остальных мирян — кипяток, ведро с водой, острый нож. Связывали свинью так, что та даже визгнуть не могла. Единственное, в чем было расхождение с простыми людьми, это официальный обряд: необходимо было за возносящуюся на небеса свинью прочитать «заупокойный канон». Обычно этим занимался главный наставник, совершая молитву с абсолютно серьезным и строгим видом: «...живородящие, яйцекладущие, дышащие воздухом, все вышли из пустоты, в нее же и уходят, в следующих перерождениях снова окажутся в мире, да пребудут в счастии! О, Амитаба!»

И третий наставник Жэнь Ду запускал нож в трепещущую плоть, и яркая горячая кровь свиньи струйками лилась из туши.

Мин-цзы частенько захаживал к этому семейству.

Дом Ин-цзы младшей располагался на островке, с трех сторон его окружала река, а с запада проходила по дамбе узенькая тропинка, ведущая прямо к обители Болотницы. На этом островке был лишь один двор. Здесь росло шесть шелковичных деревьев, на которых летом висело в избытке шелковичных ягод, слева три дерева — с белыми плодами, справа три — с черными. Еще имелся огород, на котором росло великое множество разных овощей, бобовых и бахчевых, в каждом появлялось что-то особенное. Все это окружалось забором, нижняя половина которого была выложена из некрашеного кирпича, а верхняя, напротив,— заштукатурена.

По обеим сторонам от входа висели парные надписи с текстом новогодних благопожеланий счастья и достатка.

За воротами сразу начинался широкий дворик. С одной стороны располагались хлев и хозяйственные навесы, с

противоположной — загон для свиней, курятник и загородь для уток. Прямо посреди двора была устроена каменная мельница. Напротив ворот со входом на юг стояло главное жилое помещение, тоже наполовину сложенное из кирпича и наполовину из земли и глины, а сверху кровля частично была черепичная, а частично — соломенная. Ремонт делали только три года назад, а на бревнах уже показалась белая плесень. В центре главного помещения был устроен небольшой алтарь с позолоченными фигурками боддисаттв, которые, как ни странно, до сих пор не почернели. За двумя боковыми дверьми находились спальни. А в оконные рамы были вставлены ровные квадратные стекла, совсем прозрачные и блестящие — для деревни случай просто невиданный.

Вровень с кровлей, под карнизом с одной стороны росло гранатовое дерево, с другой — гардения, в высоту они доходили почти до самого карниза. Летом на них распускались цветы, белые и красные, исполненные очарования и прелести. Бутоны гардении источали нежнейший аромат. Стоило только подуть легкому ветерку, как благоухание растекалось по всей обители Болотницы.

Семья эта была совсем невелика. И фамилия у них, конечно же, была Чжао. Всего их было четверо: отец Чжао, матушка Чжао и две дочери — Ин-цзы старшая и Ин-цзы младшая.

А сына у супругов не было. И оттого, что все эти годы их не терзали болезни, коров не касались никакие эпидемии, к тому же не случалось никаких наводнений, засух и нашествия саранчи,— жизнь протекала в полном довольстве и спокойствии. У них было и собственное поле, которого было вполне достаточно, чтобы прокормить всю семью, к тому же они арендовали монастырский участок в десять му. На собственном поле они выращивали болотницу, это отчасти была идея Ин-цзы младшей, для которой это было любимым лакомством, а на другом поле зеленел стрелолист.

Держали кур и уток, одних только доходов от куриных яиц и гусиных перьев хватало на содержание всей семьи в течение года. Отец Чжао был человеком очень трудолюбивым: чинил водяные мельницы, ремонтировал телеги, выкладывал кирпичом стены, обжигал кирпич, вязал корзины, выстругивал корыта, скручивал веревки из конопли. Он, крепкий, словно могучий вяз, никогда не кашлял, не страдал поясницей. Жили родичи в ладу и гармонии, ни разу не бранились.

И если дядюшка Чжао был денежным деревом, то тетушка Чжао — так сказать, рогом изобилия. У тетушки был замечательный характер. Ей уже исполнилось пятьдесят, а глаза казались все такими же зоркими. И, что бы ни случилось, она всегда выглядела аккуратно, гладко причесанной, а одежда на ней — чистой и опрятной. Как и ее супруг, женщина ни дня не отдыхала. Варила корм для свиней, кормила их, солила овощи, особенно соленая редька ей действительно удавалась; кроме этого могла толочь муку, размельчать бобы для сыра доуфу, вить дождевые накидки из тростника, плести корзины из камыша. К тому же она умела ловко вырезать картинки из бумаги.

В этих краях, выдавая дочь замуж и собирая ей приданое, готовили глиняный сосуд и оловянный короб, а сверху непременно нужно было наклеивать резные картинки. И того лучше — резные благопожелания наподобие: «огненный феникс возносится к солнцу», «рука об руку до глубоких седин», «детей и внуков на многие поколения», «счастья и долголетия». Непременно требовались резные картинки-пожелания счастья из красной бумаги. Вот к ней и приходили люди за несколько десятков верст, чтобы засвидетельствовать свое почтение:

— Тетушка, счастливый день назначили на шестнадцатое, когда вы к нам пожалуете?

— С раннего утра пятнадцатого дня.

— Точно?

— Точно.

Обе дочери внешне очень походили на мать. Особенно были похожи глаза, белки — совсем как скорлупа гусиных яиц, а зрачки чернее игральных шашек.

Что же до фигуры — голова была как голова, ноги как ноги. Волосы гладко причесаны, одежда опрятна. Согласно местным обычаям, девушки с шестнадцати лет должны были очень тщательно зачесывать волосы.

Хотя сестры и казались друг на друга похожи, характеры у них были совсем разные. Старшая — кроткая, неразговорчивая, вся в отца. Ин-цзы, младшая, в умении говорить не уступала матери, целый день только и болтала без умолку. Старшая сестра ей выговаривала: «С утра до вечера ты только и делаешь, что тараторишь... Ну, настоящая сорока!»

Обе девушки постоянно препирались. Ин-цзы старшая уже была просватана. Она тайком углядела, что он был человеком добродушным, да и лицом ничего, к тому же из обеспеченной семьи, и она была довольна. Хотя уже произошел предварительный сговор, счастливый день для свадьбы еще не был выбран. За эти два года она редко покидала стены дома, целыми днями готовила приданое. И шить, и вырезать из бумаги — все это она умела. А вышивала и мастерила цветы не хуже матери. Только ей не нравилось, что у матери все получается как-то по старинке. В городе она встречала других невест, после чего говорила, что их вышивки и узоры выглядят более живыми.

Как-то Ин-цзы младшая зазвала Мин Хая к ним домой. Растерла для него тушь, расстелила листы бумаги, и, когда юный монах нарисовал несколько листиков, Ин-цзы старшей это невероятно понравилось.

— Да, именно так! Именно так! Это можно будет вышить в несколько слоев!

«В несколько слоев» — такой особый способ вышивания: сначала вышивали один раз, а потом второй слой нашивали

на первый, втыкая иголку в прежние отверстия. Так цвет можно было изменять от очень бледного до глубокого, и не было видно стежков. Это совсем другое, чем материнское вышивание «гладью», где отчетливо заметен и всякий переход цвета, и каждый шов.

Старшая Ин-цзы расшила три пары туфель, и эта новость разошлась на тридцать ли по всей округе. Многие девушки приходили к ней пешком или приплывали на лодках за тем, чтобы посмотреть, вздыхая: «Ого-го-го! Вот уж действительно красота! Какая это вышивка — это настоящие цветы!» Они привозили с собой листы бумаги и приходили к Мин-цзы с просьбой нарисовать. Некоторые просили сделать надпись для балки под карнизом, некоторым было нужно расшить занавеску на двери, иные хотели украсить вышивкой обувь. Всякий раз, когда Мин-цзы принимался рисовать, маленькая Ин-цзы всегда ему приносила что-нибудь съестное, варила яйца, готовила миску овощей на пару, жарила ломтики лотоса.

Это все из-за ее беспокойства о том, что старшая сестра вскоре выйдет замуж, и все заботы на полях лягут на нее, маленькую Ин-цзы. А ее помощником здесь был только Минц-зы!

Забот на земле хватало: высадить рассаду, наладить доступ воды, все выполоть и расчистить от сорняков, а потом еще — срезать рис, после чего, понятное дело, молотьба. Этот тяжкий труд нескольких посевов всей семье давался нелегко. В этих местах прибегали к трудовой взаимопомощи. В определенный день несколько соседских семей приходили на помощь какому-нибудь одному дому, и только тогда дело спорилось. Денег за это не брали, рассчитывались едой. В день кормили аж по шесть раз, мяса на столе было вдоволь, вино тоже ставилось каждый раз. Во время работ стучали в бубен, пели песни, всем было весело. В остальное время все держались друг с другом на расстоянии, точно и не было этих совместных забот.

После трех прополок колоски уже довольно высокие. Человек если присядет, то его не видно. Услышишь только мелодичное пение среди зелени:

«Гардении открыли бутоны, на цветах по шесть лепестков...
А перед домом девушки — длинный мост».

Только так Мин-цзы узнавал, что маленькая Ин-цзы где-то здесь. Он в два счета находил ее: низко склонив голову, она пропалывала грядки.

Вечером выгонять коров на пастбище — эта была работа Мин-цзы. Коровы боялись комаров. Здесь существовал обычай: с коров снимали ярмо, давали им напиться, отводили в какую-нибудь заболоченную долину и позволяли как следует выпачкаться в грязи, чтобы они покрылись ею целиком,— так комары беспокоили животных меньше! Совсем негромко Мин-цзы напевал местные мотивы, выученные со слов дядюшки Чжао. Когда на полях шла уборка зерновых, Мин-цзы мог заменять дядюшку Чжао и отпускал того домой поесть. У семейства Чжао не было своих рисовых полей — они вынуждены были запасаться зерном где-то за территорией обители Болотницы.

Как-то тетушка Чжао услышала, как поет Мин-цзы. И не могла не заметить: «У этого ребенка настоящий голос!» Даже Ин-цзы старшая прервала свое шитье со словами: «Как красиво поет!»

Вечером все семейство вышло посмотреть на поля. Урожай, который надо было отдать в уплату долга монастырю Болотницы, тоже сушился здесь.

Дети сидели совсем рядом, плечо к плечу, на камне и слушали лягушачий гвалт, пение холодных змеек,— в этих краях медведок называли дождевыми червями, а дождевых червей холодными змейками,— слушали гуденье прялки, смотрели, как кружатся светляки, и любовались на падающие звезды.

— А! Забыла на пояске завязать узелок,— проговорила маленькая Ин-цзы.

В этой местности существовало поверье, что, когда видишь падающую звезду, нужно сделать узелок на своем тряпочном поясе, и тогда самые заветные желания могут исполниться.

Собирать болотницу — вот то, что маленькая Ин-цзы по-настоящему любила делать. На исходе осени земли оголялись, поля пустели, подсыхали и листья болотницы — такие же ровные и круглые, как луковицы, только протягивай руку и обрывай с хрустом «хфа-хфа». Маленькой Ин-цзы больше всего нравилось голыми ступнями шарить в скользкой прохладной грязи — а, вот, что-то твердое! Запустишь руку — и у тебя уже фиолетово-бордовая луковичка болотницы! Это та работа, которую она обожала делать, да к тому же и Мин-цзы был с ней рядом! Она нарочно своими босыми ногами то и дело норовила наступить Мин-цзы на пальцы.

Набрав полную, до краев, корзину болотниц, девочка относила их домой, оставляя на податливой земле цепочку крошечных следов. И Мин Хай, глядя на эти следы, делался сам не свой. На земле пять малюсеньких пальчиков, а за ними — сразу такая ровненькая стопа и крохотная пяточка, а там, где был подъем стопы, получался пустой изгиб. С Мин Хаем прежде такого не случалось, он чувствовал, как заходится его сердце. Эти, такие милые следы, совершенно все смешали все мысли в голове маленького монаха.

Мин-цзы нередко брал лодку старшего Чжао, чтобы добраться до города, отправляясь закупать для обители свечи, благовония и всякое прочее добро. Когда было время, то дядюшка Чжао сам вел лодку, в ином случае это приходилось делать маленькому Мин-цзы.

Чтобы из обители добраться до города, надо было переплыть небольшой пруд, заросший пушистым тростником. Он

так густо разросся, что, проплывая сквозь него, нельзя было разглядеть ничего вокруг. Подплывая к этому месту, Мин-цзы начинал волноваться, ему приходилось грести изо всех сил. Ин-цзы кричала ему: «Мин-цзы! Мин-цзы! Ты что? Совсем с ума сошел? Куда тебе так быстро нестись?»

Мин-цзы в монастыре Шаньинь прошел посвящение в монахи.

— Тебе и вправду будут прижигать кожу на голове?

— Вправду.

— Прямо на самой макушке двенадцать прижиганий — это ведь до смерти больно!

— Стисну зубы. Дядя сказал, что это непременное испытание для монаха, его нельзя не пройти.

— А можно не давать обета?

— Монах без обета — это ненастоящий монах!

— А какая польза от этого посвящения?

— Те, кто его прошли, могут повсюду странствовать, и в любом монастыре им будет приют.

— А что значит этот «приют»?

— Это и значит — жить в монастыре. И даже в пост можно поесть.

— Задаром?

— Задаром! Только сперва надо принять обет.

— Вот уж не зря говорят: «Пришедший издалека монах тоже может читать канон». И что, все из-за этих следов от прижигания?

— Ну, еще должна быть патра.

— Да ладно тебе! Это посвящение — точно своего рода монашеское удостоверение!

— Ну, да.

— Я тебя поеду провожать на лодке.

— Ладно.

Маленькая Ин-цзы причалила в лодке к самым воротам монастыря Болотницы, она была очень взолнована. Ее переполняло любопытство, так хотелось посмотреть на храм Шаньинь сы и узнать, что же это такое — церемония посвящения.

Шаньинь сы был самым крупным храмом уезда. С восточных ворот к нему тянулся довольно глубокий ров, с других же сторон он был окружен огромными деревьями, издалека удавалось разглядеть лишь торжественный вид его стен, насколько высоких — неизвестно. На деревьях повсюду висели таблички: «Осторожно, злая собака!» Слава о кусачем монастырском псе ходила по всей округе. Обычно людям не так часто приходилось заходить в ограду. Во время же принятия обета монахами пса привязывали.

Каким этот монастырь казался огромным! Только один порог поднимался гораздо выше коленей Ин-цзы. Задрав голову на возвышающиеся створки дверей, она разглядела две надписи, сбоку от каждой створки: с одной стороны — «Идет посвящение», с другой — «Просьба соблюдать тишину». В этом храме, само собой, строгая дисциплина, войдя сюда, никто не осмелится нарушить покой. Мин Хай сам отправился отметиться, а Ин-цзы так и осталась стоять у порога, осматриваясь вокруг. О, небо, два генерала Хэн-Хэ, четыре представителя Небесного воинства, больше трех чжанов в высоту, все совсем как новые — недавно перекрашены!

Внутренний дворик площадью в несколько му целиком был вымощен уже позеленевшими каменными плитами и засажен голубыми елями и лазоревыми кипарисами. Величественный храм Великого воина — воистину его можно было назвать Главным храмом! Только переступишь порог — и дух захватывает! Со всех сторон блеск и сверкание! Будда Шакьямуни восседает на лотосовом троне, один только трон размером больше Ин-цзы... Закинешь голову, и все равно взглядом не охватить всего Будду и его лица, лишь можно

заметить выдающиеся вперед губы и подбородок. По сторонам от него — две красные свечи толщиной в несколько обхватов. На столике перед Буддой — живые цветы и искусственные из бархата и шелка, еще веточка кораллов, нефритовый жезл жу-и и целый слоновый бивень. В курильнице чадят благовония...

Маленькая Ин-цзы вышла из храма и заметила, что ее одежда тоже впитала этот аромат. Кругом были развешены полотна. Их без счету, а до чего тяжелые! Огромный медный инструмент «цин», который мог бы вместить ведер десять воды! А деревянный барабан в форме рыбы — точно величиной с корову и отлакирован до блеска! Потом девочка прошлась по залам Архатов, забралась на верхний этаж павильона Тысячи Будд и опять огляделась вокруг. Вот уж действительно — тысяча маленьких Будд! Потом она последовала за какими-то людьми до книгохранилища. Но там не на что было посмотреть — одни Каноны. Ужас! Она уже ходила так долго, просто ноги отваливались! И тут малышка вспомнила, что должна еще купить масла, подобрать для сестры шелковую нить, для матери тряпочные туфли, для себя несколько крючков к поясу, еще табака отцу, и заторопилась к выходу.

Пока девочка справилась со всеми делами, наступил полдень. Она снова подплыла к монастырю: монахи как раз трапезничали. В огромной зале вокруг стола собралось более восьмисот монахов. Во время трапезы здесь тоже соблюдались свои установления: на центральном месте, прямо за вазой с красными бархатными цветами, сидел скрестив ноги монах в красной рясе, расшитой золотой нитью. Он держал линейку для наказания провинившихся. Однако он никого не бил по-настоящему, а только так, для виду. Вот уж, действительно, чудеса: такое множество монахов хлебают жидкую кашу, и без единого звука! Она увидела и Мин-цзы среди них, собиралась, было, дать ему знать о себе, но застеснялась. Потом собралась с духом (ну и подумаешь, что нельзя шуметь!)

и крикнула: «Мин-цзы, я пошла!» Мин-цзы, не поднимая глаз, кивнул несколько раз в ответ, и она, не обращая внимания, что столько глаз обратилось на нее, быстро зашагала прочь.

Рано поутру на четвертый день Ин-цзы вновь приехала повидать Мин-цзы. Ей было известно, что на третий день в полночь он участвовал в посвящении, но точки ожогов нельзя было никому показывать. Она знала и то, что сначала надо было обратиться к местному цирюльнику, чтобы тот обрил налысо, нужно было так чисто выбрить волосы, чтобы даже намека на прежнюю шевелюру не оставалось, иначе при прижигании огонь может «убежать», и легко получить серьезный ожог. Знала девочка и о том, что точки на коже отмечают сначала финиковой пастой, а потом смазывают благовонным маслом. После обряда посвящаемому дают выпить грибного отвара, это чтобы «остудить», а потом какое-то время ни в коем случае нельзя ложиться, а только, не останавливаясь, ходить и ходить — что значило «проветривать ожоги». Все это рассказал ей Мин-цзы. А сам он слышал об этом от своего дяди.

Девочка увидела монахов, которые, похоже, и вправду сейчас «проветривали свои ожоги»: они как раз прохаживались вдоль монастырских стен. Все как один в новых рясах, и на голых макушках у всех по двенадцать черных точек. Когда точки заживут, на их месте появятся белые круглые следы от «прижиганий».

Отовсюду доносился смех послушников, по всей видимости, они сейчас были счастливы. Ин-цзы высмотрела Мин-цзы и через ров крикнула ему:

— Мин-цзы!

— Ин-цзы!

— Прошел посвящение?

— Прошел!

— Больно было?

— Да.

— До сих пор болит?

— Уже прошло.
— Когда назад?
— Послезавтра.
— Утром или вечером?
— Вечером.
— Я за тобой приеду!
— Ладно!

Ин-цзы забрала Мин Хая на своей лодке.

На ней была летняя кофточка из белой тонкой материи и совершенно черная юбка, кроме этого — соломенные сандалии на босу ногу. В волосы она воткнула с одной стороны бутон гардении, с другой — алый цветок граната. Заметив, что у Мин Хая из-под новой рясы немного выдается белый короткий воротничок, предложила: «Может, снимешь верхнюю одежду, неужели тебе не жарко?»

Каждый взял по веслу. Маленькая Ин-цзы устроилась в середине лодки, а Мин-цзы — на корме.

Всю дорогу Ин-цзы, не умолкая, обо всем его расспрашивала, можно было подумать, что они не виделись больше года.

Она интересовалась, плакал ли кто-нибудь во время обряда.

Мин-цзы отвечал, что нет, только непрестанно повторяли имя Будды и молились. Лишь один монашек из Шаньдуна захныкал.

Она задала вопрос, правда ли, что внешность и голос настоятеля монастыря Шаньинь сы такие удивительные?

Мин-цзы подтвердил.

— Слышала, что покои настоятеля обставлены с большим изяществом и вкусом, чем у любой девушки...

И это оказалось так. Все, что его окружает, необыкновенно утонченное.

— Наверное, у него там очень приятно пахнет?

— Да, повсюду благовония. Он возжигает сандаловые душистые палочки, страшно дорогие.

— Поговаривают, будто он умеет искусно сочинять стихи, рисовать и красиво писать иероглифы?

— И это так. В монастырской открытой галерее резные иероглифы на двух кирпичных блоках им написаны.

— И у него есть юная жена?

— Есть.

— Девятнадцатилетняя?

— Говорят, будто, да.

— Красивая?

— Говорят, что да.

— А сам не видел?

— Откуда? Мы были заперты в храме.

Мин-цзы рассказал девочке, что один старый монах из монастыря сказал, что вроде бы его, Мин Хая, выбрали новым «поздним послушником». Но это еще не точно, окончательное решение — за настоятелем.

— А что такое «поздний послушник»?

— После каждого такого посвящения выбирают одного раннего послушника и одного позднего. Ранний уже должен быть в возрасте, знать много канонов и молитв. Поздний же должен быть молодым, одинаково выдающимся и по внешности, и по уму.

— А чем они отличаются от других монахов?

— Ну, ранний и поздний послушники имеют возможность когда-нибудь сделаться настоятелем. Нынешний настоятель уже собирается уходить. Ши Цяо прежде и сам был начальным шравасти.

— И ты уже поздний послушник?

— Еще не решено.

— Ты станешь настоятелем и будешь главным в храме Шаньинь сы? Будешь управлять таким огромным монастырем?

— До этого еще далеко.

Она вздохнула разок и вдруг проговорила:

— Не становись настоятелем, пожалуйста!

— Ладно. Не буду.

— И «поздним послушником» тоже не надо.

— Ладно, не буду.

Еще один взмах веслом — и показался пруд с тростником.

Ин-цзы внезапно выпустила весло, добежала до кормы и, присев на корточках возле Мин-цзы, шепнула ему на ухо:

— Давай я стану твоей женой, хочешь?

Пораженный Мин Хай широко раскрыл рот и так и застыл.

— Ну же, говори!

Мин-цзы произнес:

— Э...

— Что значит это «э»? Ну так хочешь или нет? Хочешь?

Мин-цзы выкрикнул:

— Хочу!

— Что ты там прокричал?

И Мин-цзы уже не так громко повторил:

— Хочу.

— Давай же греби скорей вперед!

Ин-цзы вернулась вприпрыжку на свое место, и два весла одновременно начали порхать в воздухе, то взлетая, то вновь опускаясь; лодка врезалась в заросли тростника.

Стебельки выпустили новые бархатные колоски, на сей раз уже серовато-пурпурные, они просматривались насквозь, мягкие, как пух, скользкие и блестящие, словно шелковые нити. Кое-где пробились прутики рогоза, глубокого красного цвета, они напоминали красные свечки. Сизая ряска, бордовая ряска... Длинноногие комары и пауки-водомеры... Дикий водяной каштан, усыпанный мелкими цветочками из четырех лепестков...

Встревоженная водная птица с брызгами скрылась в частом тростнике. И, забив крыльями «плу-плу-плу», стала уноситься ввысь.

命若琴弦

Ши Тешэн

ЖИЗНЬ КАК НАТЯНУТАЯ СТРУНА

В горах, покрытых серым туманом, шли два слепца, старый и молодой, один впереди, другой — за ним. Их выгоревшие соломенные шляпы, покачиваясь, быстро передвигались, как будто подхваченные неспокойным течением реки. Не важно, откуда они пришли и куда направлялись, главное, что каждый из них нес саньсянь [1]. Это были сказители.

Горы, простиравшиеся на несколько тысяч ли, тянулись к небу бесконечными вершинами. В этой малонаселенной местности за целый день можно было лишь раз натолкнуться на открытое пространство с несколькими поселками. Зато на пути слепцов часто попадались овраги, а из бурьяна в любой момент мог вылететь фазан, выскочить дикий кролик, лиса или другой дикий зверек. В небе же горной долины парили ястребы и орлы. И все это — под палящим солнцем, ведь в этих тихих горах не было ни единой тени.

---

[1] Саньсянь — трехструнный щипковый музыкальный инструмент с длинным грифом и круглым корпусом-резонатором.

— Возьми саньсянь в руки,— крик старого слепца отозвался эхом в горах.

— Держу в руках,— ответил молодой слепой.

— Позаботься о том, чтобы твой пот не намочил инструмент. Иначе вечером будешь играть на собственных ребрах!

Оба человека — и молодой, и старый — были обнажены по пояс. Они опирались на деревянные посохи, повязав на талии мокрые от пота рубашки из грубой ткани. Желтая земля под их ногами была сухой. Слепцы знали, что сейчас — лучший сезон для сказителей. В это время года деревенские жители не сидели вечерами дома. Некоторые даже ужинали у дороги или на току. Старый слепец собирался как можно больше работать в это жаркое лето вместе с молодым товарищем. Вот и ходили они из деревни в деревню, вечер за вечером рассказывая истории. Старик изо дня в день становился все более нервным, взволнованным, чувствуя, что именно этим летом настанет тот день, когда он порвет тысячную струну. «Возможно, это случится в ближайшей долине Еян»,— размышлял он, прислушиваясь к природе.

Солнце, нещадно палившее весь день, к вечеру начало успокаиваться. И чем меньше лучи грели, тем больше пространство заполнялось стрекотом цикад.

— Юноша! Ты не можешь идти побыстрее? — крикнул старик, не оборачиваясь и не замедляя шаг. Молодой слепец пробежал за ним несколько шагов, но до него по-прежнему оставалось несколько чжанов [1]. Болтавшаяся на парне сумка на длинном ремне гулко стучала по спине.— Дикий голубь уже в гнезде.

— Что? — Молодой слепец приблизился еще на несколько шагов.

[1] Чжан — мера длины, равная примерно 3,33 м.

— Я говорю, дикий голубь уже вернулся в гнездо, а ты все тащишься!

— А-а-а.

— Ты опять ударил мой радиоприемник.

— Ой! Это духи!

— Ты так скоро наушники сломаешь.

— Это духи, а не я!

Старик посмеялся про себя: «Сколько мне дней-то от роду? Я слышу, даже когда муравьи дерутся».

Молодой же потихоньку засунул наушники в сумку и мрачно побрел за учителем по бесконечной, скучной дороге.

Через какое-то время парень услышал, как барсук грызет в поле посевы. Постаравшись изобразить собачий лай, он немного развеселился, когда барсук испугался и убежал. Дальше юноша шел, тихонько напевая строчки из песенки. Учитель не разрешал ему заводить собаку, опасаясь, что к ней будут приставать деревенские псы или она обидит чью-нибудь псину, тем самым помешав их работе. А жаль, ведь с ней было бы веселее в пути.

Но вот юноша услышал, как неподалеку проскользнула змея, нагнулся, подобрал камень и бросил его. «Ш-ш-ш...» — зашумели листья гаоляна. Тогда старик немного сжалился и остановился подождать напарника.

— Тут не только барсук, но и змея,— поспешно сообщил молодой человек, опасаясь, что учитель будет его ругать.

— Раз начались поля, то уже недалеко до поселка.— Старик передал ученику чайник с водой.— В нашей профессии вся жизнь — в пути,— продолжил он.— Устал?

Юноша не ответил, так как знал, что его наставник больше всего не любит, когда он утвердительно отвечает на этот вопрос.

— Жизнь несправедливо обошлась с моим учителем. Всю жизнь он ходил туда-сюда, но умер, так и не порвав тысячу струн.

По его интонации молодой слепец понял, что у старика улучшилось настроение, поэтому спросил: «Что такое „зеленая давка“? [1]»

— Что? Вероятнее всего, это — «зеленая лавка».

— А «извилистый помидор»? [2]

— Какой еще помидор?

— Извилистый помидор.

— Не знаю.

— Так по радио сказали.

— Как ты любишь слушать эту штуковину! Какой в этом толк? В мире столько замечательных вещей, но какое они к нам имеют отношение?!

— Я никогда не слышал от вас, что именно имеет к нам отношение,— заметил молодой слепец.

— Саньсянь! Твой отец хотел, чтобы ты научился как следует играть на саньсяне, стал сказителем.

Слушая его, юноша намеренно шумно выпил воду.

И теперь уже шел перед учителем.

Вот уже и тень легла на ущелье, сделав рельеф более ровным и открытым.

Когда слепцы приблизились к деревне, старик окликнул своего молодого спутника. У подножия горы сверкал в лучах заходящего солнца небольшой родник. Тонкая струйка источника лилась из щели в камнях, стекая в небольшую впадину размером с тазик для умывания. Вокруг росла дикая трава.

— Подойди, умойся. Смой свой вонючий пот.

Молодой слепец отодвинул траву и присел возле «тазика» с водой (он все еще думал об «извилистом помидоре»).

— Все тело вымой. В таком виде ты похож на молодого нищего.

---

[1] Имеется в виду «зеленая лавка».

[2] Имеется в виду «извилистый коридор».

— А вы тогда — на старого нищего? — Юноша окунул руку в воду и засмеялся.

Старик ответил ему тем же и, набрав воду в пригоршню, брызнул на лицо.

— Но мы же не нищие, у нас есть свое ремесло.

— Мы, кажется, здесь уже бывали.— Парень внимательно прислушался к звукам.— Мы, несомненно, тут были.

— Не перебивай! Ты еще плохо играешь на саньсяне, а ведь наша жизнь — вся в этих нескольких струнах. Так когда-то говорил мне и мой учитель.

Родниковая вода была чистой и холодной. Умывшись, молодой слепец снова начал напевать песенку.

— Ты хоть слышишь, что я тебе говорю? — сердито спросил его старик.

— Наша жизнь — в этих нескольких струнах. Так говорил ваш учитель. Я это уже сто раз слышал. Так же, как и то, что он оставил вам рецепт лекарства, благодаря которому можно будет обрести зрение, но только в том случае, если порвешь тысячу струн. Вы мне об этом тысячу раз рассказывали.

— Ты не веришь?

— А почему нужно порвать именно тысячу струн, прежде чем принять это лекарство?

— Так сказано в инструкции по применению лекарства, умник!

— Неужели тысячу струн так трудно порвать? — Парень не выдержал и засмеялся.

— Чего смеешься? Да что ты понимаешь! Нужно именно одну за другой порвать их во время исполнения песен, только тогда все получится!

Молодой слепец не осмелился ответить на это очередной насмешкой, он понял, что учитель опять не на шутку рассердился.

Старик тоже молчал. Он был взволнован. Если бы парень был зрячим, он увидел бы, что его учитель положил на колени

обе руки, а его белые, как косточки, глаза обращены к серому небу — слепец одну за другой вспоминал все свои порванные струны. «Пятьдесят лет ожиданий! — думал он.— Сколько гор пройдено за эти годы, сколько дорог!» Сколько раз он умирал от жары и от холода, сколько выдержал унижений... Вечер за вечером играл на саньсяне и всегда помнил, что каждую струну нужно порвать только во время исполнения песни, в которое вложены силы и душа. Но этим летом его ожиданиям непременно наступит конец! Старик знал, что не болен ничем серьезным, так что пережить очередной жаркий сезон ему не составит труда. «Я удачливее моего учителя! — размышлял он.— Умирая, он не мог видеть».

— О! Я знаю, что это за место! — внезапно крикнул молодой слепец.

Старик только в этот момент пошевелился, взял свой саньсянь и потряс его, отчего внутри инструмента зашуршал спрятанный рецепт.

— Учитель, это ведь долина Еян? — спросил юноша. Старый слепец промолчал в ответ, сообразив, что молодой человек нервничает.

— Впереди — долина Еян, ведь так, учитель?

— Юноша, подойди, потри мне спину,— продолжал хитрить старик, подставив согнутую как лук спину.

— Это ведь долина Еян, учитель?

— Да! А что? Не шуми!

Сердце юноши застучало сильнее, а сам он принялся тереть спину учителю. Старик почувствовал, что парень очень старается.

— И что с того, что это долина Еян? Чего кричал, как осел?

У молодого человека совесть была нечиста, поэтому он промолчал, опасаясь показать свое возбуждение.

— Чего надумал? Неужели подозреваешь, что я не догадываюсь, что за мысли крутятся в твоей голове?

— А что я?

— Как будто в прошлый раз ты тут недостаточно сходил с ума?! И что нашел в той девчонке! — Старик задумался о том, что не стоит больше приводить парня в долину Еян. Однако здесь находилась крупная деревня, в которой всегда были хорошие заработки. Иногда слепцы задерживались в ней почти на полмесяца. Пока напарник был занят своими мыслями, юноша что-то бормотал, а душа его летала — он вспоминал ту девушку с писклявым голосом.

— Послушай меня, не повредит,— сказал, наконец, старый слепец.— Это дело ненадежное.

— Какое дело?

— Не болтай! Ты понимаешь, о чем я.

— Я никогда не слышал, чтобы вы говорили, какое дело надежное.— Юноша опять тихонько рассмеялся.

Старик не обратил на это внимания. Его белые глаза были обращены к небу, украшенному красным, как кровь, предзакатным солнцем.

Спины двух людей, сидящих под последними лучами уходящего дня, были такого же бурого цвета, что и скалы. Одна из них — старая, кожа да кости — напоминала камни у подножия горы. Другая — молодая — еще не успела приобрести горных рельефов. Старику было семьдесят, а юноше только семнадцать. Когда парню было четырнадцать, отец отдал его в ученики к опытному сказителю, чтобы тот научил мальчишку своему ремеслу. Старик был сказителем уже более пятидесяти лет. В этих глухих, пустынных местах все его знали. Из года в год он приходил сюда с саньсянем за спиной, и если где-то люди желали расстаться с деньгами, пел для них целый вечер, перебирая струны, чем приносил радость в эти уединенные горные деревушки. И жители могли наблюдать, как его волосы все больше седеют, а спина становится все более сутулой. Свои сказания старик начинал со слов: «С того момента, как Паньгу разделил небо и землю, со

времен Трех императоров и Пяти правителей и до наших дней, ходят истории о том, как императоры устанавливают мир в Поднебесной, а не вредят простому народу. Вот и я тихонько сыграю на саньсяне, потом остановлюсь и спою песню. Их у меня три тысячи семьсот, не знаю, какая вам придется по душе». Тогда присутствующие начинали шуметь, ведь старики хотели услышать историю о том, как Дун Юн продал себя в рабство, чтобы были средства на похороны отца, юноши — о том, как У Эрлан переходил гору Сороконожек, а девушки — о Цинь Сянлянь. Этот момент старый сказитель любил больше всего. Во время споров он полностью забывал об усталости и душевном одиночестве, неспешно выпивал пару глотков воды, дожидался, когда шум утихнет, затем натягивал струны и начинал петь: «Сегодня спою вам не о ком другом, а о принце Ло Чэне». Или же заводил: «Чай допит, табак выкурен... Спою вам о красавице Мэн Цзяннюй, своими слезами обрушившей Великую Китайскую стену». Вокруг тут же воцарялась мертвая тишина, и старый слепец погружался в мир своих историй.

Он знал наизусть бесчисленное множество книг. А еще у него был радиоприемник, купленный за безумные деньги для того, чтобы слушать новые истории или мелодии. Но если честно, людям, жившим в горах, было все равно, о чем он поет. В первую очередь, их восхищала его мастерская игра, то легкая и неторопливая, то быстрая, как будто летящая, подчиненная сумасшедшему ритму. Он завораживал и тем, что умел подражать голосам мужчин и женщин, шуму ветра и дождя, крикам различных зверей и пению птиц. Неизвестно, какие картины возникали в эти моменты у него в голове, ведь он был слепым от рождения, никогда не видел, как выглядит мир вокруг. Так и проходила жизнь слепца, и неважно, что было в небе — солнце или луна, у его ног всегда сидел народ.

Молодой слепец, в отличие от учителя, видел мир, но лишь до трех лет, то есть в возрасте, когда еще толком ничего не

понимал. У него не было интереса ни к мастерству сказителя, ни к игре на саньсяне. Когда отец отдавал его в ученики, истратил все силы на уговоры. В конце концов, парень остался со стариком... из-за радиоприемника. Он так увлекся этой штуковиной, что даже не услышал, как ушел отец.

Радиоприемник всегда завораживал его, так как был связующей нитью с далекими местами и диковинными вещами, вызывавшими у юноши безграничный полет фантазии. Основываясь на своих смутных воспоминаниях о том, что видел до трех лет жизни, он пытался нарисовать в своем сображении все сущее. Например, море. В радиоприемнике говорили, что оно синее, как небо. А ведь парень помнил, как выглядит высь над головой, поэтому мог представить себе море. В радиоприемнике говорили, что это — огромное количество воды. Он видел воду в горшочке и воображал себе огромное количество поставленных рядом емкостей. И особо его мысли занимало такое существо, как прекрасная девушка. По радио говорили, что она похожа на распустившийся бутон. Он не верил, что это так, ведь видел цветы лишь у дороги, по которой несли гроб с телом его матери. Юноша не хотел о них думать. Но девушки занимали его мысли все больше и больше. В особенности та писклявая девчонка из долины Еян, вызывавшая в его душе волнение. И только когда радио однажды пропело: «Глаза девушки как солнце»,— он нашел подходящий образ — вспомнил мать, идущую к нему в лучах заходящего солнца. Впрочем, часто и зрячие люди точно так же размышляют о неизвестных им вещах, основываясь на своих знаниях о мире.

Но все же существовало нечто, о чем молодому слепцу было неоткуда почерпнуть сведения. Например, он никак не мог представить себе «извилистый помидор».

Вечером того же дня молодой слепец вместе со своим учителем рассказывал истории в долине Еян. И снова услышал, как та девушка смеется своим писклявым голосом неподалеку

от него. Он как раз дошел до самого важного эпизода: «Ло Чэн вернулся и отправился воевать, смелый Су Ле тоже начал военные действия. Огромный нож Су Ле был подобен воде, а ружье Ло Чэна напоминало уносящееся облако. Это была схватка драконов за драгоценную жемчужину, битва тигров за главенство в лесу. Сражались они семь дней и семь ночей...» Старик играл на саньсяне все быстрее, струны зазвенели, будто внезапный дождь. В каждую фразу он вкладывал душу, а мысли его ученика тем временем были где-то далеко, поэтому он путал мотив...

Слепцы поселились в маленьком храме в двух ли от деревни Еян. Выложенные из камней стены их пристанища уже были полуразрушены, несколько залов находились в полном упадке, и только главный из них еще мог защитить от дождя и ветра (недаром же он использовался для жертвоприношений богам). С трех глиняных божков уже давно сошли все краски, теперь они были изначального желтоватого цвета, и никто уже не мог распознать, буддийские это боги или даосские. Храм внутри и снаружи, на потолке и стенах зарос лозой и дикой травой, которые пышно разрослись и были полны жизненной силы. Старый слепец каждый раз жил здесь, когда приходил в ущелье Еян, ведь за это пристанище не надо было платить денег. А его спутник остановился в храме во второй раз.

Туда они и направились, когда закончили свой рассказ. Было уже поздно. Старик разложил вещи в главном зале, а юноша тем временем разводил огонь в очаге, который они в прошлом году соорудили под карнизом бокового зала. Стоя на коленях, парень раздувал огонь, но это было нелегко, ведь трава отсырела. В результате он поперхнулся так, что потом ходил кругами по дворику и кашлял. Старик из главного зала упрекнул его:

— Я смотрю, ты ничего не можешь хорошо сделать.

— Хворост отсырел.

— Я не об этом. Я говорю о твоей игре сегодня вечером.

Молодой слепец не осмеливался подать голос. Вдохнув воздух пару раз, он опять встал на колени перед очагом, надул щеки и начал дуть.

— Если не хочешь заниматься этим ремеслом, надо, пока не поздно написать твоему отцу и отправить тебя обратно. Если собираешься все время так себя вести, лучше отправляйся домой,— недовольно продолжал старик.

Парень, кашляя, отскочил от огня, прыгнул прямо во дворик, перевел дух и начал ругаться.

— Что ты говоришь? — спросил его учитель.

— Я огонь ругаю.

— Кто же так раздувает огонь?

— А как надо?

— Как? Хм... — Старик помолчал, затем произнес: — Представь, что огонь — это лицо той девушки!

Юноша опять не осмелился поддержать разговор, встал на колени у очага и продолжил раздувать огонь, размышляя: «А ведь я, действительно, не знаю, какое оно — лицо Лань Сюэр (так звали ту писклявую девушку)».

— Я гляжу, ты и без поучений справился, когда вообразил себе ее лицо,— сказал старик.

Юноша засмеялся так, что закашлялся от смеха.

— Что ты смеешься!

— А вы дули когда-нибудь в лицо девушки?

Старик промолчал, но когда парень от смеха упал на землю, он выругался: «Мать твою!» — и засмеялся. Однако выражение его лица быстро изменилось, и он больше не произнес ни слова.

В очаге зашумело, и огонь ярко разгорелся. Юноша пошел за хворостом, погруженный в думы о Лань Сюэр. Сегодня ему удалось пообщаться с ней. Когда закончилось выступление, она пробралась к нему поближе и тихонько сказала: «Эй, помнишь, что ты мне в прошлый раз обещал?» Так как учитель

стоял рядом, юноша не осмеливался произнести ни слова. Позже Лань Сюэр опять приблизилась к нему со словами: «Эй, зря, что ли, ел в прошлый раз вареные яйца?» Девушка произнесла эту фразу громче, чем предыдущую. Учитель как раз был занят разговором с другим стариком, поэтому парень осмелился поспешно ответить: «Ш-ш-ш, я помню». Лань Сюэр опять понизила голос: «Ты обещал дать мне послушать радио, но так и не сделал это».— «Ш-ш-ш, я помню»,— снова ответил он. К счастью, в этот момент вокруг было шумно, поэтому никто не слышал их разговора.

В главном зале долго не было ни звука. Потом зазвучал саньсянь — это старик приладил новую струну. По идее, он должен был радоваться, ведь в первый же вечер в долине Еян он порвал одну струну. Однако сейчас ему не нравился звук саньсяня — тихий и нестройный.

Прислушиваясь к звукам из соседнего зала, юноша понял, что там что-то не так, и крикнул: «Вода закипела, учитель».

Ответа не последовало, но мелодия становилась все быстрее и быстрее, все напряженнее.

Тогда молодой человек принес учителю горячую воду и, посмеиваясь, спросил: «Вы хотите порвать еще одну струну сегодня вечером?»

Старик не услышал вопрос — перед его внутренним взором вставали картины прошлого. Саньсянь звучал взволнованно, беспокойно, подобно буре в открытом поле, горному потоку в ночной долине или звуку поспешных шагов. Юноша немного испугался: он давно не видел учителя в таком состоянии, но когда старик до такой степени погружался в себя, то обычно у него начинали болеть голова, сердце, а то и все тело, из-за чего он мог несколько месяцев не вставать с кана.

— Учитель, вы пока ополосните ноги.

Саньсянь не умолкал.

— Учитель, вам следует ополоснуть ноги,— голос молодого слепца задрожал.

Саньсянь по-прежнему нервно разрывал ночную тишину.

— Учитель!

Саньсянь со скрежетом остановился, старик вздохнул. Юноша перевел дух: кажется, в этот раз все обошлось. Пока старик ополаскивал ноги, ученик послушно сидел рядом с ним.

— Иди спать,— сказал, наконец, наставник.— Сегодня был трудный день.

— А вы?

— Ты ложись, а я должен как следует вымыть ноги. С возрастом болезней становится все больше.— Старик говорил намеренно спокойным тоном.

— Я подожду вас, вместе ляжем.

В горах царила тишина. Лишь шумели трава и листья у стен, попавшиеся на пути легкого ветерка. Да кошка мяукала где-то далеко. Изредка было слышно, как в ущелье Еян лают собаки и плачут разбуженные ими дети. Взошла луна, лунная дорожка проникла в храм через полуразвалившееся окно, осветив двух слепцов и три глиняных божка.

— Зачем меня ждать? Уже поздно. Не беспокойся за меня, со мной все в порядке. Ты меня слышишь?

Но юноша давно уже смотрел сны. Старик подтолкнул его, чтобы тот лег поудобнее, парень пробормотал что-то, отвернулся и снова крепко заснул. Когда старик укрывал его одеялом, то почувствовал, что за последнее время его ученик сильно развился физически.

Старик прижал к груди саньсянь и начал гладить натянутые струны, приговаривая: «Опять порвал одну струну, потом еще одну...» Затем потряс корпус инструмента, чтобы услышать шорох бумаги,— только он мог избавить его от тоски. Так звучала надежда всей его жизни.

А тем временем молодому слепцу снился прекрасный сон. Проснувшись, он испугался, что получит нагоняй от старика, ведь петух уже прокричал. Он быстро вскочил и прислушался.

К счастью, учитель еще сладко спал. Юноша нащупал дорожную сумку, тихонько вытащил радиоприемник и на цыпочках выскользнул из храма.

Он прошел немного в сторону ущелья Еян, но вдруг почувствовал — что-то не так: петухи больше не кукарекали, в ущелье стояла тишина, не было слышно ни звука. На ум пришла прекрасная мысль включить радио, но и оно молчало. Тогда юноша понял, что сейчас все еще ночь, ведь однажды он уже пытался включать приемник в это время суток. Радио было для него часами: стоило только его включить — и можно было узнать, который час, так как все передачи шли в установленное время.

Когда юноша вернулся в храм, старик повернулся к нему:

— Ты что?

— Писать ходил,— ответил парень.

С самого утра учитель заставил его тренироваться в игре на саньсяне. И только после полудня юноше удалось выскользнуть из храма и пробраться в ущелье Еян. В деревне стояла тишина. Петухи дремали в тени деревьев, свиньи похрапывали, развалившись у стен, солнце припекало, размаривая.

Юноша встал на жернов, чтобы, приподнявшись над забором дома, где жила Лань Сюэр, тихонько позвать ее.

Из дома послышался громовой храп.

Юноша помедлил, затем чуть погромче позвал: «Лань Сюэр! Лань Сюэр!»

Залаяла собака. Храп в доме прекратился, и кто-то произнес глухим голосом: «Кто там?»

Юноша не осмелился ответить, да еще и пригнул голову. В доме кто-то почмокал губами, и снова раздался храп.

Тогда парень вздохнул, слез с жернова и пошел обратно с недовольной миной на лице. Как вдруг услышал за спиной скрип двери и легкие шаги, приближавшиеся к нему.

— Угадай, кто это? — раздался писклявый голосок. Маленькие ладошки закрыли юноше глаза. Это было слишком

смело для такой юной особы, ведь Лань Сюэр не исполнилось и пятнадцати, строго говоря, она была еще ребенком.

— Лань Сюэр...

— Радиоприемник принес?

Молодой человек указал на радио, висевшее на поясе, и прошептал: «Ш-ш-ш, только не здесь, давай найдем поукромнее место».

— Зачем?

— Зачем нам народ привлекать?

— А что такого?

— Если много людей будет слушать радио, то электричество быстро израсходуется.

Окольными путями они пробрались к роднику за горой. Там юноша вдруг спросил Лань Сюэр:

— А ты видела когда-нибудь «извилистый помидор»?

— Что?

— Извилистый помидор.

— А ты сам знаешь, что это такое?

— Конечно. А «зеленая лавка» — это скамейка длинная.

— Кто же не знает, что такое лавка!

— Ну, а «извилистый помидор»?

Лань Сюэр отрицательно покачала головой. Если бы в этот момент юноша видел ее глаза, то понял бы, что она немного преклонялась перед ним. Молодой человек со всей серьезностью, на которую только был способен, включил радио. Веселая мелодия разлилась по долине.

Возле родника было прохладно, и никто не мог побеспокоить их здесь.

— Это песня «Шаг за шагом»,— сказал юноша и начал подпевать. Вскоре заиграла другая композиция — «Гром в засуху», которую парень тоже знал. Лань Сюэр даже стало стыдно, что она по сравнению с ним такая необразованная.

— Эта песня называется «Монах думает о жене».

Лань Сюэр засмеялась:

— Обманщик!

— Не веришь?

— Не верю.

— Как хочешь. По радио часто рассказывают удивительные истории.— Молодой человек опустил руку в источник, чуть подумал и добавил: — Ты знаешь, что такое поцелуй?

— О чем ты?

В этот раз рассмеялся юноша. Лань Сюэр тут же поняла, что имелось в виду что-то нехорошее, покраснела и больше не задавала вопросов.

Когда музыка закончилась, женский голос произнес: «А теперь начинаем программу о гигиене».

— Что? — не расслышала Лань Сюэр.

— О гигиене будут рассказывать.

— А что это?

— Э-э-э... У тебя в волосах есть вши?

— Отстань! Не трогай!

Молодой слепец поспешно убрал руки от ее головы и поспешно объяснил:

— Если есть, то гигиена не имеет к тебе никакого отношения.

— У меня нет! — Лань Сюэр почесала голову, почувствовав, что голова чешется.— Эй, на себя посмотри! — Лань Сюэр оттолкнула голову юноши.— Смотри, каких огромных я поймала!

В этот момент они услышали крик старого слепца: «Юноша, а ну возвращайся! Пора обедать! Скоро нужно будет идти истории рассказывать!» Он стоял на пригорке, прислушиваясь к тому, что происходит вокруг.

В долине Еян уже были сумерки, кричали овцы, ослы, собаки, дети, а над крышами домов поднимался дым из очагов. Над долиной еще виднелся кусочек солнца, тускло освещающий храм.

Услышав голос учителя, юноша вернулся и теперь, стоя на коленях, разжигал огонь. Старик сидел рядом и промывал рис, выискивая песчинки на слух.

— Сегодня хворост сухой,— сказал юноша.

— Угу.

— Будем тушить еду?

— Угу.

После такого сказочного дня парень был полон сил и энергии, ему хотелось поговорить, но он боялся, что учитель все еще сердится на него, поэтому решил не нарываться на ругань. Они молча сделали свои дела, молча приготовили еду. Солнце к этому времени уже ушло из долины.

Молодой человек наполнил чашку рисом и подал ее учителю.

— Поешьте! — проговорил он робким послушным голосом.

Старик, в конце концов, заговорил:

— Юноша, послушай, что я тебе скажу, хорошо?

— Угу.— У молодого человека рот был наполнен едой, поэтому он ответил неразборчиво.

— Если хочешь, я не буду ничего говорить.

— Кто сказал, что я не хочу слушать?

— Я человек бывалый, знаю больше тебя.

Юноша молча ел.

— У меня тоже это было.

— Что — это?

— Опять много болтаешь! — Старик отбросил палочки.

— Мы с Лань Сюэр всего лишь вместе радио слушали.

— А еще?

— Ничего.

— Сомневаюсь...

— Я ее еще спросил, видела ли она «извилистый помидор».

— Я не об этом спрашиваю!

— А потом, потом... — Юноша уже лишился своей бравады.— Не помню уже, почему, мы заговорили о вшах.

— А еще?

— Больше ничего. Правда!

Они молча продолжили есть. Старик учил этого молодого человека уже несколько лет и знал, что тот не умеет лгать. Он успокоился, так как не сомневался в искренности и доброте парня.

— Послушай, осторожность не повредит. Держись от этой девушки подальше.

— Лань Сюэр неплохая.

— Я знаю, но держись от нее подальше. Когда-то давно мой учитель так же говорил мне, я тоже не верил...

— Ваш учитель? Говорил о Лань Сюэр?

— О какой Лань Сюэр?! Ее тогда еще и в помине не было. Тогда вы еще не родились.

Старик снова поднял хмурое лицо к сумеречному небу, безостановочно вращая белыми глазами так, как будто что-то там видел. Юноше невольно захотелось поднять учителю настроение, поэтому он сказал: «Сегодня вечером вы, вероятно, опять порвете струну». Тем вечером два слепца снова рассказывали истории в долине Еян: «В прошлый раз мы закончили историю смертью Ло Чэна — его душа спустилась в загробный мир. Слушайте и молчите, а я расскажу вам, что было дальше. Душа Ло Чэна улетела как вихрь из царства мертвых, и вот уже Чанъань показалась вдали...» Старик играл взволнованно, и юноша тоже — он вспоминал ощущение от двух ладошек, закрывших ему глаза, а еще как Лань Сюэр оттолкнула его голову. У старика же было еще больше воспоминаний...

Ночью учитель ворочался, спал беспокойно — прошлое прокручивалось у него в голове, вызывая волнение в душе. Как будто что-то взорвалось в нем... «Плохо дело, заболею»,— подумал он. Голова кружилась, грудь сдавило, тело словно попало в тиски. Старик сел и приказал себе: «Нельзя раскисать! Если заболею, не смогу в этом году порвать

оставшиеся струны». Он нащупал саньсянь. И ему так захотелось поиграть, показалось, что тогда тоска в душе успокоится и картины прошлого рассеются. Но рядом сладко спал юноша...

«Осталось несколько струн, несколько последних струн,— с болью в сердце думал слепец.— Когда они порвутся, можно будет принять лекарство, а потом увидеть этот мир: горы, на которые он взбирался несчетное количество раз, бесчисленные дороги, по которым он ходил, солнце, чье тепло и жар он буквально впитал в себя, синее небо, луну и звезды... Что еще?» Внезапно в душе образовалась пустота — глубокая, тяжелая. Разве только ради этого он хотел стать зрячим? О, если бы все было так просто... В темноте он мечтал о чем-то значительно более глубоком. Старик прислушался. В горах гулял ночной ветер.

Снова печально ухнула сова.

Немного отвлекшись, сказитель вернулся к своим мыслям. Сейчас он был стар, и неважно, сколько лет ему осталось жить. Он вдруг осознал, что утраченное навсегда потеряно для него. «Стоило ли мучаться семьдесят лет ради того, чтобы напоследок взглянуть на этот мир?» — спрашивал он себя, поглядывая на юношу, который улыбался во сне и бормотал: «Это — лавка, Лань Сюэр...»

Когда петух прокричал в первый раз, старик решил, что, как только взойдет солнце, он уйдет из долины Еян вместе с учеником. Иначе и парень не выдержит, да и сам он не железный. Лань Сюэр наверняка хорошая девушка, но чем может завершиться эта история, старик видел отчетливее, чем кто-либо другой. Услышав второй крик петуха, старик начал собирать вещи.

Однако утром у юноши заболел живот и поднялась температура. Его наставнику ничего больше не оставалось, как отложить отъезд.

Следующие несколько дней старый слепец разжигал огонь, промывал рис, собирал хворост, толок и варил лекарство для юноши, думая: «Стоило, конечно же, стоило того... — Если бы он не повторял это про себя, его жизненные силы моментально иссякли бы.— Я обязательно должен взглянуть напоследок на этот мир». Мысленно уговаривая себя, старик успокоился, иначе не смог бы продолжать рассказывать истории в долине Еян. А юноша тем временем становился все счастливее, ведь когда учитель уходил, Лань Сюэр, как кошка, проскальзывала в храм послушать радио. Она приносила с собой вареные яйца с условием, что юноша даст ей самой вертеть ручку радиоприемника.

— В какую сторону вращать? — спрашивала она парня.

— Влево.

— Не получается.

— Влево, дурочка! Ты что, не знаешь, где лево?

Щелк — и раздавался звук, причем им было совершенно неважно, что именно слушать.

За несколько дней старик порвал еще три струны.

В один из вечеров он, как обычно, играл на саньсяне и пел: «Сегодня расскажу вам не о переселении души Ло Чэна, а о князе Ли Шимине, правителе царства Цинь. Услышав новости, он заплакал, запечалился о том, что погиб его любимый сановник. Но грустил князь не только из-за того, что этот человек умер, но и потому, что теперь у него нет генерала, способного поддержать династию...»

А в храме в горах Еян в это время было весело. Из громко включенного радиоприемника раздавался то плач ребенка, то крики взрослых, то грохот пушек, то звуки горна. Под лунным светом, проникающим в храм, молодой человек, лежа, ел куриное яйцо, а Лань Сюэр сидела рядом. Они слушали радио с большим воодушевлением — то громко смеялись, то затихали в недоумении.

— Где твой учитель купил радиоприемник?

— У человека, живущего за горами.

— А ты был за горами?

— Нет. Рано или поздно я туда доберусь на паровозе.

— Паровозе?

— Ты и о нем не слышала?! Дурочка...

— Эй, я знаю, знаю, что это такое! Из него дым валит.

Немного помолчав, Лань Сюэр добавила:

— Возможно, мне придется поехать за горы.— Голос выдавал ее взволнованность.

— Да? — Юноша сел.— Тогда ты все-таки узнай, что такое «извилистый помидор».

— А за горами у всех есть радио?

— Кто ж знает. Ты слышала, что я сказал? Из-ви-лис-тый по-ми-дор. Это точно за горами.

— Я попрошу там один радиоприемник,— тихо сказала Лань Сюэр.

— Всего один? — Юноша рассмеялся, потом затаил дыхание — и снова захохотал.— А почему не хочешь попросить два? Ты о себе высокого мнения. Знаешь, сколько тысяч стоит радиоприемник? Даже если тебя продать, боюсь, денег не хватит.

Лань Сюэр стало обидно, она схватила юношу за ухо и стала крутить его изо всех сил, ругаясь:

— Хватит, слепец.

Молодые люди сцепились. Три глиняных божка наблюдали за ними со стороны: юные, сильные тела сталкивались, переплетались, прижимались одно к другому. Вскоре ругань перешла в безудержное веселье. Драка утомила Лань Сюэр и ее друга. Их сердца бешено стучали, лежа лицом друг к другу, они пытались отдышаться, не говоря ни слова и не стараясь увеличить дистанцию. Молодой слепец почувствовал искушение, когда Лань Сюэр задышала прямо в его лицо. Он вспомнил слова старика и подул девушке в лицо. Она не уклонялась.

— Эй,— тихонько сказал юноша.— Ты знаешь, что такое поцелуй?

— Что это? — почти шепотом спросила Лань Сюэр.

Юноша сказал ей на ушко. Девушка ничего не ответила. Чуть позже они попробовали целоваться, и это было неплохо...

Именно в тот вечер старик порвал последние две струны. Они лопнули одновременно. Он даже и не предполагал, что так выйдет. Волнуясь, слепец поспешно вернулся в маленький храм. Юноша испугался:

— Что случилось, учитель?

Старик сел, пыхтя и задыхаясь, он не мог вымолвить ни слова. Юноша начал подозревать, что учитель узнал об отношениях с Лань Сюэр.

Но тут старик, наконец, осознал, что все горести жизни стоили того, чтобы хотя бы разок взглянуть на мир.

— Юноша, завтра я поеду за лекарством.

— Еще одну струну порвали?

— Две. Две струны порвались...

Старик снял их, подержал в руках, а затем положил к остальным 998 струнам, связав вместе.

— Завтра уже уедете?

— Как только взойдет солнце — сразу в путь.

Юноша похолодел от такой новости. Тем временем старик начал снимать с корпуса саньсяня змеиную кожу.

— Но я еще не выздоровел окончательно,— пробормотал тихонько молодой слепец.

— О, я об этом думал. Ты оставайся здесь, а я дней через десять вернусь.

Юноша был вне себя от обрушившейся на него радости.

— Ты сможешь пожить один?

— Смогу! — поспешно ответил юноша.

Старик уже давно забыл о Лань Сюэр.

— Еда, питье, хворост — все есть. Если тебе станет лучше, потренируйся рассказывать истории. Хорошо?

— Хорошо.— Юноша почувствовал себя виноватым перед учителем.

Сняв змеиную кожу с корпуса, старик извлек аккуратно сложенную бумагу. Он вспомнил, что ее засовывали в саньсянь, когда ему было всего двадцать лет, и почувствовал холод во всем теле.

Юноша взял рецепт в руки, пощупал его.

— С моим учителем жизнь поступила несправедливо,— проговорил его наставник спустя какое-то время.

— Сколько струн он порвал?

— Мог бы и тысячу, но помнил лишь о восьмистах.

Еще не рассвело, когда старик отправился в путь. Он обещал вернуться не позже, чем через десять дней. Никто и не думал, что слепец задержится так надолго.

Когда старик вернулся в Еян, уже наступила зима. Валил густой снег, блеклое небо сливалось с белыми горными вершинами. Все вокруг было безжизненно, просторы буквально утонули в мертвой тишине. Нельзя было не заметить почерневшую шляпу старика на этом фоне. Он карабкался в горы. Оказавшись во дворике храма, старик услышал лишь, как прошуршала сгнившая листва да прошмыгнула лисица.

Деревенские жители сказали ему, что юноша уже несколько дней как ушел.

— Я ему велел меня дожидаться. Он не говорил, куда пойдет? Не оставил какое-нибудь сообщение?

— Он сказал, чтобы вы его не искали.

— Когда он ушел?

Деревенские думали долго и сошлись на том, что юноша покинул деревню в тот день, когда Лань Сюэр выдали замуж за человека, жившего за горами. Старик все понял...

Его уговаривали остаться: «Куда вы пойдете в такой холод? Лучше оставайтесь в долине Еян, будете рассказывать нам свои истории». Тогда старик указал на саньсянь, и люди увидели, что дека пуста, на ней нет ни одной струны. Да и сам он изменился: его лицо было измождено, дышал он с трудом, а его голос охрип. «Я должен найти своего ученика»,— ответил он.

Если бы не мысль о подопечном, старик не вернулся бы в Еян. Тот рецепт, который он хранил пятьдесят лет, оказался никчемной бумагой. Слепец не поверил, попросил несколько грамотных и честных людей помочь прочитать рецепт, но все они сказали, что видят лишь лист белой бумаги, на котором нет никаких иероглифов. Потрясенный старик какое-то время сидел на ступеньках аптеки. Он думал, что это продолжалось недолго, а на самом деле прохожие натыкались там на него несколько дней и ночей. Его белые как косточки глаза вопрошали небо, а вскоре вместе с ними побелело и лицо. Некоторые думали, что он сошел с ума, успокаивали его, уговаривали, но старик горько усмехался в ответ: «Мне уже семьдесят. Ну и что, если сошел с ума?» Он больше не хотел двигаться, ведь то, что позволяло ему продолжать жить, идти вперед, петь внезапно исчезло. А разве можно сыграть красивую мелодию на плохо натянутой струне? А струны стариковского сердца и вовсе оборвались, погрузив душу в пустоту. Чтобы сыграть на них мелодию души, требовались две точки опоры — стремление и цель, но оказалось, что цель пуста. Старик долго жил в маленькой гостинице, ощущая, как его тело угасает. Целыми днями он лежал на кане, все больше слабея с каждым днем. Когда же кончились все деньги, слепец вспомнил о своем ученике. Он понял, что приближается смертный час, и нужно успеть увидеться с юношей, ожидающим его возвращения.

Посреди бескрайних снежных просторов, устремленных в небо горных вершин, между небом и землей двигалась

черная точка. Если подойти поближе, можно было увидеть, что старик согнулся как мост. Он отправился искать ученика, прекрасно зная, в каком душевном состоянии пребывал сейчас юноша.

Старик и сам пытался воспрянуть духом, но не получалось, ведь цели впереди теперь не было.

Он шел и вспоминал свое прошлое. Только сейчас он понял, какая радость была в тех горах, которые он поспешно проходил, пребывая в приподнятом настроении, в пройденных дорогах, в игре на саньсяне и даже в горестях и печалях. В то время только одна вещь заставляла его натягивать струны души, но она оказалась всего лишь выдумкой. Старик вспомнил, как умирал его учитель. «Поживите еще несколько лет, тогда вы сможете открыть глаза и увидеть мир»,— сказал он — совсем еще ребенок — своему наставнику, когда тот протянул ему саньсянь со спрятанным внутри рецептом. Учитель долго молчал, а потом произнес: «Запомни, жизнь человека похожа на этот саньсянь. Только если струны туго натянуты, можно хорошо сыграть». Только сейчас его ученик понял силу этих слов. Все верно, у него была цель, и только поэтому жизнь била фонтаном и каждый день был наполнен энергией. «Самое важное — получать удовольствие от жизни»,— хотел теперь сказать старик своему ученику. Но вообще-то он сомневался, можно ли все рассказать юноше. Старик нашел молодого слепца в горах.

Юноша лежал на снегу, не двигаясь, в ожидании смерти. Наставник понимал, что горе парня не притворно. Он затащил совершенно обессилевшего ученика в пещеру, набрал хворост и зажег огонь.

Через некоторое время юноша заплакал. Старик успокоился, ведь как бы горько тот ни рыдал, главное, что у него еще остались силы хоть на какие-то проявления жизни. Учитель

понял, что теперь его можно спасти, и наступит момент, когда юноша перестанет горевать.

Юноша плакал несколько дней и ночей, а старик, не говоря ни слова, был рядом. Огонь и рыдания потревожили дикого кролика, фазана, горного козла, лисицу и ястреба...

В конце концов, юноша заговорил:

— Почему мы слепцы?!

— Только потому, что мы слепцы,— ответил старик.

— Я хочу открыть глаза и посмотреть, учитель! Пусть даже один раз.

— Ты действительно так сильно этого хочешь?

— Правда, правда, хочу...

Старик развел костер посильнее.

Снег прекратился. Солнце, проглянувшее на сером небе, напоминало зеркальце. Над слепцами спокойно парил ястреб.

— Тогда играй на саньсяне,— произнес старик.— Играй изо всех сил.

— Учитель, вы нашли лекарство? — вдруг вспомнил юноша.

— Запомни, следует порвать струны по-настоящему, во время игры, только тогда лекарство подействует.

— Вы уже можете видеть? Учитель, вы можете?!

Юноша попытался встать, протянул руку, чтобы потрогать глазницы учителя, но старик перехватил его руку.

— Запомни, нужно порвать тысячу двести струн.

— Тысячу двести?

— Дай свой саньсянь, я спрячу рецепт в корпус инструмента.— Старик только сейчас понял слова учителя о том, что наша жизнь похожа на саньсянь.

В жизни каждого человека должна быть цель — пусть даже и выдуманная. Иначе как натягивать струны?

— А почему тысячу двести, учитель?

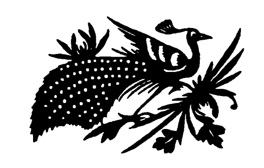
— Тысячу двести. Я не оборвал все.— Старик подумал, что как бы часто юноша ни брал в руки саньсянь, наверняка

не успеет порвать столько струн. Он понадеялся, что его ученик всю жизнь будет играть веселые мелодии, и не придется ему увидеть ту пустую бумагу...

Это было в глухом, пустынном месте, в царстве горных вершин, где из бурьяна в любой момент мог вылететь фазан, выскочить дикий кролик, лиса или другой дикий зверек, а в небе парили ястребы и орлы.

Впрочем, давайте вернемся к началу.

В горах, покрытых серым туманом, шли два слепца — старый и молодой. Их выгоревшие соломенные шляпы, покачиваясь, быстро передвигались вперед, как будто подхваченные неспокойным течением реки. Не важно, откуда они пришли, и куда направлялись, не важно, кем они были...

乡场上

Хэ Шигуан

В ДЕРЕВНЕ

В нашей деревушке Лихуатунь, расположенной в горах Умэншань, этот здоровенный сорокалетний мужик по имени Фэн Яоба слыл известным пьяницей, голодранцем и совершенно ничтожным человеком. Последние годы одним чертям было ведомо, как он перебивался триста шестьдесят пять дней в году, селяне об этом даже не задумывались. Что же случилось теперь? Его вытащили невесть откуда, и вот растерянный Фэн Яоба в ожидании вопросов партсекретаря бригады стоял между двумя женщинами. Оказавшись свидетелем их ссоры, Фэн Яоба в один миг приобрел большую значимость — смех, да и только!

— Фэн Яоба, сразу после завтрака — то есть когда была перемена для завтрака — проводил ли ты в то время вола мимо школы?

Это был вопрос бригадного секретаря Цао Фугуя. Дело произошло в деревне, поэтому можно было обратиться к нему либо партсекретарю деревни Суну; по традиции случай

требовал участия арбитра. Но все, кто собрался, как один понимали, что симпатии Цао были на стороне Ло Эрнян. Вы не смотрите, что секретарь одних лет с Фэн Яоба, одет по-крестьянски — простая куртка с застежкой посередине, голова подвязана белой косынкой,— уж он-то порядок знает! В такой деревне, как Лихуатунь, где единственную улицу можно взглядом окинуть, все друг друга знают испокон веку, от кого тут скроешь свою подноготную?

Фэн Яоба заморгал, пригладил рукой растрепанные волосы и, как обычно ухмыляясь, сказал:

— Живем на одной улице, чего так ругаться-то?

Люди вокруг дружно рассмеялись. Дело происходило сразу после завтрака, до работы оставалась еще четверть часа, и на узенькой улочке собралась добрая половина жителей поселка. Как брошенный камень способен вызвать круги на воде и нарушить казалось бы недвижную гладь, так и в деревне любое происшествие привлекало всеобщее внимание. Объяснялось это, с одной стороны, тем, что народу было действительно немного, и любой мог совершенно неожиданно оказаться к делу лично причастным, а с другой стороны, в деревне действительно не хватало развлечений! Разве не видно, что этот Фэн Яоба хитрит? Не факт, что его слово — надежное свидетельство.

— Итак! Скажи, ты проходил или нет?

— Так говорите... после завтрака?

— Когда была перемена для завтрака!

— А, вел ли вола?

— Вот именно!

Фэн снова протянул руку и почесал голову, ему вдруг стало весело, и он осклабился, как будто чего-то стеснялся, чем вызвал очередной взрыв смеха.

В этот момент стоявшая рядом с ним низенькая толстуха, та самая Ло Эрнян, холодно усмехнулась и бросила в адрес худой женщины напротив:

— Фэн Яоба, она говорит, что ты там был и все видел! Говорят, ты видел, что мой сын настолько подлый, что позарился на чужую копеечную безделушку, и теперь его надо высечь!

Стоило ей открыть рот, как возникшая благодаря Фэн Яоба атмосфера веселья сразу рассеялась; все вновь вспомнили о происшествии и нахмурились. Так уж повелось: где бы ни раздавался ее голос, сердце каждого человека замирало словно от раскатов грома, люди ощущали подавленность и уныние, будто оказавшись в кукурузном поле после жатвы. Да вы только посмотрите на эту тетку, неряха, настоящее посмешище, не так ли? Ей за тридцать, лицо и волосы отродясь не мыла, напялила на себя две куртки, верхняя вся в масляных пятнах, при других обстоятельствах ее засмеяли бы! Здесь же, в Лихуатуни, она была королевой, ведь ее муж служил учетчиком в деревенской конторе по закупке и продаже продовольствия, мясо продавал... Никто не верил, что та худая женщина или ее ребенок осмелились бы задеть кого-нибудь из этой семьи. Ее муж Жэнь Лаода давно работал в начальной школе простым учителем, куда ему тягаться с Ло? Суровая жизнь в деревне четко расставила этих женщин по разным местам. И хотя своей абсурдностью ситуация походила на дурной сон, она была жесткой реальностью. Все знали, что Ло Эрнян — бездушный тиран, и потому переживали за жену Жэнь Лаода...

— Скажи же правду, Фэн Яоба! Ведь мой ребенок действительно не...

Жена Жэнь Лаода робко смотрела на Фэна, моля его о помощи. Бедная женщина вышла за учителя, в деревне у нее никогда не будет авторитета. Ее одежда, как и ветхий домишко, печально приткнувшийся у входа в деревню, вечно нуждались в починке. Лицо ее было настолько изможденным, что, казалось, на нем остались лишь острый подбородок и пара темных потухших глаз. Вида она была хилого, по

характеру робкая и застенчивая, и если бы не крайнее отчаяние, она никогда бы не осмелилась впутать в эту историю Фэн Яоба.

Ло Эрнян тут же перехватила инициативу:

— Что не?.. Не дрался, да? Моего сына в деревне уже ни во что не ставят? Посмотрим! Да скорее собака откажется грызть кость! Считаешь себя равной? Да тебе до нас ой как далеко...

Чуть раньше она уже изливала подобные ругательства у дома Жэнь Лаода. Если за день ей не предоставлялся случай выматерить кого-нибудь, она считала это ударом по своему авторитету. Теперь она требовала, чтобы жена Жэнь Лаода вместе с дочкой отправились за деревенским врачом, оформили рецепт, оплатили лекарство, а если местное лечение не поможет, то пускай едут в уездный, окружной центр или даже всей провинции! Нрава она была такого, что всех хотела проучить. Это было действительно жестоко — если дело раздуется, разве бедная пострадавшая это вынесет?

— Не надо кричать, Ло Эрнян, криком правды не добьешься! — размеренно молвил секретарь Цао, прерывая ее. В отличие от Ло Эрнян, он, конечно, все продумал.

— Раз жена Жэнь Лаода говорит, что Фэн Яоба был там, то пусть Фэн все расскажет, дело прояснится, и мы его легко решим. Говори, Фэн Яоба!

— Сегодня утром,— неуверенно начал тот,— я пахал... на поле, что мне поручили в этом году.

Он снова осклабился, хотел хохотнуть, но передумал.

Было совершенно ясно, что он видел все, но не осмеливался говорить. В последние годы крестьяне, скажем напрямик, стали считаться в деревне людьми низшего сорта, Фэн же был из них самым непутевым. У него была жена, шестеро детишек, а он отлынивал от работы в поле. «Чего ради? — говорил он, привычно покачивая головой.— Работай, не работай, результат разве не один и тот же? Соберешь несколько зерен, их и

воронам с воробьями на прокорм не хватит. Пусть у вас будет такое зерно или сякое, но по большому счету, все вы такие же голодранцы, как и я». Он не хотел выкладываться в поле, а другого ничего делать не умел. Заняться разведением свиней или торговлей — на это у него не было капитала, к тому же он усматривал в таких занятиях «нарушение законов Неба». Когда же осенью распределяли продукты по трудодням, то зерна ему дали совсем немного, а он из полученного еще один-два шэна[1] продал, чтобы купить пол-литра водки и напиться вдрызг, закусывая доставшейся на его долю свиной требухой. «А чего? — огрызался он на тех, кто пытался его увещевать.— Только вам можно? А я, Фэн Яоба, не человек, мне только воду пить положено?» Напившись, он начинал всхлипывать, а протрезвев, вновь на всех лыбился. Еще до прихода весны ему приходилось клянчить у секретаря Цао зерно из запасов, а затем, распустив слюни, бесстыдно просить помощи у односельчан, занимать по полшэна проса или по чашке рисовой сечки. Он готов был бегать по чужим поручениям, переносить больных. Когда Ло Эрнян зазывала гостей, он расставлял столы и стулья, а затем там же и ел. Ему ведь потом придется руку протягивать, умолять о помощи, как же он осмелится кого-либо обидеть? Он не может позволить себе поссориться с таким авторитетом, как Ло Эрнян. Но когда обидишь такого несчастного, как Жэнь Лаода,— если Небо не прогневаешь, сам покой потеряешь. И что прикажете ему делать в такой ситуации?

— Если ты был там, то скажи, что был,— серьезно велел ему секретарь Цао,— а если не был, то скажи, что не был!

— Я... возвращался с поля...

— Эй, Фэн Яоба,— взвизгнула Ло Эрнян,— так ты точно там был? Ну, тогда все в порядке! Скажи, ты действительно все видел? И что, все было так, как говорит Жэни?

---

[1] Шэн — мера объема зерна, равная 1 л.

На самом деле Фэн Яоба еще не подтвердил, что был там, но у Ло Эрнян лопнуло терпение. Она была твердо убеждена, что Фэн Яоба не осмелится пойти против нее. В ее глазах Фэн был вроде деревенской собаки, которая виляет хвостом только ей. Однажды Ло Эрнян дала ему свиные кишки, так он был готов за это глубокой ночью идти в другую деревню за ее напившимся мужем. В холода не она ли сама посыла за Фэном? Что уж говорить о том, чтобы он принял ее сторону в этом споре. Да за пару килограммов костей он бы людей для нее искусал. Разве пристроить ребенка на завод не стоит всего лишь половину свиньи? Где уж тут вякать этому Фэн Яоба?

Фэн торопливо добавил:

— Я и говорю, что ...

...Эх, он действительно не решался говорить, и собравшиеся начали испытывать нетерпение.

Люди сочувствовали Фэн Яоба. Думаете, что, задев Ло Эрнян, обижаешь только ее семью? Если бы так, то особой храбрости и не требовалось. Нет, дело обстояло далеко не так просто! Если ты задеваешь один авторитет, то тем самым выражаешь неуважение ко всем власть предержащим. Не смотрите, что наша деревня маленькая, захудалая, находится на отшибе, со всех сторон окружена необъятными заливными полями, а неподалеку проходит темный горный хребет. Для нас, мужчин и женщин Лихуатуни, это целый мир. Например, если тебе не удалось купить в единственной лавке полбутылки керосина или кусок мыла, то и не надейся достать их в другом месте... И если ты обидел Ло Эрнян, то сразу почувствуешь, как к тебе охладеет Лао Чэнь из магазина, и тогда ночью ты останешься без света, и одежду нечем будет постирать. Не говоря уже о том, что в феврале секретарь Цао росчерком пера откажет в зерне, так что ты загнешься от нужды. В отчаянии соберешься на следующий день пойти к деревенскому партсекретарю Суну, но вечером случайно узнаешь, что тот

только что тащил от Ло Эрнян какой-то мешок... Нет, эта деревушка управлялась как кооператив, у каждого своя доля; за каждой мелочью скрыто много такого, чего ты и представить не можешь, а узнаешь что-нибудь ненароком — и диву даешься. Как быть, если тебе здесь дальше жить, из деревни никуда даже при желании не денешься, и детям твоим тоже, скорее всего, здесь же расти?.. Ведь не один великий герой пасовал и смирялся перед лицом нескольких чудищ. А раз так, то уж в такой деревушке не стоит требовать невозможного от Фэн Яоба и упрекать его в трусости...

Ло Эрнян хмыкнула:

— Так значит, ты говоришь, что...

Фэн Яоба через силу улыбнулся. Им действительно охватило отчаяние. Как может он, мужчина, под давлением какой-то тетки так пасть духом, чтобы выкручиваться подобно девчонке? Он перенес тяжесть тела на другую ногу, встал поустойчивее, как будто прежняя поза мешала ему говорить, но так и не произнес ни звука. Стоял погожий весенний день, пели иволги, деревня блестела под солнечными лучами. Фэн Яоба как будто охватил жар, и тонкие струйки пота потекли по его широкому квадратному лицу.

Ло Эрнян не унималась:

— Что бы там ни было, говори, наконец!.. А то выходит, будто действительно мой сынок виноват!

— Фэн Яоба,— шагнул вперед секретарь Цао и прикурил только что скрученную папиросу.— То, что ты был там, нам сказала дочка Жэней. Если это так, то скажи, что был, а коли нет — скажи, что не был! Ты несешь ответственность перед народом, ответственность перед семьей Жэнь Лаода и, конечно же, ответственность перед Ло Эрнян. Ты все понял?

Слова секретаря прозвучали весьма тактично, но не помешали окружающим уловить в них скрытое давление на Фэн Яоба. Фэн вновь сменил ногу, ему никак не удавалось принять удобную позу.

Такое развитие событий ни к чему хорошему привести не могло. Понимая сложность ситуации, некоторые стали сочувственно или нетерпеливо просить:

— Фэн Яоба, рассказывай!

— Что там за дело? Что может быть страшного?

— Говори, коли есть что сказать, да пойдем на поле, работы весной невпроворот...

Разумеется, как и слова секретаря, эти реплики были вполне сдержанными, но очевидная симпатия односельчан давила на Фэна дополнительной тяжестью.

Что они могли сделать? Фэн Яоба, похоже, решил отмалчиваться. Не зная, как быть, он вздохнул, сделал несколько шагов в сторону, сел на корточки под карнизом соседнего дома, скрестил руки на груди и в задумчивости вперил взгляд вперед. В подобной позе, сладостно сощурив глаза, он часто грелся на солнышке у ворот своего дома. Сегодня же он чувствовал себя не в своей тарелке,— как должник, найденный кредиторами, которым нужно тут же выложить огромную сумму, а у него кроме пары рук ничего нет, и остается лишь ждать приговора. Эх, никому не пожелаешь попасть в подобное положение; если ты в чем-то уступаешь другим, то даже мелочь оказывается тяжким грузом, и ты не осмеливаешься сказать правду!

Маленькая улочка на мгновение погрузилась в безмолвие. В небе над деревней проплывало круглое облачко. Низко пролетела щебечущая ласточка... Издалека донесся крик кукушки.

После короткой передышки Ло Эрнян возобновила свои угрозы и ругательства. На этот раз она совершенно вышла из себя. Раз Фэн Яоба молчит, не означает ли это, что правда на ее стороне? А тут ее на людях оскорбляют, и кто, Фэн Яоба, который здесь хуже собаки, да как он смеет?

— Эй! Фэн Яоба, скажи, человек ты или нет? Что онемел? Чем я, Ло Эрнян, тебя обидела? Будь ты даже собакой, и то должен подать голос!

За этим последовала грубая ругань. Казалось, что она уже оставила в покое жену Жэнь Лаода и видела обидчиком Фэн Яоба.

— Не надо ругаться!

— ...его ведь в свидетели позвали...

Раздавались голоса с увещеваниями, многие воистину не могли вынести такого потока брани.

— А я буду ругаться! Мое слово здесь покрепче любого! Кто тут самый смелый, выходи и говори, или не пеняйте потом, что Ло Эрнян обозналась!

Что касается Фэн Яоба, то он опускал голову все ниже и ниже и по-прежнему молчал. Ох уж этот Фэн, задавили его, беднягу. Все ему сочувствовали.

Ло Эрнян продолжала браниться. Эта злобная курица то подбоченивалась, то топала ногами, то хлопала руками по бедрам, а еще беспрерывно фыркала и брызгала слюной в лицо Фэн Яоба.

— По-моему,— вновь заговорил секретарь Цао,— Фэн Яоба, ты должен сказать правду! Уже четыре года как свергли «банду четырех» [1], теперь не годится чего-то там скрывать...

Его увещевания в конце концов привели к тому, что Фэн поднялся и сделал шаг.

— Вот и правильно,— поддержал секретарь,— хоть дело тебя и не касается...

Фэн все так же молча кивнул головой и неторопливо вернулся назад; казалось, он вот-вот расплачется. Как говорится, на ложь идут люди, загнанные в угол,— неужели и ему придется оболгать бедную и беззащитную семью учителя?

— Секретарь Цао,— его дрожащий голос звучал странно,— так ты хочешь, чтобы я все рассказал?

---

[1] «Банда четырех» — политическая группировка. Осенью 1976 года была арестована по обвинению в организации заговора с целью захвата власти и обвинена в развязывании десятилетия террора.

— Уже полдня ждем этого!

Фэн вновь кивнул и остановился.

— Я, Фэн Яоба, как вы все знаете,— сердце его сжалось, он заговорил медленно, с трудом подбирая слова,— в деревне и за человека-то не считаюсь... Как кто-то сказал, я вроде собаки! Я гол как сокол, и что мне остается делать? Все вы видели... не осталось ко мне уважения...

Что это с ним? Все пришли в изумление, затихли и уставились на него.

— Год назад,— продолжал он,— мне распределили проса и кукурузы на несколько сотен цзиней [1] больше обычного — считай, что на приличную кормежку для семьи достаточно. Еще было несколько десятков цзиней клейкого риса, как сказала жена, на цзунцзы [2] для детишек. А еще тогда как раз выросла картошка, да несколько кочанов капусты. Государство выдало премию за сдачу риса, а на своем участке еще и рожь осталась. В прошлом году никто не заставлял нас заливать истощившиеся поля, чтобы получить дополнительный урожай, поля напитались влагой как надо. Когда крестьянам дали самостоятельность, работать на поле стало проще. Если семена посажены, то и просо прорастет, и кукуруза поднимется...

Ло Эрнян перебила его:

— Фэн Яоба, ты что-то совсем язык распустил, этак тебя далеко занесет!

Ко всеобщему изумлению, Фэн резко повернулся, топнул ногой и с налившимися кровью глазами громко заорал:

— Секретарь Цао! В этот раз зерно из запасов, будет оно или нет, я у тебя просить не стану, и ничего для меня от этого не изменится!

---

[1] Цзинь — мера веса, равная 0,5 кг.

Цзунцзы — традиционное блюдо, которое китайцы готовят на летний праздник Дуаньу, представляет собой сладкий клейкий рис, завернутый в листья тростника.

Люди никогда не видели, чтобы Фэн Яоба так буйствовал, все замерли. Его широкое лицо вдруг напряглось, позеленело, он заскрипел зубам и этим не на шутку перепугал нескольких человек.

— Должен ли я, Фэн Яоба, есть мясо или нет? — И, ударив себя в грудь, сам ответил: — Должен! И как с этим быть? Купить! Продам капусту и куплю детишкам пару цзиней мяса, и, поверьте, для этого я точно не пойду к Ло! Сейчас в деревне по-прежнему режут свиней, но теперь это не отдано только в руки продуктовой конторы, а позволено всем. Пусть чуть дороже, но ты сам выбираешь, жирный тебе нужен кусок или постный. Скажу начистоту, это не то что в прошлые годы, когда доставались только разные остатки: это нельзя, то не продается, это припрятано под прилавком, а то за дверью. Видел я, как Ло справляется со своей работой! В этом же году ваш покорный слуга...

— Фэн Яоба, ты чего несешь, какой ты покорный слуга?

— А тебе какое дело? Может, тронешь меня? Хочешь распустить руки, так давай попробуй сейчас! ...Ваш покорный слуга несколько лет назад был не то человек, не то дух, натерпелся в жизни достаточно! К счастью, за эти два года правительство развязало нам, крестьянам, руки, и если кто будет еще на меня лаять, я больше церемониться не стану!

Секретарь Цао хотел было вмешаться:

— Ну, Фэн Яоба....

Но тот сразу же перебил:

— Вот не надо этого. Держи свои чертовы приемчики при себе. Хочешь определить меня в отряд по перевоспитанию? Или пошлешь в канун Нового года чинить ирригационные канавы? Не выйдет! Больше твои фокусы не пройдут... Служишь чиновником, ну и будь им десять лет, и за эти десять лет ты не найдешь на мне, Фэн Яоба, преступления. Я буду работать на поле, это нам сейчас позволено правительством, и посмотрю, что ты сможешь со мной сделать.

— Да ты... ты...

— Что «ты»? Ты ведь хотел, чтобы я был свидетелем? Так вот, я был там все время. Почему у нас за человека считают только сынка из семьи Ло? Он взял вещь, принадлежащую ребенку Жэня, и не только не хотел возвращать, но и на увещевания окружающих отвечал бранью. Никто его не бил. А сын Жэней не только и пальцем его не тронул, но и слова худого не сказал в ответ! Ну что, теперь ты все услышал?!

Произошедшее было столь неожиданным, что на мгновение все замерли, а затем раздался взрыв мужского и женского смеха; вся деревня вздрогнула. Постепенно он перешел в гомон и споры подобно тому, как после раскатов грома с шумом падают первые капли и начинается ливень. С другой стороны, это напоминало танец с драконовыми фонарями в первом месяце года, когда маленькую деревушку сотрясали взрывы хлопушек! ...Оказывается, вот что было на уме у Фэна, когда он сидел на корточках и молчал, воистину мы его недооценивали! Да, это так, именно так! Всех охватила такая радость, как будто они только что завершили высадку рассады...

А Фэн вдобавок повернулся и со всей серьезностью объявил жене Жэнь Лаода:

— Передай учителю Жэню, что не били никого! Я, Фэн Яоба, своими глазами видел! Мы, крестьяне, не то, что это чертово отродье...

Осипшим голосом Ло Эрнян бросила:

— Хорошо, Фэн Яоба, ты запомни...

Но ее голос потонул в веселом смехе, сквозь который прорывался лишь уверенный голос Фэн Яоба:

— Если нынешняя политика не будет, как в прежние времена, постоянно меняться, не будет зажимать нас, крестьян, тогда у меня, Фэн Яоба, будут силы, и чего мне тогда бояться?

Объявив, что у него много дел, он повернулся и решительными шагами зашагал прочь. Глядя на его широкий силуэт, все как один подумали: «Верно, ведь с прошлого года Фэн

Яоба изменился, напивался редко, а работать стал лучше. Разве не купил он прошлой зимой новые армейские ботинки большого размера? Именно в таких случаях в народе говорят: „Когда в закромах зерно, тогда на душе тепло, стоишь на ногах прочно, радость будет точно“». Вот и он, надев ботинки Освободительной армии, освободился душой, безысходные дни царящей несправедливости прошли и давно рассеялись как дым. Солнце разогнало тучи над деревней, и она постепенно стала преображаться, а плечи крестьян распрямляться...

Эта совершенно обыденная ссора потешила жителей Лихуатуни. Как бы ни скандалила Ло Эрнян, все посмеялись, пришли в хорошее настроение, а потом быстро разошлись. Весной в деревне работы невпроворот, их ждало много дел, и дружной гурьбой мужчины и женщины поспешили на поле...

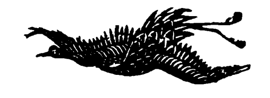

Таблица китайских мер

Жэнь — мера длины, равная около 2,5 м
Му — мера площади, равная 1/15 га
Ли — мера длины, равная 576 м
Лян — мера веса, равная 37,301г
Фынь — мера длины и площади, равная 0,1 цуня, 0,01 чи, 0,1 му
Цзинь — мера веса, равная 0,5 кг
Цинь — мера площади, около 6 га.
Цунь — мера длины, равная 3,2 см
Цянь — мера веса, равная 3,73 г
Чжан — мера длины, равная 3,2 м
Чи — мера длины, равная 0,32 м
Шэн — мера объёма, равная 1,04 л

Содержание

Литературно-художественное издание

Современная китайская проза.
Жизнь как натянутая струна

Антология составлена
Союзом китайских писателей

Ведущий редактор *А. Р. Галль*
Ответственный редактор *Е. А. Суринова*
Художественный редактор *О. М. Бегак*
Технический редактор *В. В. Беляева*
Верстка *О. К. Савельевой, Т. Ю. Алиевой*
Корректор *В. Н. Леснова*

ООО «Издательство АСТ»
170002, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, д. 27/32
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Астрель-СПб»
197373, Санкт-Петербург, Комендантский пр., 34,
корп. 1, ЛИТЕР А
E-mail: mail@astrel.spb.ru

Издано при участии ООО «Харвест». Лицензия № 02330/0056935 от 30.04.2(
Республика Беларусь, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
Республика Беларусь, 220013, Минск, пр. Независи ости, 79. Заказ 2092.

Открытое акцион рное общество
«Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
Республика Беларусь, 220600, Минск, ул. Красная, 23.